

Анатолий Шепитько

ЛЮБОВЬ И СЛЕЗЫ

Художественно-
драматический роман

Средне-Уральское
книжное издательство
2007

ББК 84Р7
Ш48

ISBN 5-7529-0804-3

© Шепитько А.С., 2007
© Средне-Уральское
книжное издательство, 2007

ОТКРЫВАЯ ДВЕРЬ В ПРОШЛОЕ

Написание семейной хроники в художественном варианте отчаянно сложная работа, одновременно делающая честь прошедшему времени и самому автору. Как говорила Агата Кристи, каждый англичанин хранит неприятную семейную тайну, в его душе есть мрачный подвал, скрывающий привидения прошлого. Анатолий Савельевич Шепитько раскрывает некоторые тайны, подбирая особенности прошедших лихолетий на русском, украинском и польском языках. Прочитав сто семьдесят семь рукописных страниц, обратил внимание на умение писателя тонко поворачивать сюжетные линии в истории семейной жизни...

Мне всегда было интересно знать: какая должна быть сила духа у автора, каким неутолимым должно быть чувство долга перед теми, кто жил до нас, чтобы описать прошлое и снова вместе с ними переживать пройденное? Да, надо благодарить судьбу за то, что есть такой Анатолий Шепитько, который сумел познакомить нас с бедами, счастьем, слезами и солью одной семьи.

Есть художники, развитие которых подталкивается полемикой с определенными установками, уточнением или опровержением собственных былых представлений. Есть художники, развитие которых остается прежним, застопоривается на одном месте. Есть художники, развитие которых идет медленно и трудно, но взрыв таланта уже предопределен. Что выберет автор, что скажет людям, которые ждут от него хорошей работы?

Историческая проза — как проза — в какой-то мере вторична. Вторичность заключается в том, что работа писателя с течением времени становится своего рода фотографией эпохи и по ней можно судить о том, как жили люди в это время, что они чувствовали, какова была их психология.

Исторический роман — это взгляд на историю глазами сегодняшнего дня. Исторический писатель показывает то, как понимается история и воспринимается прошедшее в настоящем времени. Но подобная вторичность совсем не отменяет Майн Рида или Джека Лондона, они совершенно не устарели, и на их сочинениях воспитывался и я. Просто в наше время изменилась конструкция общества. Карамзина и Соловьева читают некоторые из нашего поколения, а наши дети, потрогав приличные фолианты Ключевского руками, стараются держаться подальше от них. Им привыч-

нее держать в руках пульт от телевизора, а не книгу, не думать, ибо экран преподносит все удовольствия, происходящие в мире.

Исторический роман предоставил А. Шепитько наибольшую свободу в передаче жизненного материала. Зная, что роман — при видимости свободы в то же время и ответственный эпический жанр, автор сделал моментальные снимки фрагментов действительности той поры, уже ставшей историей. Ему удалось восстановить имя деда, прадеда и многих других людей из своего рода.

Приметы времени служат, прежде всего, красочным фоном для нравственной интерпретации событий. Выбор эпохи согласуется с принципами восприятия истории, как веры в Отчизну: надо знать, что любишь; чтобы знать настоящее, нужно иметь сведения о прошедшем. Мне кажется, что и он был участником и свидетелем описанных событий, так как родился там и бывал во многих указанных местах в недавние времена. Видимо, это уготовано судьбой — пройти по жизни, побывать в различных местах Земли, чтобы потом, сегодня и завтра, оправдывать свое присутствие в этом мире.

Собственно, писатель начинается с создания художественного образа. Знание фактов — это материал. А затем, как только начинаешь представлять образ человека, пусть еще в тумане, начинается писательское творчество. Оно начинается тогда, когда сидишь и думаешь — почему наш герой поступил так-то и так-то, когда по всей логике должен был делать иначе. И автор, связывая в памяти рассказы родственников, их гостей и прочитанное, объясняя прошедшие события, осмысливая ситуации и что-то домысливая за героев, создает повествование — частичку истории своего рода.

История прошлого всегда интересна и удивительна. Открытость и колоритность действующих лиц, чарующая прелесть, могучее величие обстановки и мест действия как бы сами просятся на кончик пера. Словами своих родных автор описывает прошедшую эпоху, которую можно условно разделить на три части: характеристика народа; личность, определяющая ход истории; время и пространство. Маленький роман имеет целью, по возможности сжато и полно, представить все эти моменты в истории отдельного рода Шепитько. Ослабевший за последнее время в обществе интерес к прошлому своего народа побудил автора приложить старание к воспроизведению событий таким образом, чтобы они были как можно ближе к истинной действительности. С целью наибольшей точности в описании отдельных персонажей он ограничил количество фигур, подчеркивая их особую значимость.

В элегическую атмосферу романа автор с самого начала ввел конкретику. А иначе и не может быть, ведь события его произведения развиваются в определенном географическом пространстве, где он родился, вырос, прожил определенное время, где ему доводилось бывать сейчас. История становится предметом изображения, а не декоративным фоном для отчета. Героями выступают члены семьи Шепитько, где каждый вносит лепту в становление рода. Через них автору дается благодатная возможность рассказать о подлинных событиях минувшего времени во всем их трагизме и блеске.

Роман выделяется своей житейской основой, которую автор сумел использовать для выражения автобиографических мотивов и ощущений. Тем более, что эта форма предоставляет ему удобную возможность сочетания высокого предмета вечных истин с прозой повседневной жизни. Исповедальный характер написанного опирается на монолог пожилого человека, нравственное кредо которого «добродетель есть вершина любого деяния».

Чувствуется заметное влияние на автора украинской истории, выделяется стремление найти поучительные моменты в прошедших событиях. Показана потребность высшего патриотизма, желание найти его в своих современниках. Используя эти творческие принципы, А. Шепитько с большой художественной силой воплотил их в исследовании истории своего края.

Автор не выдумывает, просто искусно комбинирует, ставшие со временем обширными, свои познания в этой области с реальностью и, придавая удивительную достоверность работе, доказывает тем самым, что прошлое не существует само по себе — оно в душе того, кто следует ему.

Поучительные события давно минувших дней есть центр познаний автора и единственное условие творческого развития. Не нужно пытаться сравнивать его с известными авторами, а его работу расценивать как подражание великим писателям. Мне кажется, что маленький труд, проникнутый огромной любовью к своему роду, соответствуют словам известного римского поэта: «Feci quod potui; fasiant meliора potentes. (Я сделал, что мог; кто может, пусть сделает лучше.)

Автора интересуют внутренний мир и противоречивые проявления родственников и отношения между ними. Он слушает людей, наблюдает за процессами, высказывает свои мысли. Старается разобраться и понять хитросплетения политики того времени и объяснить прошедшее своими словами. Украинская историческая

проза А. Шепитько, тесно связанная с русской культурой, это своеобразный синтез русского языка и украинского образа мышления, обусловившие написание собственного романа. Мне кажется, здесь есть много поучительного, а самое главное, открывается мир неумно-любопытного человека, тонко анализирующего ситуацию.

Много я думал над тем, что означают слова «Открывая дверь в прошлое», и понял — это итог сжатого во времени события, значимого для целого поколения рода Шепитько. Начался отсчет нового XXI века и нового тысячелетия. Каким оно будет, третье тысячелетие для них, — вот главный вопрос. На развалинах прошедших веков возвышается его родина, где стоят новые дома, под крышей которых рождаются и вырастают сотни людей рода Шепитько. Поэтому, считает автор, обязанность каждого человека состоит в том, чтобы крепить этот дом, сохранить то, что еще осталось от прошлого, а главное — душу и возможность духовного поиска. И слава Богу, что Родина и духовный поиск для А. Шепитько неразделимы. Есть ради чего работать, творить и есть надежда.

Порадуемся по-хорошему, за спиной у автора приличное количество лет. Родившись перед Великой Отечественной войной, он прошел тяжелую науку жизни, познав нищету и голод военных и послевоенных лет. Из XX века пришел опытным бойцом, шагая сквозь тернии и преграды в XXI век. Скорее мудрым странником, идущим из века в век, в глубь веков, мимо веков и зыбких силуэтов прошлого, раскрошившихся развалин, что выстроились в его памяти, как свидетели тех давних времен. А. Шепитько взял в руки волшебную, словесную кисть, заполняя провалы, цементируя бреши в исторических знаниях о роде, чтобы укрепить стены, починить крышу родного дома. Призрачное прошедшее постепенно обретает определенные очертания. Оживают слова, сливаются в голоса, начинают двигаться вместе с героями, окружают нас, втягивая в споры, трагедии, страсти. Возможно, его реальные герои не делали в точности тех многодавних шагов так, как воспроизвел автор, но я чувствую всем своим нутром, что они шли по тому же пути.

Книга написана внуком деда для детей и внуков, которые передадут ее дальше своим детям и внукам. Для широкого круга читателей России и зарубежья.

Амирсеит Даутбеков,
почетный работник Министерства образования РФ,
член Союза писателей России

ОБ АВТОРЕ И ЕГО КНИГЕ

Анатолий Савельевич Шепитько родился 5 июля 1940 года в селе Клиновое Артемовского района Донецкой области Украины.

Вся собранная автором информация о родителях, родных, предках и знакомых является уникальной. Стержнем работы стали воспоминания его матери Марии Федотовны о себе, родственниках и окружавших ее людей, о которых она рассказывала ему еще в его детские, юные годы.

Перед А. Шепитько стоял и стоит один вопрос — как сделать так, чтобы все перипетии жизни героев данной книги узнал как можно более широкий круг читателей его родной Украины. Со своим повествованием автор хотел познакомить и людей не менее любимой России, в которой и проживает по сей день.

В детскую память автора прочно врезались события прошлого времени, прожитых и пережитых лет, ни с чем не сравнимых бедствий и лишений не только его детства, но и многих поколений рода Шепитько, уже ушедших в мир иной.

Автор помнит годы лихолетья, значимые для всего человечества, а именно Великую Отечественную войну, в кипящем котле которой уничтожили двадцать семь миллионов (по неточным данным). Ушли из жизни лучшие мужчины Родины, среди которых и его отец Савелий Филиппович, Павел Федотович, старший брат мамы, и другие дяди по линии отца. Но в романе описываются не только родственники, а отцы и братья, дяди и дедушки однокашников, соседи и односельчане А. Шепитько.

Автор помнит себя маленьким мальчишкой четырех с лишним лет от роду. Вспоминает случай с рыжим пьяным фрицем, который чуть не стоил жизни ребенку и всей его семье. В то время немцы обирали население до «иголочки», обжирались «на халяву» до того, что потом «охраняли» туалет.

На всю свою жизнь А. Шепитько запомнил руки своего отца: как он поднимал его над собой высоко, высоко в небо, где птицы летают. «И кружилась земля далеко подо мной, и все дети по кругу смеялись», — вспоминает автор. Не может утаить и надежды подростка на то, что вот-вот вернется домой его отец, и они заживут даже лучше, чем однокашники, дождавшиеся своих отцов с фронта и хваставшие: вот, посмотрите, что мой папа привез из Германии.

Но не суждено было мальчишке, автору этой книги, дождаться его, — хотя бы даже без ног и рук.

Будучи уже взрослым парнем, он начал писать стихи:

Отец

*Не известно, где твоя могила,
Где сложил ты голову отец,
Где поник ты, потерял все силы,
Где как дождь хлестал тебя свинец...*

* * *

*Я не помню счастливого дня,
Чтобы был я одетым и сытым.
Смутно помню я также отца,
Потому что убит он фашистом...*

Эти и другие стихи печатались в газетах и журналах СССР — России.

Хочу заметить, что предки А. Шепитько графского рода. Мало кто знает, что город Шепетовка начинался с имения графа Шепетько, прапрадеда Филиппа Власовича Шепитько, переселившегося из Херсонской губернии в район Донбасса еще в молодые годы.

И автор, прошедший путь обычного советского школьника, будучи октябренок, пионером и комсомольцем, равнялся все же на своих предков по отцу. Что касается его матери Марии

Федотовны, «великомученицы», как он считает, то сведения о ее семье, обстоятельствах ее жизни, автор получил не только от нее лично, но и от родных, сельчан и друзей родителей. Поэтому все описанное им, является правдой, без всяких прикрас и выдумок.

Он не ставил перед собой цели кого-то очернить не заслуженно, а кого-то вознести до небес, как бы обеспечивая того или иного своего героя в лик «святых». А если кто из героев этого даже заслужил, то ему все это воздастся по заслугам, не благодаря этой книге, а лишь благодаря человеческой памяти живых. Что же касается свидетелей тех времен, то они есть и будут жить еще долго и счастливо, не только в Украине, но также в ближнем и дальнем зарубежье.

Стихи, написанные ранее, до начала их размещения в книге «Любовь и слезы», дополняют прозу не случайным образом. «Отдай всю нежность чувств ребенку..» автор посвятил не только своим близким и знакомым, но и дочери своей Ирине, подарившей ему внука Евгения Тимошенко — единственного и неповторимого «Женьку», которым он гордится и надеется, что внук станет достойным продолжателем рода Бородининых, Шепитько и Тимошенко, заслужившего вечную память у потомков за освобождение всего человечества от коричневой чумы — фашизма...

Дед Филипп Власович, а также автор книги, никогда не обещал своей дочери, зятю и внуку своему радужной жизни, коммунизма, но насколько хватало сил, энергии и материальной возможности, когда был помоложе, оказывал посильную помощь и поддержку им и всем родным и близким, не дожидаясь взаимности, и даже сейчас не жалеет об этом.

«Сама жизнь все по-своему рассудит и все, всех поставит на свои места», — говорит он.

«Если человек не хапуга только для своего брюха..., то ему все воздастся по заслугам,» — такое оставил завещание своим внукам дедушка автора Филипп Власович Шепитько и так утверждает он — его внук Анатолий.

Лариса Ефимовна Шепитько также оставила след после себя, не только сына Антона Климова, но и как автор-кинорежиссер, девять художественных фильмов... результат ее недолгой жизни.

Где-то еще и еще рождается племя молодое, не знакомое, из древнейшего рода графа Шепетько, со временем изменившее-

ся на Шепитько, Шепель, Шевченко, Шепетьковский, Кузнецовы, Ивановы, Абрамовы и Колоно, Сапрон или Сапронов Архип Дмитриевич, непонравившегося имени Архипа из Киевской Руси, откуда начиналась Великая Русь – Российская империя...

Где-то в далеком или ближнем зарубежье живут потомки рода Шепитько, так как, по словам матери автора, у отца родителя было пять братьев родных, столько же сестер, не говоря о двоюродных и так далее, без претензий на титул дворянского происхождения.

Но главное, чтобы все были хорошими, честными, добропорядочными людьми, взявшими пример из своего личного «Древа родового» все то хорошее, дабы прожить жизнь достойную уважения своих предков, для потомков будущего поколения...

Валерий Пластинин – поэт,
член Содружества писателей Нижневартовска
Амирсеит Даутбеков, прозаик,
почетный работник Министерства образования РФ,
член Союза писателей России

ЛЮБОВЬ И СЛЕЗЫ

*Светлой памяти матери моей
Марии Федотовны
посвящаю*

*В блеске солнышка майского дня
У могилы стою на ветру:
— Вы простите уж, предки, меня
— Я пишу, и я этим живу.
Я хочу рассказать молодым,
Излагая в романе своем,
Как мы жили и кто стал чужим,
Изменившись буквально во всем.
Мне хотелось бы всех оживить,
Благородство их души показать,
Кто старался людьми дорожить,
А злопакостных всех наказать...*

Автор

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.*

А.С. Пушкин

*С отрадой многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...*

М.Ю. Лермонтов

Глава первая

Характерное «Legacy¹»

Золотая осень. Листья меняют свою окраску, придавая неповторимый пейзаж нашей обетованной земле. Широкие поля и луга, разделенные лесополосами и дорогами для транспорта, дополняют эту красоту, людям придают силу и энергию. Нет ничего красивее нашей Земли-кормилицы. А если посмотреть на нее с высоты полета самолета или журавлей, в любую пору

¹ «Наследие» (англ.) — явления духовной жизни, быта, уклада, унаследованные, воспринятые от прежних поколений, от предшественников. (Здесь и далее примеч. авт.)

года — особенно осенью или весной, то такую красоту невозможно забыть.

В полдень солнце прикрыла огромная туча, жара ослабла, дышать стало легче. На юго-востоке высоко в небе проявилась большущая радуга, оттуда подул свежий ветерок, и еще веселее запели полевые птички.

Молодой человек с благородным лицом и крепким телосложением, именованный в церкви села Клиновое Савелием, выгужал покупателю, жившему на окраине города Артемовска, сено, за которое его мать уже получила половину суммы и уехала домой. Совсем недавно парень демобилизовался из армии, помогал родителям по хозяйству, был еще холост.

Завтра у его отца, Филиппа Власовича, восьмидесятилетний юбилей. Поэтому мать домой спешила — что-то приготовить, для детей и внуков, встретить гостей.

Савелия радовал результат труда, приносящий доход от усадьбы родителей. Он наслаждался запахом лугового сена на свежем воздухе, а также был доволен выращенным урожаем овощей и фруктов, которыми каждый раз, при случае, в городе угощал детей.

— Ваше сено лучше прошлогоднего, — с улыбкой сказал покупатель. — Может, еще привезете? Этого нашему хозяйству маловато будет. Сможете привезти?

— Смогу, если погода не испортится, — с улыбкой ответил Савелий, пересчитывая деньги. На веселом лице его появилось удивление: — Вы, по-моему, лишние дали...

— Стоит того, не жалко. Это сено не сравнишь с прошлогодним, — ответил хозяин. — А груш мы таких вообще никогда не пробовали. Во рту тают. А какие сочные! Внуцата еще просят купить. Да только у вас их уже, наверное, нету?

— Сено вам я обязательно привезу на днях, — сказал Савелий. — Есть у нас еще первый укос. Уверен, тоже понравится. А фрукты уже все отошли, к сожалению. Я брал в дорогу, чтоб воды не хотелось пить. Если дома еще что-то осталось, привезу вашим внукам гостинец. Урожай нынче был очень хороший.

— И сена привозите, мы еще купим.

Действительно, не переросшее, хорошо высушенное сено, всегда стоит дорого, а хозяин, разбирающийся в этом, денег не пожалеет.

Отъехав от сеника, из пыльного переулка Мариупольского, лошади шли не спеша по булыжной мостовой, настроение у Савелия было отличное. Видимо, он что-то или кого-то вспомнил, возможно, напевал себе песенку или сочинял стихи. Да и чего грустить молодому не женатому парню? На нем светло-серая фуражка, из-под которой справа выбилась небольшая прядь темно-русых, немного выющихся волос. По внешнему виду достаточно симпатичен, физически развит, самоуверен. Обут парень в хромовые сапоги, начищенные до блеска, и одет в более-менее приличный будничный костюм. Голубоглазый, с правильными чертами лица продавец сена был уверен, что скоро встретится и познакомится с девушкой, которая ему понравится, и женится, как это сделали его товарищи, не только в селе, где живет, но и в городе, где он учился еще до Октябрьской революции. Хотя мать не один раз, настойчиво предлагала ему Евдокию — соседку с богатым приданым, но он не поддавался на уговоры.

— Еще успею, — отвечал он. — А Евдокия мне не нравится. И ее приданое для меня не главное...

Сам Савелий чуть выше среднего роста, а вот руки... надо их просто видеть. Сильнее и красивее его ручищ в родном селе не было, и ни один мужчина или парень не мог с ним тягаться в жиме и в чем угодно. Видимо, поэтому еще в юные годы, когда учился в гимназии, про него говорили: «Вот это настоящий Савела!» — а некоторые друзья его называли Гераклом, а еще Филиппом — в честь его родного отца.

Лежа в телеге, Савелий видел белые, как лебяжий пух, кучевые облака, которые рассматривал с интересом, а всмотревшись, замечал: вот проплыл огромный косолапый медведь, вот жирафа, невероятных размеров заяц, слон, вот лошадь, а на ней всадник с шашкой...

Видел Савелий и пролетающих высоко в небе белых лебедей, гусей, любовался их строем, особенно в эту хорошую, ясную погоду. «Эх, были бы у меня крылья, я бы быстрее отыскал ту единственную, которая несла воду», — думал он.

И тут же он увидел, как кучевое облако превратилось в младенца, в пуховом одеяле или в простынке с прозрачной голубизной. А рядом будто мать с протянутыми к нему руками — хочет приласкать, успокоить или, быть может, покор-

мать. Это лицо, как ему показалось, было именно той девушки...

Но вскоре тучи расплылись, изображения рассеялись.

«Вот это да! — подумал Савелий. — Быть может, это какое-то знамение для меня? Интересно! Как его надо понимать?» — оглядываясь по сторонам, с надеждой встретиться с ней вновь, размышлял Савелий.

Многие девки по нем вздыхали, как-то стараясь привлечь к себе внимание. Однако ни одна из них, по той или иной причине, ему не нравилась. И вот теперь, он не может никак забыть, ту, неизвестную девушку, с коромыслом... которую защитил в городе от пьяного хулигана.

«Вот когда я ее найду и женюсь, у меня наверняка первым будет сынок», — улыбнувшись, решил самоуверенный Савелий. — Но почему я так недолго видел этого «мальчонку»? Нет, нет! Это просто ветер усилился».

Успокоив себя, он, выбросил папиросу на обочину дороги.

— Хозяин! Закурить не найдется? — услышал Савелий.

— Найдется, — с удивлением ответил он, остановив лошадей. Оглянулся и увидел, что на обочине, переступая с ноги на ногу, стоит седовласый старик. Тут же подумал: интересная личность. Кто он? Откуда взялся? Вдруг ни с того ни с сего просит закурить. А сам-то наверняка не курит.

Савелий несколько раз видел его на сенном базаре и в других местах, и всегда без папиросы, а дым этот дед обходил стороной, вспомнил сейчас молодой человек. Спросив цену товара у его мамки, как в прошлый раз, так и сегодня, он прошел дальше, оглядываясь.

И раньше заводил разговоры, чем-то еще интересовался, а когда узнал имя да откуда приезжаем, тут же ушел с очень довольной улыбкой. И еще один разговор вспомнил Савелий.

— Вот, интересный человек у нас живет, — заговорила как-то одна из покупательниц, показав на старика рукой. — Я хорошо помню его родителей, царствие им небесное. Уж такими лекарями они были популярными! Приходили и приезжали к ним издалека всякие — хромые и согнутые, больные и с порчей, а уходили от них здоровыми, энергичными. Даже учителя из гимназии у них лечились. Представляете?

— Мы молодые, тогда просто диву давались — как это у них получается? Чем они помогают? А этот, их потомок, другое от них унаследовал. И тоже старается людям чем-то помочь: что-то предсказать, предостеречь. Я слыхала от некоторых, все предсказания сбываются точно так, как он скажет. Хотите, я сейчас его попрошу вернуться и вы сами от него услышите? — поинтересовалась женщина без всякого умысла.

Рядом стоявшие мужчины и женщины, ее поддержали:

— Интересно было бы послушать...

— Нет, нет! — громко ответила мать Савелия. — Трудно уежиць¹. Денег нет платить, неизвестно за что, холера ясна²! Кое-чему меня тоже обучали, — со злостью продолжала она. — Правда, это было очень давно, только я все забыла, — отвернувшись, ответила мать Полька, как ее называли.

— Идзьи до дьябла! Спадай! — громко крикнула она на рассказчицу.

Женщина посмотрела обиженно на Савелия, покачав головой и как-то изменившись в лице, тут же торопливо ушла, оглядываясь по сторонам. «Сумасшедшая какая-то, наверное. Что лопочет, бес ее знает».

Савелий был поражен грубостью матери. Да и продали они тогда свой товар неудачно поздно, так как покупатели, услышав крики, стали шарахаться от нее, шептаться...

Спрыгнув с телеги, протягивая папиросу, Савелий вопросительно смотрел на старика. «Зачем ты меня остановил, интересно бы узнать? — думал он. — Делать, что ли, нечего, хотя и слышал я о тебе всякое»...

— Вообще-то, я никогда с роду не курил, а поговорить надо бы. Мы ведь давно знакомы, не так ли? — спросил старик.

— Я вас слушаю внимательно, время немного есть. Мне же ехать надо, не рядом живем.

— Да-да, — ответил растерявшийся дед. — Вас ждет юбиляр, отец Филипп Власович. Я его... это знаю. Мне бы... это, сена надо, а то козы есть, а сена нет, значит, — продолжал пожилой человек. Глаза у него были черные, а борода и усы белые как снег.

¹ Поверить (польск.).

² Черт возьми (польск.).

— Не так уж много им надо, вашим козочкам, — отвечал парень с улыбкой. — Это не проблема. Я бы навильник-другой сбросил у двора, и им бы до весны хватило. Только скажите, где вы живете.

— Я... рядом... Но я бы... это... я бы хотел познакомить тебя с моей соседкой, очень хорошенькой невестой. Ты же еще холостой, верно? Хороший ты парень, толковый, сговорчивый. Есть у тебя своя цель. И ты упорно к ней стремишься. У тебя будет большая семья, хорошая жена. Если... выслушаешь меня и... это... согласишься со мной.

Савелия как-то передернуло от предложения «познакомить». Заметив это по его лицу, дед все же продолжал:

— Не надо переживать, что с учебой не повезло. Не суждено видать тебе... это, выучиться. А сейчас послушай меня. Я же знаю, как ты нынче эту же девчонку защитил. Вот здесь это было, вон в том переулке. Она испугалась тогда драки и убежала. Я все видел. Вот именно с ней я и хочу тебя познакомить. Она... она очень хорошенькая, работающая, я ее с детства знаю... Ты только на ней женишься. Поверь, Савелий, это твоя судьба, — повторил он уверенно. — Но женишься еще не скоро. И... это... через большие скандалы. Это произойдет после смерти твоего отца, по вине его жены, твоей матери, и племянника твоего. С жильем будут большие проблемы, и с детьми вашими, их будет пятеро у вас. Больше ты просто не успеешь, да. Первого ты потеряешь сыночка, это точно, спасти вы его не сможете. И это...

— Ну, хватит меня в чем-то убеждать, — сердито сказал Савелий. — Откуда вы все это берете? Чем докажете? С жильем проблем не должно быть, и отец мой, слава Богу, никогда не болел. Думаю, что еще долго проживет. У меня дом в Клиновом из шести комнат, родительский. Амбары и сарай всякие, хозяйство есть. У кур никогда не будет цыплят без петуха. Я еще даже имени не знаю невесты, а вы уже количество детей назвали. Я сам ее найду и женюсь. Заберу ее к родителям...

— Нет, нет, ты лучше на это не рассчитывай, иначе скандалы с матерью будут очень большие. Она начнет беситься, ревновать. И после твоей семье покоя не будет, — утверждал дед. — Там, в вашем Клиновом, счастья никогда не найдете! Твоя мать

очень скандальная женщина, поверь мне, злая на всех будет! И еще: позже, у нее появится еще сноха, похлеще будет матери! Трое их будет потом против вас! Особенно соседка и сноха твоя, жена младшего твоего брата. Она вдовой дольше проживет, чем твоя жена. Лучше бы подальше от них. Лучше бы ты отъехал и жил вдалеке, как сделали все твои старшие братья и сестры. Роднее будете, поверь...

— А еще чего вам, дедушка, надо? — перебил растерявшийся Савелий, доставая из кармана папиросы. — Дети родителей не выбирают, и для брата я не буду искать жену, пусть сам этим делом занимается. Может быть, еще одну папироску дать закурить, — спросил он как-то невпопад, — или денег?

— Курево — это дьявольское искушение. Не надо, это вредно. А деньги ваши мне тем более не нужны. Ты их сам заработал. И все же женишься ты на ней... значит... — продолжал дед с какой-то неясной улыбкой.

Савелия опять словно что-то передернуло, и он заторопился уезжать.

— Мне... мне хотелось познакомить тебя с ней, а отца предостеречь, значит. Хотя теперь, возможно, уже поздно. А девушка не из местных. Ты в Зайцево съезди к ней, слышь? — торопливо говорил он вслед тронувшему лошадь Савелию. — Она сестра председателя. А он семейный, и, видно, его жене захотелось избавиться от нее... Там ее корни, — вдогонку крикнул он.

Последние слова были сказаны впустую. Савелий чувствовал спиной его пронизывающий взгляд. Ему показалось, будто мурашки забегали по всему телу. А дед задумчиво смотрел вслед, потом покачал головой и пошел по дороге в свою сторону, пригорюнившись:

«Тхи-и т-ты-ы! Имени ее даже не назвал. Ну-у-у... старею, видать. Да-а-а, а зря он до конца не выслушал меня. Но мы еще встретимся попозже, и тогда я все подкажу. Правда, не скоро теперь свидимся, — решил про себя дед. — Возможно, после похорон его отца, хотя он сегодня здоров, но что тут поделаешь»...

«Интересный, действительно, этот старичок, — размышлял Савелий по пути домой. — Не курит и все наперед видит. Откуда он берет все то, что сейчас рассказал? Откуда такая уверенность и

еще... не знаю, убежденность, что ли? — пытался разгадать деда парень. — Но когда и где я встречу эту девчонку? Эту симпатюличку мою. Надо же, все видел? Сам ли определил, что она мне так понравилась? Как будто по чьему-то заказу произошла эта встреча. Но встречу ли я ее еще когда-нибудь? А надо бы ее разыскать и познакомиться. Может быть, действительно, это моя судьба?..

Наверняка она где-то рядом живет. Издалека воду на коромысле домой не носят. Может быть и городская, это вполне возможно»...

Глава вторая

Поспешное решение

— Ну, дорогие мои, я скоро женюсь, — вдруг заявил Савелий дома в полдник, подсев к столу. На лице сияла улыбка, а в голосе была убежденность.

Старшие его братья и сестры, приехавшие на юбилей отца со своими семьями, приняв по рюмочке-другой вина для аппетита, посмотрев на Савелия, зашушукались:

— Что-то не верится, хотя вроде бы уже пора...

Их мать, вернувшаяся с соседом из города, забирала покупки с телеги. Невестки и дочери принялись помогать ей, вносить пакеты, упаковки и мешки. До этой минуты небо было чистое и дождем не пахло. Но тут же подул сильный ветер, засверкала молния, на улице грянул сильный гром и тут же припустил дождь с градом. Женщины с шумом и гамом заскочили в комнату. А ливень прямо хлестал в раскрытые окна, закидывая в них горошинки льдинок.

— О, Боже! — вдруг закричала мать пронзительно, с таким же надрывом, как на базаре. — Да встаньте же кто-нибудь, холера ясна! Да позакрывайте окна и задвижку в печке! Это что еще за новость?! — со злостью обратилась она к Савелию. — У тебя же даже невесты нет — или ты опомнился? И теперь женишься на нашей Евдокии, которую я тебе давно сватаю?!

— Нет, мама, — отвечал Савелий. — Я встретил нынче такую девчонку, что ваша хваленая даже в подметки не годится! И мне она очень понравилась. Другой мне не надо.

— Да-а-а ну-у-у! То невозможно!¹ Хотя на вкус и цвет нас одинаковых нет, — по-видимому, одумавшись, сказала мать с ехидной улыбкой. — А где она живет и как ее зовут? Может быть, где-то встречались или наши городские гости знают? Не могэ ф то увежыць², что ты сам познакомился. Никогда не поверю!.. Наверно, твой друг тебя познакомил или кто? — допытывалась мать.

Гости сидели за столом, внимательно слушали, не вмешиваясь в их разговор, потихоньку перешептываясь, поглядывая на них, все были очень удивлены. В последние годы дети редко приезжали к родителям в гости, по причине неприязненного отношения тещи-свекрови. А маленьких — она только ругала всех на польском языке и украинском. Просто поразительно! При чем здесь его друг? Это же нелепость какая-то. И что это такое с нею произошло под старость лет?

— А я и сам еще не знаю ее имени, — отвечал Савелий матери, — и где живет — тоже.

Родные опять активно зашушукались между собой, ничего подобного от него не ожидали: как это так, даже имени не знает и уже жениться решил. Не заболел ли он случайно?

— Не переживайте, родные. Я обязательно ее разыщу, познакомлюсь и засватаю, как положено. Все будет как у людей, вот увидите. Распишемся, и у нас родится пятеро детей, — невольное проговорился Савелий, повторяя слова деда.

— Я катэгоричне протэстуйэ пшецьв тэму³! — закричала мать, путая русские, украинские и польские слова. — Ты что, с ума спятыв? Еще даже имени не знаешь, а уже планы себе строишь. Пя-яте-еро-о де-е-етей бу-уде-ет?! Как же то? Трудно увежыць! Хыба не — вряд ли отец согласится. Он с тобой по-своему поговорит, жених несчастный! Может быть, и под венец на-

¹ Это невозможно (польск.).

² Не могу в это поверить (польск.).

³ Категорически протестую против этого (польск.).

мерен? Только с кем? Это что за бестолковщину себе мы вырастили? Наша ему не такая, нужна ему го-оро-одска-ая, — не переставала она ворчать.

— И что это за молодежь нынче пошла? Та не такая, эта не такая! Сам нашел, любба-а! Зо-оло-ота-ая! Хоть и со-ова-а, но зато о, с дру-угого-о села! Вот это да! — в это время из ее рук посыпались на пол тарелки, вдребезги разлетевшись на кусочки.

— А где наш папа? — спросил Савелий у братьев, оглядываясь и опять присаживаясь к столу. — А почему вы без него пьете? День рождения-то у него завтра...

— Это для куража, — ответил Кузьма, младший из братьев. — А папа вот идет.

— Легок на помине, — добавил Григорий с улыбкой.

Дверь в комнату широко распахнулась. В проеме показался седовласый, выше среднего роста, широкоплечий мужчина с правильными чертами лица. Глаза голубые, дружелюбные, доверчивые. Несмотря на возраст, Филипп Власович оставался стройным, подтянутым, а лицо почти без морщин. В нем чувствовались стать и богатырская сила, что-то притягательное в движениях, улыбке. От него веяло неугасающей энергией и любовью к жизни. Щеки и губы пышные, заметные издали по «горению». Лицо его украшали усы, за которыми он тщательно ухаживал. Порывистый в движении, он был всегда очень быстрым, неумным и разговорчивым. Говорил на пяти языках, хотя этим и не кичился. Но собеседники смотрели на него и его семью с восхищением. В то время в селе, мало кто мог похвастать знанием иностранных языков, но сыновья Евграф и Матвей хорошо владели ими, а также Савелий и Кузьма.

Отец выглядел моложе своих лет, никто бы не сказал, что ему восемьдесят. Правда, их дед Влас Власович, отец отца, обладавший таким же здоровьем и характером, прожил более ста лет, а сколько точно, почему-то никто из родных не помнил.

Однако было достоверно известно, что Евграф Филиппович, самый старший из сыновей, был высоко-образованным человеком, а их прадедушка Влас Всеволодович, по рассказам, имел титул графа, командовал в молодости гусарским полком, но из-за несостоявшейся дуэли был уволен из армии его Императорского Величества после Русско-турецкой войны...

Став человеком сугубо штатским и отличаясь передовыми взглядами на жизнь и симпатией к простому народу Российской империи, он был хорошо знаком с семейством Ульяновых. Узнав о гибели Александра, он еще сильнее подружился с Владимиром Ильичом, оказывая революционерам не только моральную, но и материальную поддержку, о чем мало кому было известно.

«Надо не на словах любить окружающих тебя, а на деле, — утверждал дед Влас Власович. — Если ты всем людям будешь делать только добро или хотя бы желать им добра, тогда будешь сам здоров, счастлив, и память о тебе останется навечно». Так он завещал жить всему роду Шепитько... Так воспитывал своих детей и внуков и его сын — дед Филипп Власович.

— Что это здесь за погром? — спросил вошедший, закрывая за собой дверь. — Как погода быстро меняется в один день, — снимая обувь и плащ, проговорил Филипп Власович. — Что здесь без меня произошло? Что, у кого-то не руки, а крюки? — с улыбкой допытывался он.

Когда сыновья и невестки повернулись к матери, он сообразил, что его жена чем-то недовольна. А недовольна, понял он по ее взгляду, Савелием.

— Ну-ка, сынок? Что так долго задержался? Случилось что или как? Пока дождь идет, тебя послушаем, — присаживаясь в кресло, поинтересовался Филипп Власович.

Его жена тут же зашморыгала носом:

— Да ты только послушай этого дурня! Жениться собрался, а сам даже имени не знает! — убирая с полу остатки битой посуды, заворчала она. — Чужую решил...

— Цыц, старуха! — строго прикрикнул Филипп Власович. — Здесь мужской разговор должен быть! Пильнуй своего носа! Не лезь не в свое дело! Займись проблемами на кухне! Сын, почему так поздно приехал? И что за разговор ты заводил со своей матерью? — спокойно обратился отец к Савелию. — Чем ты ее так разгневал?

— Я сказал всем о том, что намерен жениться, — отвечал Савелий с улыбкой. — А она почему-то в штыки мои слова приняла. Друзья мои давно семейные, и мне... пора бы.

— О-о-о, бардзо добже!¹ Надзвычайнэ² — участливо, с довольным выражением лица воскликнул отец. — Цельна увага! Хорошо подмечено! Я знаю, что ты толковый парень, решительный. Расскажи, где она тебе встретилась? И когда?

— Может быть, про нее мы все давно знаем, — заинтересовалась и сестра Марина Филипповна из Горловки. — Артемовск-то городок небольшой, все на виду.

— Мы всех своих покупателей знали, в наших магазинах, — добавил их неугомонный младший брат Кузьма. — Я успел даже с одним дедушкой, очень интересным, познакомиться. Так сказать, предсказателем, — добавил он и тут же умолк, оглядываясь по сторонам.

— Не так давно я встретил в городе девушку, о какой мечтал. К сожалению, повторяю, совершенно случайно. Но лучшей в наших окрестностях не найти вовеки.

На его лице засияла счастливая улыбка.

— Это точно, — добавил он, как бы увидев снова эту прекрасную особу, свой дом, а во дворе много детей.

— Вот бы мне такую, — загорелся опять коммерсант Кузьма.

— А ты помолчи! — одернули его старшие. — Вначале подрасти и подучись.

Во дворе залаял пес, видно, на прохожего, но тут же умолк, спрятавшись в свое укрытие. Ярко сверкнула молния — будто рядом кого-то или что-то она поразила, а гром покотился далеко-далеко, по всему небу. Все вдруг замолчали, прислушиваясь к раскатам уходящего грома.

«Дай Бог, чтоб Савелий по взаимной любви женился, без постороннего влияния на него, не так, как я когда-то на их матери, — подумал Филипп Власович, доставая трубку. — Чует мое сердце, что у этих двоих, младших сыновей, брак будет таким же поспешным, необдуманным. Повлияет чья-нибудь напористость. Но хотя бы на «своих», на ровне женились. Неужели они будут такие же податливые на колдовство и обман, как я?» — прикуривая трубку, с тревогой в душе размышлял Филипп Власович.

¹ Большое спасибо (польск.).

² Превосходно (польск.).

Дождь и ветер приутихли. Савелий стоял у раскрытого окна, курил папиросу...

Глава третья

Случайное знакомство

Впереди, в нескольких шагах от Савелия, ехавшего на подводе с базара, из переулка, где находился магазин в городе Артемовске, когда-то принадлежавший их семье, вышла привлекательная, необыкновенной наружности девушка с коромыслом. Вся легкая, но чем-то озабоченная, часто оглядываясь назад, она несла наполненные водой ведра. Похоже, убегала от кого-то. Савелия очень заинтересовало: от кого это она так убегает? Кто за ней гонится, кто устроил охоту среди белого дня? Не «петух» ли, о котором слыхал он и даже встречался однажды за городом в лесополосе. Он даже видел, как милиция скрутила тому мужику руки и увезла. Был уже суд за изнасилование, промелькнуло в памяти парня. Уж кого он тогда изнасиловал, Савелий специально не узнавал, но такой урод был, и многие девушки тогда пострадали. Но сейчас-то они в городе, а не в посадках, да и девушка уже вполне взрослая. Сама бы могла дать «ответ» любому выродку, если бы кто этому ее обучил, подсказал.

«Коса длинная, толстая, ниже пояса, с лентой, — отметил он про себя. — Платье с короткими рукавами, из цветастого ситца ей к лицу. Но кто не дает ей покоя? — подумал Савелий, не упуская из виду девушку, поразившую его воображение. Но тут из за угла показался гнавшийся за нею лоботряс. Он сбросил на землю фуражку, которую подобрали, посмеиваясь, следовавшие за ним друзья. Савелий услышал их слова и гнусный смех:

— Ты посмотри-ка на нашего «петуха», как он взбодрился...

— Эй, девка, остановись! — кричал преследователь с украинским акцентом. — Чуешь? Я кому ска-сказав?! Ноги его заплетались так же, как и язык.

— Стей, я ска-ска-аз-ав! Зараз я тэбэ за-завалюу-у... Всэ рівно від мэнэ не убіжыш...

Хамский смех его собутыльников не оставил Савелия равнодушным.

Остановив лошадей, он накрутил вожжи и стал наблюдать за происходящим. Шатаясь, охальник догонял девушку, откуда и прыть взялась, продолжая во всю глотку ее оскорблять. Савелия возмутила его наглость. Растопырив руки и ноги, пытаюсь поймать ее в свои поганые объятия, успел лишь ухватиться за ведро. И в этот момент, запнувшись, упала, вода разлилась, и девушка оказалась в луже, в ужасе залилась слезами.

Старики, отдыхавшие на лавочке у своего дома, стали урезонивать парня, но тот лишь посмотрел на них свысока. Оглянувшись к корешам-собутыльникам, закатился от смеха:

— Вы подивіться хлопці! Вона вже лэжыць готовэнька... Ха-ха-ха-ха-ха... Ой нэ, нэ можу! Ха-ха-ха-ха-ха.

Зашатавшись, упал рядом с девушкой, протягивая к ней руки. Теперь Савелий увидел его лицо и узнал уродливую, со шрамом, рожу. Это был забахмутский¹ розбышака, также носивший кличку «Петух». Он не так давно освободился из мест заключения. Его отец, получив при жизни прозвище «Мозг анархистов», испарился как плевков на дороге, когда сын отбывал наказание в тюрьме за изнасилование. А тот там, в тюрьме, «кони бросил», таких заключенные не уважают.

«Эту девушку необходимо защитить, а его как следует наказать, — решил Савелий, спрыгнув с повозки. — Чтоб на всю жизнь запомнил этот выродок».

Натянув и накрутив вожжи за повозку, чтоб кони стояли на месте, он взял в руки кнут, но, тут же одумавшись, положил на место.

«Без него я обойдусь», — решил он, выбросив папиросу.

Увидев «Геракла Фалиппа» у остановившейся повозки, он тут же кивнул своим «тыловикам-собутыльникам», мол, «давайте сюды», но тут же быстро заторопился к ним сам.

— Рядом з нымы всэж бэспэчнішэ будэ², — решил недоумок.

¹ Река Бахмут — когда-то была судоходной и разделяла город на две половины.

² Безопаснее (укр.).

Девушка лежала на земле, плакала. Савелий подбежал к ней, протянул руку, но она только еще громче расплакалась, погложаивая ушибленную при падении ногу.

— Вы его хоть знаете? — спросил он.

Из-за слез она не могла сказать ни слова, только отрицательно покачала головой, осторожно поднимаясь.

— Ты подывысь-но, Пэтро, як обходжуе твою кралю якый-то хмырь. Люды там дывысь збыраются, машуть рукамы, — предупредил один из друзей.

— А вдруг еще и лягавый прискачет, тогда нам крышка! Рвем отсюда когти, пока не поздно, — заговорил второй.

— Нэ спішы! Ты ще зелэный! Нас тутэчки трое, а він одын. Мы що, з ным одним нэ справымся?

— У этого же петуха денег куры не клюют. Надо ему помочь, потом погуляем как следует, — не обращая внимания на собиравшихся людей, продолжил один из них.

— Та пішов ты в пім дырявый! Біжімо, глянь вон туда!

«Петух», не слушая их, храбро снял свою еще зачем-то и рубаху, когда друзья дали деру. И в этот самый момент получил страшной силы удар от Савелия, который сшиб насильника с ног одним движением своей «кувалды». Залившись кровью, тот пополз на четвереньках в сторону, вопрошая:

— Хлопці, дэж вы? Сюды, скорішэ!

Савелий не унимался, удар следовал за ударом. Хам в ответ пытался дрыгать ногой, но безуспешно.

— Получай, гад! Получай, получай! — с ожесточением приговаривал Савелий. Остановился лишь, побоявшись забить досмерти.

— А зря! — услышал Савелий. — Таких бы вообще убивать надо. Хам зашевелился. Значит, это дерьмо еще живое.

— Ну что? На первый раз хватит? — спросил Савелий. — Но если ты, сволота гнилая, еще хоть один раз подойдешь к этой девушке, хоть одним пальцем до нее дотронешься, я тебя, падаль вонючая, из-под земли достану и снова туда же урою! Ты меня понял, скотина?! — грозно спросил Савелий.

— Да-да, я по-понял, дядя, — часто моргая, сплевывая кровь с зубами, отвечал Петух. — Обійду дэ-дэ-дэсятою до-доро-огою! Кля-клянусь!

Медленно поднимаясь на колени, а затем на ноги, он продолжал стонать, сплевывая кровь. Выпрямившись с трудом, при этом сильно качнувшись, он спросил, оглядываясь по сторонам:

— От ужэш нэ-нэ ождав я та-та-такого за-защитныка. А дэж оті орлы, з якымы я йшов із этой, із за-за-за-закусочной? Я іх там кор-кормыв и по-поїв, ой, і воны ж мэнэ прэ-прэдалы і-і-і-ді-іюты-ы.

— А-а-а, дак ты еще і на их поддержку рассчитывал? Молодежь спаиваешь, мразь!

Савелий резко взмахнул правой рукой, от удара «петушок» снова упал в лужу.

— Ну, что мне сейчас с тобой сделать, подонок? Раздавить, что ли, как червяка? Ты слышал, что нужно оставить девушку в покое? Хорошо, теперь повторяй за мной: «Я никогда не трону ее пальцем. Увижу ее, обойду стороной». Понял? Повтори, только громко, при людях.

— Ой, нэ, нэ бы-быйтэ, я більше не буду! У мэнэ и так усі рэбра по-по-поломані, — со слезами канючил «герой».

Разглядывая его окровавленную рожу, Савелий, как-то даже пожалев парня, грозно сказал:

— Пойди извинись перед девушкой, паскуда! Проси прощения выродок, быстро! — крикнул он и поддал ногой под зад так, что тот еще раз вспахал носом землю.

Но, как оказалось, извиняться было не перед кем. Девушка убежала. Ни разу ей еще не приходилось видеть мужской драки. О том, что сейчас произойдет, она поняла мигом, так как Савелий кинулся на ее обидчика, как коршун.

«Теперь этот дядько вдруг приставать начнет», — видно, подумала она, поторопившись забрать хозяйские ведра и коромысло, пускаясь наутек.

Все это Савелий рассказал домашним, а когда повторил слова странного деда, встреченного им на дороге, мать еще пуще раскричалась:

— И то правда, где-то в переулке встретил девку, несшую воду. Устроил драку ... — За-а-амолчи-и! — крикнул Филипп Власович. — Мой сын не трус! И я этим горжусь! А ты пильной своего носа! Не лезь не в свое дело! Холера ясна!

Присутствующие переглянулись молча, а Савелий, чуть-чуть улыбнувшись, достал папиросы из кармана.

Мать-старушка, поднявшись, пошла к выходу, что-то ворча себе под нос. Лицо ее горело прямо-таки ненавистью, неожиданной злобой.

— Идзете до дьябла!¹ — крикнула она, громко хлопнув дверью, отчего задребезжали стекла в окнах.

— Я все равно разыщу эту девушку, женюсь именно на ней, если это будет возможно. Уж больно она хороша, папа, — добавил Савелий и умолк.

На улице град прекратился, и дождь с ветром приутих.

— Ты посмотри-ка, какой молодец наш братан, — заговорили братья. — Наконец-то он встретил ту, какую хотел. Значит, действительно, стоящая девчонка.

— Дай-то Бог, — отозвались сестры. — Дай-то Бог...

— И то правда, что пора бы тебе жениться, Савелий, — участливо сказала старшая сестра Наталья, жившая теперь с семьей в селе Зайцево. — Родителям нашим нужны помощники. Но зачем тебе городская жена? Я же тебе предлагала, советовала...

— Не нужно мне кого-то предлагать! — сердито сказал Савелий. — Я сам узнаю все о ней и засватаю. Надоели мне ваши советы. Будто я какой-то калека....

Он, подойдя к раскрытой ранее братьями форточке, закурил.

Ах, какая девушка, подумал сейчас парень, как бы снова увидев, как несла она на коромысле воду, как плавно ступала. И будь сколько угодно обидчиков, он бы всех расшвырял, чтобы оградить от их хамства беззащитную особу, в которую влюбился с первого взгляда. И, действительно, девушка была чуть выше среднего роста с красивой осанкой. На вид ей было лет 15, не больше. Толстая коса с вплетенной голубой лентой лежала на ее нежной девичьей груди. Карие глаза придавали ее лицу выразительность, а чуть вздернутый нос и розовые губы запомнились Савелию на всю оставшуюся жизнь.

«Видно, почувствовало мое сердце, что именно эта девушка и есть моя судьба. Интересно, так ли это будет, как убеждал меня тот дедушка? Она, действительно, симпатюлечка, каких я никогда не встречал, — размышлял он, стоя у окна. — Но я все

¹ Идите вы к черту! (Польск.)

равно ее найду и женюсь, — решил теперь Савелий. — Чего бы мне это ни стоило. Наверняка, она где-то там рядом живет! Несла домой воду. Не в гостях же она была, и видимо, не из богатой семьи. Именно она будет моей женой».

Об образовавшейся там неподалеку частной пекарне Савелий не знал и не мог подумать, чтобы она там работала по найму, хотя Новая Экономическая политика (НЭП) партии большевиков существовала уже не первый год. Сейчас партия «Единая Россия»... Возвращение к капитализму. Распродажа земли, фабрик и заводов, нефти и газа. Для поднятия благосостояния обиженных... применена снова эта методика, после которой возможна ли будет всеобщая национализация материальных ценностей? Строительство, производство сельскохозяйственных машин, а также полное укрепление могущества стран СНГ все жестче усугубляется, и этот процесс кажется необратимым...

Страна плетеных лаптей и деревянной сохи на глазах западных стран превращалась тогда в мощную державу, со всеми гарантиями по Конституции СССР.

Но не ошибается тот в жизни, кто вообще ничего не делает. Эксперимент капитализации стран СНГ еще долго будет продолжаться... И как бы не оказаться в числе полуколониальных стран Мира?..

— Ну что ж, сынок, — после небольшой паузы заговорил Филипп Власович. — Если она, действительно, так хороша, а достоинства и богатства никакой другой невесты тебя не интересуют, то разыщи ее, познакомься и повстречайся. Может, это и есть твоя судьба непредвиденная. Такое ведь тоже бывает, — уверенно продолжал отец. — Возможно, она окажется твоей спутницей жизни. И было бы хорошо, сынок, чтобы вы привыкли друг к другу еще до свадьбы. — Несколько секунд подумав, Филипп Власович продолжал: — Еще запомни, сын, что я тебе сейчас скажу. Не дай Бог, чтоб ты женился без ее согласия. Счастья тебе не будет! — твердо и уверенно сказал он и умолк, задумавшись о своей жизни.

«Дети у них, конечно, будут, — размышлял отец про себя. — Но семейного счастья и благополучия вряд ли дождутся. Тем более что Полька, моя жена, уже все уши Савелию и родственникам прожужжала об этой девке Евдокии, богатой, но лени-

вой. Всю жизнь мать будет им мешать и мстить за то, что женился, на ком захотел, а не на той, кого она ему сватала».

— И что она в ней нашла?

— Да разве такое бывает, папа, чтобы без согласия? Мы ведь не азиаты, которые, не спрашивают, а выдают замуж, и все тут, — возмутился сын Кузьма. — Мы же славяне, папа. Женихи мы мирные, избивать не станем. А она в городе живет, возможно, даже сирота. Иначе был бы брат или отец, не носила бы воду на коромысле.

— Бывает и такое: вначале невесту уговаривают старшие, кто имеет власть, — отец или старший брат, а несговорчивых, без их согласия, силой выдают. Сколько угодно можно примеров привести. Не только при царе-батюшке такое было. А сейчас тем более — власть советская, народная, а раз народная, значит — ничейная.

Даже здесь у нас церковь сносить порешили ироды, по решению еврейского временного правительства. Разве это справедливо? Тысячу лет она была, и люди верили, ходили на праздники. И вот теперь, благодаря государственному перевороту, эти же иуды, кто Храм Господний уже разрушили, на большевиков все сваливают. А это просто их безобразный поступок, я считаю. Среди них, конечно же, были и большевики! Но у народа они искали защиты? Нет! — твердо продолжал он. — Вы же, наверное, еще помните кое-кого из их так называемых активистов, которые сорвались с высоты и разбились насмерть?

— Конечно помним, — отвечали старшие дети. — Они приезжими были. Здесь их и похоронили незадолго до отъезда остальных зачинщиков. А руководили ими типичные еврей-иуды, предатели Иисуса, у которых были животы, как у беременных женщин перед родами.

— И наверное, никто из них не додумался, из-за чего они так быстро повымирали, — продолжал рассуждать отец. — Но ты не забудь, сын, что я тебе сказал. Это все из жизни нашей повседневной. И, что характерно, я вам скажу, никто из этих знакомых нам людей не был счастлив, особенно их дети, так как именно они за все в ответе! Разводы-своды, бесконечные скандалы, пьянки, измены друг другу. Ведь все в жизни наказуемо, не нами это сказано. Сама жизнь их очень жестоко нака-

зывает всегда. Но люди этого не замечают или не хотят все это признавать.

— А я вот не слышал ни разу такого, — с улыбкой возразил Кузьма. — Кто их смог наказать? Против религии и колдовства не было и нет законов, поэтому все идет самотеком и все побо- ялись церковь защитить. Или надо было за вилы взяться? Да в тюрьму бы посадили...

— А ты помолчи! Рано тебе вникать в это дело и ни к чему лишние слова, — взволнованным голосом сказал Филипп Власович. — Впрочем, не так уж и рано, — подумав, продол- жал он. — Придет и твой черед, сынок, когда и ты скажешь «хочу жениться». Ты же в институт не захотел? — сердито упрекнул сына отец. — Хотя, конечно, учиться никогда не поздно. Теперь, я думаю, ты уже понял, о чем речь мы ведем, о женитьбе.

— А что? Так оно и будет! Возьму да и женюсь! И вместе со старшим братом свадьбу сыграем! — сострил «коммерсант», подмигнув теперь Савелию. — Дешевле обойдется. Ох, и пове- селимся вместе! Только срочно надо найти «невесту без мес- та», чтобы поопытнее меня была. Да, пожалуй, только тюкни! Сразу найдутся и тут же в очередь встанут. «Возьми меня, возьми». Я, мол, во всем опыт имею и в церковь хожу, регуляр- но....

— Ну, хватит вам шутки шутить! — сердито сказал отец. — Погулять вы все очень любите, и не только на свадьбах! В этом я убедился не один раз. Но на двойную свадьбу, как вы сами должны понимать, средств у меня нет в этом году! Да и ни к чему спешить кому бы то ни было! Скота у нас все меньше и меньше остается, а сил таких у меня уже нет, чтобы содержать хозяйство, каким оно было прежде! Вам ведь некогда мне по- могать как следует! Да и коммерческие дела наши давно в упадке! Научились бы вначале хорошо сами этому делу, — с упреком посмотрев на Кузьму и других, продолжал он, — а потом бы и семьями обзаводились. А то вам бы только поспать в чистой постели, понежиться, поесть да весело погулять, — сердито повторил Филипп Власович. — Все вы превратились в современных бездельников страны Советов! Вот до чего до- катилась эта их революция, а главное, мое сердобolie, — сер- дито заключил он, раскуривая свою трубку с крышечкой.

Вдруг наступила пауза. Все сидели, виновато съживившись, так как, действительно, очень нравилось всем только брать у родителей, не оказывая никакой помощи, «сочинив» для этого сто причин всевозможных...

— Ох, уже ш оті Шепітькы! — шептались некоторые. — Тэ-пэр вони стали такымы лэдачымы — лэнівымы, що вжэ даже батькові нэ допомагають. Тількі поспать і погулять. Такі всі здоровэнні діты та внукуы, а палэць об палэць не стукнуть, — разносила сплетни одна из соседок — Романовша, переселенка из какой-то западной области Украины.

— Та шо ты там выдумуешь? — отвечали другие. — А тобі твои допомагають? Сколько лет твоя хата знаружі не мазана да не белена? Вся дождямы обмыта. Крыша тече, відра в хаті подставляешь! А сусідов — трудяг судыш! Ты посмотри, какое у ніх хозяйство есть. Дай Бог каждому іметь. А у тебя, кроме десяти или сколько-то курей, да черных котов и кошек с котятами, ничего нету. А огород твой — всегда заросший. Если Адаська, зять не прорвет бурьян, то туда и по-легкому ходыш, есть куда. Посмотри вначале на свои «оглобли» и на своих детей...

Романовша, не выдержав, убежала от них, всячески матерясь, похлеще любого мужика — сапожника или пастуха. Ей вслед улюлюкали, хохотали, после чего она еще больше злилась на всех, готовая все дома их поджечь, желательно вместе с хозяевами.

— Шлях бы вас трахнув! — кричала она, оглядываясь. — Вы мэнэ щэ нэ знаэтэ! Ну ось почэкайтэ трохы¹. Узнаете щэ нэ раз.

Присутствующие дети Филиппа Власовича, вспоминая, как они жили до государственных переворотов в России, сравнивая шепотом прошлые времена о доходах, но скандала среди них не намечалось. И только лишь старшие, осознав все, проговорились:

— А ведь прав наш папа. Мы, действительно, обленились основательно. Теперь у всех семьи, но от подарков никто никогда не отказывался.

¹ Подождите... немного... (Укр.)

Однако Филипп Власович, как бы почувствовав их раскаяние, прервал затянувшуюся паузу, обведя всех взглядом, продолжил:

— А вы все же послушайте, мои дорогие, кем были ваши дедушки и бабушки. Кем были их родители. И почему моя родня попала сюда, на Донбасс, еще в позапрошлом столетии. Об этом я вам не всем рассказывал. И возможно, кто-то из вас мой рассказ примет за сказку. Но я не намерен что-то выдумывать...

Глава четвертая

Знакомство с наследием

— Но ниц не шкодзи. Ничего страшного, — тут же поправил с улыбкой сам себя Филипп Власович.

Присутствующие заинтересованно переглянулись. Некоторые уже не удивлялись тому, что он изредка употреблял иностранные слова в разговорной речи с собеседниками, бывало с гостями или в городах при деловых встречах. И они никогда не слышали от него ни упреков, ни бахвальства, вот, мол, какой я грамотный.

— То, что мы жили зажиточно или гораздо лучше других в нашей молодости, или вашей юности, или детстве при Его Императорском Величестве Николае II, это одно. Вы не можете не помнить, и мне можно смело сказать, что проводил шикарные свадьбы и давал приданное для всех вас, кто в ту пору женился или выходил замуж. Таких свадеб, богатых подарков и приданных никто в округе не получал, кроме вас, — продолжал старик с какой-то внутренней гордостью. — Но вы почти ничего не знаете обо мне и о моей жене. Так? Откуда мы оба и почему я сюда переехал?

Он, хитро сощуривав глаза, выжидающе смотрел на детей. За окнами продолжал поливать дождь, доносились громовые раскаты, по всему небу сверкала молния. Улыбчивые и гордые его глаза горели. Ему не стыдно было говорить о тех временах и вспоминать о подарках — не только личных, но и от его род-

ственников, материально гораздо лучше обеспеченных, чем он, один из младших братьев.

— Ну-ка, расскажи нам, папа, расскажи, пожалуйста. А то всегда мы слышали: «Шепетовка, Шепетовка, там все корни, вся там родня живет». А мать полтавчанка. А сама иногда отлично по-польски лопочет. Сами ездили к родственникам, и всегда без меня, — затараторил Кузьма. — То Гришку брали с собой, то Савелия или Евграфа, даже в Варшаве бывали...

— Ну-ка, перестань! Опять застрочил, как сорока-воровка, — одернули его старшие. — Не лопочет мама, а высказывается на польском языке, — упрекнула Кузьму его сестра Марина.

— Значит, очень любит свой язык, — дополнила дочь Луиза, учительница немецкого языка, жившая в Харькове.

Ее муж, Генрих Рудольфович Петерман, с иронией улыбнулся, так как ему не нравилось остроумие шурика Кузьмы, как и то, что он несколько раз советовал парню поступать в вуз, а тот отвечал, что еще успеет.

— А то снова папа не все расскажет. Может не успеть, — добавила Луиза и умолкла.

— Нет, — сказал старик. — У меня твердое намерение все вам о нас доложить. Ведь я уже пожилой человек и откладывать в долгий ящик нет никакого смысла. Хорошо, что моей жены сейчас здесь нет. Да хоть и войдет, а начнет возражать, то снова выйдет. — Филипп Власович вновь достал свою трубку с крышечкой, но наполнять ее табаком не спешил. Немного покашляв, он задумался: что им рассказать, что утаить и что в моей жизни главное?

— Родом я из Шепетовки, — начал он. — Там я родился и вырос. Я из обеспеченной, дворянской семьи. Неожиданно он резко поднялся с кресла, чтобы достать табак, явно разволновавшись.

«Не так просто рассказать всю историю. Но если хоть немногие поверят и запомнят, то жизнь будет прожита мной незря», — набивая трубку, молча подумал Филипп Власович.

— А вы, дети мои, никогда не задумывались о созвучии нашей фамилии и названия Шепетовка?

Присутствующие дети и взрослые внуки переглянулись между собой с любопытством, но промолчали. А некоторые подумали: «Какая здесь связь? И что за загадки наш дедушка нам

задает? Мама часто польские слова употребляет. А папа не только этот, но и другие языки знает хорошо. Где и когда они их изучали, интересно бы узнать». — Да-а, там все мои корни... — прервал паузу Филипп Власович. — Вполне возможно, что сейчас кто-то живет в Америке или в Канаде, а быть может, еще в каких-то странах. Ведь наши семьи были очень многочисленными, не то что у вас — раз-два, и обчелся. О фамилиях моих родных братьев и сестер я расскажу вам чуть позже. А сейчас послушайте о самом главном, о нашем сословии.

— Я, стало быть и все вы, мои дорогие дети — внуки и правнуки, являетесь потомственными графами, — уверенно сказал Филипп Власович. Хотя теперь этот титул ни к чему не обязывает лично вас, после революции...

— Вот это да-а-а! — зашумели слушатели.

— А я лично никогда в этом не сомневался. Ведь не зря же мне такое имя дали, — отозвался с довольной улыбкой самый старший сын графа Евграф Филиппович, крупный банкир-коммерсант, имевший свой коммерческий банк в Харькове. Это был человек целеустремленный, обладал твердым характером. Однако впоследствии, когда началась эпопея передачи частной собственности государству, Евграфу Филипповичу пришлось покинуть Советский Союз, вскоре выехать в Америку и начать новую свободную без советов жизнь. И по сей день его местонахождение неизвестно.

— Мой прадед, дед и их отец имели титул графа, который никем не дарован за какие бы то ни было заслуги перед Отечеством нашим, — утверждал Филипп Власович. Это точно.

— Мои, и ваши дедушки, и бабушки, были очень богатые, грамотные, воспитанные люди, — повторил он не громким, но уверенным тоном. — И я ими горжусь! Некоторые из них были очень знаменитыми личностями, воеводами и полководцами Киевской Руси. Кое-кто служил при дворе Его Императорского Величества России Александре III, и между прочим, от одной из внучек гетьмана Украины Богдана Хмельницкого граф Шепетько, не помню уж точно имени и отчества, чтоб не ошибиться, женившись, построил себе прекрасный дворец на наследственной земле, которое разрасталось... и стало нынче крупным населенным пунктом, под названием в его честь — Шепетовка.

В свое время он совершил немало подвигов в Русско-турецкой войне во имя своего Отечества...

К сожалению, — продолжал Филипп Власович, — а может быть, к счастью, я все наши дворянские документы сжег после революции потому, что у меня затаилось недоверие лично к Сталину, когда он стал нами править. Я ведь знал его хорошо. Уж слишком он горяч и властолюбив оказался, хотя во многом он, конечно, прав.

Но дворянину Ульянову Ленину и им организованной партии большевиков хотелось сделать жизнь лучше для пролетариев всей Российской империи. Был такой же indefatigable, untiring¹ ваш дедушка Влас Власович, помогал ему и партии, чем мог. Далеко до революции ваш прадедущка рядом со своим именем разрешил своим придворным строить домики, а крестьянам «лепить» собственные «гнездышки». Я это точно знаю, видел документы отца деда и прадеда, когда они ушли в мир иной, а документы сохранились.

Прадедущка был щедрой души человек, — уверенно продолжал он. — Именно таким охарактеризовали его мои родные дедушки и бабушки. Именно таким я себе его представляю и горжусь всю жизнь, что он был decent², любил order³ во всем — порядок.

Старик на какое-то время задумался. Прикурив свою любимую трубку с крышечкой, Филипп Власович еще молчал, вспоминая рассказы дедушки, а также советы родного брата Всеволода и старшей покойной сестры Прасковьи.

— Очень хорошо, мой дорогой племянник, что ты получил не одно высшее образование и отлично владеешь иностранными языками, — говорила графиня Прасковья Власовна. — Настоятельно рекомендую тебе выехать из Шепетовки в Киев или хотя бы на Донбасс. Только там ты сможешь себя применить в деле во благо Отечества нашего и Его Императорского Величества России... Забудь, что ты когда-то тоже был не плохим военным...

¹ Неутомимый (англ.).

² Честный (англ.).

³ Порядок (англ.).

А здесь ты никогда не состоишься как дворянин, как личность рода нашего. Я чувствую, надвигаются страшные года, в которые мало кто выживет, особенно интеллигенция. Если поступишь разумно, женишься не на ком попадая, тогда и жизнь твоя и твоей семьи будет вам всем в радость.

Подумав несколько секунд, графиня продолжила, уже будучи в тяжелом состоянии, незадолго перед кончиной своей по старости. Ей было в ту пору за сто лет.

— И все же было бы лучше, если бы ты уехал за границу, как это сделали все известные родственники и знакомые. А я здесь родилась, здесь и помру. На нашем родовом кладбище и похоронить меня надлежит. Запомни мои слова, позже об этом ты вспомнишь, ибо это неизбежно. Жениться сильно не торопись, еще успеешь...

Филипп Власович еще тогда заметил на глазах тетушки слезы сожаления, что она не сможет помочь ему с отъездом, а он лично на это никогда не решится. Она знала его отношение к чужим странам из неоднократных высказываний после возвращения домой с его младшим братом Всеволодом. «Как бы там за границей было ни хорошо, но дома лучше. А запах Родины нам сладок и приятен», — подумал про себя граф Филипп Власович.

Прикурив свою любимую трубку, Филипп Власович еще помолчал, раскуривая ее. Слушатели снова зашумелись. В распахнутое окно подул свежий ветерок, освежая память об его молодости.

— Да, там свежее воздух, очень красивая местность и земля плодороднее, чем здесь. Никак не сравнишь красоту той местности с Донбассом. Но судьба вносит свои коррективы в жизнь каждого человека, независимо от его происхождения и веры. Разве можно было когда-то предположить, что последний император России Николай II отречется от престола. Разве можно было подумать, что Российская империя падет на четвертом столетии правления династии Романовых, которая началась с Михаила и должна была продолжиться Николаем II или Михаилом, который так же отказался и уехал в Лондон. Почему они отказались? Почему Михаил удрал из России, предал ее? Но будет еще, вы доживете до того, когда-то будет Михаил «Меченый», которого никто не сможет обвинить в предатель-

стве своего народа, в перевороте. Он выйдет сухим из воды и награжденным.

Лицо их отца как-то изменилось, стало еще более серьезным.

— Это было уготовано свыше — очень жесткое испытание для нас. И требовалась решительность от Николая П. Именно решительность его была необходима, — с этими словами Филипп Власович опустил седую голову, но продолжал говорить: — Конечно, народу нашему всегда хотелось начать жить по-человечески. Но это желание было трудновыполнимо из-за лени, безграмотности, тупости, присущих нашему славянскому народу и лично вам, дети мои. Хотя вы тоже являетесь потомством передовых умов, но...

Позже я съездил и увидел своими глазами: имение наше было разграблено, а затем сожжено, наверняка какими-то недоумками крестьянами или анархистами-бандитами. Все изуродовано. А лет через пять я снова заезжал в Шепетовку. Даже следов от дворца не осталось, — с тяжелой грустью промолвил отец. — У меня невольно потекли слезы, и я поторопился уехать. Долго был в шоковом состоянии. Вернувшись домой, я еще долго не мог успокоиться. Каким было имение — красивый дворец, благоустроенный! Какие балы устраивали в нем наши предки!

— Ведь можно было его оставить как памятник архитектуры на память потомкам нашим, — продолжал Филипп Власович. — Но кому-то очень хотелось уничтожить даже следы эксплуататоров и их имения. А какими мы были эксплуататорами, если, когда нанимали людей работать, мы им всегда оплачивали честно и добросовестно за их благородный труд. Кроме всего этого мы еще и кормили хорошей горячей пищей этих работников, той, чем сами питались. Но разве можно было кому-то что-то доказать? Решила партия большевиков вот так-то, и никаких возражений. Ведь осталась только одна партия в России, правящая и направляющая.

— «Кто не с нами, тот против нас!» Так они между собой порешили и действует именно так сейчас Сталин. Я возмущен его доверительной политикой Лаврентию Берия! — сказал Филипп Власович со злостью. — Сколько они уже успели уничтожить выдающихся людей, ученых и командиров Крас-

ной Армии, служивших верой и правдой Родине своей, для большевиков. Но тогда с ними враждовала Еврейская коммунистическая партия (ЕКП), в число которых входил Троцкий (Лейбой Бронштейн), Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд), которые протащили ЕКП в ВКП(б), пока Ленин еще дышал, чтобы потом опереться на его якобы согласие — объединения двух коммунистических партий России. Им удалось это сделать по той простой причине, что в ЦК РКП(б) евреев было большинство. И очень стремились они овладеть российскими просторами и богатством страны. А Лаврентий Берия не только помогает, но и расчет какой-то определенный имеет...

— Ладно имение наше разграбили, а зачем было им — храмы разрушать и уничтожать, построенные нашими предками для веры, для праздников, — спросил Филипп Власович, заговорив о наболевшем. — Вот такое было и есть сегодня legacy после революции, нынешнему Советскому Союзу. Сколько народ натерпелся, а сколько еще предстоит вытерпеть. Многие умные люди, как вы знаете, еще раньше покинули Россию, уехали за границу, закрыв на все глаза. Но большинство из нашей родни еще долго оставались на родине, изменив чуть фамилию свою на Шепотько, а мы с Ефимовым отцом стали Шепитько. У него есть жена и дети¹, только я их давно видел. Почему-то они сегодня не приехали из Артемовска. А может, теперь он считает, что не из нашего рода и вообще не из Шепетовки? Загордился или испугался Советов?..

Отец выглядел расстроенным и вышел из комнаты. Побродив по двору, вернулся обратно, сел в кресло, задумался.

— Расскажу, когда и на ком я женился. Наверняка им интересно именно об этом узнать? — И как это мы с Полькой умудрились так быстро и так много нарожать детей? — усмехнулся молча он. — Шесть дочерей — все замужние, и пятеро сы-

¹ Семья Ефима Шепитько в конце 30-х переехала из г. Артемовска (Донбасс) в г. Львов. Его дочь, сестра, двоюродная автору, Лариса Шепитько позже жила в Москве, была кинорежиссером, погибла в автокатастрофе, успев создать девять фильмов, есть сын Антон Элемович Климов... .

новой женатых, да еще эти двое. Как быстро наши годы пролетели...

Филипп Власович молчал, не все мог сказать вслух, не хотелось детей обижать. «Да-а-а, — думал он, — отец мой был прав, что дети нас и обанкротят. Мне надо было учить их зарабатывать себе на жизнь, а не стараться всех всем обеспечивать. Уж чересчур я сердобольным оказался, как и все мои предки. Но, что тут поделаешь? Они-то все мои дети и внуки. Это точно, бесспорно. Вот Кузьма мой молодец, да Савелий с Матвеем и Евграфом. Их все уважают и как-то ценят, как я знаю. Эти в мой род пошли. Смышленей оказались остальных. И еще Григорий с Петром, тоже более-менее. Хотя если вдуматься и понаблюдать, то получается, что остальные дочери действительно маленько ленивые, в мать пошли, в ее семейство ненормальное. Пускай теперь они живут так, как хотят. Лишь бы она не обижала потомство наше, когда я уйду из жизни. Полька ведь моложе намного, а характер у-у-у-х какой, порой даже невыносимый. Наверняка они извлекли для себя урок, сколько детей иметь, как учить и как их воспитывать. Это теперь их дело. Никто не может указать. Слава Богу, они теперь уже все взрослые.

Понравилась уравниловка, «долгой помещиков и капиталистов», проживем без них, ну что ж, живите. А я уже давно ни тот и ни другой, хотя титула дворянского меня никто не лишил...

Возможно, где-то в старых дворянских архивах и фигурирует наше «Древо родовое». Но нашу связь с ним теперь сложно доказать. По нынешним моим документам, я родился здесь и против власти советской ничего не имею. Но на всякий случай надо поговорить с зятем, чтоб он пересмотрел еще раз как следует архивы в Киеве и Харькове. А впрочем, мне нечего бояться. Мой самый лучший сынок — Матвей, очень толковый горный инженер. Отзывы о нем были мне приятны. Работает честно и добросовестно на них. Но чувствует моя душа и сердце, что-то неладное с ним происходит. Видно, кто-то подкапывается, иначе он тоже был бы здесь сегодня со всеми, хотя я ему давно все рассказал, портреты наших предков оставил. Правда, может быть, не стоило ему их дарить. Хранит он их или нет, портреты и картины

древние¹? Может быть, из-за них проблемы появились? Ведь лица прадедов и дедов как две капли на нас похожи, будто с нас они художником написаны. Надо же такое сходство!»

И опять я вынужден отвлечь читателя от повествования, чтобы кое-что уточнить. Матвей, женившись на дочери генерала Власова, Надежде, съехал из родительского дома. Жил и работал, получив образование на рудниках, как тогда называли рабочие поселки вокруг Донецкого угольного бассейна (Юзовского, Сталинского). Работал горным инженером и начальником различных угольных шахт в Горловке. Передовых взглядов горный инженер дворянин, он мало чем отличался от своих пролетарских сотрудников. Был честен, трудолюбив, дорожил каждым шахтером, жалел лошадей, работающих в глубоких подземельях на добыче и перевозке к стволу подачи «нагора» каменного «черного золота», столь необходимого для промышленности и населения.

В шахтах кроме самопроизвольных обвалов породы случались иногда и диверсии, в результате которых гибли и калечились шахтеры и лошади. Энкэвэдэшиники пытались предотвращать их, но обычно не успевали. По этому поводу у меня сложились такие строки:

*На шахте «Крутая Мария»
Вдруг снова случился обвал.
На уголь, на камни сырые
Мой верный товарищ упал.
 «Скажи мне, «Крутая Мария»,
 Ужели то смерть настает?
 Я молод, Мария другая
 Меня на поверхности ждет...»*

*А там, на поверхности, семьи
Собрались все к шахте «Крутой»,
К ним вышел начальник из кельи,
Весь красный, возможно, хмельной,
 «Мы в шахту спускаться не будем,
 Мы выдали помощь сполна...»
 А жены кричали: «Ждать будем,
 Верните мне мужа... Сынка!..»*

*Спасатели нас откопали,
О чем я уже не мечтал,*

¹ Автор в детстве все видел у дядей по отцовской линии.

*И все мы счастливыми стали,
Хотя инвалидом я стал.
Мы раньше с женой не спали,
Пока не случился обвал,
Детишек мы с ней нарожали,
Теперь нам не страшен завал.
Растим мы своих ребятишек.
Уж внуки и правнуки есть,
Не знаем хлопот и тех «шишек»,
Что жизнь нам дарила — не счесть...*

Однако тогда «подозреваемых» всегда находили и обезвреживали. Уж насколько безошибочно? Этого в настоящее время никто не может знать точно.

Матвей с женой лишь изредка приезжали в гости. Вот и вчера были, оставили сыночка Василька и уехали домой, так как Матвею Филипповичу надо было утром на работу. Работа на шахте была немногим менее опасной, чем германский фронт, где тоже гибли его люди, которыми он тогда командовал, защищая Россию от кайзеровских войск, где и был ранен.

— Извини меня, папа, и мою жену Надюшку, что я не смогу присутствовать на твоём юбилее, — сказал, собираясь домой, его сын. — Мне на службу надо. Время какое-то смутное. А вот сыночка нашего, внука твоего Василька, мы оставим у вас...

Филипп Власович, конечно, не возражал, кивнул согласно:

— Пускай познакомится со всеми дядями да тетями своими завтра.

Матвей очень сожалел, что до сих пор еще никто не приехал. Хотелось ему повидаться, с родными поговорить обо всем. Но ничего не поделаешь. Еще даст Бог, свидятся».

И сейчас, стоя у раскрытой форточки, покуривая трубку, еще что-то вспоминал отец большого семейства. Иногда улыбался себе в усы. Надежда на встречу с сыном его не покидала, хотя сомнения тоже были рядом.

Глава пятая

Кто все же «охмурил» графа?

— ...Пап-а папа, мы все же очень внимательно слушаем, — не выдержав затянувшейся паузы, сказал Кузьма, присаживаясь к столу.

— Да-да, я сейчас, — ответил Филипп Власович.

Лицо его посветлело, заулыбалось.

— Было это очень давно, но как будто вчера, — начал он. — Я со своим отцом однажды поехал в Польшу по каким-то коммерческим делам, после своей отставки из государевой службы Императору Российскому — Николаю II.

Хотя в юные годы я также ездил с ним, но эта поездка была особенной, какой-то решающей, что ли. И брал он с собой только меня, — добавил он с гордостью. — В то время их воеводства входили в состав Российской Империи. И так как я был тогда еще очень юным и жил при родителях без всяких забот и хлопот, я не вникал в суть дела его деловых поездок. Я просто жил, был доволен и счастлив тем, что являюсь сыном своего любимого и любящего меня отца Власа Всеволодовича.

Это было до государевой службы. А когда служил, вспоминал все те поездки и дворцы, которые мы с ним посещали в Варшаве и Кракове. Даже сейчас хорошо помню, — уверенно подчеркнул свою незабывчивость рассказчик, присаживаясь в свое любимое кресло. — До сих пор звучит в ушах вальс Шуберта, а их разговорную речь и произношения, я никогда не забуду. — И бардзо им дзенькуйэ за госьцинносьць та запрошэне¹, — с улыбкой сказал он. — Шикарно разодетых шляхтичей и панинок помню. Были балы, танцы и застолья светские. И за то дзянькуе² судьбе, — добавил он, улыбнувшись. — Потом была служба государева, походы всевозможные. Да-а, годы! Летят они очень быстро...

¹ Большое спасибо за гостеприимство и приглашение (польск.)

² Спасибо (польск.) .

Заметно было по высказываниям и выражению лица, что воспоминания были особенно счастливыми, очень приятными для старика графа Филиппа Власовича. Рассказывая, он улыбался и, наверное, чувствовал себя героем той поры, и в этом ничего удивительного, в любом возрасте. Лицо его заметно молодело. Исчезли на лице все морщинки. Исходила энергия добра и порядочности. В это время даже погода будто менялась. Ощущался легкий ароматный запах сирени и других цветов. Слышны были песни всевозможных птиц в садах, а также в небольшом Клиновском лесу за околицей села на Донбассе. Недалеко слышны были песни молодежи.

— ...А тогда, — продолжал граф Филипп Власович, — я познакомился с пани Хипульской — молоденькой, симпатичной девушкой, оказавшейся близкой родственницей ясно-вельможного пана воеводы — графа Сапегжского, которые жили в Варшаве, а ее копия — сестра из Полтавы приехала с родителями... о которой я слышал, но пока еще не встречал. Вскоре уже эти полтавчане заметили перемену в моих отношениях между нами, то есть Хипульской и Савицкой, разницу между которыми раздельно, абсолютно я не замечал. Мои встречи очень участились и бросились в глаза тем присутствующим их гостям, родителям пани Савицкой из Полтавы... а также Хипульским, нашим партнерам. Заметил это и мой родной отец, — продолжал Филипп Власович. — Он, конечно, молчал, не делая мне никаких замечаний. Но вскоре пани Хипульская Генриетта стала очень не безразличной для меня личностью. И мне вдруг показалось, — продолжал граф, — что в Савицкую тоже можно влюбиться. Хотя еще пока не был с нею знаком, но ни в коем случае как в Генриетту Хипульскую.

С этими словами он как-то по-особенному улыбнулся молоденькой улыбкой. Генриетта была особенной личностью, и, сколько служил, она не выходила из его памяти.

Видно, опять ему привиделась его любимая... но тут же, как-то вдруг лицо его стало не таким. Вспомнил он чуть ли не дуэль с женихом Генриетты Хипульской. Но, как оказалось, у него толку хватило лишь увидеть ее в объятиях, — сбежал...

— Мой папа считал, что я еще не созревший жених, хотя незаметно для него приближался к тому времени мой юбилей. Как мужчине сыну все же папа доверял мне, и он не придавал большого значения, как и с кем я встречаюсь. «Пускай барышни берегут свою честь смолоду, свою девственность, а парням не рожать, — рассуждал отец. — Повлюблялись и разбежались... Бывает»...

Катались мы на лошадях — рысаках верхом, на охоте бывали. Посещали театры и рестораны с определенными компаниями панов и панинок, на что отец никогда денег мне не жалел. Гуляй, сынок, пока холостой, говорил он. Время, мол, еще есть...

Но так уж получилось, что именно в тот свой день рождения, после поздравлений и распития шампанских вин и коньяков разных, мы признались друг другу в любви. И... поклялись навечно быть вместе, чего бы нам это ни стоило, потому что мы были разной веры и родители, отец мой, возможно будет против, потому что я был уже помолвлен в Шепетовке. А там, в Варшаве, произошло это вечером, в саду — в беседке у фонтана с шикарным бассейном, где плавали белые лебеди попарно, пели свои прекрасные песни соловьи, а в имении потомственного графа воеводы по династии играл оркестр...

Настроение было — просто невозможно передать!.. — Граф Филипп Власович вдруг замолчал, тем более, что он «увидел сейчас перед собой будто только именно Генриетту Хипульскую, с которой танцевал, а познакомился в беседке скучающей по своему жениху, «в то время где-то отсутствующему трусливому «зайцу», вспомнил он молча. Партнерша на миг отлучилась, извинившись, и тут же «вернулась»... еще привлекательнее.

Не заподозрив в этой подставное лицо, как две капли воды с ее сестрой, эта пани тоже готова была выйти замуж за него и уехать с ним хоть в Шепетовку, хоть на край света. Жених приревновал, но выйти из-за кустов не хватило смелости...

У меня, когда я позднее начал писать эту историю в пересказе дяди Григория Филипповича, появились такие строчки:

*На свидание птицей летела
В одеянии лучшем своем,*

*Даже небо в ночи посветлело
И застыл, серебрясь, водоем
А верба до земли наклонялась
Отзвук каждого шага лова.
Для влюбленных свидание мчалось —
Незаметно подкралась заря.
Скоро солнце по лугу проскочит,
Подогреет на травах росу.
С нами ночь расставаться не хочет,
Задержалась на время в лесу.
Свежий воздух хватая губами,
Провожал он ее до ворот.
А трава шелестит под ногами,
Будто следом за ними идет...*

5.03.1989 г.

г. Донецк

Филипп Власович вспоминал луг и сеновал, нежное тело и упругую грудь, сладкие губы и ласковые руки.

— Как нам хотелось взлететь в небо и улететь далеко-далеко. А как мы тогда целовались, забыть просто невозможно. И откуда взялась такая любовь?

...И тут-то мы не сдержались... По-моему, это она была согласна на все, — пожилой рассказчик чуть покраснев, поднялся с кресла, не спеша, снова подошел к открытой форточке, чтобы раскурить трубку.

На улице за окном пела та же осень, как пять с лишним десятков лет назад, так же пели птицы, напоминая ему свою бурную молодость, в чем-то даже очень знаменательную для него.

— Несколько дней я не знал, даже не подозревал, что Генриетта Хипульская в Варшаве имеет двойняшку Савицкую из Полтавы, — снова не назвав умышленно имени, повторился он. Тут-то чуть осекся, замолчал, покуривая трубку. Подойдя к распахнутому окну, он подумал: «А кого из них я целовал и ласкал в Варшаве? Кому же я и кто мне давал клятву? Наверняка это была именно моя Генриетта, а не та, с кем сейчас живу. Может быть, они, действительно, по очереди были со мной, чуть позже я узнал от своего отца. И как я мог этого не заметить?» — размышлял Филипп Власович.

— Но какими они были прекрасными наездницами отдельно и как смотрелись верхом на лошади! Любо-дорого посмотреть! Никак нельзя заметить разницу между ними, ни в чем. Я также старался «не упасть лицом в грязь», так как тоже успел научиться верховой езде не только дома, но и на государственной службе в кавалерийском полку.

Но когда я все же решил рассказать в той же беседке о своих чувствах своему родителю, поняв, или мне так показалось тогда в Варшаве, что девушка-панинка стала всей основой дальнейшей судьбы и жизни моей в этом городе, папа тут же, рассердившись, закричал, да так громко, что я был чуть ли не в шоке: «Ты что это вздумал?! Мальчишка! Жениться, что ли? На которой из них? Они же просто тебя разыгрывают, развлекаются с тобой!» — вспоминал он.

У меня глаза видно так расширились, что моему отцу сразу вдруг стало не по себе. Однако продолжал: «Пойми, сынок, мы разной веры. Мы православные, а они католики. Какой же веры будут дети твои и внуки? И вообще, подумай, сын. У тебя же есть невеста дома — Верочка, с которой ты помолвлен!»

Присутствующие шушукались, но рассказчик сидел, молча решал, все ли подряд рассказывать...

«Она же ждет тебя домой уже сегодня. Что я им всем скажу? Какое оправдание придумаю? Одумайся, сынок. Та семья тоже не нищенствует и невеста не хуже этих двух, вместе взятых. Работящая, симпатичная! Какую тебе еще надо? Толковая дивчина, своя... Полек мне еще не хватало!» — хранил в секрете Филипп Власович...

— Одним словом, началась как бы война между нами, — продолжил все же рассказ граф Филипп Власович своим детям... — Длилась она сравнительно долго, чего сроду я против отца до тех пор себе не позволял даже единым словом.

Но теперь я пытался как-то защищать нас обоих: «Какая разница в вероисповедании, если мы любим друг друга? — доказывал я вашему дедушке. — И не надо меня убеждать, что меня здесь разыгрывают! Я люблю только одну девушку и не разу не видел и не замечал точно такой же другой».

«Да они же как две капли воды! — утверждал отец. — Я их видел раньше вместе, рядом друг с другом», — возбужденно доказывал мне мой отец.

Мне тогда показалось, мол, что у меня с головой стало что-то не в порядке, — лишнюю рюмку коньяка выпил после шампанского... Еще и подсмеивались шляхтичи, показывая на тебя пальцем. Тебе же было тогда все нипочем... А они подменивали друг дружку и смеялись. — Тут же рассказчик как бы осекся снова. — Если продолжать начистоту, то мои дети и внуки все поймут, — молча рассудил Филипп Власович, прохаживаясь по комнате.

«Не хотелось бы оставлять после себя кривотолки. А что касается их матери, то все или большинство из них знают, что она хитрая, изворотливая хищница жена», — подумал Филипп Власович, покуривая трубку.

— Именно Савицкая из Полтавы хочет выйти за тебя замуж потому, как мне кажется, что она обделена сравнительно ее двойняшки той роскошью нарядов и богатства, которыми наделили ее приемные родители Хипульские Генриетту. Они все шляхтичи — поляки. Но Савицкий, их отец родной, неудачник и бездельник. Думал, в Полтаве им больше повезет. Сам об этом отцу когда-то рассказывал, когда я еще служил своему Императору...

— Извините меня, мои дорогие, — после всех этих воспоминаний сказал Филипп Власович, направившись к выходу. — Я оставлю вас ненадолго. Кое-куда схожу и покурю на свежем воздухе...

«Пускай дети мои и внуки поговорят сами между собой, без меня», — решил он. — Надо же какой-то перерыв сделать. Сходить по надобностям, заглянуть в сарай...

Однако воспоминания его не покидали.

— Говорят, прежний жених ее бросил. А твоя Генриетта видать характером помягче. У нее есть жених, воеводы Мжельского Феликса сынок. Поэтому она уступила тебя той, своей двойняшке Савицкой. А Савицкая, наверняка решила общипать тебя как курицу, ведь она из бедной семьи. Ее родители все в долгах, имения уже нет, живут тихо, что бы не оскандалиться на весь мир. Спустит твое состояние Савицкая, не только на наряды, она сможет обанкротить твою семью ради своей, да еще и помимо воли твоей и желания, нарожает много детей. Дети — это хорошо, но они вырастут, захотят жениться и выйти замуж с приданым. Тогда попробуй обес-

печить всех одинаково — старался убедить его отец Влас Власович.

Филипп Власович прикурил потухшую трубку во дворе, сходил и заглянул в сарай... Старшие сыны знали — кто есть кто. Их жены, молча переглядываясь, терпеливо дожидались возвращения свекра, хотя некоторые из них поняли весь смысл рассказанного.

— Послушай меня, сынок! Польша Савицкая очень подозрительная личность, — продолжал Влас Власович убеждать сына. — А у тебя очень мягкий характер. Завтра же мы уедем, и ты забудешь эту Польшку навсегда! Хотя дела мои здесь еще далеко не завершены, но ты сам вынуждаешь меня на этот шаг. Собирайся, надо бежать от Савицких, пока не поздно.

Но молодая Савицкая так сумела организовать нашу как бы нечаянную встречу на следующий день, что отъезд наш из Варшавы стал невозможным. Коммерческие дела развернулись явно в пользу гостей из Шепетовки. Я, не поверив отцу, решил сделать все посвоему.

Думая о судьбе своего деда, я понял, как обманулся он в свои молодые годы. Ведь он полюбил не Польшку Савицкую, а Генриетту Хипульскую, обнимал и целовал ее, ей давая клятву. А Савицкая, действуя под именем своей кузины, вынудила его поддаться ее молодости, очарованию и ласкам замаскировавшейся лисы.

*Люби только честно,
Не нужно хитрить.
Судьба, как известно, обман не простит.
Ехидством, словами Не делай укол —
Всегда будет с нами большая любовь.*

*Пожухла от солнца трава,
Цвет зелени свой потеряла.
Она мне шептала слова,
Которыми душу ласкала:
«Соколик мой ясный, родной»,
Как эхо в груди отзывалось.
Прекрасно нам было с тобой,
До сердца любовь добиралась.
Мы долго стояли на росном лугу,
Пришлось до утра объясняться.*

*То я от тебя отойти не могу,
То ты не хотела расстаться...*

— Ты еще очень молод, говорил отец, войдя в дом, — продолжал свою исповедь Филипп Власович. — Ты не сможешь содержать свою семью так, как подобает всему нашему роду. Мне жаль, что я тебя ни к чему не привлекал, ничему тебя не научил до сих пор. Но, как вы все видите и знаете, я сам постиг все науки, смог вас всех вырастить и выучить. Теперь забота об этих двоих холостяках — Савелии и Кузьме. Но, к сожалению, годы ушли, укатили колесом.

*Вернуть бы мне былые годы...
Об этом можно лишь мечтать.
Но знаю я, за все невзгоды
Судьба заставила страдать.
Вернуть бы бодрость молодую,
Вернуть бы удаль молодца,
Петра вернуть бы и подругу,
Вернуть бы маму и отца.
Но нет возврата после смерти.
Здесь лучшим будь! Ведь жизнь одна.
Душа их с нами — все мы смертны.
Такая жизнь нам всем дана!
Нас предки любят, не забыли.
Я в это верю — их люблю.
Они нам жизни подарили,
Но злых «зверей» я не люблю!
Я не люблю колдунь проклятых,
Что портят жизнь нам на Земле,
Я не люблю и тех заклятых,
«Кто Храм разрушил, те в дерьме¹» ...*

После паузы Филипп Власович снова заговорил:

— Вам я оставляю все лишь то, что на сегодняшний день имею, — пустые амбары добротные, в сарае свиньи, лишь один

¹ Не только один этот герой так считал... Руководили разрушением Иуды, ведь они же распяли Иисуса Христа, организовали (ЕПК) сионистов с программой завоевать, подчинить себе весь мир и СССР.

магазин за Кузьмой, и ни одной бочки с вином. Никаких драгоценностей уже у меня нет — кроме вас. Домашней живности с каждым годом все меньше и меньше. Все свое имущество я, как известно, вам всем подарил как приданное и никогда не жалел об этом. Кое-кто из вас, — продолжал старик, — мне рассказывал о нечестных поступках вашей матери — моей жены. Но мне трудно увежиць, тьфу ты, пардон, поверить. Я, конечно, был уверен, что никто из вас не мог что-либо взять без моего ведома. И все же все уплывало почти незаметно... И безвозвратно, — добавил он и умолк.

В молодости, когда женился Филипп Власович и когда подросли первые и стали понимать, что к чему, думал, что дети в отместку за что-то наговаривают на свою мать о воровстве из семейной кассы для ее гостей из Полтавы — во время его отсутствия.

Потом увидел лично, не только по мелочам, но и по-крупному, недостачу — червонцев, серебряников, золотых приборов, хрустали и прочих вещей, приготовленных для будущих невест-дочек как приданное. Однако сказать своей жене об этом он никак не мог, о чем предсказывал его отец, точнее, предостерегал сына..

Глава шестая

Последнее признание

Влас Всеволодович так же оказался прав в том, что под видом и именем Генриетты, Филипп женится на Польке Савицкой, а та, через какое-то время, уйдет в мир иной во время родов, еще до замужества... помирившись с Феликсом Мжельским. Но сынок от Филиппа Власовича останется жив...

— Просто language¹ не поворачивается, — возмущался он, изливая душу Матвею Филипповичу, любимому сыну, работавше-

¹ Язык (англ.).

му уже тогда маркшейдером шахты «Глубокая» в г. Горловке, главным инженером, а затем начальником одной из шахт в Горловке.

Филипп Власович только теперь все же всем сообщил:

— Это ваша mother¹, mamma², дорогие дети, ваша grandmother³, также глядя на внуков, — добавил он.

Вот из-за кого bankruptce, insolvency, failure⁴ я обанкротился! — хотел также он добавить, объявить присутствующим. — Вот кто мне всех вас нарожал, а я жил всю жизнь «как не в своей тарелке»... Но мне не кого обвинять. Я сам во всем виноват, что поспешил жениться... Не поверив, не прислушавшись к словам отца... деда вашего... Однако обедев всех взглядом и не встретив тех голубых глаз своей юности (а они были как две капли воды), он все же засуетился, спросив громко:

— А где это моя Польша? Куда девалась моя жена? Где она, я хочу ее видеть здесь и сейчас же.

— Да тут я Филя, на кухне, — отозвалась мать-старушка из-за двери. — Выходила я с кумой на свиноматок смотреть, фшы-стко ф пожонтку⁵.

— Теперь только они меня успокаивают под старость лет, — как бы отвечал всем пожилой Филипп Власович. — Продать их, и будут какие-то деньги.

— Ни одной минуты не может прожить без меня, — глядя на свою куму, прошептала она с улыбкой и с какой-то гордостью.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась та самая, тоже очень симпатичная «девушка-панинка», теперь мать-бабушка, ставшая совсем недавно прабабушкой, известным способом занявшая место своей кузины Генриетты Хипульской, теперь давно уж покойной.

«Пускай будет ей Земля пухом, а их сыну счастья».

Несмотря на почтенный возраст, щеки ее горели, как и губы, чего нельзя было сказать об их куме Ефросинье Васи-

¹Мать (англ.).

²Мама (англ.).

³Бабушка (англ.).

⁴Банкротство (о фирме) (англ.).

⁵Все в порядке (польск.).

льевне. Вроде та на свое здоровье не жаловалась никогда и жила в достатках. Однако была она всегда бледна, будто обескровлена.

Всегда приезжали к ней какие-то люди, якобы лечиться от порчи и сглаза, но поговаривали, что она и сама все могла...

— Ты же сказал «пшепрошам, але то не твоя справа»¹, вот я и не вмешиваюсь, — сказала жена с упреком.

— Готовим ужин, да и на завтра кое-что, к твоему юбилею. Ну ладно, *bed pardon*² меня за резкость, бывает, — улыбаясь, сказал пожилой граф Филипп Власович, чуть ли не бегом направляясь к ней.

«Как только меня угораздило тогда на тебе жениться, не разобравшись до конца, — подумал он, все же обнимая ее. — Надо было послушаться отца».

— Вот полюбуйся, какие у тебя орлы и орлята сидят, — одноко сказал Филипп Власович. — Это же наше с тобой продолжение рода. Наше наследие.

Давно уже перестала бояться Полька Савицкая, что ее муж Филипп Власович, узнав однажды всю правду про нее, увезет ее в Полтаву и там оставит, тем более здесь, рядом, появилась кума, помощница «мастерица всех-всяких делишек». Поэтому она рожала ему ребенка за ребенком, и он оставался почему-то доволен.

А сейчас они приблизились друг к другу и, обнявшись, крепко поцеловались для примера присутствующим.

— Вот так бы и вам всем прожить. Вас вырастили. Выучили тех, кто очень хотел получить благородное воспитание и образование, в том числе высшее, как Макар, Евграф и еще некоторые из вас. Вот уже внуков и правнуков дождались в мире и согласии.

А сам про себя подумал: «Только нуздайте хорошенько своих жен, не позволяйте над собой верх держать!» Всем своим сыновьям он утверждал: «Мужик должен быть хозяином в доме! Только от него должно зависеть семейное благополучие и рождает»

¹ Извини, но это не твое дело (польск.).

² Извини (англ.).

мость, никакого диктата — матриархата не должно быть в нормальной семье».

— Проживем и мы так же, не сомневайтесь, — ответил за всех Кузьма, — если все до конца о вас узнаем.

Тут же «цокотун-коммерсант» осекся, посмотрев на всех виновато, хлопая глазами, испугавшись своих слов...

— А о чем ты тут рассказывал без нас? — спросила Польша своего мужа Филиппа Власовича.

— Пшепрошам, але то не твоя справа¹, — отвечал старик, с упреком посмотрев на Кузьму. «Ох и язык у тебя!»... — при этом подумал Филипп Власович.

Но глаза его жены сразу загорелись.

— А цо се стало? — допытывалась Польша. — Что случилось? — Смотрела она на всех с презрением и даже с ненавистью. — Неужели что-то обо мне рассказал и о сестре моей?

— Лепей вем, цо мам робиц², — ответил Филипп Власович в упор, глядя ей прямо в глаза. — Пильнуй своего носа³! — со злостью заключил он.

На улице подул сильный, порывистый ветер, и где-то рядом очень сильно грянул гром, засверкала ослепительная молния.

Внуки, испугавшись, прибежали в гостиную к родителям. Тут же повторно грянул раскатистый гром. Будто по всему небу промчалась какая-то невероятных размеров и упряжек тачанка.

Все присутствующие здесь женщины испугались, стали креститься...

— Дедушка, а дедушка, так что получается? Наша бабушка не только по имени Польша, но и по национальности тоже? Да? — допытывался внук, Макара Филипповича сынок, лет десяти. — Это правда? Я так понял, дедушка? Я все слышал...

— Да разве это так важно? Кто по национальности твоя бабушка? — отвечал растерявшийся преклонного возраста рассказчик Филипп Власович.

— Успокойся, мой дорогой внучок. Пойди вон туда, присядь.

¹ Извини, но это не твое дело (польск.).

² Я лучше знаю, что мне нужно делать (польск.).

³ Не лезь не в свое дело! (Польск.)

— А мне хочется знать точно, — настаивал Василек. — Я хочу все про вас знать. Я весь ваш рассказ слышал, и мне хочется уточнить...

За окном еще сильнее разбушевался штормовой ветер и по стеклам еще чаще и сильнее застучал град.

— О гапу Иисуси¹! Да что же это за наказание такое Господнее, а? Ты как себя ведешь? То обужаенцэ (неслыхане, недопушчальнэ²)! — сердито сказала бабка Полька. — Очень жаль, что сегодня здесь нет твоего отца. Нечего тебе здесь делать, сорванец несчастный! Спадай³! — С этими словами она положила обе руки на плечи мальчишки и начала выталкивать его из комнаты.

Лицо ее стало красным, обозленным, и казалось, что сейчас оно вспыхнет огнем и все здесь сгорит ярким пламенем. Такого лица еще никто не видел.

— Не слушай ты стариковские басни! Спадай! Погуляй на улице на свежем воздухе! Мальчишка упирался, как-то сопротивлялся.

— Идзь до дьябла⁴! — крикнула она еще громче, да так, что всем показалось, стекла в окнах задребезжали.

— Я хочу все узнать про вас, — все же не унимался ее внук Василек, стараясь хоть как-то защитить себя. — На улице дождь идет. Я не хочу на улицу! Не пойду...

— Пильнуй своего носа, холера ясна, спадай⁵! Идзь до дьябла⁶! — с еще особой злостью крикнула она.

Вытолкав силой своего внука за дверь залы и с прихожей, закрыв за ним дверь, она вернулась еще более обозленной:

— Ты посмотри какой? Хочу все знать про вас, щенок!.. Филипп Власович почему-то промолчал, не стал скандала поднимать, стараясь показать пример детям и внукам заодно.

¹ О Боже... (Польск.)

² Это возмутительно (неслыханно, недопустимо) (польск.).

³ Убирайся (польск.).

⁴ Иди к черту... (Польск.)

⁵ Не лезь не в свое дело! Черт возми убирайся! (Польск.)

⁶ Иди к черту (польск.).

Все поняли, что продолжения рассказа теперь не дожидаться, стали расходиться в другие комнаты, а кто-то пошел на улицу.

— Почему она так «озверела» в последнее время? — удивлялись дочери Устинья, Наталья, Меланья, а также сыновья Архип и Григорий.

Савелий с Кузьмой вышли покурить, желая обсудить все услышанное от отца наедине. К ним подошли брат Петр и зять Николай.

Дождь не прекращался, хотя ветер как-то приутих. Так как козырек над дверью амбара не защищал их от дождя, да и ветерено было, ребята решили войти внутрь. Едва успели отворить двери, как им навстречу, громко мяукая, кинулись две черные кошки. Кузьма успел схватить лопату и одну из них огрел черенком, да так ловко, что она полетела кувырком и с громким мяуканьем убежала следом за первой, оглядываясь назад.

— Откуда они взялись в закрытом пустом амбаре? — удивился Кузьма.

— Мне тоже интересно знать, — сказал Савелий. — Да еще, главное, черные — не к добру все это...

Неожиданно для них они услышали грубый разговор между родителями:

— Возмутительно, — говорил возбужденно Филипп Власович в ответ своей жене. — Безжалостное ты существо! Даже внука своего к черту послала, выгнала на улицу в такую погоду! Тебе не жалко было его выгонять? Ведь он же твой внук родной. Наша кровь. Я знаю, что ты его мать ненавидишь, и свою ненависть излила на него. Ребенок-то здесь ни при чем. Ведь они нам его доверили...

— А ты жалостливый? Пусть не лезет не в свои дела, рано ему еще интересоваться, надо было дать ему подзатыльник! — защищалась та. — Зачем было рассказывать детям кто я да откуда? Никто не знал точно до сих пор, а теперь что они все подумают? Может ты был намерен рассказать, как мы спим? И почему у нас так много детей? Хотя ты меня никогда не любил! Всегда в постели именем кузины покойной меня называл! И ласкал ты Генгриетту, а не меня... хотя я всю жизнь старалась быть похожей на нее, не только в... постели...

Вдруг во дворе залаял пес, да так громко, что, казалось, вот вот с цепи сорвется. Он был такой огромный и злой, как годовалый дикий кабан.

— Эй, кто-нибудь, ну-ка, посмотрите, кто к нам пожаловал? — спросил, сидя в кресле, Филипп Власович. — Может быть, гости из Артемовска или Горловки? Чего он так лает?

— Вот и посмотри сам! Окно во двор к тебе ближе, — возразила жена, делая вид, что очень занята. Филипп Власович, услышав плач и детский крик, кинулся к окну:

— О, боже мой! Ужас какой, — воскликнул он, увидев картину за окном. Его внук Василек лежал на земле окровавленный, а пес рвался к нему, стараясь вновь укусить мальчишку.

Подскочившие Савелий и Кузьма еле удерживали цепь. Пес не слушался их. Он признавал только хозяина. Схватив ружье и патроны, на ходу заряжая, Филипп Власович выскочил из дома. Приблизив ствол к голове пса, выстрелил в упор. Тот свалился замертво, не успев даже завизжать.

— Фу-у-у... Слава тебе, Господи! — проговорил Филипп Власович, вытирая холодный пот на побледневшем лице. — Как же тебя, внучок, угораздило так близко подойти к этому мерзкому псу?

Мальчик лежал на сырой земле, громко плача от боли и испуга. Филипп Власович, слегка пошатнулся, когда увидел небольшую лужу крови. Родной дядя фельдшер, успокаивая племянника, уже делал перевязку. Увидев кровь внука и его раны, дед стал терять сознание, опускаясь на землю. Сыновья, заметив это, подхватили его, а подбежавший зять Николай Николаевич Кузнецов дал понюхать нашатырного спирта. Сыновья унесли отца в дом и аккуратно положили на кровать.

— Это я во всем виноват, — придя в себя, сказал старик. — Если бы цепь была короткой и пес не бегал бы по всему двору...

Этим временем, не обращая внимания на все происходящее во дворе, а теперь, что ее мужа внесли сыновья, Филиппа Власовича жена Полька забила в угол комнаты, не желая никого видеть.

Она со злостью осуждала не только своего внука, а равно и мужа. Даже не соизволила выйти во двор и оказать помощь, а

только лишь шептала про себя какие-то заклинания. Состояние здоровья ее мужа резко ухудшалось.

Язык его вдруг стал заплетаться, а потом он совсем замолчал. Филипп Власович сильно застонал, шевеля губами и стараясь сказать что-то. Слезы потекли ручьем по его щекам. Вскоре он перестал узнавать людей, с полным безразличием глядя на тех, кто к нему подходил. Глаза его стали такими же безразличными, неподвижными, как и все тело.

Дети, посоветовавшись между собой, решили дать телеграммы всем, кто не приехал на юбилей. Сообщили о беде знакомым и близким. Приехали те, кто получил тревожную весть. Но далеко не все. — Видно, к тому времени многие поменяли место жительства, еще не успев уведомить об этом семью Шепитько.

Конечно, приехала семья Макара Филипповича. Их сыну стало лучше, но они были потрясены внезапной болезнью отца, который всегда отличался хорошим здоровьем и никогда не жаловался на сердце.

Через трое суток на рассвете нового дня, когда во двор семьи Шепитько пришло золотое солнце, Филиппа Власовича не стало. Перестало биться сердце любимого всеми человека. Народу на его похороны собралось очень много. Приехали родственники и друзья из соседних сел и городов.

— Какого хорошего, добропорядочного человека мы лишились, — шептались они, вытирая слезы. Жители села приходили и приезжали проститься, проводить в последний путь дорогого человека, помогавшего каждому, кто к нему обращался за помощью или просто за советом. Он никогда и никому ни в чем не отказывал. Выслушав внимательно, он тут же давал советы, помогал или подсказывал, к кому обратиться за помощью. Люди, узнав причину смерти никогда не болевшего человека, осуждали шепотом хозяйку покойного.

— Еще, может быть, не один бы год прожил Филипп Власович, — говорили они. — Да вот какой-то конфликт получился у его внука с бабкой Полькой. Так мы, так-то чулы, шо сыльно покусала його собака. Мабудь сэрдце нэ выдержало у діда Васіных страданій. А якый був хороший дедушка, царствіе йому нэбэснэ. Якым він був шустрым, трудолюбывым, нэ унывающім

чоловіком. А що грамотний і талантливий, так такого у нашому селі днійом з огнєм нэ знайдэшэ...

Успели приехать и простится с отцом дочери Устинья из города Попасная, Наталья с семьей, Меланья с Егором и детьми, Марина с семьей, сыновья Макар, Матвей, Петр и Григорий с Полиной. Луиза со своим мужем Петерманом где-то затерялись, так же, как и Евграф со своей семьей. Савелий и Кузьма жили здесь.

Привезли Филиппа Власовича на Клиновское кладбище, единственное до сих пор возле Момотив около леса. Были соблюдены все правила похоронных обрядов.

Все в селе знали, что Филипп Власович жертвовал деньги для поддержания Храма Господня в Клиновом. Он часто говорил, что это делал его отец в девятнадцатом веке, его прадед в восемнадцатом веке. В разговорах с детьми и внуками он часто сожалел об исчезновении христианской веры у людей.

Дочерям и соседкам покойного несколько раз становилось дурно во время прощания. А его жена Полька даже не проследилась, все время озиралась по сторонам, как бы не осознавая, что произошло...

— Хотя бы видимость изобразила каких-то слез! Неужели она с дедушкой Филиппом Власовичем прожила всю жизнь без любви? — возмущались приехавшие из города его знакомые, бывшие покупатели, раньше посещавшие его магазины.

— Да разве вам не понятно было, что их брак был необычным? — возмущалась барыня Прасковья Ивановна, жившая неподалеку. Только через дорогу перейти, ее дом стоял в глубине большого вишневого сада.

— Она всегда держала верх над ним, царствие ему небесное. Филипп Власович не мог при посторонних ей возразить либо отказать. И она этим пользовалась, выбирая моменты...

Иконы в доме держит, а сама в Храм Господний никогда не ходила и теперь не знает, где он есть. Свечки и лампада всегда горят в углу над образами. Сидя или на коленях молится. Да только, наверное, дьяволу преклоняется. От этого и злющая всегда мотается...

Действительно, после похорон с каждым днем Полька становилась все агрессивнее и злее, ибо не знала, где взять свою

выгоду. Она была из тех человекообразных существ, которых можно пересчитать по пальцам — не брезговала черной магией и колдовством с порчей. Но никто из пострадавших не мог к ней подкопаться и осудить по закону за все ее злые дела...

Такое зло всегда существовало на свете. В начале двадцать первого века, когда не стало советской власти, расцвело больше прежнего. На территории России обучают тайнам психологии в городах затаившихся анархистов, садистов и прочих недоумков, даже из стран нынешнего СНГ. Смотри кабельное телевидение, и ты сможешь научиться, как убить человека, ограбить банк и делать деньги, захватывая заложников. Много говорится о недопустимости террора, в то же время бесплатно «обучают» этому делу в некоторых развлекательных программах.

Наш православный человек почему-то не заботится о будущем своих детей и внуков. О том, в частности, что бездумные и вредные проделки возвратятся бумерангом к нему же, и о том, что за все содеянное ответят дети и внуки, не думает никто. Лишь бы день прожить да ночь переспать, завтра будет все сначала.

«Надо быть самому хорошим человеком, не дожидаясь, пока добрыми станут все вокруг тебя!» — именно так учил когда-то Филипп Власович своих детей.

Недоумки и бездетные считают, что им все дозволено: вредить, колдовать, мстить всем, на кого зло держат. И после смерти их, будто бы никому не придется за их злодеяния ответ держать. При жизни своей они не задумываются о предсмертной, очень мучительной године. С кем же останутся в конце жизни и какую память оставят после себя? Думается, это пошло по России, а затем и Советскому Союзу со времен государственных переворотов, когда шли брат на брата, отец на сына, друг против друга: кто-то за Советы, а кто-то за царя-батюшку Николая II, фактически предавшего народ, отрекшись от престола. Это жестокое испытание на прочность досталось не только императору династии Романовых, но и всей Российской империи. Кто-то сейчас оправдывает императора Николая II, обвиняет Советскую власть за расстрел царской семьи. Однако очень мало кто сейчас заботится даже о родном своем человеке, не говоря уж о пенсионерах и ветеранах войны и труда. Опомнись, Русь благословенна! Люди, власть предаержащие! Подумайте о своей старости и о буду-

*щем детей своих и внуков! Давайте дружнее станем жить!
Люби ближнего своего, если хочешь, чтоб тебя так же любили
и долго помнили:*

*Мы столь грешны и над собой не властны,
И часто мы себя не сознаем,
И оттого бываем так несчастны,
Что на земле кумиров создаем.
Славянин мудрый, сильный и великий,
Такой родной, не понятый народ,
Неузнаваемый, слепой и дикий,
И все в тебе давно наоборот...
Ты шел на смерть за вдов и жен солдатских,
Ты возрождал из пепла города,
Ты заживо зарыт в могилах братских,
И ты стрелял в невинных без суда...
Писал стихи и посылал на плаху,
Так жизнь любил, что смело шел на смерть,
С душой дарил последнюю рубаху,
Подолок — мог и нищего раздеть.
Да, в подвигах тебе не много равных,
И водку лучше всех умеешь пить,
Народ славянский — славный и бесславный,
Когда же по-людски ты станешь жить?*

Как не вспомнить Н.А. Некрасова:

*«Люди холопского звания
Сущие псы иногда.
Чем тяжелей положение,
Тем им милей господ!»*

Глава седьмая

Кто она, Мария?

Прошло-пролетело некоторое время с тех пор, когда Савелию пришлось совершенно случайно защитить девушку и влюбиться в нее. Похороны отца, заботы о доме, летние проблемы не смогли вытравить из памяти красавицу с ведрами, полными холодной воды.

Мария уже более года работала на пекарне по той простой причине, что стала почти взрослой — ей уже исполнилось пятнадцать лет. До сих пор эта девушка могла только жалеть и успокаивать господских детей, будучи прислугой в городе. А когда господа эмигрировали за границу после революции 1917 года, семилетняя девочка Маша Кириченко перешла служить к новым господам — нэповцам, не желавшим покидать свою Родину, но по рекомендации бывших хозяев.

Маленькую, полуосиротевшую девочку ее старший брат, Павел Федотович, отдал в город по упорному, настойчивому требованию жены Марфы, несмотря на море пролитых слез потому, что увез он от очень больной матери. Что делать девочке, при сварливой снохе, что смотрела на нее как на лишний рот? Постепенно Маше пришлось примириться. Работала девочка честно, стараясь угодить господам и нэповцам. Кроме денежного вознаграждения хозяева дарили нянечке или служанке постельное белье, одеяла, простыни и подушки, а также обували, одевали и кормили. От тяжелых ранений, после Империалистической войны 1914 года, от гангрены ног умирает ее отец — татко. Именно смертью свекра и воспользовалась сноха Марфа — шестилетнюю в няньки отдать. Через какое-то время Машин брат Павел Федотович попутно из города забрал сестренку домой на выходной.

Гуляя на улице, она познакомилась с парнишкой. Они крепко подружились. Звали его Степкой...

Много раз сибиряк Степа защищал свою юную подругу от тех, кто к ней приставал, берег ее, боготворил. Даже будучи почти взрослой, Маша и ее, не намного старше, жених, еще не умели целоваться по-настоящему. А когда она приходила из города домой в Зайцево на выходной, чтобы поменять матери нательное и постельное белье, помыть и обстирать больную, кавалер целовал ее в щечку на радостях встречи, она тут же его отталкивала от себя.

— Ты что? — говорила она, краснея. — Нельзя так. А вдруг кто-то увидит и осудит. Нашим старушкам только дай повод, тут же не только все село будет знать — вся округа.

Из-за недостатка витаминов в Западной Сибири отец Степы привез мальчишку сюда на Большую землю к родственни-

кам, оставил и уехал обратно в Ханты-Мансийск, тем более он все время почему-то мешал мачехе. Его мать... умерла после родов... За прошедшие десять лет родитель ни разу не проведаль своего сына. Степан, обидевшись, стал забывать предков, всецело оказывая помощь старикам, у которых он остался. Познакомившись с прелестной соседкой Машей, просто боготворил, берег ее как мог. Самый старший Марии брат, Павел Федотович, жил в родительском доме, будучи уже женатым на пролетарской барышне Марфе, и имели они уже троих детей — Захария, Татьяну, Александру.

В начале тридцатых у них родится еще сын, Анатолий Павлович (по прозвищу «длинный»), который потом, женившись и породив двух орлов — сыновей Павлика и Николая, трагически погибнет от руки ненормального, психически не устойчивого человека Андрея, якобы на почве ревности. Погибнет также Николай при автокатастрофе.

После смерти вождя мирового пролетариата В.И. Ленина Павла Федотовича избрали депутатом сельского Совета, а затем председателем, как самого достойного из всех, несмотря на то, что был он в то время беспартийным.

Через год с небольшим у его жены Марфы затаилось желание организовать для сестры мужа, в пятнадцать лет, обязательно комсомольско-молодежную свадьбу, чтобы ее муж Степан увез с ее глаз куда угодно и подальше, без приданого!

— Это будет верная счастливая пролетарская семья! — убеждала она своего мужа, как ей подсказали ее родные бездельники. — Да-да, — соглашался Павел. — Но надо будет сначала будущего зятя к себе пристроить своим секретарем.

Лично председатель сельского Совета П.Ф. Кириченко был очень добропорядочным. В районе его восприняли человеком с большой перспективой советского, а может быть, позже и партийного работника. Одним словом, являясь ценным человеком, он старался помочь всем своим односельчанам.

— Потом, глядишь, и меня заменит, — решил председатель. — И моей сестренке будет все-таки легче жить материально. Чур, только здесь, а не в Сибири.

Маша часто приносила из города какие-нибудь подарки, которые дарили ей хозяева на праздники либо в счет зарплаты,

Это все складывалось в сундук в счет будущего приданого. Ее родной брат Павел этого не видел, за этим не наблюдал и учета не вел. Зато Марфа с какой-то завистью наблюдала, как девочка, сестра мужа, складывала все аккуратно в сундук. Завидовала и строила себе свои планы, о которых ни один нормальный человек даже думать боялся, чтобы грех на душу свою не привлечь, а главное, совесть не потерять.

— Як бы всэ цэ прыбраты до своіх рук? — уже тогда мечтала тряпишница сноха Марфа. — Прынось, складуй побільше туды в сундук. Розбэрэмось. Послухай, хто тобі дае, одіяло такэ гарнэ, подушкы та простыні? — допытывалась она с подозрительным взглядом. — Носы, носы, скоро я іх у тэбэ отбэру.

— Нэвжэ ш цэ всэ бэсплатно? — ехидно допрашивала сноха. — Хоча твій любымый братік дуже большой чоловік в нашому селі Зайцево и зарплата у его хороша, ну такого у нас нэмае. Всэ твое, дуже гарнэ...

После возвращения с фронта свекра, фельдфебеля Федота Федоровича Кириченко, без ноги и слепым, она его возненавидела, но он был счастлив, что есть у него семья. Однако через одиннадцать месяцев распространившаяся гангрена в раненой и здоровой ноге принесла в семью непоправимую утрату — для него смерть, а для снохи — облегчение. Вскоре после похорон надолго слегла и свекровь.

Продержав, как тогда оговаривались медработники-фельдшеры, в легком параличе более двух лет, болезнь как-то отступилась от нее. Больная начала было подниматься, стала выходить на улицу при помощи маленькой кормилицы.

Марфа — сноха, увидев однажды, сильно возмутилась в душе своей поганой и стала на протяжении ряда месяцев настаивать, требовать от своего возлюбленного отправить эту бездельницу-иждивенку в город, в няньки.

Через какое-то время согласившись, Павел отвозит девочку в город и определяет к хозяину кирпично-черепичного завода господину Минаеву. А мать вновь слегла от горя, что такую маленькую дочь увезли. Она очень переживает за маленькую кормилицу, чтоб ее там никто не обидел в городе, ведь хозяева бывают разные.

Однако ее хозяева, особенно хозяйка — жена, к которой Машу приставили, оказалась очень порядочной. Знала она не-

сколько иностранных языков и почти сразу же стала обучать Машу не только правилам хорошего тона, но и культуре общения как с ее семьей, так и с их гостями.

В разговоре в семейном кругу очень часто употреблялся иностранный язык, к которому она не имела ни малейшего понятия...

— Федотушка, — шептали губы больной матери в Зайцево, — забери меня к себе. Я не могу здесь жить с этими сволочами. Я пригожусь тебе там, на том свете. А здесь только мешаю всем, кроме доченьки. Но она такая маленькая, сиротка наша, а я ничемная. Не могу я ей ничем помочь. Все-таки подчинился наш сынок этим чертовкам. Отправил ее от меня в город, в няньки отдал, а может, в прислуги. А ей бы в школу ходить, грамоте обучаться. Сам-то грамотный, а о сестричке своей не позаботился.

Видно, его жене захотелось от нее избавиться, паскуде...

Слезы текли и текли по ее впалым, бледным щекам. Поначалу, когда брат привозил на выходной изредка, Марийка как-то старалась успокоить ее словами:

— Мамка, а я уже все буквы выучила и даже по-немецки кое-что понимаю, — вдруг сорвалось у нее с языка. И тут же, не выдержав мамкиных скупающих слез и обмана, для ее утешения, сама бывало со слезами оправдывалась: — Сейчас мне некогда учить буквы, а вот слова грамотные и иностранные я легко запоминаю, — говорила Маша.

— Не убивайся, доченька, успокойся милая. Не рви свое сердечко маленькое, — говорила она, поглаживая свою маленькую крошку по головке.

Марфа уходила из дома гулять к соседям да посплетничать...

— У тебя еще все впереди, — продолжала ее мамка — Ты неглупая и уже почти взрослая. А у меня один волос на голове не болит. Еще научишься ты читать и писать... А я только всем в тягость, — шептали ее губы...

— Дорогая мамочка, — отвечала девочка. — Прости меня за обман. Я хочу, чтоб ты прожила еще очень долго. А когда я вырасту и выйду замуж за Степу, заберу тебя к себе. Читать и считать научусь я обязательно. Мы уже давно договорились, не сомневайся. У нас будет свой дом большой. Для детей отдельная комната, так же и для тебя. Свое хозяйство

заимеем... Детки наши будут очень послушными. Мы будем работать, а ты отдыхать, — гулять будешь с ними, а потом и их поженим...

Вот так рассуждала когда-то несовершеннолетняя девочка с надеждой, что именно так все и будет.

Да-а-а, но время как часы — не стоят на месте. Сейчас девочка почти взрослая, работает на пекарне...

10 мая 1925 года ей исполнилось пятнадцать лет. Ничего не подозревая, что какой-то «дядько»... вдруг тоже потом приставать начнет», тогда убежала в пекарню, испугавшись драки одного не знакомого ей парня против троих. Сердце у нее билось как-то по особому учащенно сейчас, теперь, и чуть-чуть кружилась голова.

— Может быть, это пройдет так же, как каждый месяц бывает. А не дай Бог там что-то с мамкой? Я же не была дома целую неделю. И ничего не знаю, как она там, как здоровье? Может быть, давно надо бы ее искупать да обстирать? Поменять белье?..

Хозяин пекарни часто отпускал свою верную помощницу домой проведать его бывшую соседку да чем-то помочь. Он знал ее сноху Марфу с детства, какая ленивая, и вся ее родня беспросветные лентяи-балаболы. Он был родом из этого же села. Но женившись, переехал в райцентр, т.к. НЭП пришелся ему по душе. Ему очень понравилось делать людям добро, обеспечивая население города свежим, душистым хлебом. А жена его имела «Лавки» и держала продавщиц.

Юной Марии Кириченко новая профессия понравилась год с небольшим назад, хотя стоять у печи или месить тесто вручную, в большом количестве, было очень не легко. Но все-таки не нянькой да в прислугах ходить, ведь будут когда-то и свои дети, говорили ей мать и старшая сестра пару лет назад.

Рекомендация от прежних хозяев была хорошей, и в начале недели ее новый хозяин-пекарь в этом убедился, тем более, что даже земляками они оказались...

Пройдя домой из города пешком семь с лишним верст вместе с закатом солнца или в непогоду, Мария тут же подходила к своей мамке, поцеловав и немного поговорив, приступала к нагреву воды на печке, к ее купанию и стирке постельного и нательного белья...

Переглядыв после чугунным утюгом все это и заменив постель, она успокаивалась с надеждой, что, может быть, даст Бог мамка выздоровеет, т. к. теперь ей будет легче дышать в чистом белье, на чистой постели.

Ей, как и каждому человеку, снились всякие сны ночью в городе и дома, но о смерти ее мамки в них ничего не значилось и не намечалось.

Мария без всякой ошибки легко могла отгадать любые сны. Могла она так же определить по внешнему виду или по фигуре беременной, кого родит молодая мать, сына или дочь, одного или двойняшек.

Всеми этими данными (или большинством из них) овладела она, или перешли по генам от родителей, загадка...

Однако этот выходной пролетел незаметно быстро в делах и заботах, а ее жених все еще не появлялся, как обычно. Уж что с ним случилось в этот день и даже под вечер, знать она не могла, но свои определенные, возможно, даже ошибочные выводы сделала. Ведь жизнь, сама по себе, сложная штука, если не учишься своих, ранее допущенных ошибок или промахов в любых ситуациях.

— Ты что делаешь? — как обычно покраснев и оттолкнув от себя Степана, снова повторила вечером Мария. — А вдруг кто-то увидит и осудит по-своему. Уже и так сплетни всякие ходят по селу. Одна бабка Чапурчиха чего стоит. Ты же здесь живешь. Разве ничего не слыхал? — спросила она с обидой. — Тебе надо поросят откормить для нашей свадьбы, она говорит. Это правда? Ты разговаривал с кем-нибудь о нас с тобой?

— Нет, — отвечал Степан. — Эти сплетни мне надоели. Давай я лучше воды вам наношу с колодца... Ты же знаешь, на чужой роток не накинешь платок и бить женщину не станешь. А потом сходим куда-нибудь, погуляем. Ведь я так...

— Степа, тебе, наверное, давно пора пришла своей семьей обзаводиться, — перебив его, отвечала девушка. — Бабушка твоя вон уже какая старенькая. Ей помощница надежная нужна, а тебе жена хорошая. Чтобы здесь она жила с вами. А я в городе живу, потому что дома для меня не было никогда никакого места, как и у тебя там... в твоём Ханты-Мансийске, с отцом твоим и мачехой.

— И меня давно бы забыла, да? — спрашивал жених.

— Не знаю, может быть, — отвечала Мария. — Наша дружба с детства, еще ни о чем не говорит. Тем более, что ни одного цветочка ты не подарил, хотя бы ко дню моего рождения. Ведь полевых цветов здесь море, и не только полевых. Есть кроме них сирень всякая. А ты не забыл, как обещал в детстве жениться на мне? И мамку мою забрать к себе? Правда, это было очень давно. А сейчас тебе уже сколько? Двадцать пять?

Тот кивнул головой в подтверждение сказанному.

— Ну, вот видишь? Я помню, тебя поздравляю. А мне всего лишь пятнадцать исполнилось не так давно, в прошлый раз, когда я приходила домой. Ты хотя бы без цветов заикнулся меня поздравить — забыл? Или с другой познакомился?

— Ой, прости меня, родная, — воскликнул жених. — Тогда моя бабушка, было, очень приболела, — тут же оправдался он. — Придет время, и мы поженимся обязательно, — продолжал «пудрить мозги» Степан. — Таковую свадьбу устроим, чтоб на всю округу прогремела. Комсомольско-молодежная, а не какая-нибудь там буржуазная, нэповская, с венчаниями разными в церкви. Я этого не признаю, и меня засмеют мои товарищи. И мамку твою мы обязательно заберем к себе, — обнимая ее за талию, говорил кавалер. — С моей бабулечкой твоя не будет скучать. А там, глядишь, детки...

— Да перестань ты сказки рассказывать. Какие там детки? Не любишь ты меня, я это давно поняла. А если бы любил, то цветы мне обязательно дарил, хотя бы ко дню рождения. Вон в городе, как бывает? Покупают кавалеры цветы и дарят девушкам. Даже женам дарят на праздники всякие. У моего хозяина дочь старшая есть, почти взрослая. Она на год с небольшим постарше меня будет. Так ее жених каждый раз приходит к ней обязательно с букетом алых роз. Оксанка его ругает, зачем, мол, деньги зря тратишь на них? Они же, мол, не надолго мне. А он ей отвечает: что такое деньги? «Это, извини меня, навоз. Сегодня их нет, а завтра целый воз». «Если есть у тебя какая цель и ты стремишься к ней, добивайся своего».

Вот как он может рассуждать. А ты бесплатно не можешь цветок мне сорвать. Главное что в нашей жизни — внимание к человеку. Завтра рано утром я уйду в город на работу, а ты

подумай о нашем разговоре. И если хочешь, ищи себе другую. У нас в Зайцево, ты только посмотри, вон сколько девушек. Очень многие на тебя заглядываются — комсомолки и прочие девки. Так же, как и ты, наверно, поглядываешь. Разве я не права, Степа? Я давно собиралась все это тебе высказать, но боялась, что ты меня не так поймешь и рассудишь все посвоему...

Они еще долго выясняли взаимоотношения, и было заметно, что их, с юных лет дружба — сейчас стала неуместной.

Степану действительно подошло время обзаводиться своей семьей, тем более, что он был постарше, а его немощной бабушке нужна была помощница здесь — дома... Она постоянно «пилила ему шею» о женитьбе, дабы увидеть хотя бы одного внука или внучку до смерти. Уж сколько невест она предлагала комсомолок и прочих и сколько за ним ухлестывало девок, чтоб женить на себе... Действительно, «на чужой роток не накинешь платок». Вполне возможно, что это были всего лишь сплетни. Сегодня они расстались просто друзьями, а завтра, поутру, она ушла в город с плохим настроением.

Но что тут поделать? Ведь жизнь наша непредсказуема и никто не может знать наперед, что будет с тобой через минуту или через час, месяц, год...

— У Стэпана уже мабудь давно «діты пыщать», на волю «проятся». А він ще чоґось выжыдае. Можэ він ще років з десятков хочэ зустрічатысь, — назойливо старалась внушить своему мужу Марфа...

Очень хотелось ей убедить Павла, что у кумы Натальи Филиповны, в Клиновом, есть более подходящий жених для его сестренки, ее младший брат — богатырь Савелий, а для нее лично — завладеть ее «приданным». «Уж какая была бы пара, одно загляденье, — говорила Наталья. — Работящая и под рост подходящая».

— Ну и шо ж вы кума прэдлагаеґэ? Их ньяк нэ можлыво розлучыты з Степаном! Уже скількі років вони дружать, а мій, ну ньяк нэ може діждатысь від нього того, на що расчытував. Уже на работу до себе прыстроів як комсорга бідового, жаль його.

— От колы б було всэ наоборот у нас, щоб мы, бабы сваталы собі жэныхів, тоді б було другэ діло, и рэзультаты булы б другі

в жызнi. А тiльки, скiльки я разiв говорыла своему Павлу о тво-
ем прэджоженiи, а вiн смiється з мэне як з дурочки.

— Ну дак поехали, говорыть, его самi засватаем чi що-о? Если вiн сам не способный! Ха-ха-ха-ха. Вот подрастет еще немного моя сестренка, повзрослишае малость, а там дывысь мол, и Степан вырiшить жэнытыся.

— Тiльки от на ком вiн вырiшить, i с кым звязэ свою судьбу? Я його хотiла озадачiть, а вiн менi вiдповiдае. Ну, это ужэ его дiло. Йому мол рiшать. Та й прыданого у Марii ще малува-то. А сам вообще нiколы ны чiм нэ интерэсуався, що у нэi есть, а чога нэмае. Спiшыть ей мол нiкуды з этiм дiлом, — продолжал он нэ так давно. Така, як у меня сэстрсчка, в старых дiвках не останэты, нэ то що твоя старша.

— А вы кума айда сюда. Подывiться, скiльки, i якэ богатэ у нэй прыданэ в сундуцi зложэнэ, на трех таких нэвiсток хватэ! А якi всi гарнi...

— Да нет, нет — отвечала Наталья Филипповна. — Не буду я смотреть. Я и так знаю, что ей много чего надарили те господа, когда выезжали за границу. Мне кое-кто из них рассказывал перед отъездом... Очень хвалили ее и даже были бы не против забрать ее с собой... Ведь она даже немецкий язык вроде бы выучила. Хотя я почему-то очень сомневаюсь.

— Мне тоже предлагали с ними уехать. Но мой Антон ни в какую. Здесь я, говорит, где родился, здесь и пригодился своим землякам и своей родине... Ну, а куда я без него? — продолжала Наталья Филипповна. — Тем более жили они бедно всю жизнь. А у нас сейчас все есть. Вот только здоровье меня подводит. Даже в постель мне приносит поесть или попить. А я лежу, бывает, голенькая, открою одеяло с простынею нарочно. Он тут же разденется и ко мне, нырь. Я ему кричу, иди, мол, управляйся. А он ни в какую. Пока не сделает свое дело, не успокоится и я довольна... И еще скажу, кума, сильно скупой он у меня. На нашу дочь Марийку, почти взрослую, лишнюю копейку жалеет истратить. Что бы не хуже подружек она одетая была. Если мне когда и удастся припрятать чуток деньжат для нее после базара, он тут же губы надует, бывало, и говорит: «Сильно ты, мать, дочерей наших балуешь. Не гоже так. Не хуже всех они одетые у нас. Если замуж выйдут, ты и тогда будешь им в рот заглядывать и совать...»

Кое-кто из моих родных раскусили его в этом и вот теперь не так часто к нам в гости приезжают, как хотелось бы. Но вот все равно, — продолжала Наталья Филипповна, — у меня вот какой план созрел. Скоро у меня день рождения будет. Я уже начинаю потихоньку готовиться. Закупила вина, водки понемногу, и собираюсь я съездить к маме своей, пригласить к себе в гости и Савелия тоже.

Правда, откровенно говоря, я сомневаюсь, что кто-то придет из-за моего Антона. Но я постараюсь уговорить хотя бы братьев, Савелия и Кузьму. А вы, кума, постарайтесь поговорить и прийти с Машей вашей. Вот тогда они и познакомятся у меня в доме. Я уверена, что ваша невеста моему братику Савелию, понравится, и мы потом сгуляем им свадьбу на всю округу...

А Марфа, слушая свою куму, размышляла: «Дужэ гарнэ предложэніе ты предлагаешь кума. Нэ в свою, ні в братову, а в мою пользу»...

— Правда, — продолжала Наталья Филипповна, — только на то надеяться или рассчитывать, что они именно в моем доме познакомятся, а может быть, даст Бог и поженятся, нельзя, но попытку такую, думаю, можно провернуть...

Конечно, если суждено им быть вместе, то они будут и без нашей помощи и заботы, — продолжала она, как бы сама себе предъявив противоречие... — Я верю в судьбу, кума. Мне когда-то в юные годы предсказал один «предсказатель» в нашем городе, молодой какой-то такой, симпатичный. Даже имя назвал моего мужа, и это вскоре сбылось. Помните, кума? Я когда-то об этом рассказывала.

— Да-да, помню, — ответила Марфа. — Зразу ж після свадьбы я чула.

— Так же и про моего брата Савелия тот же сказал в городе. Женится он, мол, на Марии, только очень не скоро... И проживет он с ней только половину своей жизни. Как это понимать, я не знаю, но племянников я дождусь обязательно, и даже не одного, а целых пятерых... Нам-то двух, пожалуй, хватит с моим Антоном... девчонок... Посмотрите кума во-о-он туда, — выйдя из дома в сопровождении Марфы, говорила Наталья Филипповна. — Видите там белое кучевое облако, — продолжала она.

— Нэ так уже трудно його й не замітыты, — отвечала Марфа. — Я це бачіла іногда після дождя. Ну і що тут такого? Чім вы хочітэ мэнэ заінтересуваты? Тількы этім?

— Ну, а ребеночка там видите в одеяле или в простыне с прозрачной голубизной? А рядом зайчик или собачка?..

— Да-да, — воскликнула Марфа. — О, як вы все цэ замітылы кума? И як часто бачітэ?..

Не торопясь с ответом на вопрос, Наталья Филипповна продолжала свое:

— А посмотрите во-о-он туда. Видите Мишку косолапого? А вон там, вроде бы, как лошадь скачет... А вон там я вижу, маленького мальчишечку, а рядом с ним, как будто мой братик Савелий и ваша Машенька.

— Та пэрэстаньтэ вы, кума, ерундой заніматысь. Ні дэ там Маріі немае, і ні якого парня я нэ бачу.

— Так, видно, там ветер сильный подул, вот все это и расплылось по Божьему небу, — говорила Наталья Филипповна. — Это какое-то знамение. Нам надо чаще смотреть туда и просить то, чего от жизни хочешь получить. И все воздастся. А нам все некогда. То управляться нам пора, то кушать готовить или постирать, когда в церкви служение идет. Нам не надо молитвы читать, якобы потому, что всегда нету времени, некогда.

Та-а-ак, в хаті всігда для жінкы найдется работа. Добрэ, що Марія наша хочь іногда мэні прыходыть помочь. Хочь свою мамку обстіруе, та постіль міняе з нательным більем. А то я бы вообще, злягла бы зовсім.

— Діты свої е, та ще й вічно хворі старыкы, — продолжала оправдываться Марфа. — Та хочь до своїх батьків тэпэр не трэба забігать. Булы замучілы вони мэнэ, колы ще жіві булы. Колы було нэ прыйду, ужэ вонишэ в хаті, бо своя сімья е, та й хозяйство якэсь...

«Действительно, ты лентяйка, каких свет не видывал, — размышляла Наталья Филипповна по пути домой. — Когда не приду к ней, все вылеживается на кровати. Когда у ее свекрови с желудком был не порядок, задохнуться можно, и от ее детей. А для нее все вокруг ноль без палочки. Хотя я тоже, бывает, долго вылеживаюсь, мечтаю побывать под видом никудышной больной, но мой Антон все мне делает, всем меня улаживает и расцеловывает. А она всех превзошла, прости меня, Господи! И

как только Павел Федотович с ней живет? Это сколько терпения надо иметь, чтоб не выгнать ее...»

Так они и порешили — познакомить Марию с Савелием, о чем она даже не подозревала...

Живя в городе, девушка обращала внимание, как заглядываются на нее прохожие.

Мария стеснялась и не понимала, почему молодые так на нее смотрят. А заглядеться было на кого. Была она очень красивой, интересной девушкой. Белоснежное лицо, темнорусые, чуть волнистые волосы, заплетенные в одну косу ниже пояса, красивый стан и пышная грудь привлекали к себе внимание.

Даже один из сынов господина Минаева долгие годы старался ухаживать за ней и, повзрослев, не прочь был бы жениться... Но это был бы «не равный брак».

Однако она не обращала ни на кого внимания потому, что дружила в своем селе со Степаном.

И казалось им обоим, что они любят друг друга...

Но ее судьбой распорядились — ее сноха Марфа и ее старший родной брат Павел, не разгадав своевременно замысел и цель своей жены...

Глава восьмая

Два сапога пара...

— Не доехав до бывшего нашего овощного магазина, — рассказывал Савелий братьям Григорию и Кузьме, — мне пришлось заняться еще одним мужиком, явным преступником, и проучить как следует.

— Что опять? — заинтересовались они. — Что же тебя заставило? Как это произошло? И брат рассказал.

— Продав сено тому же покупателю, что в прошлый раз просил еще привезти, Савелий ехал по городу домой. Лошади шли не спеша по булыжной мостовой. Возле дворов в тени у забора вишен, абрикос и сирени сидели женщины.

Они щелкали семечки, бойко беседовали и хохотали. Рядом ходили курочки со своим петухом... Играли ребятишки.

Кто-то пристраивал себе к дому пару комнат к зиме, кто-то вскапывал свой палисадник, приусадебный участок. Доносились веселые наигрыши гармошки, частушек и прочих прибауток.

Настроение было нормальное, и вдруг:

— Лю-у-у-ди-и! На-а-а по-о-омощь! По-о-о-о-могите! — закричала женщина.

Это была Одарка, которую все знали не понаслышке. Она со своим хахалем ежедневно пила все, что попадалось под руку. Легкого поведения женщина, с юных лет вела все тот же образ жизни. Сколько раз была беременной, но ни единого ребенка при себе не имела и не воспитывала. Уж куда она определяла своих дочерей, никто не знал, да и следить за ней не было никакого резона. Соседи относились к ней с презрением.

Была она дочерью анархиста, пристреленного где-то в Одессе, а ее мать, тоже «кукушка», сбежала за границу с белогвардейским старшим офицером, бросив троих маленьких дочерей, среди которых Одарка была самой старшей. Но и среди сестер авторитетом не пользовалась.

Симпатичная девушка нравилась многим молодым парням, совсем юной, познакомилась с молодым Лукой Гусевым на похоронах его родителей, погибших от руки неизвестного убийцы. Через некоторое время она стала женой Луки.

Причины смерти его родителей никто не выяснял, и убийцу, видимо, не искали. И так было ясно, что ограбить хотели — семья их была более зажиточней, чем другие, имея доход из всех торговых точек города Бахмута (после 1917 года его переименовали в Артемовск, в честь пламенного революционера Артема, настоящая фамилия которого была Ф.А. Сергеев).

Лука Гусев, отсидев из-за нее какой-то срок в заключении, вернулся в родительский дом, куда вернулась и Одарка, отбыв свое очередное наказание. Ему не очень-то нравилось, что подруга заигрывает на его глазах с другими, так как сам был «вполне способный» как мужчина. Сейчас, не успев опустошить второй графинчик, его Одарка стала завлекать его друга по церковно-приходской школе. Это был уже испытанный прием.

Но приятель Максим не поддался ее чарам и ушел подальше от греха. Одарка, поняв, что Лука заметил, как она приставала к другому, мигом вылетела из дома. А он, схватив у печки топор, рванул вслед:

— Ах ты-ы-ы по-о-о-та-аску-уха-а! Так тебе одного ма-а-ало! Сто-ой, су-уча-ара-а! Все равно тебе сегодня не жить! — закричал он.

Тут-то Одарка, испугавшись не на шутку, стала звать на помощь. Она бежала, как всегда, наискосок через огород к соседям, топчя ботву огурцов и кусты помидоров, падая, вскакивая и непрерывно крича: «Спа-а-аси-ите-е! Люди, на-а помощь!»

— Опять, видать, не разделила Гусыня рюмку со своим Гусакком, сынком покойного мародера, — равнодушно заметила одна из соседок.

— Два сапога пара, Лука да Ода-ара. Так вона пошты кожний дэнь крычїть як ошалелая, або в куцах стогнэ. Вечно вся в сыняхках ходэ, ду-ура-а, — добавила другая.

— Уж как они надоели, прямо сил никаких нету! — отозвалась третья. — Каждый день пьянка и мордобитие. Только давеча от топора еле убежала, и вот опять.

— Остановите его, люди добрые! — донесся тот же голос, напоминавший визг недорезанной мясником хрюшки. — Не виноватая я! Тот сам меня хотел!

И тут из кустов сирени выскочила взлохмаченная женщина в разорванной грязной, когда-то белой кофте и непонятного цвета юбке.

— Не виноватая я! — повторила она и кинулась дальше, запинаясь и теряя явно с чужой ноги галоши.

— Тьфу-у ты-ы чокнутая! — взвизгнула соседка. Одарка выскочила на улицу, чуть ли не под ноги лошадям.

— Ты куда прешь?! — закричал Савелий, резко натянув на себя вожжи. Кони, всхрапнув от боли, резко остановились.

— А-а-а-а! — раздался неожиданно хриплый голос косоглазого Гусака. — Так здесь ее поджидает целый экипаж. Я понял, в рот тебе дышло!

— Та кому нужна твоя алкашка? — возмутились бабы.

— Він же проезжий, мімо ехал! — крикнула третья.

Но мужик уже разрывал на себе грязную, неясного цвета майку, козырнув при этом наколками на груди. Его разжигало то, что его жена-«кукушка» стоит позади повозки, готовая запрыгнуть и уехать.

— Я ему сейчас покажу, где раки зимуют! Эй ты, извозчик дрепаный, — заорал подслеповатый, с бельмом на глазу Гусак, спяну не разглядевший, с кем через несколько секунд будет иметь дело. — На что ты, пацан, рассчитываешь? На них? Я тебя спрашиваю! — Запустив было топор куда попадя, всполошив лошадей, Лука опять его поднял, высматривая свою «курочку». — Ты кто такой, фрайер? Слезай сюда, чуюешь? Відал я таких! Н-у-у-у! Да-авай побазарымо ось тут! — задирался он.

На левой щеке пьяного мужика Савелий заметил глубокий шрам, метка-память о былых «подвигах».

— Ты чего прицепился к проезжему? — почти хором закричали женщины. — Проезжай, парень, не связывайся! Він жэ тількы шо из тюрьмы, — крикнула вторая.

Савелий сидел в нерешительности.

«Жаль мне его, — размышлял он. — Но если тронуться и уехать, он может лошадь рубануть сдуру. И точно — подумает, что я трусил из-за его наколок».

— Ну, выродок, держись! — решил Савелий молча.

Спрыгнув с арбы с зажатым в руке кнутом, он одним движением другой руки вырвал у его «оружие» и стал наносить удар за ударом. Кожаный кнут, описывая дугу, оставлял на спине пьяницы широкие кровавые борозды. От боли мужик заорал благим матом, упал на землю, чтобы хоть как-то увернуться от кнута.

— Так его! Так! — закричали женщины, соскочив со скамеек.

— Так его, прышлепнутого дурака! Хоть одын чоловік знайшовся його проучить! — услышал Савелий.

— За-а что же вы-ы ме-еня так жесто-око? — заорал Лука.

— Вот тебе за лошадей! Вот тебе за разбой, чтоб не бегал за чужой, — отвечал парень.

— Это мо-оя жена-а-а, в рот ей дышло-о-о! Я білшэ нэ буду-у! Про-остіте ме-еня-а!

Остановившись, Савелий бросил кнут. Схватив пьяницу за шевелюру, спросил сердито:

— Ну что, га-ад, получил свое? Сам напросился, подонок! У тебя что, своих мозгов совсем нету? Пропил и не заметил когда? Мразь!

— Я давно голову потерял из-за этой паскуды, — оправдывался «Гусак», пытаясь как-то залезть в карман, стараясь что-то оттуда вынуть.

«Может быть, у него там нож», — подумал Савелий. Вновь сшиб его с ног и опять ухватил за шиворот:

— Ну-ка, ну-ка, выродок, показывай, что там у тебя в карманах! Выворачивай, быстро, а то хуже будет!

— Ни-и-ниче-его не-нету, кро-кроме па-папирос, — сплюнув кровь вместе с зубом, простонал тот. — Кля-клянусь вам, дядя. Вот, по-посмотрите...

— Тогда брысь отсюда! Чтоб духу твоего здесь не было, дерьмо! — добавил Савелий, поддав ему носком под зад, да так, что тот пропахал землю всем телом.

Со стоном и криком он все же поднялся и поковылял туда, откуда появился.

— Ух-х ты-ы изверг! Совести у тебя нету! Ты же мог убить человека, моего красавчика, — прошипела Одарка сквозь гнилые, прокуренные зубы, прошмыгнув следом за собутыльником.

— Он же мог тебя зарубить! — закричала женщина. — Неблагодарная ты шлюха!

— А ты заткнись! Сама ты потаскуха! А я жена его законная, не то что некоторые. А за что так жестоко было избивать моего зайчика? Он же мой, зо-оло-отой! Я тилькы його любыла і буду любить, — лепетала Одарка.

— Вон из моего дома, потаскуха! — рывкнул Лука с той стороны кустарника. — Не хочу я из-за тебя снова садиться за решетку! Убирайся сейчас же! Кукушка дрепаная!

— Были бы у них совместные дети, — заговорила одна бабка, — и жили бы гораздо дружнее. Не пили бы так часто. Им, молодым, своего ума не вставишь.

— Это дело милиции, — услышал Савелий, забираясь на свою арбу.

— Та дэ ж вона та міліція? А нашэ діло малэнькэ. Мы ім нэ указ на дитэй. Пропацаю их жызнъ, попомни мое слово...

Подъехав попутно к магазину, не так давно принадлежавшему его отцу, Филиппу Власовичу, остановив лошадей, Савелий оглянулся. Люди все еще обсуждали Гусевых.

Савелия здесь знали немногие, как сына бывшего хозяина лавки, недавно умершего добродетеля горожан.

— Здравствуйте, молодой человек, — тут же услышал он. — Как поживаете? Милости прошу в магазин, — с улыбкой встречал его хозяин, выскочив навстречу. — Как ваш батюшка Филипп Власович? Слышал я, что он жалел о своем магазине? Да-а-а. Но что тут поделаешь? Годы никого не щадят. У меня теперь все есть, что надо.

— Папа приказал нам долго жить... — отвечал еще не успокоившийся Савелий.

— Да что вы говорите? Ай-яй-я. Как жаль, как жаль. Царствие ему небесное. Хороший был человек, очень. А как вы? Еще не женились?

Тут в магазин вошла группа мужчин и подростков. — Хорошо все же досталось нашему Гусаку, — говорил один. — Будет знать, как бегать с топором на улицу за своей.

— Да с каким там топором?

— С кочергой он бегал, придурок! А уж почему он до сих пор ее терпит, не знаю. Хорошим он парнем был когда-то. Скромным, пока с этой не познакомился. Из-за нее срок отсидел за участие в ограблении. Да и она что-то получала, но умом лучше не стала. Если сегодня снова помирятся, то он опять может загреметь.

— Зря он прицепился к нему, — поглядывая на Савелия, продолжал мужчина средних лет. — Зря кнута отведаль барского...

— Ну что ты плетешь? Кочерга, барин! Какой там из него барин? — отвечал второй. — Просто это был сельский молодой парень, лет двадцати с лишним, как рассказали мне бабы. Проезжал мимо, а тот и прицепился, как репей с топором в руке. Вот и получил по заслугам. Хм-м-м, кочерга! Сам ты, кочерга!..

Купив все что надо и сложив в сумку, один из них снова посмотрел на Савелия, когда все уже вышли из магазина:

— Очень хорошо ты поступил с этим Гусаком. Не забоялся. Молодец, если ты даже действительно барин какой-то или их потомок. Спасибо, хозяин, — однако, сказал он.

Савелий, сложив покупки в корзину, вышел к своей подводе. Кони зафыркали, оглядываясь.

— Ну что, поехали, что ли? Вам тоже пить хочется...

— Заезжайте еще молодой человек! Привет вашей семье, — кричал ему вслед хозяин магазина.

— Спасибо, передам! Обязательно заеду в следующий раз! До свидания!

— До свидания, — ответил тот. — Буду рад вас видеть!

Подъехав к колодцу, стоявшему рядом с проезжей частью городской булыжной мостовой, Савелий, вдоволь напоив лошадей, окатив их водой, умывшись, поехал дальше. Не выходили из головы все эти события.

«Уж никогда не думал еще раз встретить эту паскуду ненормальную, — размышлял он. — «Кошку драную, кукушку», и на тебе. Я же извергом оказался в ее бессовестных глазах. А сама что творила, наверное, все это давно забыла. Но если что еще и помнит, то только «своих ребят», с которыми грабила всех подряд. От таких надо бы вообще избавляться. Казнить принародно, чтоб другим неповадно было».

Постепенно успокаиваясь, Савелий с интересом поглядывал по сторонам, покуривая папиросу. Вспоминал он также рассуждения своего зятя Николая Николаевича Кузнецова, мужа младшей сестры Марины Филипповны, а также брата Григория об их отце и тесте.

— Все же зря тесть наш уж очень сердобольным был смолоду. Помогать людям надо, — говорил Николай, — но не до такой степени, мне кажется, чтоб сравняться с отдельными бездельниками и лентяями, которые сейчас себя называют пролетариями, без семьи, без имени, без роду. Надо было ему учить всех или подсказывать, как жить. Хотя невозможно объять необъятное, это уж точно. Многим легче попросить подачку у прохожего или спекулировать чем-то на барахолке и тут же пропить в пивнушке.

Сколько таких я знаю здесь, в городе, ужас один. Работать не хотят, а пьют каждый день, а потом под заборами валяются.

— Всякие люди с протянутой рукой просят себе и «хозяину» милостыню здесь, у нас на базаре. И далеко не уходят, тут

же около магазина сидят у входа, видимо, прикормленное место, — также высказывался брат Григорий Филиппович.

— Ну, ладно, был бы без руки или ноги. А то ведь все при нем целое. Видно, что беззаботные и бездельники, хотя все условия НЭПом большевики предоставили. А отец наш готов был помогать всем нуждающимся словом и делом. А сестрам и братьям моим? Точно так же. Почти все свое имущество раздарил, все приданым отдал. А они поразъехались кто куда и теперь даже не проведывают.

— Жаль, вы с Кузьмой поздно родились, — вспоминал Савелий рассуждения старшего зятя Николая Лебедева, мужа сестры Устиньи. — А то бы и вас обоих успел всем обеспечить. Даже если бы ненавидящая нас теща, матушка ваша, еще больше воровала драгоценности и деньги для своей родни. Жаль, что отец об этом только догадывался...

— Это надо же вашей матери родиться с такой наглостью: жить с родным мужем, и у него же воровать?! Как это можно воровать у своей семьи?

У нее многие родственники переехали на Донбасс, очень часто приезжали к ней, когда он отсутствовал по коммерческим делам. Ведь старик не для кого-то, для своих детей и внуков старался. Обеспечивал через свои магазины, людей продуктами и товарами и был на хорошем счету у народа.

«Конечно, Николай был во многом прав в своих рассуждениях. Но зачем осуждать человека, как он прожил свой век? — раздумывал Савелий. — А прожил он свою жизнь так, как считал нужным. А может быть, все было предначертано его судьбой. Да и Григорий прав по-своему. Ну и что, если у папы была такая вот душа? Такой был бескорыстный характер.

А мать наша оказалась иной, часто обманывала отца, а он ее не проверял. И ему действительно всех было жалко. Он мог и нищего накормить, и дать на дорогу вина, — вспоминал Савелий. — Он людям только добра желал. Что здесь плохого? Он был редкого характера и таланта человек. И люди будут его больше помнить, надеюсь, и дольше, чем скупого, нелюдимого...»

Было бы хорошо, конечно, если б он еще пожил при полном здравии. Так нет, оставил нам свою жену — нашу мать, с ее злостью и ненавистью ко всем подряд, по поводу и даже без повода.

Глава девятая

Поиск очаровательной...

Время — час за часом, месяц за месяцем мчится очень быстро. При всей занятости у Савелия не выходила из памяти та девушка с коромыслом, имя которой ему пока было не известно.

«Надо ее найти и познакомиться! — все время мечтал он. — Когда она носит воду? Или теперь никуда не ходит? Может быть, съездить с Кузьмой в город да поспрашивать стариков, которые тогда сидели и все видели? Наверняка они подскажут», — решил он через сорок дней после похорон отца Филиппа Власовича.

Прискакав в город верхом, в очередной раз, где он защитил ее, они с братом, остановив лошадей, спешили, где он видел тогда девушку, и огляделись по сторонам. К ним не спеша подошел уже знакомый Савелию старичок, поздоровался. Ребята учтиво ответили на приветствие.

— Очень рад вас видеть в полном здравии, — глядя на Савелия, улыбаясь, ответил старик. — Я был уверен, что мы еще свидимся. Мир тесен.

— А как вы поживаете, как ваше здоровье? — спросил Савелий, обрадовавшись встрече с надеждой, что именно он и только он поможет быстрее найти понравившуюся ему незнакомку. — Хотите закурить или для козлят сена надо? — неловко пошутил Савелий.

— Нет, ребята, — отвечал дед. — Я просто рад встрече, а мне ничего не надо. Я помню хорошо, как ты на этом самом месте уловника отделявал. Мне понравилось. Его давно надо было так вот проучить. Негодяй, он и есть негодяй высшей пробы, подонок. Теперь здесь не появляется.

— Ну, а вы знаете, почему мне пришлось тогда тем идиотом заняться? — спросил Савелий, немного важничая перед младшим братом, подмигнув ему. — Вы все это хорошо помните или слышали?

— Конечно, я все видел и помню отлично, — отвечал старик. — Я тогда сидел рядом, около дома, с соседями по улице. А живу я

вон в том доме. Он получил тогда по заслугам. Долго, валялся в больнице. Не знаю, может быть, его уже и нет в живых.

А эта девчонка, которую ты тогда защитил, она хорошая, достойная. Именно с нею хотелось мне тебя познакомиться. Я ее знаю много лет, когда она еще девчужкой была, маленькой нянькой и служанкой у моих знакомых и у родственников. Она очень аккуратная, трудолюбивая, Мария Кириченко. А вашего батюшку, слышал я, похоронили? Я хотел тогда предостеречь, но было поздно. Примите мои соболезнования, хоть и запоздалые.

Старик рассказал ребятам все подробности о девушке: кто она, чья дочь, откуда родом родители. Собираясь уходить, сказал Савелию:

— Не ошибется тот молодой человек, который женится на Марийке из Зайцево. Правда, она с кем-то там дружит в их селе, но это не велика беда. Главное, договориться с ее братом. А он председателем сельсовета там, значит, работает. И если ты, к примеру, и его жене понравишься, то твой успех обеспечен. Вы ведь вон какие, молодые, симпатичные! Кровь с молоком! А кони у вас — у-ух-х-х! Одно загляденье. Они же ваши? Не соседские? Так что вперед, кавалеры! Смелость города берет, и не только...

— О, брат! — воскликнул Кузьма с улыбкой. — Надо действовать быстро и без оглядки — понял?! Давай думай, у тебя голова на месте!

— Так ты, может, даже еще и соперником станешь?

— Ну-у и де-ела-а! Это уже даже интересно! Я теперь понял! Выходит, что наша Наташка, возможно, ее тебе и сватала, да и мне предлагала познакомиться, съездить в Зайцево. Теперь вижу, я опоздал. Ну ничего брат, я думаю, мы сможем как-то уломать ее брата, а его жена нам поможет, если там какие-то разногласия возникнут.

— А может быть, я с ней подружусь, а потом и женюсь, а?!

Она мне улыбнулась, когда я ей подал руку, чтобы подняться с земли, — заметил в ответ Савелий с серьезным видом.

— А ты еще зеленый, подрасти малость. А вот почему она убежала тогда, не дождавшись, я не знаю. Я бы заставил того подонка попросить прощения. Он бы у меня на коленях ползал и землю бы грыз с аппетитом. Я так думаю. Видно, испугалась

драки между мужиками. Давай-ка съездим прямо сейчас к ним в Зайцево! — решительно предложил ее защитник. — Познакомимся с ней и переговорим с ее братом.

Старик стоял поблизости и прислушивался к их разговору с улыбкой на устах.

— Ну, езжайте, езжайте ребята, — повторял он про себя. — Там успех вам будет обеспечен, это точно. Ну, давайте. Отправляетесь...

— И еще, — говорил Савелий брату. — Если мне повезет, то я намерен сразу жениться. «Вот это правильное решение», — обрадовался дед.

— Ну, а если вдруг ее там не будет и брат мне откажет, вдруг я ему не понравлось по какой-то причине, то на той уродине, богатой клиновской, я все равно не женюсь.

«Женишься в Зайцево, не сомневайся», — успокаивал его мысленно старик.

— Хотя и очень мне надоела холостяцкая жизнь и мамка с ее настойчивой рекомендацией, чтобы я на той женился. Но на кой хрен она мне нужна и ее приданое, если душа не лежит.

«Точно», — молча поддержал дед, улыбнувшись.

— А эта Маруся совсем другое дело, — утверждал с довольной, счастливой улыбкой своему брату Савелий.

«Вот это по-нашему», — рассудил дед, глядя на расстоянии на ребят.

* * *

Лошадь с Кузьмой оказалась далеко впереди. Старик, помахав им рукой, будто воздух перекрестив, ушел с довольным лицом. Пустив своего гнедого галопом, Савелий догнал брата уже у околицы села Зайцево. Заметив всадников издали, Марфа Кириченко подумала: «Ты дывысь які хлопці — козаки. Молодеж мабудь. На своїх видно рысаках куда-то скачуть. Гарні коні, та й парні відать удалые, — продолжая накрывать стол во дворе, обед для своей семьи, размышляла она. — Ось и завэрнули б до нашей хаты, да забрали бы нашу Маруську, а всэ приданэ мэні б досталось да сэстрам моім...»

Павел Федотович, сняв кобуру с наганом, мыл руки, готовился обедать, а их сынок Захарий увлеченно играл в палисаднике, возводя какие-то домики в сыром после дождя песке, устраивая какие-то крепости.

— Захарько, сынок, — крикнула мать. — Иды руки мой! Обідать пора!

— Сейчас, мама, — отвечал он, продолжая делать что-то свое.

— Ты чего меня не слушаешься? Чи ремня захотів? — спрашивала мать. — Ты жэ знаеш, шо папі ніколы, завжды він спішыть. А ну быстро за стіл!

— Я щэ руки нэ мыв і кушать мэні нэ хочеться...

Спросив у встретившейся женщины, где живет председатель сельского совета и как его зовут, парни прискакали к дому Кириченко и спешились.

Привязав поводьями к дереву у палисадника коней, ребята услышали мужской голос во дворе:

— Что там за всадники остановились у нашего дома?

— Выйди спрости, чего им надо. Они что-то хотят спросить, а у меня обед.

— Здесь живет Павел Федотович Кириченко? — слышался голос Савелия.

— Да, здесь, — вытирая на ходу руки полотенцем, отвечал тот недовольно. Но, увидев молодых ребят, тут же сменил выражение лица. — У меня же обеденный перерыв! Вы откуда сорвались? Могу я себе позволить хоть иногда пообедать дома по-человечески? Однако кто вы? Откуда и по какому вопросу ко мне домой? — заинтересовался хозяин. — Вы же не здешние, я вижу, не с Кодымы и не из Веселой Долины. У вас что, срочное дело ко мне?

Ребята представились и сообщили, откуда они явились.

— А-а-а-а! Наслышан, наслышан о таких орлах! Знаю вас хорошо из всевозможных рассказов о ваших похождениях и приключениях, — с улыбкой говорил Павел Федотович, вроде бы даже обрадовавшись встрече с ними. — Ну что ж, проходите, присаживайтесь к столу и рассказывайте, что привело вас ко мне. У вас есть в Клиновом свой председатель, настоящий партиец-большевик! Но чем смогу, не откажу, хотя я еще и беспартийный.

Ребята переглянулись в недоумении: при чем тут «партийный-беспартийный? «И о каких похождениях он знает? — подумал Савелий. — Может быть, Маруся рассказала о том конфликте? Так она даже не знала, откуда я, и имени не знала».

— Не удивляйтесь, что я вас знаю. Вы ведь братья нашей Натальи Филипповны Бэхтэнко, — пояснил хозяин села, увидев удивление на лицах парней. — Ну, и что вас привело ко мне? Выкладывайте и угощайтесь. Мне ведь на работу еще надо.

Савелий кое-как объяснил причину и цель визита. Присутствовавшая при разговоре Марфа отозвала хозяина в сторонку и начала ему внушать, поглядывая на ребят:

— Обізательно соглашайся выдать Марусю заміж, если он, Савелий, попросит руки твоей сестры, — доносился осторожный ее шепот. — Они для того и приехали, щоб договорытысь з тобою. Этот хлопэць, Савелій, шо нада.

Павел Федотович, видно, что-то ей возразил, и в ответ Кузьма услышал:

— Ты шо оцэ выдумав? «Оче-ень мо-оло-одая!» Нічого подобного, самый раз! Она дужэ скромна сьогодня. А шо будэ завтра, ніхто нэ знае. А Степана гоны, запрэты йому. Я ж бачу, шо хлопці стоющіе, і з нымы нэ помішае поріднітыся! От подывысь сам, на якіх воны рысаках прыскакалы! До тэбэ, а не до Чапурчіхы, чі щэ до когось. Тай кума наша, он яка гарна.

— Ну хватит тебе меня поучать! — рывкнул на нее Павел. — Рысаки ей понравились. Ей всего пятнадцать лет исполнилось! Да и приданого у нее маловато! Люди ждут, а ты антимионию тут развела. Надоело тебя слушать! — прикрикнул он на жену. Развернувшись, Павел подошел к столу и, налив полный граненый стакан водки, залпом выпил и сел закусывать.

«Ах! так выходыть, шо він дажэ нэ знае нічого про прыданэ, якого хватэ для пяты таких жэ нэвісток. Значыть, трэба настаюваты на выдачі Маруськы з нашой хаты в Клыновэ. Щось дэсь мэні достанэтыся. А може, быть такэ, шо нічого, і нэ потрібны мы окажуться оті тряпки, які вона прыпэрла, із города».

— Шо ж вы нычого нэ кушаэтэ і нэ пытэ у нас? — подходя к столу, с ехідством спросіла Марфа. — Почему ты одын пьешь? —

с упреком сказала она мужу. — Угощайтэсь, та не стісняйтэсь, хлопці. Вы ж з дороги. Обедать пора всым. Покушайтэ, та выпыйтэ по рюмочці другой.

— Спасибо за угощение, мы сытые, — ответил Кузьма.

— И мы не пьем, — добавил Савелий.

«Как это — хозяева перешептываются, а мы должны пить и закусывать без них?» — подумал он.

— Оставь нас! Иди, займись своими делами, — сердито сказал Павел Федотович. — Тебе скоро рожать. Успокойся. Я сам разберусь.

«Шо це щэ за тон? — поразмыслила Марфа. — Ты все щэ мэнэ не слушаешься? Все рівно будэ так, як я сказала, ось побачіш тупыця», — оставаясь на месте среди двора, переступая с ноги на ногу, шевеля лишь губами.

— Вы, хлопцы, извините за беспардонность моей половины. Сами видите, в каком она положении. Ей покой нужен. А ты, Савелий, разговаривал с моей сестрой или нет? Ты хорошо с ней знаком? Тебя же она интересуется, а не мы? Это же ты ее когда-то защитил в городе? Что-то я слышал краем уха, но кто это был, я не знаю.

Жених сидел в растерянности: сколько вопросов...

«И от кого он об этом мог слышать, интересно? Неужели сама Мария рассказала», — подумал Савелий.

А Павел Федотович продолжал:

— Я бы тебе посоветовал повстречаться с ней да подружить, и конечно же договориться меж собой. А вдруг она не захочет еще замуж? Ей всего-то, пятнадцать исполнилось. Куда и зачем ей спешить? — с улыбкой говорил Павел Федотович. — По-моему, к тому же она сейчас встречается здесь со Степаном Смирновым, из Ханты-Мансийска его родители, из Сибири... привезли его когда-то сюда. А ты еще успеешь себе хомут на шею надеть, — с улыбкой заключил он.

— А я шо тобі сказала! — вдруг крикнула на него жена, приближаясь тут же с улыбкой. Ее насмешливые глаза горели какой-то уверенностью. — Нэвж ш ты так нычого и нэ зрозумів!¹

¹ Не понял (укр.).

— А я что тебе сказал? — чуть спокойнее отвечал Павел. — Не вмешивайся в наш разговор. Тебе рожать скоро. Здесь речь идет о моей сестренке, а не о твоей. Я, только я один могу решать ее дальнейшую судьбу. Ясно?

— Ну, конечно же, мэні ясно, успокойся, Павлуша. Нэ пэрэжывай о работе своей, — подойдя вплотную к нему и чмокнув в лоб, говорила Марфа ласково. — Не спиши і не сердысь на мэна. А то всігда за пять минут пэрэкусыть на ходу і бігом біжыть опять в кабинет. Хіба таким можно бути прэданным своей роботі? Отдохны хоть одын раз нормально.

Павел Федотовіч улыбнулся довольной, хмельной улыбкой.

— Тэбэ ж, Павлуша, ніхто нэ контролізуе, — продолжала его жена. — Сьгодні з района нікого не буде. Выпый з рэбятамы по рюмочці другой. Поговоріть мырно да ладно. Аж ось догворытэсь о какой-то перспектiве на будущее. Рэбята ж не зря, наверно, пріехали, а з надеждой. И дело выгодное прэдлагають. Правда ж, хлопці? Скоро огороды трэба будэ сажать...

Кузьма посмотрел на Савелия с недоумением: о чем лопочет эта тетка? «В чем же она здесь выгоду видит? В огородах? Бред какой-то. Всем подойдет пора сажать, а не только нам. Управлялись сами всегда и управимся, — подумал так же Савелий. — Что за ерунду она плетет, непонятно...»

Павел Федотович почему-то ничего ей на это не ответил, а Марфа продолжала:

— Часто бувало, і вчора тэж був розговор вашей сэстры Натальи Філіпповны. «Вот бы Марусю вашу выдать замуж за моего брата, — говорила она. — Ужэ ш яка була б пара хороша, так это же одно загляденье, — улыбаясь, продолжала Марфа председательша, стараясь говорить «по-русски». Вона вся такая ладная і работящая, Маруся ваша как раз йому в пору. Шо на всд, шо під ріст, и вообще, у-у-ух-х-х».

Павел Федотович, любил слушать лестные слова о своей маленькой сестре, сидел, самодовольно улыбаясь, а его жена таторила:

— А мы тэбэ-то нэ бачілы і нэ знали до цых пір, якый ты там из сэбэ? Ось тэпэр увіделы і узналы о твоих наміреннях, от тэбэ лічно...

«Я же, кажется, еще не просил ее руки? — подумал Савелий. — Или она мне мозги присушила? Не ясно, что-то здесь все очень запутано».

— Замолчи, я тебя очень прошу, — мягко говорил румяный, улыбочивый Павел, жене, явно охмелевший от рюмки.

Парни удивлялись, видя перемену в хозяине, им было невдомек, что хитрая женщина, побывав у бабки, которая «пошептала», умела теперь подчинить себе человека норовистого, каким на самом деле был Павел Федотович. Обработанной бабкою водку или воду, этим специальным зельем, Марфа поила мужа уже не первый год и всегда держала над ним верх...

— Я, я тут это, по-пошептались, и это, решил я... решили мы со... — опустив голову, он умолк и захрапел, сидя за столом.

В этот короткий промежуток времени Марфа быстро отлучилась на какое-то время по своей нужде. Ребята переглядывались в недоумении.

— Что делать? Толи уйти, не попрощавшись, толи дождаться окончательного результата. Но будет ли он и когда? — спрашивали они друг друга. Парни продолжали сидеть за столом, поглядывая на спящего: что за бестолковую он себе жену взял? Какие-то странные у нее разговоры. И ведет она себя так развязно, как будто давно потеряла стыд и совесть, за широкой спиной и должностью мужа.

Вернувшись, Марфа налила в стакан какой-то жидкости, убрала бутылку под фартук, а стакан пододвинула к мужу.

— Ладно, — подняв голову, немного протрезвевший, твердо сказал председатель. — Приезжайте сватать через неделю, так скажем. Но прежде повстречайтесь, подружитесь и тогда... — И тут он внезапно схватил свой стакан:

— Так я и не понял, кто из вас хо-хочет жениться на мо-моей сестренке? — снова выпив, заговорил Павел, словно забыв, о чем говорил минуту назад.

— Ну шо ты заладыв одно і тэ ж, повстреечайтесь, да по-о-одружі-ітесь! — снова закричала Марфа, мотаясь взад-вперед. — Ты ж самый старший брат, як сам ты сказав. І тількы ты можэш решить. Вона об'язана тобі підчinyтысь!

«І колы ж тобі всэ цэ дйідэ, тупыця?» — со злостью подумала она и тут же сказала:

— Послухай, Федотыч, я тобі іщэ раз потом об'ясню! А вы, ребята, раньшэ прыезжайтэ. Ось після завтра вона прыйдэ до

дому на вихідний, і ви підкатуйте к вэчеру со сватьямы, та с хлібом своїм пахучім свіжым, шоп вона його того, розрізала як, положэно. Ну, вы ж знаетэ нашэ обычаі? — гаворіла Марфа. — Мы, — прудолжала она, — выдамо нашу Машу за тэбэ, Савелій. Ты нам очень даже понравився.

А сама в это время думала о другом: «Колыб нэ ваша сэстрыч ка Наташка і нэ так бы давно Марія собырала бы для сэбэ прыданое, которое нэ тількы мэні прігодыцца... Мойім рідным сэтрам... Завтра з вэчэра я всэ розпрыділю так, що вряд лі хто зможэ что-то забрать». — Лицо ее сияло улыбкой опытной аферистики, на которое молодые ребята обратили внимание и потом еще долго об этом говорили между собой с возмущением.

Павел Федотович в полусонном, а вернее — одурманенном состоянии лежал в летней кухне на полу, произнося какие-то невнятные звуки. Но мозги еще что-то соображали:

— А вдруг не согласится Мария хлеб разрезать? Как я смогу ее заставить? — И тут же сам отвечал: — Да такого быть не может! Я же здесь самый старший! Кто хозяин в этом доме и селе Зайцево? Один я, и еще моя пролетарская крестьянка — жена Марфуша. Это она меня всегда и во всем переубеждает. И я всегда с ней соглашаюсь. Да-а, она, пожалуй, права, что это настоящие «орлы», а их сестра действительно мне даже надоела: «Как бы поженить их с братом, как бы познакомить их...» Как будто мы его сами должны были засватать. Кони у них действительно ухоженные, значит, они хозяйственные парни, работающие и не курящие... хотя...

Снились ему какие-то скандалы. Вроде бы снимали его с работы или получал он взыскание...

— Ты чуешь мэна, Павло? Маруся нэ можэ тобі нэ підчінытысь. Вона прудо объязана. Хватэ ей на нашой шыі сыдіты. Трэба свою сімью іміть і жыты.

Павел Федотович, проснувшись, услышал продолжение напутственных речей своей жены Марфы:

— Ты обязательно выдай за Савелия Марию. От Стышана ні якого толку нэ було і нэ будэ. З детства воны дружать. А він хочаб одын раз заікнувся? А прыданэ пріе в сундуке... Сколько оно будэ лежать?..

Ребята тем временем, выскочив за село, в котором получили «добро» на сватовство и женитьбу, остановились перекурить

да в лесополосу сходить «полегкому». Накинув поводья на сук лиственницы, сделав свои дела, закурили, вопросительно поглядывая друг на друга. Савелий был очень доволен переговорами с хозяйкой.

— Помнишь, Кузьма, — спросил Савелий, — как вначале посмотрел на нас Павел Федотович? Не доволен был, что побеспокоили мы его в обед.

— Да, — отвечал брат. — Но мне не понравились все эти разговоры. — Конечно, он прав, что сестренка его еще очень молодая для замужества. Хотя я не знаю, какая она из себя. И как она лично на это посмотрит? Может быть, еще, действительно, ребенок. Разрежет ли сама твой хлеб, а может быть, «чайником тебя наградит». И будет он тарыхтеть у тебя, брат, до самого Клинового, — шутливо говорил он, заранее отодвигаясь, чтобы не «схлопотать» по шее.

— Наверно, он хорошо все обдумал, прежде чем пообещать, — ответил Савелий.

— Да о чем ты говоришь? — возразил Кузьма. — Ты разве не заметил, что только после выпитого стакана «зелья» он не стал возражать жене своей? Именно это меня и настораживает, что по пьянке согласился. А пока ты приедешь сватать, он передумает или вовсе забудет о своем согласии. Такое тоже ведь иногда бывает. Ты же для нее совершенно незнакомый, тем более, что у нее есть свой с детства жених — сибиряк Степан.

— Ну, так почему же он не женится?

— Может быть, «женилка» еще не подросла? Ха-ха-ха ...

...Здесь, рядом с полем, на выгоне, в прошлом году паслись козы с козлятами, овцы с барашками. Ранним утром собиралось стадо коров и пастух гнал всех домашних животных на пастбище, где весело перекликались суслики. Они становились на задние лапки столбиком и осматривали окрестность. Над головой ребят в небе пели жаворонки и другие степные птички, радуясь хорошей погоде.

— Да-а-а-а, — протяжным тоном продолжил Кузьма, несмотря на бодрое настроение своего брата Савелия. — Чует мое сердце, что здесь что-то неладное будет. Ведь как получается? Как будто тетка Марфа специально хочет побыстрее выдать Марию замуж, хотя, я думаю, она совершенно им не мешает. Наоборот, она наверняка помогает им, когда приходит домой из города.

Наверное, обстирывает их всех и по хозяйству управляется, — как бы подбадривая брата, говорил он. — В крайнем случае, не бездельничать она отпрашивается и не на свидание, я думаю. Ленивых на работе никакой хозяйин никогда не держит и кормить не станет. А прежде чем принять на работу, он его кормит и смотрит, какой у него аппетит, такой и работник из него будет. Это давно проверенный прием, и он себя оправдывает. Но что у них за характер?

Ты же, братуха, для них фактически незнакомый человек. А то, что Наташка наша им что-то там рассказала когда-то о тебе, это все ерунда, я тебе скажу. С первой минуты нашего знакомства она, тетка Марфа, стала, ты ведь слышал, наверно, напирать на своего мужа, будто Мария старая дева, что ли, или уродина какая-то, хотя я ее не видел и не знаю. И почему она так радостно заулыбалась, когда Павел Федотович сказал: «Да и приданого у нее маловато еще». Я уверен, — продолжал Кузьма, — что он совершенно даже не в курсе, что у его сестры есть, а чего еще нет. Он ведь такой же, как все мы, мужики, тряпками не интересуется.

— Да брось ты, Кузьма, умничать! — сердито отвечал Савелий. — Марфа хочет, чтобы сестра ее мужа имела свою семью и свое хозяйство. Чтобы перестала быть прислугой в городе. Мы же узнали от того деда, что она сызмальства работала на чужих.

— Вот-вот, — подхватил брат. — Почему так именно — сызмальства? Нет, Савелий! Если бы Марфа ей родной сестрой была, хотя бы с доброй душой относилась, то, поверь мне, не отпустила бы ее в город служить в няньках, да в прислугах ходить. Послала бы ее в школу и не куда-нибудь, а здесь, дома, и все тут! Она бы пожалела отдать родного ребенка чужим людям. Не-е-е-т, она явно нехороший человек! Что-то, брат, здесь не то, чую сердцем, не то. Зло какое-то задумала эта женщина, попомни мое слово! А вот какое, я не могу понять. Надо с ней держать ухо востро и не дать сесть себе на шею.

— Пускай Павел Федотович сам разбирается со своей женой. Для нас чужая семья — потемки, — ответил Савелий. — Эх, Кузьма, если бы ты видел, какая она хорошенькая. Ей только-только шестнадцатый пошел, а выглядит, не знаю, даже с кем бы сравнить из нашего села. Такая грудь, а фигура-а-а у-у-ух-х!

Я когда ее увидел, там, с коромыслом, в городе, ну, думаю, мне бы такую в жены. Но как и когда мне было знакомиться, если, пока я ехал до того места, где мы неожиданно встретились, мне трижды перебежали улицу черные кошки и столько же женщин с пустыми ведрами попало. И каждый раз кошки останавливались посреди улицы. Представляешь?! Присядут, посмотрят на меня своими глазищами и чуть ли не из-под копыт лошадей убегают прочь, часто оглядываясь. Что это было за наваждение? Колдуны, что ли, тогда меня преследовали? Вроде бы я никому не насолил и никому ничем не обязан сроду. Только вот жениться пора. Но меня что-то все это беспокоит...

Савелий умолк, задумался.

— Да-а-а, интересная ситуация сложилась, — продолжал рассуждать Кузьма. — Ну вот, представь себе, что Мария согласится за тебя замуж, потому, может быть, что ты «неотразимый», как утверждают некоторые наши девки в Клиновом. Хотя лично я сомневаюсь в их искренности. Но это в общем-то пустяки. Но я так же не уверен, что согласится по понятным причинам. И все-таки предположим, что так случится. Привезешь ты ее домой, к нашей мамке, да? И ты думаешь, что они сразу же подружат? Да никогда в жизни! Мама будет ревновать тебя к ней! В этом можешь не сомневаться! Будет стараться развести вас любыми путями потому, как ты сам знаешь, что не на ею выбранной «красавице» богатой женишься, это во-первых. Во-вторых, отойти тебе некуда, кроме как в один из последних амбаров, не приспособленных для жилья. А в третьих, мамка и там вас будет доставать так же, как Ефима, Евграфа, Григория или Петра, которые теперь живут в разных городах Донбасса и не очень-то часто к нам приезжают. А зачем проведывать человека, который ненавидит всех без всякого повода?

— Да-а-а, я с тобой согласен, — отвечал Савелий.

— А тебе не приходило в голову, что надо будет немедленно отделиться от нас и жить отдельно? Подумай, брат, не зла я тебе желаю, хочу хоть на словах помочь вам, — повторил Кузьма.

— Ну хорошо, — отвечал Савелий, — что-то мы с тобой здесь заболтались, и ты об одном все твердишь, как будто я сам не знаю и не понимаю, что к чему. А ты молодец, братишка, малый да удалый, все понимаешь. Что было, мы все видели и слыша-

ли, а что будет — увидим. Может быть, не так страшен черт, как его малюют? А мать остается матерью, со всеми ее пороками. Будем надеяться на лучшее, а плохое оно само по себе сбудется, хотя с этим делом тоже надо бороться...

* * *

— О ком там спор завел твой брат со своей женой? — спросил Степан Марию, сидя на скамейке под окнами ее родительского дома. — Ты что, заимела там, в городе, себе парня?

— Ну что ты? Какого парня? Никого мне не надо, — отвечала Мария. — Да и какой толк от новых знакомств? Баловство это, я этого не признаю.

— Ну, а как мне это все понимать прикажешь? С каким ты братом познакомилась или чьим? — вспомнил Степан намеки деда Семена. — Какие всадники днем позавчера приезжали к вам? — допытывался сердитый жених.

— При мне никакого разговора не было, — отвечала Мария.

— Давай уедем в Сибирь, к моему отцу, там и поженимся, как положено — распишемся.

— Никуда я с тобой не поеду, — отвечала Мария. — На кого я больную мамку оставляю? На произвол судьбы и Марфы? Ты же знаешь, как она к ней относится. И как я без нее с тобой жить буду? Что с ней будет, когда она узнает, что я уехала с тобой без ее разрешения? Я и знать не буду, что с ней происходит. А ты о чем думал до сих пор? Может быть, у твоего отца там тоже нет своего угла.

Ты же не знаешь про это, не помнишь, как здесь оказался, почему тебя оставили людям, а зовешь. Да и не любишь ты меня.

Одним словом, между молодыми людьми произошла размолвка, и Степан ушел домой не попрощавшись.

Ночь была очень темная, тихая. На улице ни души. В большинстве домов света не было видно. Сделав несколько шагов, Степан остановился прикурить возле широкого куста белой и розовой сирени.

Мария только поднялась с лавочки, как к ней подошла Марфа.

— Куда он тебя звал уехать? — донеслось до Степана. — Нэхай він сам выезжає туды, звідкы — откуда його сюды привезлы до бабки. Вона елі ходыть, старэнька стала, а він жєнытысь

нэ хочэт. Хотя б разок заікнувся, чі спытав бы, спросіл тебя. У тэбэ ж есть надежный парінь. Прызналась бы сама Стэпану. Чого скрывать? А він хай пэрэбырае, чі когось піджыдае. Таких дівок, подывысь, хочь, пруд пруді.

Что-то еще и еще говорила тетка Марфа, но Степан не мог разобрать. А та продолжала, дергая Марию за рукав:

— Пішлы спаты, уже пізно. Стэпан пішов до дому? Ну й нэхай уходыть, голыдба¹ несчастна. Всю жызьн в ніцітэ жывуть. Одну коровку дэржуть, та свыней с кішкою та кошэнятамы. Сколько лет тебе голову морочіть, і мовчіть, главное дело. А твій знайомый «орел»! І брат його стоющій. Завтра ты побачіш всых. Вони прыйдуть за тобою. А сейчас спать пора. Ужэ пізно. Пішлы в хату.

Мария молча подчинилась, чтобы избежать скандала, тем более что Марфа взяла ее крепко за руку и силой заставила следовать в дом. Зайдя в свою комнату, девушка легла на кровать и всю ночь ворочалась с бока на бок, не могла уснуть.

Ее мамка в это время крепко спала, напившись чая с медом. Всякие недоговоры не давали Марии покоя. Что означают слова Марфы про ее знакомого орла? Кого она имела в виду? Да и брат тоже. Что за брат? Надежный ли он? А есть ли они где-нибудь, надежные? А когда под утро задремала, то вдруг всех разбудила своим громким смехом и проснулась. Посмотрев на окна, где уже светило ясное солнце, она тут же все подробности сна забыла. Мамка Марии всегда убеждала всех детей своих:

— Если приснился плохой сон-то его сразу же надо кому-то рассказать в подробностях, чтобы не исполнился в жизни. Я знаю по своей жизни: если человек во сне засмеялся, значит, предстоят большие слезы. Значит, или кто-то сильно обидит человека, или получит при драке.

— Что-то нехороший у тебя смех, доченька, — проснувшись, сказала мамка. — Скажи, как ты себя чувствуешь? Ты плохо спала?

¹ Нищета (укр.).

— Не волнуйся, мама, все нормально, — ответила Мария. Однако сердце забилося учащенно. Душа как-то по-особому запыла, хотелось почему-то заплакать.

Утро ничем не отличалось, казалось бы, от других, и выходной день рядом с мамкой в селе Зайцево прошел самым обычным образом. Но для Марии он был каким-то беспокойным. Чувствовало ее молоденькое сердце, что скоро может произойти что-то неладное в ее дальнейшей судьбе. Но что? Не могла она никак разгадать. А все разговоры Марфы были ей непонятными и ненужными, потому что есть у нее парень — Степа Смирнов. Но почему он так себя ведет? Почему ушел? Ей было обидно, что ее Степа — такой недогадливый жених...

— Ну что, Степан Иванович, секретарь комсомола и хозяина жителей села Зайцево, никаких данных у тебя нету насчет Марии Кириченко? — спрашивал дед Семен, хитро сощурив глаза. — Сдается мне, не зря приезжали в обед к ним какие-то молодые всадники на добрых, видно, на своих лошадях. Разузнай как-нибудь и уточни, иначе потеряешь свою красавицу. Это я тебе говорю, бывший разведчик Пластинин, не раз побывавший в переделках всяких, таких, что тебе лично и не снилось, хотя у тебя все еще впереди. Хочешь бесплатный совет получить от меня, как от родственника, пускай и дальнего? Укради ее и увези в свою Сибирь, а то, неровен час, другие это сделают.

«Не может быть, — думал парень, — чтобы председатель Павел Федотович что-то задумал против нас обоих».

— Слышь ты меня, Степан Смирнов? Укради ее и увези подальше отсюда, пока не поздно, как сделал это твой дед, Василий Смирнов. Христом Богом прошу тебя, одумайся и побыстрее...

— Да перестаньте меня поучать! — сердито отвечал парень. — Я же не маленький и обычаев диких не придерживаюсь! Это будет не по-комсомольски и не по нашему обычаю. Обещали мне привезти муксуна да нельмы к свадьбе, и еще бы хряка с месячишко-два откормить. Мы давно уже было договорились, а вот давеча будто черный кот дорогу перебежал или бабка какая пошептала.

— Ерундой страдал ты все это время и не для себя берег свою невестушку Марию, — отвечал дед Семен. — Ты погляди-ка на

него, рыбки ему захотелось к свадьбе, муксуна да нельмочки, будто это самая главная еда или обязательное исполнение твоей прихоти. Здесь наверняка никто даже не знает об их существовании.

Этот человек, дед Семен, пристал, а может, подженился на Степановой двоюродной тетке, женщине с усиками, также переехавшей сюда неизвестно откуда. Он постоянно ходил с бородой, но время от времени куда-то уезжал на несколько дней, предварительно сбрив ее. Тетка Дарья за ним так ухаживала, что все удивлялись: «Ты вжэш так за своїм ходыш, як за якім-нэбудь міністром. Дывысь, мол, як бы він від тэбэ нэ сбіг до другой якой-нэбудь дівкы».

А тетка Дарья отвечала: «Мы так подходим друг другу, что ему ни-и-икакой другой не потребуется. Мы дополняем друг друга везде, где надо. А грамотный, на языки там разные иностранные способный, а шутник, каких в селе у нас днем с огнем не найти! А в посте-е-ели-и-и — так это-о одно удовольствие! Вы себе даже не представляете, какой он сладкий и ласковый. До конца дней мы будем вместе! — утверждала она. — Пока я под ним или на нем не отключусь, потеряв сознание, он не успокоится! А мне именно это и надо. Ни одну ночь мы не пропускаем, по нескольку раз кряду, — улыбаясь, утверждала Дарья...

Белогвардейская контрразведка работала попрежнему четко и слаженно. А этот дед Семен, как прозвала его сельская детвора, всегда оставался в тени, хитро улыбаясь и готовясь к какому-то нехорошему деянию против советской власти, но только в стороне от места жительства, на рудниках и шахтах Донбасса. Через какое-то время чекисты вышли на его след, решив его арестовать, но штабс-капитан Семен Пластинин своевременно исчез в неизвестном направлении вместе со своей молодой женой. Дарья, оставив нагулянных дочерей родителям, якобы ненадолго, уедет с ним безвозвратно, вместо того чтобы:

*Отдать всю нежность чувств своих ребенку,
На доброту душевную к младенцам не скупясь...
Заплачет в колыбельке он спросонку,
Ты подойди с улыбкой, отзовись.*

*Отдать бы все, что ты в себе имеешь,
Все, что хорошее от жизни ты берешь,*

*Об этом ты ничуть не пожалеешь,
Ты это все когда-нибудь поймешь.
Прошли б года, он взрослым стал бы тоже —
Тогда он делал лишь первые шаги,
Он старость одолеть тебе помог бы,
На добрый путь ты встать лишь помоги!
А с возрастом во всем он разберется,
Тебя ни в чем не смея упрекнуть,
Что дал ему, то все тебе вернется!
Ты никогда об этом не забудь!*

Но она — «кукушка», в обличье матери человеческой, наплевала на своих детей и укатила за границу в неизвестном направлении, в незнакомое до тех пор для нее государство.

Глава десятая

Жестокое сватовство

А в Клиновом уже были запряжены выездные лошади в тачанку, на которой сидели двое сватов, мужчина и женщина средних лет, перевязанные наискось через плечо цветастыми махровыми платками. В руках у них по небольшому узелку, а Савелий пребывал в двух «должностях» — жениха самоуверенно, а заодно и извозчика.

Компания была немного навеселе, приняв «по несколько капель» для настроения. Провожали их родные братья Кузьма и Григорий и сестра Марина с мужем Николаем, приехавшие в этот день в гости.

— Скорее возвращайтесь, такими же веселыми, как сейчас, — говорил Кузьма с улыбкой на устах. — Привезите из Зайцево хоть что-нибудь. Это тоже будет результатом вашего визита. Да не задерживайтесь.

Но жениха не покидала уверенность, что Мария в любом случае, и обязательно, должна стать его женой. Как это произойдет, он себе не представлял, видно доверившись не только «деду-предсказателю», но так же и семье невесты. Мать Савелия утверждала перед дорогой: «Не согласится твоя

«зайчиха» за тебя, не надейся! Лучше бы свою засватал. А там маловероятно, чтобы и приданое-то было».

По жизни своей жених был человек скромный, но решительный. Не развлекался он с гулящими и напитками не злоупотреблял. Даже достаточно выпив на какой-либо праздник, на второй день он никогда не опохмелялся.

Голос у жениха был звонкий. Мог он запевать своим тенором и выводить первым голосом и вторым. Но сейчас он почему-то молчал, о чем-то размышлял. Его голубые гордые глаза смотрели вперед, будто представлял он ту единственную девушку, неповторимую, которая запала в душу и сердце так, что забыть ее он не мог ни на минуту.

«Мне никакой другой в жизни не надо! — сразу решил он. — Только ее я найду и женюсь, если это возможно».

«Ты же можешь опозориться или прославиться, мягко говоря. Испортить жизнь не только себе, но и ей, — вспоминал он слова младшего брата Кузьмы, сказанные там, за селом Зайцево. — Ты вспомни слова нашего покойного отца: без любви и уважения, если силой взять в жены девушку, семейного полного счастья тебе не будет».

Перед выездом из села перебежала дорогу одна черная кошка, за ней вторая, и еще какая-то женщина перешла дорогу с пустыми ведрами в одной руке.

— Савелий, сынок, остановись! — перебив его воспоминания, обратился к нему крестный уже далеко в поле за селом.

— А что случилось? — возразил тот, продолжая гнать лошадей вперед, навстречу, как он надеялся, своему счастью.

— Я что-то скажу и покажу, — ответил крестный.

Жених остановил лошадей. Крестная, исполнявшая сейчас роль свахи, сразу пошла в лесополосу, как еще говорят на Украине, в посадку, а мужчины, закулив папиросы, разговорились.

— Ты посмотри, сынок, во-о-он туда, — вытянув руку вперед, говорил крестный отец. — Что ты там видишь?

— Ничего, кроме туч да заходящего солнца.

— А в тучах «медведя» видишь? — улыбаясь, спросил крестный. — А рядом ребеночка? Присмотрись хорошенько.

— А-а-а-а, да-да, вижу, — отвечал Савелий.

— А ты слышишь, как поют тебе птички — жаворонки степные? — не унимался пожилой человек.

— Нет, крестный. Они не мне поют свои песни. Они поют друг другу, — возразил жених, выбросив папиросу. — Что-то у меня сердце кольнуло. Что-то душа у меня не на месте. Ноет как-то. Неладное, видно, чует...

— Да что ты, Бог с тобой! — вмешалась вернувшаяся крестная-сваха, услышав разговор. — Тебе что, плохо?

— Нет, нет. Я пошутил, — ответил Савелий, направившись на свое место в тачанке. — Садитесь, поедемте, там нас все-таки ждут. А потом будь что будет...

Сваты переглянулись в недоумении. Однако молча сели на свои места, и лошади сразу быстро побежали. Сейчас он тем более решил жениться именно на ней, на Марии, чего бы это ему ни стоило. Какими средствами будет исполнено обещание Мариинного брата и снохи выдать девушку за него замуж, его все же беспокоило, но тем не менее он был уверен в успехе. Одно лишь сомнение таилось в том, что сама она согласится ли, тем более знал точно, что у нее там, в селе, есть свой жених, с которым давно дружит, но это ерунда, убедил еще тогда его дед-предсказатель.

А между тем брат невесты Павел Федотович, освободившись пораньше, пришел домой с работы, чего Мария совершенно не ожидала. Побрившись и умывшись, он стал переодеваться, хотя на нем все было чистое, не мятое, но он решил, по велению жены, освежиться и выпить «для смелости зелья». Заметив все это, его сестренка еще больше забеспокоилась, вспомнив вчерашние слова снохи о том, что «завтра у тебя вся жизнь изменится».

Неужели, действительно, скоро кто-то приедет, что-то произойдет? Мария строила всякие догадки, но тут же подбежал к ней племянник Захарько и прошептал по секрету на ухо:

— Тетя Маруся, тебя сегодня хотят выдать замуж в Клиновое. На этом настаивала моя мамка, а папка вначале был против, но потом согласился, как всегда. Я все слышал позавчера. Я спрятался, когда они разговор вели между собой. Потом они заметили меня и прогнали.

— Как это замуж? — возмутилась она. — За кого? Я же там никого не знаю!

— Я тоже не знаю, — ответил он и убежал играть в песке. И в это время подкатывает к их двору тачанка, останавливается.

— Вот мы и приехали к намеченной цели, — послышался голос жениха. Через минуту входят сваты, перевязанные платками.

Им навстречу, буквально бегом, выскочила из дома Марфа, а за нею солидно шагал Павел Федотович, весь начищенный да наглаженный. Был он не под слабым хмельком, улыбался, но не шатался.

— Заходьтэ, гості дорогі! Мылосты просым в нашу горныцю, — нараспев лепетала Марфа. Глаза ее сияли радостью.

— Очень приятно вас видеть в полном здравии, — приветствовал их так же радостно Павел Федотович. — Проходите, пожалуйста, в дом, там и поговорим.

Сваты переглянулись, но тут же улыгнулись, поздоровались и проследовали в дом. Мария растерянно стояла среди двора, сняв с веревки белье. Она никогда и нигде не видела этих людей — кто они? Зачем сюда пожаловали, а главное — с кем? Но тут же появился у калитки жених.

Когда она увидела его лицо, сразу вспомнила тот неприятный момент в городе, когда она впервые повстречала этого «дядьку», подумав, что и он к ней приставать начнет.

Невольно улыгнувшись, она поняла, зачем он сюда пожаловал, и что именно о нем сообщил племянник Захарий. Эта улыбка все-таки была малообнадёживающей, как для ее брата, так и для жениха.

«Может быть, убежать отсюда? — соображала невеста. — Но куда и зачем? Еще белье надо будет переглядить. Силой он меня все равно не возьмет, прав таких нет, а со своим Степой мы еще помиримся. Сегодня же вечером увидимся, и все будет хорошо, — с надеждой наивного ребенка решила она, торопливо заходя в дом. Мария вспомнила покойного родителя, очень любившего свою «маленькую крошку-кормилицу», заплакала. «Татко, почему ты так рано ушел от нас? Кто меня сейчас зачитит? Я не хочу замуж за дядька».

Войдя быстро в комнату к больной мамке, девушка растерянно остановилась, вытирая слезы, присела на кровать.

— Что случилось, доченька? — спросила мать. — Что с тобой? И в это время раздался бодрый мужской голос:

— В этом доме выросла девушка-краса, темно-русая коса, хозяйюшка драгоценная да работающая. А в соседнем селе

Клиновое мы вырастили для нее хозяина очень хорошего да пригожего богатыря. Так вот, — продолжал сват, — мы приехали с ним, чтобы породниться с вами, если, конечно, не возражаете.

Сват в пути следования усомнился, что крестник будет иметь неотразимый успех и обойдется без слез. Достоинно умолчав, решил все же до конца исполнить свою миссию. «Не возвращаться же назад без причины».

Он заметил по Марии-невесте, что они оба не договаривались заранее и, возможно, даже очень мало знакомы, иначе все выглядело бы по-другому.

Сваха стояла рядом с добродушной улыбкой, хотя в душе своей была также удивлена слезами невестушки. «Почему это она так вдруг расплакалась?..» — подумала она.

— Марусько, ты чого там нюні роспустила? Почему не переодіваєшься? — со злостью кричала Марфа. — Чого ты сьдышь возле мамкы?

— А зачем мне переодеваться? — отвечала Мария.

— Так гости до тэбэ прыехалы! Сватать тебя прыйшлы, а нэ меня, — съязвила Марфа, мешая русские и украинские слова, стараясь говорить так, чтобы приезжие услышали ее культурный, «городской» язык...

— Я гостей не звала, и у меня не спрашивали согласия. Я не собираюсь выходить замуж за незнакомого мне дядька. У меня есть свой жених, и его все знают, — возразила Мария.

— Павло! — закричала еще громче Марфа. — А ну, іды сюды! Сам розбырайся со своею сэстрычкою! «Нэ собираюсь заміж!» Да я бы на твоєму місті, аш бігом бы побігла, шоп тільки стать хозяйкою в домі. Тобі що, нэ надоіло бути нянькою та прислугою у городских богатых людэй? — кричала она перед сватами. — З детства чужых няньчишь дитэй, та в прислугах ходыш! — с ехидством и все же с гордостью продолжала Марфа. — А цэй жэных нэ із бідных, правда? — спросила Марфа.

— Да-да, — отвечали сватья, присаживаясь на длинную лавку, рядом со столом в зале. — Есть лошади свои и амбары. Дом большой родительский тоже есть. Много комнат в нем. Места всем хватит.

— Его я совсем не знаю, — сопротивлялась Мария. — Даже имени. Но тут ворвался в комнату весь вспотевший ее брат.

— Как это ты Савелия не знаешь? Зачем врешь? Ты же знаешь его уже несколько месяцев! А кто тебя защитил в городе, когда несла воду на коромысле? Ты это помнишь? Это же брат нашей кумы Натальи Филипповны!

Схватив за руку, он дернул Марию с мамкиной кровати. Его сестренка крикнула от боли. Приехавшие сваты и Савелий заерзали на лавке. Лица стали у всех хмурые, бодрость пропала.

— Сынок, Павло, — прошптала мамка. — Что же ты делаешь? Опомнись, сынку! Павло, Павло! Ты же ей больно сделал. Но разгневанный «хозяин» уже ничего и никого не хотел слышать.

— Я же его видела случайно, только один-единственный раз, — повторяла Мария сквозь слезы.

— Ньчого! — закричала Марфа. — Прывыкнэтыся — злюбытыся.

— Почему ты врешь старшим? — закричал Павел, стоя у кровати. — А нука, пойдём! Ты посмотри, кто приехал тебя сватыть. Орел! Натальи Филипповны брат родной, — повторил он.

— Я не хочу замуж за незнакомого.

— Та шо ты там з нэю возышыся? — перебила Марфа. — Чого уговорюеш? Таші ея сюды! Ты же старший брат! Вона просто обязана тэбэ послухатыся! А Стэпана свого пора тобі забуты! Можэ він іще з десяток років намірэн з тобою тількы зустрічатыся!

А сама тут же подумала: «Нічого, крошка. Нікуды ты нэ денешся! Все рівно мы тэбэ выдамо в Кліновэ! В сімью з достатком, з амбарами».

— Павло, Павло, Марфо, что же вы делаете, паразіты, — еле поднявшись с кровати, говорила их мамка.

— А ты чога піднялась?! Тэбэ тут не пытають! Ты свій вік прожыла, і нэ вмішуйся, куды тэбэ нэ просять, — кричала Марфа, поглядывая то на Савелия, то на своего мужа. Глаза ее горели злостью на свою свекровь. — Называется ныкчэмна, а сама он яка!

В этот момент мамка упала, а Мария, рванувшись из рук брата, хотела помочь мамке, но потом выскочила из дома и по-

бежала на улицу к людям-защитникам. «Может быть, они повлияют на Павла!» — надеялась она.

Соседи видели, что Мария пришла из города, а сейчас, заметив тачанку у двора Кириченко, спрашивали друг друга:

— Кто это к ним приехал? Не Степан ли опомнился и наконец-то прислал сватов? Доки ж им встречаться?

— Да нет, нет! Цэ не наши люды! Нэ із нашего сэла. Зачем бы понадобился нашему такой экипаж, — перешептывались они.

Красный, обозлившийся Павел догнал сестру на ступеньках крыльца, ударил ее. Кулаки были у него как головка у новорожденного, да и сам он был огромного, выше среднего роста и веса детина.

— Боже! Где же совесть у взрослого семейного человека! — воскликнули соседки. — Неужели ему не жалко? Ты подывься, що він робить з сестрой?! Ну и звірюга!

Мария, побледнев, упала на землю от удара в ухо, а он подумал, что она притворилась. Забежав в конюшню, схватив там разорванную лошадьми посторонку, вернулся и опять накинулся на сестру. К этому моменту подросла старшая замужняя Мариина сестра, жившая на другом конце села, и, вцепившись в необъятного своего брата, стала просить:

— Не бей ребенка! Пожалей сестричку! За что ты ее так безжалостно?!

Павел развернулся и ударил ее в правое ухо так, что та сразу упала рядом, потеряв сознание. Он, забыв в гневе о своей силе, решил, что они обе притворились.

Соседи, собравшиеся во дворе и за калиткой, стали еще больше возмущаться:

— Что же ты, подлец, делаешь? Ну разве так можно? Они же без сознания, — говорили они.

— Да он вообще озверел! Председатель дрепаный! Перестань издеваться, зверюга! Где же твоя совесть? — закричал один из мужиков.

В этот момент во двор через толпу людей ворвался Степан.

— Кириченко! — закричал он. — Что же ты, гад, делаешь? Они же без сознания. Прекрати-и-и!

— Не подходи, Степан, стрелять буду, я не шучу! — ответил Павел.

Отбросив в тот же миг посторонку, он вынул из кобуры наган, щелкнул затвором. Стоял он злющий, настороженно озираясь по сторонам.

— И какой дурак ему доверил оружие? — возмущались бабы. — Зачем доверили власть беспартийному? Родители его хорошие, конечно, но он явный зверюга.

И тут Степан вдруг прыгнул и ударил председателя ногой, попав ему ниже колена. И тот упал со стоном: «Ой-ей-ей...»

— Я ведь тоже не собирался шутить, зверь несчастный, — сказал Степан в гневе.

Падая, Павел нажал на курок, выстрел ушел в землю, так как председатель, к счастью, не успел прицелиться в своего противника, отвлеченный толпой соседей и земляков. При его падении и выстреле земля загудела. Где-то далеко прогремел гром, начал моросить мелкий дождь, подул ветерок. И тут еще раздались выстрелы за воротами, сделанные из двустволки Степановым товарищем Сашкой Смирновым, прибежавшим следом.

— О Господи Боже мой! Да что же это творится, а? Война, что ли? Да как же это можно при советской-то власти?

— Нет, бабоньки! Войны с кровопролитием не будет, — сказал Степан, разрядив наган и бросив рядом с лежавшим на земле «хозяином-верховодой», так поиздевавшимся над незащитными сестрами. — А ты, гад, за все ответишь по закону! — со злостью сказал он. — Ты за все издевательства срок получишь, скотина!

— Пойдем отсюда, дружище! Не трогай дерьмо. Такого зверя я еще не встречал, — позвал Смирнов. Развернувшись к огороду, Семен швырнул туда все патроны и ушел со двора. Протрезвевший Павел лежал на земле, стонал:

— Ух вы звери, пацаны! Я вам дам. Вы у меня еще попляшете.

При падении он стукнулся головой, а удар Степана повредил ему ногу — в самом болючем месте человеческого организма, если не считать еще одно...

На Марию и ее сестру побрызгали водой, и они, поднявшись, с помощью соседок направились в дом к мамке.

— Пойдемте, милые сиротинушки, успокойтесь. Так избивать своих родных сестер может только сумасшедший, — успокаивали их шепотом девки Чапурчихи.

Собравшиеся посмотреть сватовство и жениха стали расходиться по домам. Возмущениям не было конца.

— Ну и зверь он оказывается, а ведь тихоней был.

Мужчины остановились на той стороне улицы, обсуждая происшедший инцидент, организованный Павлом Кириченко, хозяином села.

Степан все еще был в шоковом состоянии, молча курил.

— Неужели все ему позволено и все разрешено? — возмущался Сашка Смирнов. — Почему у него до сих пор не отобрали оружие? А если бы он кого-нибудь пристрелил по пьянке? Или ранил бы?

Да уж. У нас в Сибири и то спокойнее живется.

— Нет! Это ему так просто не пройдет! — говорили другие. — Начальство его очень строго должно наказать! И обязательно накажет за такое зверское избиение сестер! Так напиться и по терять контроль над собой.

— Это его семейная драма. И вряд ли в городе станут разбираться. Все будет шито-крыто, попомните мое слово, — утверждал сосед.

— Здесь же нету уголовного преступления, — говорил третий.

— Я завтра же поеду в город и заявлю куда надо, — заговорил горячо Степан, прикуривая следующую папиросу от своего же окурка. — Обязательно съезжу.

— Да перестань ты трепаться, болтун, пустомеля! Никуда ты не поедешь заявлять! Остынь чуток. Да и толку никакого от этой поездки твоей не будет! Это я тебе говорю, — начал рассерженный на него родственник Марии. — Тебе надо было самому не тянуть кота за хвост, а засылать своих сватов. А теперь ты наверняка опоздал! После такого, Мария просто побоится не разрезать хлеб, — продолжал он, часто нервно моргая. — Уж чего-чего, а та кого я от Павла не ожидал. А ты хочешь за один день все проблемы решить. В общем, я тебе так скажу, — продолжал старший. — Ты сам растяпа и неудачник! Он тебя выгонит. Ты сам потерял свою девушку и работу! Берег невесту не для себя. Тряпка ты половая, а не сибиряк. Все мозги у тебя там, наверное, повымерзли.

Вскоре все разошлись. Павел вдруг увидел, что девок нет рядом с ним, тут же закричал:

— А где Мария? Я ей сейчас покажу Степана...

— Та в хаті вона, — отвечала Марфа с насмешкой. — Відпочиває — отдохнуть ей надо. Чого кричиш, як ошалелый? Піднімай ся! Хватэ тобі ворочаться и стогнать! Вроді ты і здоровый як бык, а от пацана якогось упав, ха-ха-ха-ха. Ой не могу, ха-ха-ха! — хохотала она.

— Заткнись! Подсоби подняться, сильно нога болит. Ой-й, ей-ей. Не могу...

Жена стояла в нерешительности. Она знала, что не осилит сама, нечего даже пытаться поднять мужа. Он в два с лишним раза был тяжелее ее. Павел закричал:

— Ну что ты стоишь, как пень! Тополь несчастный. Поддай хоть палку, или лопату какую-то. Я уж сам как-нибудь... Ой-й-й... поднимусь...

Еле-еле войдя в дом, он увидел растерявшихся сватов и Савелия с ними рядом, который не знал, куда себя определить, так как слышал громкий женский плач из той комнаты, где лежала больная мать Марии. Но подойти и пожалеть или успокоить ее не решался. Хотел он было выбежать, защитить Марию, да только сваты его не пустили.

— Не вздумай, — сказали они. — Не вмешивайся! Родные они, сами разберутся.

— Может быть, нам лучше уехать? — спросил сват. — Может быть, в другой раз приехать? Когда все это...

— Никакого другого раза не надо и быть не должно! Сейчас же она разрежет хлеб и выйдет, ой-й, отсюда.

— Мария! Мария! — закричал появившийся в дверях Павел. Он проковылял к столу в зале, наполнил водкой стакан.

— Ты почему за мамкой спряталась? Иди сюда, я сказал! Или еще хочешь, ой-й, ремня? Он с жадностью выпил и, скривившись, стал закусывать.

— Соглашайся, девочка, — говорила сваха. — А то ведь видишь, какой твой брат сердитый. Не дай Бог еще снова тебя избивать начнет. Савелий хороший парень. Будет хорошим мужем и хозяином в вашем доме, — продолжала она. — Я это точно знаю и ручаюсь за него головой.

— Ладно, доченька, соглашайся, — шептала мамка. — Никогда я не думала, что мой сын таким зверем окажется. Раньше

таким жалостливым был. Курицу жалел зарезать. А теперь я не смогу даже подняться, ему ремня дать. Ты же видела, как я сегодня упала и разбилась. Бог с вами, живите дружно. Ты смиренная, хорошая. Сможешь примириться с судьбой. А я уже не жилец на этом белом свете...

Вдруг ее совсем не стало слышно. Лишь губы ее шевелились, и слезы не переставали течь. В ушах Марии все еще звенело, голова раскалывалась так же, как и у ее старшей сестры Марфушки Шевченко.

(«Не знаю, может быть, даже и хорошо, что моего здесь рядом не оказалась, — говорила она позже. — Он ведь тоже очень горячий. И если бы был он в селе, то Бог его знает, что бы могло еще здесь произойти. Сколько себя помню, никогда Павел даже голоса не повышал, а сегодня как с ума сошел».)

— Марусько! — снова крикнул «добрый» брат. — Ты чего еще сидишь, нюни распустила? Иди, режь женихов хлеб, я сказал! Долго еще тебя ждать?

— Иди, доченька, иди. И пускай благословит тебя Господь, — вздрогнув, заговорила их мамка, боясь, что Павло снова выйдет из себя и начнется все сначала.

Мария, с большим трудом поднявшись с кровати, потихоньку пошла в зал, где все сидели в ожидании. Лицо и глаза девочки опухли. Но сваты заулыбались, предвкушая благополучный исход их визита, хотя им было и не по себе. Они не могли взять себе в толк, почему такой солидный представительный человек, председатель сельсовета и, может быть, большевик-партиец так настойчиво и грубо требует исполнить то, что его сестренка не хочет делать? И почему она не соглашается замуж за их Савелия?

«Он ведь не какой-то там урод или калека, — размышляла сваха. — Меня тоже когда-то приехали и засватали совсем незнакомые люди, незнакомый жених рядом сидящий, и я прожила с ним всю свою жизнь.

Правда, Бог детей не дал после первого аборта от него же. Долго к нему привыкала, не верила, и, как оказалось, зря. Близок локоток, а вот укусить нельзя».

Все же сваха очень сожалела, что согласилась поехать на это сватовство. Но разве могла она все это себе представить — такое насилие.

Савелию не терпелось как-то уговорить, успокоить невесту:

— Ты не переживай так сильно, Маруся, из-за того, что мы мало знаем друг друга. Все у нас будет хорошо, вот увидишь, — с какой-то неловкостью сказал он. — Будет свой дом, и свое хозяйство будет. Не будешь ты в пекарне на кого-то работать.

— Ну ладно-ладно. Мы с женой тебе верим, что все у вас будет, — перебил его Павел. — А ты... ой... ей... ты должна согласиться и разрезать его хлеб! Иначе я тебя сейчас же повезу в сельсовет и распишу, — кричал он, сидя за столом в другой комнате. — Увезут они тебя к себе вот такой, какая ты есть, и обойдешься даже без свадьбы.

И тон его не вызывал сомнения, что именно так все и может быть.

— Ну нет уж, нет, — возразил сват, перебивая его, чтобы как-то разрядить ситуацию. — Так нельзя. Мы не прочь бы и на их свадьбе погулять.

— Сколько той жизни осталось? Возможно, три понедельника, и то не полных, — говорила сватья с улыбкой.

А ее муж, переступая с ноги на ногу, как бы растерявшись, промолвил:

— Потанцевать бы, повеселиться. Это же не так часто случается.

— Пускай сама решает! Я ей все сказал, — добавил спокойно Павел, заметив, как рука Марии потянулась за столовым ножом, лежавшим рядом с большим белым душистым, но «противным», по ее мнению, хлебом, символом согласия выйти замуж.

Молодые должны были забрать себе каждый свою половину хлеба и кушать натошак, тем самым готовиться к, может быть, для кого-то и долгожданной семейной жизни...

«Если я сам заварил эту похлебку своей силой и властью, то надо теперь и завершить это дело, конечно, с помощью жены. А там, будь что будет, — решил Павел, глядя на Марию. — За это меня не казнят, да и кому какое дело до моих сестер, тем более что меня избрали в председатели жители села, пусть и благодаря моим родителям — честным и добропорядочным. Вот уже папы давно нет, и мамка, наверное, скоро... Всех нас одинако-

вая участь ждет, только каждого в отдельности. Каждому свой час придет».

Так думал он, а его жена Марфа размышляла о своем: «Поскорішэ бы ізбавытысь від Маріі! Выпрыводыть в Клыновое без прыданого. Всэ щэ самі нажывуть! Он які у ных коні гарні! А якэ богатэ прыданэ получіла до револуціі сестра оцього жэныха¹, колы прывэзлы в сэло! Всі, хто бачів, завывудвалы і восхыщалысь просто, — продолжала вспомянать Марфа. — Дужэ гарні вэці сама лічно Маруська прыготовыла. Готовылась за Степана выйты! Ось тобі, фігу!!! Нікуда ты не дінешся! Тут в сэлі нашом попробуй, нэ віддай чого-нэбудь. А із Клынового ніхто нэ прыдэ і нэ спытае. Ны хто нычого от мэнэ не потребуе, ны хто нэ спросыть...

Павла напою, він і нэ замітэ, погрузылы, чі ні прыданэ, і откуда всэ це взялось у нас, у нашій хаті». Такие планы роились в голове Марфы-тряпошницы еще давно.

Мария все еще стояла возле стола с ножом в руке, не решаясь резать хлеб. «Если не разрезать, он снова начнет меня избивать. Он теперь не отстанет», — со вздохом, вытирая слезы, думала она.

— Ну чого ты продовжуеш мотаты нам нервы? — вдруг закричала Марфа так, что все вздрогнули от неожиданности. — Ріжь хліб, и ділу кінэць! І у тэбэ будэ своя сімья, свое хозяйство і іщэ-э-э койшо-о-о, — язвительно подняв палец вверх, с ехидством заключила она, посмотрев на Савелия. — Он якый орэл тэбэ сватае! «Та й прыданэ твое дужэ довго залэжалось, — тут же подумала про себя. — Пять-шесть років в сундуці лэжыть пріе. Тэпэр ты його більшэ нэ побачіш. Я всэ точно розсчітала, куды і як сховаты», — размышляла сноха, в упор глядя на полусиротку Марию.

— Дочечка Маруся! Соглашайся, детка. Они же от тебя не отстанут. Вот до чего я дожилась, Господи. Приданое у тебя очень хорошее, — объявила слабым голосом мамка, предчувствуя за мысел снохи. — Я все видела. Молодец, что все сама припасла, в сундук все аккуратно сложила. Умница моя дочечка.

¹ Этого жениха (укр.).

— Та хто з тэбэ допрос знімае? — закричала на свекровь невестка. — Мы всі ждэм, колы вона хліб оцэй сама розріжэ, цым дасть согласіе на брак, а вона там бубныть щэ про якэсь прыданэ... Відпочивай¹, мамо! Ты свое прожила! А вони щэ самі собі нэ тэ нажывуть! Цэ будэ дужэ гарна сімья! Всі будуть завыдуваты. Он хто сватае твою дочічку, орэл, ось подывысь на нього...

У Марии кружилась голова, в ушах звенело. Слезы застилали глаза. Подошла Марфушка, старшая ее сестра с носовым платочком.

— Соглашайся, сестрычка, — сказала она, вытирая слезы. — Бог ім судья. А ты все ж, даст Бог, постепенно привыкнешь. Може быть, и жыть будеш гарно. Щэ лучше, чім мы жылы. Мария начала резать хлеб, и брат облегченно вздохнул.

— Ну, вот и хорошо! Вот и отлично! — обрадовавшись, воскликнул он. — Сейчас она его быстро разрежет! Нож у меня острый, хороший. Нюни ей очень мешают.

— Теперь, думаю, через недельку-другую я вас распишу, как положено, и все будет нормально! — улыбаясь, говорил он.

— А как же насчет венчания, да и свадьбы тоже? — включились в разговор приехавшие сваты.

— Будет вам венчание, будет и свадьба, — твердым, решительным голосом ответил он. — Все как у людей будет! Ведь я очень добрый по натуре человек, покладистый. Вот мы с женой и согласились породниться с вами...

— А чога іменно через нэделю, а не раньше? — поинтересовалась Марфа с иронической улыбкой. — Мэні так хочэться погулять на іх свадьбе, у-у-ух-х, нэ можу дождатыся. Давай-ка ускорымо цэ діло. А то помру, нэ дождавшысь, пры родах скоро, — добавила она с язвительной улыбкой.

— Ну хорошо-хорошо, можно и раньше, — посмотрев на всех, согласился Павел. — Да только вопрос, согласны ли будут сваты? И сможем ли мы подготовиться как следует? — добавил довольный собой исполнитель воли жены (о чем он даже тогда и не подозревал).

¹ Отдыхай (укр.).

— Конечно, зможемо! — воскликнула Марфа. — Мне помогут моя рідня и подругы...

— А что? Про меня вы, кажется, забыли? — вдруг услышали они от порога голос старшей сестры жениха — Натальи Филипповны Бехтенко. — Здравствуйте! Вечер добрый!

Все ответили ей, а жених только улыбнулся, тут же вспомнив слова Кузьмы: «Вот бы какая хорошая жена была для моего братика Савелия, Мария. Что на вид, что под рост...у-у-ух-х-х». — Так Наталья говорила самому младшему из братьев. А сам Кузьма смеялся: «Тогда поехали, мы сами с песней и засватаем, ха-ха-ха-ха. А то, глядишь, и останешься в старых холостяках, братуха! Ха-ха-ха! «Как бы их познакомить? Как бы их поженить! Ой-й не могу! Ну и сваха у тебя. Без тебя тебя наша Наташка хочет женить на неизвестной девке. И шо там за невеста така гарна?»

Однако Савелий тоже обрадовался встрече с сестрой, размышляя о таких странных совпадениях: ее планах познакомить его с Марией и их неожиданным «знакомстве» в городе. А тут надо же!

— Я же никогда никуда не опаздывала! И я с превеликим удовольствием помогу, чем смогу, — говорила весело Наталья своему брату. — Я давно об этом мечтала и очень, очень рада, за тебя, дорогой мой братик, что ты все же нашел свое счастье. Уверена, что ваша Машенька за моим братиком не пропадет. Если мамка наша не будет вмешиваться! Советую тебе сразу же отделиться от нее, — тарыхтела веселая Наталья Филипповна. — А где же наша невестушка? — продолжала тараторить она. — Я ее целую вечность не видела.

— Она там, возле стола, — отвечала подруга. — Хліб нэ можэ ні як розрізаты. Нюні ей мішають.

Увидев Марию, сестра жениха ахнула:

— Боже мой! Да кто же это тебя так безжалостно разукрасил? Павел, слегка покраснев, отвернулся в сторону... Наталья Филипповна сразу все поняла и, сочувствуя девушке, сказала:

— Зря ты сразу не соглашалась. Братик у меня хороший, хозяин ладный, удалой орел.

— Мы з мужэм, вірымо, що всэ у них будэ хорошо, — залепетала Марфа...

А у Марии еще сильнее потекли слезы. Она оставила нож в хлебе, достала носовой платочек, оттягивая время, размышляла: «Откуда ты взялся такой «дядько» на мою бедную голову? Как я оставлю свою больную мамку здесь? Она же Марфе абсолютно безразлична. Бессердечная у нее душа. Кто будет обстирывать и купать мамку? Кто будет ей менять постельное белье? Кому я поплачусь и кто мамку послушает, когда ей захочется поговорить?»

Наконец-то дорезав «противный» хлеб, она еще पुще расплакалась, отошла от стола. Направилась в комнату мамки.

— Ну-у... Вот и все! — еще веселее воскликнул Павел. — Как я уже сказал, будет венчание! И свадьба тоже будет! Со священником я улажу, пошлю кого-нибудь завтра же. Так что в пятницу приезжайте, и все будет улажено, — повторил он.

— Куда вы все спешите? — пыталась было возразить Мария.

— А ничего страшного! Днем раньше, днем позже, — твердо, но теперь с улыбкой сказал Павел. Но тут же серьезным тоном предупредил: — А Сте-епа-ана, ты должна напрочь выбросить из головы! Я ему еще покажу, как вмешиваться в чужую семью! Сиби-иряк несчастный, твое дышло ему! Еще руку на меня поднял! Щенок! Негодяй паршивый! Не-е-ет! Ему я этого ни когда не прощу! Больше ни одного дня со мной не будет работать, сволочь!

Марфа, как ни в чем не бывало, стала разливать самогон.

— Ну давайтэ обмоемо нашэ нужное діло! — весело, но с какой-то неестественной улыбкой проговорила она и добавила, обращаясь к своему мужу: — Ты, Павлуша, там, у сѣбэ на работі розбярайся з ным. А зараз підходь до столу і дэржи свій стакан.

— Ну хорошо, хорошо, — отвечал Павел. — Ты, как всегда, права. Я сам разберусь завтра же.

Когда распили все имеющееся на столе спиртное, в том числе привезенное и из села Клиновое, Марфа поставила на стол какое-то мутное зелье с противным запахом свеклы или отходной патоки от нее.

Все долго пили и болтали, кто о чем, а затем приехавшие, около полуночи распрощавшись в доме и за воротами, отпра-

вились домой с песнями и какими-то частушками... Попутно подвезли и Наталью Филипповну.

Мария с мамкой всю ночь не спали. С ними осталась Марфушка. Они разговаривали, не переставая плакать и в то же время как-то успокаивать друг друга.

Ну, а Павел с женой, добавив еще своей «крутой самогонки», проводив гостей, улеглись спать, торжествуя свою «победу» над беззащитными сестрами, радуясь, что не было тут Степана Шевченко в тот момент, когда Марфушка получила в ухо.

Глава одиннадцатая

Свадьба и слезы

Три дня пролетели быстро...

Никто почему-то не побывал в городе с жалобой, хотя и были кое у кого благие намерения. Степан Смирнов упорно искал встречи с любимой девушкой, но все было тщетно — за ней неустанно следила ее сноха Марфа. Ходила по пятам и смотрела, куда ее жертва смотрит и не подаст ли ей какой-нибудь сигнал ее бывший жених. Наступил назначенный день «добровольного» бракосочетания.

Из села Клиновое выехал все тот же экипаж с женихом Савелием.

Кони и сбруя на них были нарядные, перешедшие ему по наследству от покойного отца Филиппа Власовича, царствие ему небесное.

— Может быть, Маруся уже успокоилась и синяки прошли, — успокаивал себя Савелий. — Ничего, я постараюсь для нее все сделать, чтоб она скорее забыла все те неприятности. И будет у меня очень хорошая, большая семья, — размышлял он, забыв о предостережении покойного отца...

А тот говорил еще: «Не сделайте хоть вы, сыновья, той ошибки, которую я допустил, женившись на вашей матери поспешно».

Филипп Власович словно чувствовал все их будущее и предупреждал, но увы...

Играла гармонь, гости жениха пели всю дорогу частушки-прибаутки.

В селе Зайцево Марию в фате вывели под руки из родительского дома и, усадив ее поудобнее, повезли к сельсовету. Беспартийный сельский избранник Павел Федотович Кириченко, как обещал, расписал молодых, сделав запись в «Амбарной книге регистрации брака», и поздравил молодых с законным браком.

Затем повезли их в церковь, где собралось много любопытного народа — насильственное сватовство не так уж часто случалось в этом селе, а бабье радио работало четко.

*У церкви стояли кареты,
Там пышная свадьба была.
Все гости нарядно одеты,
Невеста «в слезах вся» была...*

.....

Эта песня вполне соответствовала печальному вступлению в брак Марии Кириченко с «незнакомым» человеком.

Людам было любопытно, сошли или нет синяки с лица невесты. Все это время они не переставали возмущаться, обсуждая поведение ее брата. Однако запретить ему вести себя так никто не мог, никто не имел права.

И в Храме Господнем Марфа, сноха Марии, стоя сзади нее, обманула Иннокентия, когда тот спросил: «По доброй ли воле ты, Мария, берешь в мужья раба Божьего Савелия?» Марфа силой наклонила голову невесты, как бы признавшей свое согласие.

Марфа была особенно шкурно-счастлива. Приготовленного сироткой приданого «хватало б для пяты нэвисток», но Мария его больше не видела. Марфа присвоила чужое добро, заранее спрятав его по родственникам-лодырям. Однако никому ее обман не принес радости и семейного благополучия в селе Зайцево. Все в дальнейшем пошло прахом...

Невеста понравилась братьям и сестрам жениха, они искренне приветствовали ее. Все, кроме взбесившейся на свадьбе свекрови Польки, были довольны выбором Савелия...

Кузьма, Григорий и Наталья старались поднять настроение, переодеваясь в разное тряпье, с шутками да прибаутками...

Свадьба все же состоялась в Зайцево, хотя на глазах невесты блестели слезы, и в ушах звенело...

Затем ее забрали в Клиновое, в родительский дом Савелия.

— Почему приданное не погрузили вместе с невестой? — шептались соседки Кириченко, которые оставались дома по различным причинам.

— Та воны, мабудь, заранеє відвезлы всэ в Клыновэ, щоб ніхто нэ бачів, — отвечали родственники Марфы.

— Такого не может быть, — отвечали другие. — Где это видано, чтобы пряталось от глаз людских приданое. Здесь, видно, что-то неладное сотворилось после сватовства.

— Я бачіла, як ночью узлы якісь-то нэсла Марфа до родычів після сватовства, позавчора, — уточнила баба Чапурчиха.

— Да так і я... і я бачіла, — говорили другие...

А в Клиновом тоже прошла какая-никакая свадьба. Конечно, старались братья и сестры Савелия развеселить свою молоденькую невестушку Марию, однако все их старания оказались безуспешными.

«Как я с ним буду жить? — размышляла девушка, не имея ни малейшего представления о своем теперешнем муже. — Ведь придется с ним как-то спать. Да еще и свекровь очень враждебно на меня косилась и морду свою как-то судомила, как какая-то ненормальная. А как там мой Степа, а главное, как мамка без меня теперь будет? Смогу ли я привыкнуть к своему мужу Савелию? Хоть и есть для нас отдельная комната в доме, да только нету здесь моей постели, которую я припасла в приданое для любимого человека Степы.

Но Савелий смотрел на свою жену со счастливой улыбкой:

— Ничего, Маруся, все у нас будет хорошо со временем. Ведь я тебя очень-очень люблю и в обиду никому не дам. А насчет жилья, постели и хозяйства, не переживай. Мы сами наживем все, что надо будет...

Он заглядывал ей в глаза, ласково улыбаясь, и, прижимая к себе, говорил:

— Машенька, я обещаю тебе быть хорошим мужем. А появятся детишки — буду им хорошим отцом, ведь я очень люблю детей. Я надеюсь, что ты полюбишь меня уже сегодня...

Мария смотрела на своего мужа и, сама себя жалея, думала, что теперь всю жизнь придется жить с этим человеком,

который подбадривал ее, кажется, от всего сердца. И ни один из них не представлял, что в действительности их ждет впереди, какие горести и тревоги, какие неприятности... и разочарования.

Уже в первую брачную ночь, неожиданно для себя, от нежностей и упорства мужа Савелия, Мария стала женщиной.

Глава двенадцатая

Нервы на пределе

День за днем, время летит очень быстро.

Для Марии жизнь в этой семье со свекровью была, мягко говоря, не из легких. Она все еще не могла привыкнуть к своему мужу, а уж о какой-то любви к нему и говорить не приходилось. Ей сразу, с первого дня пришлось терпеть издевательства от свекрови Польки, которая понять не могла, почему невесту привезли в ее дом заплаканную и с синяками, а самое главное, без приданого.

Рассказам кумовьев, которые слышали слова больной мамы Марии и зайчан-земляков, о том, что было приготовлено богатое приданое, она не верила.

— Да-а-а, — все же соглашалась свекровь в беседе с барыней соседкой, которая считала, что Мария гораздо симпатичнее той, «нашей Евдокии» и лучше в делах и поступках своих — зайчанка очень трудолюбива, минуты не просидит зря.

— Я это видела не один раз, — говорила барыня. — Все что-то делает, что-то моет, стирает, часто на огороде копается, по хозяйству управляет. Она услужливее, чем была бы клиновская Евдокия.

— Ни-икогда-а бы та мне не стала бы помогать ни-и-и в чем, — соглашалась Полька, — но она богатая! Ей бы дали хорошее приданое, — судачила свекровь. — А что у этой Марии? Зупэлне не розумем, як то можливе. То обужаенцэ. Я абсолютно не понимаю, как это возможно. Ни-иче-егошенькы нэма, кроме самой сэбэ, — продолжала язвить Полька.

— Прошу вас, говорите по-русски или по-украински, — просила барыня, улыбаясь. — А то я не понимаю, забыла.

— Ну хорошо, — отвечала та. — Допустим, тело у нее в меру упитанное, это так! Очень она хороша собой, и с этим я согласна. Но опять-таки повторяюсь — где ее приданое?. Ну как-то так?

Не собрать за шестнадцать лет девке, которую рано или поздно надо было выдавать замуж? То невозможно! Невозможно! Говорили мне, что брат ее председателем работает. Значит, не дурак. Я не-е по-ове-ерю ни-кому, что ей просто не отдали ее приданое. Такого я никогда не слыхала сроду.

Мария молча слушала свекровь и только обливалась слезами от обиды, ведь что-то доказать ни во что не верящей злобной женщине было бесполезно. Жаловаться на свою судьбу — все равно что кричать под водой, говорят мудрые.

И вот однажды, не выдержав обид, не сказав ни слова мужу, к которому она так и не могла привыкнуть, Мария бросила все и с маленьким узелком ушла в Зайцево, на окраине которого жила в собственной хате с мужем Степаном старшая сестра Марфушка Шевченко. Мария наивно надеялась, что она поддержит ее решение — уйти от мужа.

Время приближалось к обеду, когда Мария подошла к усадьбе. Пятилетняя дочка сестры Настасья гуляла в это время с детишками-ровесниками на улице, неподалеку от дома. Ее родители были во дворе, готовились к обеду, накрывали на стол, мыли руки.

— Мамочка! Посмотри, кто к нам пришла? — закричала Настасья удивленно и радостно.

Поцеловав свою тетушку, она снова убежала. Марфушка, увидев младшую сестру, обомлела. Была та похудевшая, на себя даже не похожая.

— Батюшки мои! Да что же это ты надумала, что с узелком к нам пожаловала? — с испугом спросила она. Мария, поздоровавшись, поцеловав сестру, заплакала.

— Да что же у вас случилось? Вы что, поссорились? С кем? Со свекровью или с Савелием? Хотя это на тебя не похоже!

И Марии пришлось рассказать, как они живут с мужем и как относится к ней свекровь Полька.

— Никому она не верит, до сих пор долдонит о приданом, — в заключение сказала она.

— Ну, что же теперь поделаешь? — отвечала сестра. — Я все это знаю. Не один раз слышала о твоём положении в семье. У всех на языках только ваша семейная жизнь. Особенно о свекрови твоей всякие слухи ходят. Я помню, сколько у тебя всего было приготовлено. Знаю, где находились твои вещи и куда они исчезли, когда тебя засватали. Но пойми, — продолжала она, — Павло теперь ничем не может помочь.

— А сколько же я буду терпеть ее унижения и издевательства?

— Успокойся, Маруся, — вступил в разговор ее зять. — У тебя еще все впереди, поверь мне. Как бы то ни было, но твоих вещей не видать как своих ушей без зеркала. Павлова жена все твоё приданое определила еще до свадьбы своей сестре Меланье, которая осталась старой девой. Да ты знаешь ее, эту «мадамистку», что дружит с Натальей Бехтенко, ну, с сестрой Савелия. Марфа и Меланья — они же оборванцы и лентяи несусветные! Вот и позарились на твои вещи. Об этом все село знает, и Павлу несколько раз прямо в глаза говорили. А тот отвечал всем, что этого, мол, не может быть, хотя я, мол, в этом не уверен. Вряд ли его на будущий год изберут председателем, — продолжал Шевченко. — И почему его все-таки приняли в партию большевиков? Ведь он потерял свой авторитет, как выдал тебя замуж. Это правда! В глазах всех зайчан он стал не таким уважаемым председателем, как было раньше, при жизни ваших родителей.

Степан тут же осекся, посмотрев на жену. Та погрозила ему пальцем, мол, помолчи.

— Так разве от этого мне станет легче, изберут его или нет? — спросила Мария, не поняв жеста своей сестры.

— Но вы же с сестрой не написали на него жалобу? А там пропустили все мимо ушей. И все потому, что он считается не заменимым здесь, в нашем селе, — рассуждал зять. — В районе мы были всегда первыми по каким-то ихним показателям. Но Павел Федотович настолько себя опозорил, что теперь никак ему не отмыться и не выкрутиться. Добудет свой срок, и все. Могут его даже исключить, если хоть какая-то жалоба поступит на него. Не все подлецы в партии большевиков! Но все подлецы стараются туда вступить, чтоб

как-то должность заполучить. А ему поспешили доверить власть, это точно. Надеялись, что он такой же, как и ваши родители...

Подбежала Настенька, прижавшись к тете Марусе, стала слушать.

— Иди еще погуляй, дочь. А сама посматривай. Далеко от дома не уходи. Кто будет к нам идти, сообщи. Тем более, если Кириченко, ну, дядька Павла увидишь.

Девочка тут же послушалась и убежала.

— Я буду рядом! — крикнула она.

— Ой, не дай Бог, Павло узнает, увидит, что ты бросила мужа, тогда я не знаю, на что он еще окажется способным, — забеспокоилась сестра. — Мой тебе совет, забирай свой узелок и уходи подальше от греха. Иначе, поверь мне, увидит Павло, сразу заорет: «А-а-а позорить меня вздумала!».

— Но разве они не опозорились еще тогда, когда выдавали меня замуж насильно?!!

— Ваш братец, мои дорогие сестрички, до сих пор считает, что он совершил благороднейший поступок, выдав тебя замуж за Савелия. Я лично слышал не один раз, как он оправдывал свой поступок перед своими товарищами. Я же, говорит, ее хозяйкой сделал. Она же, мол, была с детства нянькой да прислугой у богатых, зажиточных «дармоедов», а теперь, мол, моя сестра является хозяйкой. Живет с мужем, семейная. Я спросил Кириченко: «А как они там живут? Какие у них сложились взаимоотношения?» На что он ответил: «Как она живет сегодня со своим мужем-хозяином, меня не очень-то волнует. У меня своих забот и работы своей под самое некуда». Ну, давайте, мол, переизберите меня срочно или ни за что посадите. Пускай здесь верховодят кулацкие родственнички. А его все побаиваются. Он ведь какой здоровенный! Позавидуешь. Вот так, мои дорогие. Я же рассказывал, ты ведь помнишь, Марфуша? — обратился он к жене.

— Да помню, помню, — ответила она. — Его не хотели принимать в партию большевиков, но выступили и поддержали его те, над ним старшие в районе, и убедили всех, что именно такие, как Павел, должны быть у власти, и не только на селе. Но предупредили его, что теперь он «на одном волоске держится». Но что такое какой-то их «волосок», если он испор-

тил молодую жизнь не только нашей сестренке, но и Степану, который всю теперь жизнь мается. А мамка наша? Именно он сократил ей жизнь твоей свадьбой, только он со своей Марфутой! — со злостью назвав имя снохи, подтвердила старшая сестра.

Обнявшись, они вдруг опять расплакались, а зять Марии поднялся из-за стола, закурил, так как все уже давно остыло и у него весь аппетит пропал.

Как он сожалел, что его в то время не было в Зайцево. Умерла его теща от видимых для всех людей издевательств Марфы и Павла над Марией-сироткой. Сразу после свадьбы, на заре, ей парализовало всю левую сторону, а вскоре, узнав от зашедшей ее поведать соседки слухи о приданом, она скончалась, о чем Марии даже не сообщили.

— Может быть, некого было послать за Марией в Клиновое, — шептались люди на похоронах.

— Ну как это так некого! — возмущались другие. — Это все проделки Павловой жены Марфы! Где приданое Марии-сиротки, ты знаешь? Нет? А я знаю! — утверждали некоторые, в том числе бабка Чапурчиха. — К родственникам Марфа все попереносила ночью!

— Я відела, і я. І я бачіла, — откликнулись другие.

— Ух гадина проклятущая, что натворила! Чтоб тебя разорвало! Лучше бы тебя не стало!..

После похорон, во время поминок, Марфа бегала вокруг стола, обслуживала всех с таким веселым настроением, как будто это были чьи-то именины или свадьба. А Павел Федотович был подавлен, словно что-то дошло теперь до его сознания.

Поминающие, в основном, старики и среднего возраста земляки, наблюдали тогда за ним, шушукались между собой.

Все очень хорошо знали покойную мамку Марии и Марфушки, Парфирия, Павла и Василия. Преобладающее большинство жителей села Зайцево жалели ее, каждому она была родной, ее любили за благородное сердце и добропорядочность, за честность и справедливость.

Излив свою обиду на свекровь Польку, а также на брата и сноху, его жену Марфу, Мария поняла, что необходимо срочно возвращаться к мужу.

Поначалу председателю было стыдно, что его сестренка в няньках да в прислугах ходит в городе, а не в местную Зайцевскую земскую школу.

Но это было только поначалу. Пытался и он также выкрутиться, от всех любопытных отбрезиваться:

— У родственников она отдыхает и там же учится в городе. У меня своя семья. А Мария постарше моих детей. Она мешает жене, не разводиться же мне со своей.

Но потом все равно все узнали, что ее в няньки отдали.

И все-таки Павлу надо отдать должное за то, что он никогда не спорил единственно о том, что Бог Иисус Христос жил как все люди, чего нельзя сказать, даже сейчас, о многих коммунистах, так называемых материалистах, до сих пор не осознавших, что он был самый первый коммунист, самый порядочный. Делал людям только добро. Культ? Да! А еврейское предательство? «Если ты в комсомоле или с партией «связался», значит, икон не должно быть в доме. И в церковь дорога тебе закрыта. Крестить детей и внуков не имеешь права. Это был, конечно же, бред какой-то, недопонимание. Что же в этом плохого? Вера, Надежда, Любовь к отечеству. А евреи его предали 2 тысячи лет назад и даже сейчас всех обводят вокруг пальца, наживая себе добро и богатство за счет иностранных малоимущих, рабочих любой другой национальности.

Павел Федотович рассуждал по-своему даже тогда, когда его приняли в ряды ВКПБ(У) и по нем ровнялись все председатели сельских Советов района.

— Ходите? Молитесь? — говорил он всем землякам. — Я не возражаю. И церковь, какая есть в нашем селе, я отстою! Разрушать не дам. Он жил на Земле так же, как и другие исторические личности, о которых мы знаем. Но я лично не ходок туда, в храм Господний, и не намерен я целовать руки ее служителям. Все священники такие же грешники, как и все мы, живущие на Земле, утверждал он. Есть кое-что в их «Библии», в законах ихних то, с чем я, может быть, не согласен. Но основные законы я поддерживаю и признаю, — говорил Павел Федотович. — И не боюсь я об этом говорить. «Не мы строили Храм Господний, и не нам его разрушать».

Тысячу лет они были и пускай будут служить добродетелю, нашему народу, празднеству. Мне все это очень нравится.

Но вражья, в том числе дьявольская сила не оставляла его в покое, как и многих других, искренне порядочных, честных людей молодой страны Советов.

Именно сионистская ЕКП отрицала, что Бог не жил на Земле обетованной, и якобы, ничего хорошего для людей не делал самозванец Иисус Христос, которого нельзя допустить, чтоб Он стал царем над всеми людьми нашей планеты. Однако Он утверждал: «Люби ближнего своего, если хочешь, чтоб тебя также любили и почитали».

«Просите, и дано будет вам, ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. И в какой бы день «ты» ни обратился к Нему, незамедлительно исполнит Он твое желание». А тогда те, кто был ничем в царской России и став всем, после победы Великого Октября или государственных переворотов, стали допускать определенные грубейшие нарушения устава, решений пленумов и съездов партии в партийном строительстве.

Постоянно ведущая идеологическая обработка нашего народа спецслужбами капиталистических стран давала и дает сегодня свои плоды. Это дьявольские искушения: «Все можно, ради живота твоего. Молись и Он простит тебя» — утверждали агенты, а также всякие продажные личности, ради живота своего и наживы.

Сколько их сейчас, в конце двадцатого века, перекрасились в голубой и прочие цвета демократии, столько же из них стали аферистами и мошенниками, прочие подлецы, иуды и уроды человеческие, предатели Его и всего народа на Земле, только во имя того, чтоб наполнить свои брюха. Сколько погибло молодежи в Афганистане, Чечне и других горячих точках бывшего Советского Союза...

Но Борис Ельцин с Михаилом Горбачевым оказались самыми опытными, защищенными от своих же земляков (с мощнейшей охраной и гарантиями). За развал страны коммунистической и всего социалистического (стран Варшавского договора) лагеря, чтобы наполнить свои брюха подачками из-за бугра-океана и насытить себе подобных, выше упомянутых выродков, иудов и всей своей семьи — своры...

Извини, дорогой читатель, но вернемся мы под конец двадцатых годов двадцатого века все-таки в эту семью, к тем же известным героям;

— Маруся, подожди немножко. Сейчас я посмотрю, где мой, а потом пойдешь. В этот момент подбежала ее дочь Настенька:

— Мама, мама и тетя Маруся, послушайте, видела я дядька Павла на той улице. Он разговаривает с дедом Чапурком. Подождите минуточку! Я сейчас его позову, ладно?

— Нет, нет! — в один голос закричали испугавшиеся сестры. — Нельзя его звать! Не вздумай! Он сейчас же нас всех начнет оскорблять и ругать на чем свет стоит. А если вдруг выпивши, тогда от него ничего хорошего не дождешься...

Настенька осталась стоять на месте, в недоумении пожимая своими плечиками.

Глава тринадцатая

Возвращение

«Хорошо, что сестра живет на этой окраине села, а не на противоположной», — размышляла Мария, оглядываясь по сторонам, хотя была далеко в степи. Иногда она присаживалась отдохнуть. Вспоминала, как встречалась со Степаном Смирновым, предлагавшим ей уехать в Сибирь к его отцу. Как он защищал ее в день сватовства, когда Степан повредил Павлу ногу и разрядил наган. Ее брат (как ей потом рассказывали) долго еще ходил с палочкой. Никто ни разу ему не посочувствовал, многие видели, кто и за что ему нанес травму.

Степан, бывший жених, еще долго тешил себя иллюзией, что Мария все равно не выдержит, уйдет и они снова будут вместе. Но, увы. Через два с лишним года, потеряв надежду хотя бы на одну встречу с ней, он женился. Через какое-то время, оставшись вдовцом, он снова искал встречи с Марией, но все безуспешно. Передавал по секрету приветы и цветы, назначал свидания за околицей села Клиновое. Снова предлагал в записках

уехать, теперь на рудники в Горловку. Но все это Марии казалось несерьезным. «Здесь, в Горловке, у брата или где угодно, Павел нас все равно отыщет. Не простит измены их любимому зятю. А в Сибири очень холодно. Туда только ссылали декабристов когда-то да преступников, — размышляла она. Не суждено нам быть вместе».

Пока Мария, наплакавшись вдоволь, шла полями да лугами из села в село, куда ее выдали силой, ее все время сопровождали жаворонки степные своими песнями. А как она любила их слушать до замужества! Но сейчас ей было не до них.

Ей вспоминались рассказ сестры, что якобы гораздо чаще Павел стал выпивать и еще чаще стал ругать жену Марфу за ее проделки. Однажды Марфушка даже подслушала их разговор.

«Именно по твоей настырной воле, — говорил он, — согласился я выдать замуж свою бедную сестренку в Клиновое. А еще раньше, именно из-за тебя, Мария была отправлена в город в няньки да в прислуги, откуда приговорила, собрала она себе приданое. Куда оно девалось, я тебя спрашиваю, — ударив кулаком по столу, допытывался он, будучи изрядно выпившим».

«А ты куды тоді дывывся? На дівчат на молодых? Дэ твоі мозгы були в той час? Ты їх давно пропыв. Для тэбэ головнэ що, побільше выпыть та гарно брюхо наповныты. Ну і пый, скількы влізэ, хоть залыйся!» — отвечала жена.

Подходя к дому в Клиновом, Мария остановилась и тут же услышала резкий голос своего мужа.

— До каких пор ты мне будешь напоминать о той уродине? Она же дура и лентяйка, каких свет не видел!

Покачнувшись и чуть было не упав, Мария успела за что-то ухватиться, секунду постояв, открыла дверь и переступила порог.

Она заметила очень злой взгляд свекрови и вроде бы безразличное спокойствие мужа. На столе стоял литровый графин с водкой и много закуски. Стаканы наполнены до половины, но не выпиты. Все были почти трезвые, очень серьезные.

Савелий, конечно, был выпивши, но Мария была абсолютно уверена, что он не станет ей закатывать скандал, не станет выяснять, где она пробыла целый день.

Ее муж Савелий сидел за столом, нахмутив брови и опустив голову. Свекровь явно дожидалась скандала в их семье, но он молчал, не поднимал головы секунды две-три.

— Вот и вернулась наша Маруся! — воскликнул Кузьма. — Я же вам говорил, что она к вечеру обязательно вернется.

Вскочив из-за стола, он подбежал к братовой жене — ровеснице своей и, взяв из ее рук узелок, сказал:

— Проходи, Мария, к столу. Наверно, ты проголодалась с дороги? Проходи, пожалуйста.

«Но почему же скандала не получается? — размышляло существо, которое являлось их родительницей. — Почему молчит Савелий? Надулся, как сыч, главное, и молчит. Чего ждет? Почему Кузьма так себя повел? Выбежал навстречу, как к родной или к своей любимой. Сколько ни убеждала сегодня и раньше еще, все впустую», — психовала их мать.

— Ну проходи же, Маруся, к столу и садись, — настаивал Кузьма.

Однако невестка стояла в нерешительности. Ноги ее подкашивались. Чувствовала она себя очень плохо. Глаза ее были заплаканы, как тогда, на свадьбе.

У Савелия эти свадебные слезы не выходили из памяти, и он, подняв голову, посмотрев на жену, заметил, что она опять кем-то обижена и очень бледна. Поднявшись, он подскочил к Марии и сочувствующим голосом спросил:

— Скажи мне, дорогая, кто тебя обидел? Я сейчас же шею тому подонку сверну. Ну-ка, скажи, только скажи! — допытывался муж.

— Да ты и пальцем не пошевелишь, не думай! — съязвила его мать Полька. — Только зря перед ней распинаешься, герой.

Мария, еще более побледнев, стала опускаться на пол. Савелий, подхватив ее на руки, понес на кровать в их комнату.

Свекровь теперь заерзала на стуле так, будто ее шилом кто-то возбудил из-под низу. Глаза были очень злые, она что-то шептала под нос...

— Ты что-то, подруга моя, вся горишь. Или очень переутомилась с дороги? — услышала свекровь слова сына, которые резали ее уши, как серпом.

— Надо позвать фельдшера! — засуетился Кузьма. — Я сейчас сбегая, я мигом, — добавил он, направившись к двери.

— Не надо ей никакого фельдшера! — закричала свекровь. — То она притворилась хворой, чтоб спросу с нее не снимали, где была целый день...

— Мамо! — рявкнул на нее Савелий со злостью. — Пильнуй своего носа! Не лезь не в свое дело! Выйди отсюда, мы сами разберемся, что к чему.

— Нашел себе счастье!.. — услышал в ответ Савелий.

— Я что тебе сказал? Не вмешивайся!

Лицо его заметно загорелось гневом. Не ожидая таких слов и такого тона от сына, Польшка остолбенела. Ее глаза покраснели, а губы задергались, как у испуганного зайца, в которого промахнулся охотник. Она как-то съежилась и вроде бы настороженно смотрела то на Савелия, то на Кузьму, не теряя надежды на возникновение «семейного пожара», чтобы подлить туда масла, поддержать огонь семейной ссоры. Но как это сделать, она не знала.

— Ну, чего еще ждешь? Тебе сказано, выйди отсюда! Пускай сами разбираются, — поддержал Кузьма брата. — Иди, отдохай, мама, — повторил он, направившись с нею к выходу.

— Не хотите прислушаться к моему совету, — остановившись у двери, говорила мать, — живите, как хотите. Я прожила с вашим отцом так, как мне хотелось! И вас я рожала побольше, чтоб нищими сделать! Счастья вам не будет никогда! — повышенным тоном и с особенной какой-то ненавистью к неподдающимся сыновьям заключила она, не соображая, что еще можно придумать. «Перегреть, что ли, хотя бы кочергой их всех!»

— Ты всех старалась развести! — с упреком громко говорил Савелий. — Но со мной этот номер не пройдет! Запомни! Я женился не для тебя! И я сам разберусь, без твоей помощи обойдусь.

Сильно хлопнув дверью, свекровь-мать удалилась с очередными проклятиями в адрес своих детей...

Голова Марии, казалось, раскалывалась на части. Вся она горела и вздрагивала. Ее знобило. Она готова была расстаться с жизнью без сожаления, так ей было плохо. Но вскоре, очень кстати в этот вечер, приехала из Горловки сестра Савелия и Кузьмы Марина Филипповна со своим мужем. Она была с 1912

года, а ее муж, Николай Николаевич Кузнецов, с 1907 года рождения, не из бедной семьи. А в след за ними вернулся Кузьма с фельдшером Клиновской больницы.

— Вот уж заботливые какие вы стали, — встретив их, заворчала с ехидной улыбкой баба Полька. — Она же просто притворилась хворой, а вы сразу все забегали.

Оказав Марии необходимую помощь, фельдшер сказал Савелию:

— Необходимо ее срочно отправить в больницу городскую для основательного лечения, тем более что она беременна...

У Савелия на лице появилась счастливая улыбка...

Только ушел фельдшер, как появились брат Савелия Григорий с женой Полиной. Все собрались в комнате молодоженов. Позвали мать. Когда она села на предложенный стул, Савелий спросил, глядя ей в глаза:

— Мама, ты зачем нанимала мужиков, чтобы они разобрали рубленые конюшни и амбары? Вот совсем не так давно, — добавил он. Она тут же отвернулась, заерзав на стуле.

— Ты же знаешь и помнишь, что мы завозили всегда столько угля и дров каждый год, чтобы хватало для наших печек и даже оставалось на следующую зиму. Теперь, — продолжал он, — все нами завезенное лежит. Уголь горит, не использованный по назначению, в куче, а бревна из амбаров все сожгла или раздала тем, кто их разбирал, когда нас не было дома.

Полина с Григорием и Кузьмой сидели здесь, слушали, поглядывая на свою мать, как на вредителя, вспоминая прошлые ее «заслуги» воровки.

— А сколько ты пораздавала всего своим родственникам еще при жизни нашего отца? — продолжал он. — Но и это еще далеко не все, что я хочу сказать. Здесь, в родительском доме, нам нет никакой возможности жить спокойно. Мне необходимо отделиться и освободить мою жену от всевозможных скандалов, пока еще есть возможность сделать из последнего амбара дом. Наша мать, — посмотрел он на братьев, — как вы все знаете, стала с возрастом, особенно после смерти нашего отца, очень скандальной, невыносимой. Ее ежедневные придирки и подковырки не дают мне возможности наладить отношения с женой. Скажите, разве в чем-то я не прав?

— А-а-а, значит, здесь невозможно жить? И в чем же я не права, по-твоему? — перебила сына мать. — Я же вижу, что это все брехня, что твоя жена заболела! А ты лучше спроси, где она была цело-о-хонький день? Она же все свои нищенские вещички с собой забирала! И куда она сегодня с ними ходила? — сощутив глазенки, истерически кричала Польшка. — Почему она там не осталась? Потому что она никому не нужна! Ей там сказали: спадай! Убирайся, значит. Ты же не знаешь, что она еще утром ушла из дома и вот явилась не запылилась твоя красавица драгоценная да ненаглядная!

— Ну и что? Сходила она, может, к своей сестре? Что, она не имеет права ее проведать за такое время? А тебе какое дело, куда она ходила? Она моя жена! Приданным еще постоянно укоряешь...

— Да, да, — закричала снова мать. — Где же оно, приданое? Всем моим пользуетесь. Надо хотя бы свою постель иметь! Женился на нищенке, вот и живи в нищете!

Мария все эти душераздирающие вопли свекрови, конечно же, слышала. Но она слышала и убедительные слова Савелия о том, что свекровь не должна вмешиваться в их жизнь. Все смешалось в ее голове. Ей было смертельно обидно, что выдал ее брат замуж насильно, что приходится ей жить с ненормальной свекровью — вампиром-кровопийцей.

«Я же сама старалась все себе приготовить для семейной жизни. Мне не на кого было рассчитывать, на чью-то помощь надеяться. И за что мне такие муки, Господи?» — взмолилась она.

И тут же Мария как бы получила от Него ответ: «Все они будут наказаны посредством их родных детей, которых им должно быть жалче, чем самого себя. Тебе же, дочь моя, некуда деваться, — слышала она, — так что терпи. Бог терпел (за ваши грехи человеческие) и вам велел».

«Ничего, Маруся. Успокойся, сестричка, не плачь», — слышала она тут же слова Марфушки. «Надо примириться со своей судьбой и жить», — звучал в ушах голос покойной мамки.

«Ты скоро поправишься. А когда вернешься, начнете здесь рядом строить себе хату, из амбара последнего, почти нового. И все будет у вас хорошо, — будто во сне слышала она голос своего татка с того света. — Конечно, будет тебе очень трудно

здесь жить. Но ты же, моя маленькая кормилица, очень крепкая, сильная духом. У тебя все получится», — повторял уверенно родительский голос.

«Не надо принимать близко к сердцу те обиды и оскорбления, которые тебя впереди ожидают. Лучше лишний раз промолчи. Береги свое здоровье и нервы свои...» — вторила ей мать. Видно, ангелы-хранители хранили ее душу, и именно этим она жила, преодолевая все трудности.

Глава четырнадцатая

Раздел усадьбы...

Когда Марию выписали из больницы, Савелий встретил ее с радостным настроением, хотя мать постоянно на него ворчала.

Он был особенно доволен тем, что заканчивал разборку почти нового рубленого амбара, собираясь использовать бревна для строительства дома, о чем мечтал с самой женитьбы, не решаясь заявить об этом своей матери. Но самым главным, что радовало его безмерно, было сознание, что он скоро станет отцом.

Усадьба покойного его отца Филиппа Власовича по тем временам была уже небольшой, всего около трех гектаров, и располагалась вся вокруг дома.

Наметив и отрезав себе одну треть пахотной земли, кроме лужины из 30–35 соток, Савелий подготовил план застройки, нарисовав его на листке. Начал строительство с рытья колодца и туалета.

Земляные работы уже были завершены полностью. И там, в холодной ключевой воде, работали каменщики-поденщики, обкладывая стены колодца бутовым камнем вкруговую, чтоб не обсыпалась земля. Как же обрадовались они, когда увидели молодую хозяйку.

— Теперь кормежка будет нормальная и работа пойдет повеселее, — высказался один из них. — На сухом пайке далеко ведь не уедешь.

Работа была тяжелой, и людей необходимо было кормить горячей пищей, как принято было в селе. До сих пор хозяин не мог готовить горячую пищу и выдавал еду для всех только сухим пайком. Поэтому мужики, поденщики из города, нервничали, и работа шла не так, как хотелось. Другая мать, тем более живущая рядом, помогла бы сыну, но эта только ехидно ворчала:

— Зачем разбираешь амбар? Холера ясна! Черт тебя возьми! Зачем было отделяться? Наверное, зайчанка решила стать здесь хозяйкой! Идзь до дьябла! Пошла бы она к черту! — ворчала старуха.

— Ну, берегись, — услышала Мария сейчас из уст свекрови. — Станешь ты здесь хозяйкой, как же! Не дам я тебе покоя ни днем ни ночью...

Мария, не придав большого значения ворчанию свекрови, осмотрев сделанную работу, решила, что надо приступать к приготовлению пищи. Рабочий день подходил к концу, а Полька скрылась в сарае с веревкой в руках, будто вешаться побежала, хотя на это никто не обратил внимания...

Мария сварила борщ со свежей капустой и с мясом, добавив туда немного фасоли и остальные приправы. На стол собрала солененьких огурчиков хрустящих, поджарила картошки с салом и с яичницей. Поставила на стол графин самодельного, как потом выяснилось, «с ног сшибательного» вина.

Перед закатом солнышка ясного мужики закончили работу и, облившись теплой водой, переодевшись в чистое, сели за прочный самодельный стол. Запах от выставленной на стол пищи шел замечательный. Было все очень вкусно...

Работники, да и сам Савелий от вина и сытного ужина разомлели. Мария, наблюдая за всеми, была тоже довольна, что все с аппетитом ели ее пищу. «Значит, не зря старалась».

— Я живу третий год со своей женой и не помню, чтобы когда-то у нее невкусная еда была. Всегда даже па-пальчики облизываю, — похвастался захмелевший Савелий.

— Да-а-а хозяин! Тебе повезло со всех сторон, — говорил один из старших каменщиков. — Жена тебе, Савелий Филиппович, попалась, видно, подходящая, хорошая, работающая. Что на вид, что готовить умеет очень вкусно, это прав-

да. А вот мне попалась, греб ей в дышло, кацапка курская, вообще понятия не имеет, как борщ сварить. Да и вообще, уж такой лодыжкой оказалось, мир не видел, вот те крест святой, — перекрестившись, продолжал он. — Ей бы круглые сутки валяться голенькой в постельке чистенькой и только любовью заниматься. Вот в этих делах постельных ее не надо было обучать. Наслаждайся только ее телом упругим и сладкой, ласковой любовью. Но жрать, ядрит твою корень, не проси и даже не надейся, что она когда-то вспомнит и приготовит вкусенькое. Даже постирать как следует мозгов не хватает, а может быть, лень одолевает. Уж сколько моя мать учила ее — и ни хрена. Вот вернусь домой и выгоню ее к едреной матери.

— А я вот по другому методу со своей женой живу, — вступил в разговор второй. — Не хотела она по хозяйству что-то делать, ни пищу готовить, ни стирать, ну ничего совершенно не делала. А мне уже — вот где все стоит, в горле. Лежит, как ты говоришь, в постельке голенькая, а у меня к таким обленившимся мадамисткам какое-то презрение постоянно, еще смолоду. Она ведь у меня уже третья. Правда, вторая сама померла. Ну и вот, я к этой своей ни шагу. Сплю отдельно, сам себе готовлю. Дети у нас есть, конечно, не расходиться же нам под старость. А родители наши отдельно живут. Они наших дел не касаются и никогда не вмешиваются, а только вздыхают. Я к своему другу-прокурору, учились вместе в школе. Так, мол, и так, все ему рассказал о личных отношениях. А он мне говорит: а кто же детей твоих будет растить? Кто их воспитывать будет, нашу с тобой смену, мол, если ты собираешься ее бросить. Дети-то твои только при ней останутся, и ты их видеть не будешь. «А что, если я от нее физически избавлюсь?» — «Мы тебя посадим. О детях подумай», — отвечал он. «А если я ее в постели... ну это... до смерти, чтобы она умерла, значит?» За это, отвечает, никакого закона нету и никакой статьи не предусмотрено.

Я обрадовался, что придумал очень хороший выход, ушел домой. Может быть, хоть женюсь на работающей, подходящей. Вот я к ночи себя подготовил как следует. Не скажу сейчас вам, что я употребил для этой «операции», — продолжал он, — но, если интересно тебе, к примеру, потом поделюсь. А

меня когда-то подучили, ладно об этом тоже потом. Так вот, всю ночь я не давал ей покоя. И все сухостоем ее старался доконать. Вот вам крест святой. Под утро она уже лежала бездыханная.

Ну, думаю, порядок. Сам посплю, а утром о похоронах позабочусь. Уж сколько я спал, час ли, два, а только проснулся от лая кобеля. Гляжу, на месте ее не оказалось.

«Куда же убежал мой труп бездыханный», — забеспокоился я. Поднимаюсь, иду на шорох на кухню. А там все кипит и жарится на сковороде. У меня глаза от удивления округлились. «Что это ты вздумала? — спрашиваю. — Чего так рано поднялась? Такого ведь никогда не было».

«А что? — отвечает. — Так всегда будет. Как ты мне, так и я тебе. Все у нас должно быть взаимно, с любовью»...

Савелий, слушая мужиков-поденщиков, наблюдая за своей женой, добродушно улыбался и думал про себя: «Все же я правильный выбор сделал, женившись на тебе. Хоть и силой взял, но все-таки не моей силой. На мне такого греха нет и не будет никогда...»

— Хозяюшка! — позвал тот же мужчина. — Вы бы присели да поужинали с нами, з нами козакамы запорожскымы, — с веселой улыбкой сказал он, перейдя на украинский язык.

Савелий посмотрел на него пронизывающим взглядом, но тут же сам себя успокоил, подумал про себя: «Куда там тебе рыпаться! В порошок сотру, если что замечу, Дон Жуан несчастный».

— Я потом. Повар всегда сыт, — отвечала Мария.

А мужики продолжали сидеть за столом, курили, беседовали. Разговаривали два поденщика, остальные слушали. Один говорил другому:

— Не могу понять, что со мной нынче творится. Раньше стоило только подумать о женщине, и я уже возбуждался. Всегда возбужденным ходил, везде. А теперь думаю-думаю, вспоминаю себе и представляю какую-нибудь там, из своей коллекции девок, и ничего у меня не шевелится. Как будто у меня никого и ничего не было. А ночью приснится красавица какая-нибудь, все тусы мокрые.

— Дык, наверно, что-то с головой у тебя случилось, только не знаю, с какой. Ха-ха-ха. Надо ощутить живую женщи-

ну, пощупать, значит, ха-ха-ха. Какие твои годы. И все же, наверное, ты стареть стал. И головка тоже. Только какая из них первой.

— Послушайте, мужики, что со мной произошло совсем не давно и почему я с вами поехал по селам на заработки, — заговорил самый младший подсобник, лет тридцати. — Мне моя жена со слезами на глазах как-то сказала, что она только, мол, узнала, что папа ее обанкротился. Представляете?

«А я всегда чувствовал, что он не остановится ни перед чем, что бы нас разлучить! — сказал я в ответ своей жене. — Разве плохо нам было валяться в постельке и заниматься любовью столько, сколько нам хотелось? Поесть и выпить у нас всегда было вдоволь».

Но моя жена Люська оценила мои слова по-своему. «Не так уж здорово ты обращал внимание на меня. Поезжай-ка, — говорит она, — на заработки по селам. А то ведь скоро совсем нечего будет кушать детям, да и зима еще впереди, и к школе готовиться надо, а старикам нашим мы надоели». Вот я и поехал.

А однажды возвращаюсь, по-моему, из Кодэмы или из Зайцево, для нее внезапно — с авансом. Стучусь в дверь. Открывает жена, разодетая, расфуфыренная. Захожу в квартиру, отдаю ей какие-то деньги и продукты, там заработанные, своими руками. А сердце у меня стучит, будто вот-вот выскочить может из груди.

Захотелось мне переодеться. Открываю сундук, а там сидит Вася Деревянко, мой одноклассник, щупленький такой, но с девками он очень активно занимался любовью по очереди — представляете, да?

«А ты что здесь делаешь? — я спрашиваю. — Теперь и до моей жены подошла очередь?»

Вытаскиваю его оттуда и из дому выпинаваю ударом по зубам. Он покатился. Закрываю дверь, гляжу, а жены нету. Я туда, я сюда, нету моей жены, и все тут. Ну что случилось? Куда же она могла исчезнуть за такое короткое время? Я растерялся. Испарилась, что ли?

Открываю сундук, чтобы все-таки переодеться в чистое. Да пора уж и на работу возвращаться на той же телеге, с товарищем, с которым приехал, значит.

«Я больше не буду! — заголосила она — оказывается, сидит в углу сундука. — Между нами ничего не было, клянусь тебе».

Ладно, поверил. Взял я исподнее, переоделся, ей все простил. Ведь я же ничего не видел такого, эдакого. А что такое Вася? — Лопух, да и только — «сморчок». Со мной-то не сравнишь!

Снова уехал на работу. Через какое-то время возвращаюсь домой, отдаю деньги жене и снова в сундук нырь. А там сидит другой паренек. Что называется, Гора или Геракл. Я от неожиданности хлоп под замок и спрашиваю:

«А где же твой прежний Вася де-де-деревянный? Ты что, мол, и ему уже изменяешь? Да как ты мо-мо-могла та-такому парню и изме-енить? Он же та-такой щу-щуп-пленый Де-деревяшка-то наш».

А жена моя отвечает как-то хладнокровно:

«Он был настоящий мужчина, но только не для каждой из нас. Повесился он. Мы его вчера похоронили. Но перед этим я успела все ему высказать и все же получить от него очень горячее удовольствие».

«Ах как жаль, — говорю, — а то я бы ему показал, где раки зимуют! Я бы ему показал многое».

«Ну дак покажи этому, — говорит. — Этот тоже щупленький. Что же ты растерялся?»

«Э-э-э, так это же не Вася. Этому, боюсь...»

«А ну открывай сундук... твою мать!» — раздался тут басистый голос, как из преисподней.

У меня, понимаешь ты, все затряслось от неожиданности. Я ведь подумал, что он там просто спит, отдыхает после кахы, кахы, работенки с моей подругой, якобы только что убежавшей к своему мужу-алкашу. Пускай бы себе спал. Ан, нет. Голос свой подал. Будто он здесь хозяин в доме!

Бросив ключи от сундука на пол, я ушел из дома, не тронув жену даже пальцем, чтоб тот не разворотил бы сундук — последнюю, самую ценную вещь, доставшуюся от родителей. Теперь как его забрать, не представляю себе...

Рассказчик умолк, опустив голову. Глаза у него были красные, щеки горели. Мужики переглядывались, не знали, как быть, то ли смеяться, то ли как-то воздержаться. Семейная драма, конечно же, была какой-то необычайно смешной. Может,

анекдот? Как обычно, предупреждают всех об этом. Компания не поняла, что он рассказал. Может быть, трагическую правду о себе?

— Ну, как вам история? — спросил парень.

— Да, это точно? Все в твоей семье произошло? — спросил старший каменщик.

— Ну, коне-ечно-о жеэ-э, не-е-е-т! Я рассказал вам анекдот, — ответил парень, при этом очень заразительно рассмеялся.

Все мужики засмеялись, и казалось, что вообще никогда не останутся, сквозь смех, со слезами на глазах, выдумывая что-то новое.

Глава пятнадцатая

Дуняхино замужество

Приглянулся холостой Кузьма Филиппович одной старой деве Дуньке, дочери Гашки, бабы по кличке Скажэная, злая, значит, сердитая.

Рассказывали молодому Кузьме старики, ее ровесники, что этот оборотень Гашка могла обернуться не только в черную кошку, но так же в свинью или хряка и кусать тех, кто пытался эту же Дуньку проводить и не дай Бог, приблизиться к их дому. Тут же это «существо» набрасывалось, рвало одежду и тело любому провожающему. До смерти могло это чудовище довести, ут-верждали они.

И вот однажды якобы с Гашкиной родной сестрой Дарьей произошел такой случай.

Шла она с женихом своим, с которым встречалась долгое время и занималась любовью иногда, от него уже и родила, а брат замуж ее он ну никак не хотел.

И вот в очередной раз этот мужик, вдовец, отодвигает свою женитьбу, придумав какую-то причину. Поссорившись, они разошлись в разные стороны. Он направился на хутор «Поповку» версты за три, которую Советы переименовали в хутор «Медная руда», хотя неизвестно, есть ли она там, а та — домой. Время подходило к полуночи.

И вдруг за селом вспрыгивает на него какая-то черная кошка бешенная и, страшно громко мяукая, начинает его кусать и цапать.

Мужчина, еле поймав ее за шкурку и за хвост, так придавил своими ручищами, что та заорала. Он испугался и, бросив ее об землю, убежал, как пацан какой-то. Отдалившись на некоторое расстояние, запыхавшись, он остановился у лесополосы, сделав свое дело, присел перевести дыхание да перекурить. Смотрит, на него катиться какой-то клубок, а ближе подкатился — оказалось вроде колеса от подводы или тачки.

«Откуда оно взялось в полночь?» — подумал мужчина. — Никакого движения не было по дороге и на тебе — напрямик на него катится, с какими-то звуками. Он, в момент поднявшись на ноги, хватает его, а оно произносит еще какие-то звуки, типа рычания, пытаюсь как-то вырваться из рук, как живое существо.

У мужчины волосы стали дыбом, а по телу пошли мурашки. Но тут же опомнившись, он принимает решение как-то это колесо подвесить на дереве лесополосы: «Пускай повисит! Хозяин найдет при Луне и звездах».

Наступив на него ногой, он снимает свой ремень, продевает через ступицу и вешает. Опять услышав какие-то нечеловеческие рычания и визги, подумал: «Это у меня, наверное, с головой что-то не в порядке», а у самого — волосы дыбом.

Неожиданно небо заволокли дождевые тучи и полил проливной дождь с градом, с грозой и с молнией — и это при тихой, безветренной погоде...

Ранним утром люди, в том числе и этот мужчина из хутора, шли за покупками в клиновский магазин. Дойдя до этой лесополосы, увидели что-то ужасное, на том месте, на том же суку, заметил мужчина, подвешена скрюченная голая женщина, висела она на ремне, который каким-то образом пронизал весь ее организм, выходя через рот и задний проход. Все, конечно, ахнули, но он, догадавшись в чем дело, промолчал и пошел дальше, как ни в чем не бывало. Гашке тут же доложили. Примчавшись туда, она сняла сестру с дерева, перерезав ремень знакомый, забрала и потом похоронила.

После она ходила как тень, в черной одежде, ни с кем не здороваясь. Глядела она на всех со злостью и ненавистью. А тот мужчина неожиданно тяжело заболел и вскоре, будучи моло-

дым, энергичным и совершенно здоровым до тех событий, умер...

Подобные случаи не повторялись. Но вот Дунька, дочь Гашки, уж очень зачастила в магазин, чего раньше как-то не наблюдалось. Теперь часами могла стоять и смотреть на завидного и пригожего молодого жениха, хозяина магазина. Если он отсутствовал, она дожидалась его прихода. Хотя далеко не всегда что-нибудь покупала. Все это очень бросалось в глаза, соседям показалось подозрительным ее поведение.

Затем стала она приносить Кузьме в замызганном, грязном кувшинчике борщ, от которого даже очень голодный пес нос свой воротил и убегал, оглядываясь.

Оставив кувшин на прилавке, она иногда незаметно исчезала, будто вдруг испарялась. А иной раз оставалась надолго. Много раз делали ей замечания, прогоняли ее, чтоб не мешала работать. Однако она не унималась, не обращала внимания на людей.

Кузьма стал все реже смеяться вечерами на гулянках с молодежью. И Дунька не отступалась от него до тех пор, пока он не объявил вдруг у себя дома, что намерен жениться именно на этой невесте без места в его душе и сердце, но, как ему теперь казалось, «милее которой, нет никого на свете».

Товарищи были в шоке, но жених был настроен решительно.

— Только на Дуне надо мне срочно жениться! — говорил он. — А то, что она неграмотная, нечистоплотная и недоразвитая, как все о ней говорят, то я ее всему научу, и будет семья у меня хорошая. Ведь даже животных приручают и всему успешно обучают, а она все же человек, и даже, как мне сейчас, кажется, довольно симпатичная, фигуристая. И мне постоянно хочется ее целовать.

Переубедить парня было абсолютно невозможно. И что характерно, как рассказывали позже его родные, никто не хотел почему-то вмешиваться в его судьбу, найти бабушку знахарку, чтобы помочь парню.

Постепенно товарооборот в магазинчике начал падать, и приближалось к нему стремительно банкротство.

Ровесники над Дунькой продолжали смеяться, а на Кузьму смотрели все с сожалением:

— Такой был парень — как она сумела захомутать его?

Дунька была постарше Кузьмы, мягко говоря, не на один год, и он не мог бы даже подумать, что станет ее мужем. А если бы ему кто-то об этом сказал раньше, он бы только посмеялся.

Своим родным братьям, Савелию и Григорию, Ефиму, Петру и Матвею, а также их женам и своим сестрам, когда они как-то собрались вместе, он сказал:

— Я, наверное, если скоро на ней не женюсь, то с ума сойду! Мне кажется, без нее жить не могу — представляете? Все время стоит передо мной и, нежно улыбаясь, говорит: «Ну возьми меня всю себе и делай со мной все, что тебе вздумается. Я, мол, готова за тобой куда угодно пойти». Если раньше я смотреть на нее не мог без смеха, то теперь, как я замечаю, мысленно, а может, явно, ей улыбаюсь. Почему? Зачем, я это делаю?

Приближаясь к ней, — продолжал Кузьма, — я попрежнему смеюсь над ней, но с каждым разом все меньше и реже. С каждым днем она для меня делается милее, кажется красивее и ласковее, чем прежде.

Ну, что это со мной творится? Кто-нибудь может мне объяснить? Почему вы все молчите? — спрашивал он. — Что вы за Шепитьки? Видно, вы все в мамку пошли. Вам всем наплевать на мою дальнейшую судьбу...

— Может быть, ты действительно в нее влюбился? — поинтересовались невестки, никогда не видевшие Дуньку.

— Ой, да какая там может быть любовь к этой старой деве? Есть, действительно, стоящие. А эта... Вы бы видели, это же чудовище на двух ногах, — отвечали своим женам его братья. — Это же страх Господний, да и только! Иначе она бы давно вышла замуж. Так нет же, тебя на прицеле, видно, держала. И вот теперь, когда тебе тоже подошла пора жениться... Хотя ты мог давно это сделать, — говорил Григорий Филиппович. — А ты что-то медлил. Или мамку нашу слушался? Продолжал подсмеиваться, как какой-то пацан необразованный. А это очень большой грех, я тебе скажу.

— В позапрошлом году, кажется, да? И девушка была достойная, стоящая, учитель, — поддержал Петр Филиппович. — Так ты протянул время, пока ее у тебя не перехватили. Не испугались даже ребенка, ее сына. Ну что, я не прав? Теперь женись на ней, на Дуньке своей.

— Да, ты прав. Тысячу раз прав, — отвечал Кузьма. — Придется теперь на ней жениться, тем более что той ведь давно в живых нет!.. — Вдруг он умолк, проглотив комок в горле, с жадностью затянулся папиросным дымом. — У меня зато ее сыночек есть! — с гордостью добавил Кузьма, как-то радостно улыбувшись.

Родные его девушку знали хорошо и знали, что она стала матерью незаконнорожденного мальчишки. Братья и сестры надеялись, что Кузьма обязательно женится на Надежде, такие искренние, совершенно не скрытые отношения у них были. Они были достойны друг друга.

Кузьма познакомился с молоденькой учительницей Надеждой Викторовной здесь, в Клиновом. Молодые люди любили друг друга. Кузьма собрался было жениться и уехать хотя бы к брату Матвею в Горловку или к сестре Марине, но разве с такой мамкой — старушкой Полькой это было возможно?

Она кричала истерично:

— Нет, нет и нет! Холера ясна! Катэгоричнэ протэстуйэ пшэцив тэму. Ты сам еще ребенок, а уже жениться собрался, щенок! На ком? Ты ее хорошо знаешь? Кто ее родители? Есть ли у нее приданое или она, как Маруся ваша, — нищенка! Даже без единой простыни поселилась...

Но они все-таки встречались до тех пор, пока не появился здесь тот, никому не известный, за кого Надежда вышла замуж. Был он симпатичный, воспитанный, образованный, не из простой пролетарской семьи. «Наверняка это птица очень высокого полета», — поговаривали Клиновщане.

Когда Надежда вышла замуж, Кузьма очень переживал, а узнав об аресте ее мужа, сразу поехал к ней. А увидев сына, очень похожего на нее, стал уговаривать выйти за него замуж. Надежда отказалась выйти за него, мотивируя тем, что не знает, что с ее мужем.

— Может, он скоро вернется к нам, — сказала она Кузьме. — А тебе куда спешить? Гуляй, пока молодой, но сыночка нашего не забывай! Заходи почаще, чтоб он знал тебя. Все равно матушка твоя будет против меня, тем более сейчас, когда мне пришлось побывать замужем. Ты же ее тогда послушался? Ну и живи вольной птицей, наподобие орла степного.

Позже она уехала из села в Бахмутский уездный город к своим родным (сейчас называется Артемовский район). Но Кузьма узнал, где она живет. Он часто проводывал ее и сына Матвея, радуясь, что видит их, когда захочет. Он привозил сыну разнообразные подарки, играл с ним. Но потом и Надежду забрала сотрудники ЧК прямо на улице, и она тоже пропала бесследно. За что? Никто не знал. Но сынок Матвей оставался жив-здоров. Видно, Господь Бог его хранил.

Сейчас Кузьма сидел и курил молча, все это прокручивая в своей памяти. Заметно было, что он сильно переживает за сына¹.

— Кузьма! — позвал старший брат Григорий. — Ты почему замолчал? О чем задумался?

— А что случилось? — как бы очнувшись от воспоминаний и подняв голову, спросил Кузьма. Лицо его было бледным, усталым, чего никогда за ним раньше не наблюдалось.

— Д-а-а-а! С тобой действительно что-то неладное происходит.

— Нет, нет, — отвечал брат. — У меня все в порядке. С чего ты взял? Я просто сегодня устал.

— Ну вот что, братуха, — включился в разговор Савелий. — Если ты действительно решил жениться, то женись, не мучайся. Чего время тянуть? Вот скоро мы с Марусей отойдем в свой дом, и тебе будет здесь свободно и хорошо. Давай решайся. Мы все по-немногу поможем.

— Да-а, — отвечал Кузьма. — Жениться мне, конечно, надо бы. Но было бы лучше на той, от которой у меня сын растет. Но

¹ Кузьме Филипповичу удалось выправить для мальчика метрику на свою фамилию, и он присвоил сыну своему свое законное перед Богом отчество, хотя и не был он ни крестным, ни обвенчанным с его мамкой. Итак, мальчик стал носить, возможно, где-то по настоящее время носит, имя, данное отцом: Шепотько Матвей Кузьмич. Он был так похож на отца, что его признавали все родственники. Мне известно, что жил он и воспитывался у дедушки с бабушкой при непосредственном участии Кузьмы Филипповича. Дедушка и бабушка мальчишки были грамотные, интеллигентные люди, переехавшие из Харькова к старшей бабушкиной сестре. Но вскоре она умерла, и похоронили ее на Мариупольском кладбище г. Артемовска.

ее уже нет, к сожалению. А я все еще живу, и сынок мой, слава Богу, жив-здоров.

Он снова затянулся папиросным дымом. Форточки и створки одного из окон были распахнуты. Однако в доме стоял дым столбом, «хоть топор вешай». Благое дело — их мать отсутствовала. Родные переглянулись в недоумении.

— А что случилось с Надеждой? — спросил Савелий.

— Почему ее уже нет? — спросила также Устинья.

— А разве вы не знаете, сколько у нас всевозможных врагов, народа арестовано?

Поднявшись, он зашагал по комнате взад вперед, очень возбужденный, прикурив новую папиросу от окурка.

— Я уверен, что моя Надежда ни в чем не виновата! Она была прекрасным педагогом! Она учила детей грамоте, благородству и культуре общения с людьми! А вот за что ее арестовали, я, наверное, никогда не узнаю, тем более, как мы узнали от покойного нашего папы, кто мы такие и кем были наши предки.

Кузьма Филиппович узнал давно, точнее, вскоре после ее гибели от одного верного товарища по училищу, посоветовавшем, чтоб он жил тихо, мирно, спокойно и не высывался.

*Когда фашизм уж покорил
Большую часть Европы
Спокойно! Берия твердил:
Нас ведь не тревожат!..
Фашисты-фюреры ворчат
У западной границы.
Не поддавайтесь! — всем твердят
С генштаба — из столицы.
Не верьте людям никому!
Под страхом всех держите!
Расстрел вменить! По одному,
Кто провокатор в мире,
Необходимо всех сослать,
Кто помнит имя Ленин!
Тогда никто... по одному...
Никто Вам не изменит!
Судить не нужно! Без суда.
Расстреливать на месте!*

*Якира, Тухачевского сперва,
А с Блюхером всех вместе!
А кандидатов всех сослать
Подальше от науки
И все таланты расстрелять
Или послать на муки.
Сгноить в тюрьме по одному
На каторжных работах.
Бандиты там помогут нам
Избавиться от умных...
Вы гений наш! Мы любим Вас,
В историю войдете,
Навеки все запомнят нас
Все правнуки — их дети...
Прошло с тех пор десятки лет,
Прошли они, им нет возврата.
Все, кто погиб — лежит в земле.
Мы помним всех — им честь воздана.
Нельзя нам прошлого забыть,
Возможно, в том кто есть повинен.
Но разве можно тех винить,
Кто жил во время сталинизма?
Когда в те годы был лишь страх,
Страх клеветы, — страх обвинений,
В шпионской деятельности страх
За все расстреливал Лаврентий.
Объездчик поля избивал¹
Кнутом, кто собирал колосья
На каждый куст... грузин нахал
Налог накладывал... Иль в клочья
Мы разнесем, коль не внесешь
Все, что положено налогом
На курицу — несущую... Врешь!
Что ее нет, что она уж сдохла!
Купи, но сдай, иначе знай:
Не сдашь, пойдешь этапом
Туда, где Макар телят не пас,
Откуда нет уже возврата!..*

¹ Бывший полицей при немцах. Получил от пострадавших ребят карточку — волчью дробь, из самопала... Это было осенью в 1947 году..

«Сейчас получить пулю в лоб очень и очень просто в любое время суток, — говорил ему верный товарищ — зять. — Однако и выдать этого человека, имевшего прямую связь с высокопоставленными исполнителями воли Лаврентия Берия, правой рукой Иосифа Виссарионовича Сталина, никак нельзя, даже родным...

Сколько людей он погубил более видных... чем твоя любимая, — с какой-то неясной улыбкой говорил тот. — Так это ужас один! А попробуй, не выполни приказ или хоть заикнись о ком-то в защиту... Ну ты сам понимаешь, чем может кончиться твоя карьера, а тем более всей твоей благороднейшей семьи.

Есть приказ тов. И.В. Сталина «О ликвидации под корень всей семьи и даже родни «врага народа», при его разоблачении, подписании бумаги о признании себя таковым, — продолжал тот его товарищ зять.

Именно я лично, по просьбе вашего покойного папочки, моего любимого тестя Филиппа Власовича, раскопал и уничтожил, один без свидетелей, документы в главном архиве Киева, подтверждающие в том числе и твое социальное (именно дворянское) происхождение, несмотря на ту лишь одну измененную букву в твоей фамилии, господин граф Кузьма Филиппович. И если бы я не был лично знаком с тобой с юных лет, да еще и с твоей сестренкой, ставшей моей женой, то можно было бы и вас всех ликвидировать как класс эксплуататоров... под корень...

А какие из всех вас эксплуататоры, хотя и имеете все титул графа да графинь, если у вас лишь какая-то мелочь оставалась до государственных переворотов в 1917 году...»

Кузьма, оставшись после этой беседы один на один где-то за городом, очень долго ходил там сам не свой. Обратился он к нему тогда, чтоб как-то выяснить или вытащить из лап свою Надюшку, но увы...

«Не надо рисковать... живи спокойно и не высывайся, господин «граф»...»

Этот его товарищ — зять, постепенно «выбился в люди» при советской власти... Попал в правительство при Лаврентии Берия и накануне его разоблачения Н.С. Хрущевым, после запланированной автокатастрофы, скончался...

Автор не называет имени этого человека по понятным, на-
верное, соображениям... «Пускай будет ему Земля пухом!»

Глава шестнадцатая

Женитьба младшего

Как бы ни протекала жизнь у человека, но каждый должен иметь свой дом, детей и свое личное хозяйство. Познав нечто похожее на счастье со своей Надеждой, к сожалению, уже покойной, Кузьма был теперь охвачен чувством необходимости жениться немедленно, в срочном порядке. Почему так, он себе не мог объяснить.

Для него это было трудное время. Его магазин несколько раз грабили до ниточки и до крошки, Кузьма Филиппович катился к пропасти банкротства. Жители села и окрестностей все покупали в городе, как будто протестуя против его поспешной женитьбы. Однако он был оптимистичен, верил в успех, почему-то был убежден, что, когда женится, все наладится.

— Вам не хотелось бы еще раз быть сватом и погулять веселее прежнего на свадьбе? — спросил Кузьма своего крестного.

— А кому еще захотелось надеть хомут на шею? Не тебе ли?

— Да, именно я хочу обзавестись семьей, — ответил Кузьма.

— Неуж-то на Гашкиной старшей девке решил жениться?

— Да, вы все слышали? Зачем задаете мне лишние вопросы? Выручайте, иначе, не ровен час, я с ума сойду, — отвечал парень, вынимая папиросы дрожащими руками.

— Но что это ты надумал, сынок? Они же нищие. Неужели нету для тебя более порядочной, более подходящей невесты? Ведь есть помоложе, покрасивее и позажиточнее, — пытался отговорить крестный. — Почему на ней свет клином сошелся? Ведь она же...

— Нет-нет, — перебил возражения жених-крестник. — Я так решил, и пожалуйста, не надо меня воспитывать. Если на ней не женюсь в скором времени, то придется вам скоро

хоронить меня или что-то другое сделать, — говорил парень, ставший неузнаваемым за какие-то несколько дней. — Я ее всему обучу и всему научу. Она все будет уметь делать, вот увидите.

— Да горбатого только могила исправит! — встряла крестная.

— Цыц, старая! Не твое это дело! — громко сказал муж. — Лучше подумай, как и чем помочь крестнику, чтобы не упасть лицом в грязь! Ты ведь слыхала, о чем речь? — И обратился к Кузьме: — А ты, сынок, договорился с нею или как? Не получится ли так, как в Зайцево мы ездили, где такой скандал пережили, что не доведи Господи! До сих пор это сватовство в глазах и в ушах. Не могу себя простить, что согласился.

— Нет-нет, — перебив старика, отвечал жених. — Здесь совершенно другая ситуация. Во-первых, Марусю с Дуней не сравнишь, хотя бы по возрасту. Это раз, и вы это знаете. Во-вторых, Дуня ведь не дает мне покоя ни днем, ни ночью. Я никак не смогу от нее избавиться, хоть в петлю лезь или женись на ней.

— Да я так кое-что слыхал, но мне не верилось. Неужели ты, такой чистоплотный, грамотный симпатичный парень, согласишься жить с человеком, который подметки твоей не стоит? Не мне тебе, сынок, говорить, но скажу: я бы на одном гектаре... а не то... чтобы в одну постель лечь. Опомнись, Кузьма! Еще не поздно найти себе другую, достойную...

— Не хороните меня, пожалуйста, живо. Поехали засватаем, и этим вы подарите, точнее, продлите мою жизнь. Иначе я за себя не ручаюсь...

— Да что ты? Что ты, Бог с тобой, сынок! О чем ты говоришь? Если только так вопрос стоит, то конечно же поедемте хоть сейчас...

Крестный понял, что переубедить его невозможно. «Когда созреешь, поймешь все, вот тогда сам и бросишь ее», — решил он, молча одеваясь в дорогу...

...Подъезжая на тачанке ко двору или к дому Гашки (будущей тещи), Кузьма заметил, что их давно ждут, хотя он никого не предупреждал, что именно сегодня приедет сватать Дуню. Для него сбор стольких людей без предупреждения, показался очень странным.

«Как это может быть? — думал он. — Может быть, там уже «соперник» какой-то объявился? Хотя вряд ли...

Но откуда они все узнали и кто их всех собирал, пока мы решали с крестным ехать или воздержаться? Неужели все это «работа» ее матери? А я-то, пожалуй, ни единого разу и не видел тещу»...

Тачанка остановилась возле их двора. Черные тучи заволкли все Клиновское небо. Где-то далеко разнесся раскатистый гром, поднялся ветер, и начал моросить мелкий дождь.

Не было у дома невесты, ни ворот, ни калитки.

— Живут они как на разорванной улице, — иногда рассказывали их соседи в магазине, проходившие мимо, так называемой усадьбы Гашки.

— Им бы зятя хорошего да работающего, — говаривали они. Вышла встречать их сама Гашка.

— Заходьтэ, заходьтэ гости, сваты дороге. Давно вас ждэмо. Дужэ, дужэ вам раді! — улыбаясь какой-то неприятной улыбкой, говорила хозяйка этой хижины под соломой.

Вид у нее был затрапезный, даже какой-то грязный, убогий. Сгорбленная старуха была похожа на лесное чудовище, даже не умытое, хотя бы без мыла (есть ли оно вообще в доме — подумал Кузьма).

Со двора донесся какой-то смрадный, тяжелый воздух, от которого начинала кружиться голова.

«О Господи! Куда я попал? Куда меня занесло? Может, развернуться и уехать?» — подумал Кузьма.

Но тут же подул свежий чистый воздух с ветерком, изменив направление его мыслей, и стало легче дышать. Спешившись, Кузьма заметил, что люди прибывают с каждой минутой, и все, главное, чужие.

«Откуда они, как узнали? Непонятно».

Он, как местный житель и как хозяин магазина, построенного с расчетом на покупателей и ближайших хуторов и поместий, никогда не видел этих людишек.

— Ой, какой парень Дуне, нашей хозяйшке, достался, хороший да ладный какой! А какой ядреный! — восхищались одни полусшепотом.

— Да-а-а! Уж повезло наконец-то нашей хозяйке! — восхищались другие. — Надо же, какая пара будет хорошая! А он орел!

Но тут появилась на пороге хижины сама невеста. Присутствовавшие, похлопав в ладоши, умолкли. Стали прислушиваться и теперь только шепотом продолжали восхищаться женихом и невестой. «Какая хорошая пара будет», — неустанно повторяли они...

«О том, как выглядела невеста, рассказать не трудно, но просто противно вспоминать! — говорил позже сват всем, кто был в доме у кумы Польки. — А как она себя повела! Не дожидаясь слов, которые мы, сватья, должны бы произнести, как положено по обычаям, она выхватила хлеб из моих рук, кинула его на грязный, ничем не застланный стол, взяла ржавый, где-то там завалявшийся нож и давай резать его как попало, шморыгая носом, как больной, недоразвитый ребенок. От такой неожиданности у меня мозги отключились, — продолжал сват. — Я стоял перед ней как столб, не сказав ни единого слова. Вдруг очень ярко сверкнула молния рядом и грянул гром, после чего дождь маленько усилился.

«Ну що цэ за ножык, — закричала она, — що дажэ оцэй хліб не ріжэ! Подайте хоть соқыру, топор какой-то!»

Гости в недоумении переглянулись, спрашивают: «Для чего?» — «Та оцэй хліб розділыть пополам», — ответила Дунька.

Ее мать Гашка засуетилась, кинулась искать под столом топор и по всему двору забегала, но потом вроде опомнилась: «Та ты, Дуняшка, нэ спішы. Всэ рівно жэных предназначэный тількы для тэбэ. И він, нікуды нэ дінэться. Всэ рівно тількы твоім будэ».

Кузьма в этот момент чуть сознание не потерял. Лицо его задергалось, подбородок, щеки и губы зашевелились, но он оставался стоять на месте, делая вид, будто ничего не слышал и не видел. Все же разделив как-то хлеб на две половины, невеста развернулась к жениху и говорит с улыбкой: «Дорогий мий, довгожданий Кузьманчік! Можешь хочь зараз мэнэ забраты! Я готова»...

Кузьму и сватьев снова передернуло, а собравшиеся какие-то странные люди захлопали в ладоши, будто они находились на спектакле. И все это происходило во дворе под дождем, где было столько мусора, что надо было бы недели две все выгре-

бать. Можно себе представить, что там, в их так называемом доме, творится.

— Уж чего, чего, а еще такого сватовства, как в Зайцево, а теперь здесь в Клиновом, я сроду не видывал. Там был разбой и насилие, а здесь какой-то кошмар, — говорил качая головой, сват. — А какую мерзость говорила Гашка? Я всякое про нее слышал, но подобного уродства не ожидал. О ее могуществе приколдовывать...

— Ну, и что с того, что поведением она тебе, кум, не приглянулась? Пильнуй своего носа! Ниц не шкодзи¹. Зато приданое у нее хорошее! Не то что у вашей Маруськи! — залепетала Полька. — Совершенно ничего не привезла с собой! И до сих пор, ничего даже из моей постели не вернула!..

И тут входит с улицы ставшая женой Кузьмы Дунька.

— Ой, як я сьогодні уморылась, прямо-таки як ніколы.

— Ну так ложысь, Дунюшка, отдохны. Тобі ж нэльзя нічого робыць. Дажэ ходыць трэба поменьшэ, — засуетилась Полька.

— Мама, а почему ей нельзя? — спросила Марина дочь.

— А ты сама не видишь, что она беременна ходит?

— Где там ее беременность, если даже ничего не видно? Вон Маруся дохаживает срок. Все делает сама по хозяйству. Даже на стройке мужу помогает, твоему же сыну. Так ты не видишь или не желаешь видеть?

— Ага-а-а-а! Маруська он яка здорова, та й на богато молодша. А я дужэ хвора. Та й завтра, мабудь, дужэ захвораю...

— Да ты все время хво-о-ора-а! — перебила Марина. — Год почти живешь здесь и палец о палец не стукнешь помочь мамке или той же Марусе. Вы же должны помогать друг дружке. А ты просто несусветная лентяйка, лодырька, — уточнила она. — Вот что я тебе скажу: даже здесь, в доме, порядок не поддерживаешь.

Мать Полька стала со злостью махать руками, показав на дверь своей дочери...

¹ Ничего страшного. Не лезь не в свое дело! (Польск.)

— И как ты только умудрилась забеременеть, если это так, — задержалась еще Марина Филипповна у выхода. — Наверняка чем-то одурманила брата и легла под него...

Выйдя из дома в расстроенных чувствах, чтоб не видеть ее и не слышать, Марина решила проведать брата Савелия и невестку Марию, живших здесь рядом. Но их дома не оказалось: «Наверное, в город редиску и лук повезли на базар. А может быть, куда-то в гости потом зашли», — подумала сестра, вернувшись в дом.

В этот день был годовой праздник Пасхи. Однако стройка помаленьку двигалась. Уже стояли стены до половины дома — до оконных проемов, сооруженные из почти новых, свежих бревен бывшего амбара родителей.

В прошлый свой приезд она видела, как строители-плотники резали бревна по-другому, по-новому подгоняя, стараясь делать так, как запланировал хозяин.

«Молодцы все же хлопцы, — подумала она. — Скоро и у наших будет свой угол, свое хозяйство...»

В этот же день Марина Филипповна, повидавшись с братьями и поговорив, уехала со своей семьей домой в Горловку.

Глава семнадцатая

Первое несчастье

Был прекрасный субботний вечер.

Где-то пели девчата песни, одну за другой. Кто-то частушки-прибаутки выкрикивал, а на другой улице под гармошку танцевала и веселилась молодежь села Клиновое. Так было каждый вечер, а не только в праздничные дни.

К Савелию и Марии пришли гости: Григорий с женой Полиной, Кузьма, пришел и Петр с детишками, а в будние дни им всегда было некогда.

Хозяйка Мария засуетилась, накрывая стол во дворе, поскольку стоял опьяняющий запах разноцветной сирени и прочих цветов, а до завершения строительства дома надо было еще потрудиться немало.

Подъехал также еще один брат Ефим из Артемовска со своей женой проведать да отметить День Святой Троицы — Пятидесятницы с какими-то подарками. Появились зять Адольф Рудольфович Петерман с Луизой Филипповной.

Съезжались родственники не так часто, как хотелось бы, и далеко не все, по той простой причине, что некоторые жили слишком далеко, даже неизвестно где, и Мария не со всеми была знакома. Лишь слышала имена некоторых братьев и сестер мужа.

Недалеко запели девчата: «Ой прилужко при-и-и луне-е, при широком по-о-о-о-ле, при знакомом табуне-э конь гулял...»

Мужчины уселись за стол очень довольные. Приняв по рюмочке-другой, они беседовали на свежем воздухе в ожидании жен, которые обменивались своими секретами или опытом семейной жизни. Женщины были тоже в хорошем настроении. И только Мария частенько хваталась за соленые огурцы и помидоры...

— Ты посмотри-ка, брат, на этих «молодоженов», на Гришку Шепетько и на Полину его. Будто они вчера только поженились. Чему они так радуются? — сказал Кузьма Савелию.

— Да просто Гришка немного охмелел, — отвечал тот. — А когда это так случается, тогда наш брат делается будто юношей, в другое-то время так и не подумаешь.

Кузьма слышал, что Григорий с Полиной рассуждали о Мариинной беременности, сказал Савелию:

— Поздравляю тебя, братуха! А я-то все думаю, как это вам все же удалось? Ведь три года вместе живете. Неужели, думал я, как брат с сестрой живете? Но я знал, что дождусь, когда у меня по соседству появится племянник родной, — говорил он с довольной улыбкой. — Я был уверен, что все равно ты ее уломаешь.

— Но ты ведь тоже свою уломал, и я тебя с тем же поздравляю, — ответил Савелий, как-то неловко улыбаясь. — Твоя-то тоже беременной ходит.

— Да мне не составляло никакого труда, по сравнению с тобой. Ты ведь знаешь всю мою историю, чего греха таить...

...Получилось все как-то сразу же после свадьбы. Ему, то ли приснилось, то ли привиделось по пьянке (и он так напился на

собственной свадьбе, стараясь залить водкой это «представление», что почти ничего не помнил), что с ним та Надежда, мать его сыночка. Оттеснив Дуню, она будто бы легла рядом, вместо жены, этой самой Евдокии.

«Я был счастлив ощутить ее пылающие губы, грудь и горящее тело, — рассказывал Кузьма Григорию. — Оно было такое упругое и прекрасное, каким мне удалось запомнить. Но когда все свершилось и я увидел утром рядом далеко не то существо, я готов был убежать куда угодно, чтоб найти ее, но тут же вспомнил арест, остыл. «Тэпэр ты вообще нікуды нэ дінышся! — услышал я голос своей Дуни. — Тэпэр я наверняка забэрэмініла! Ты таким був солодкым и славным мужычком, що мені другого во вікы-віків не трэба, і тэпэр ты станэш батьком»...

— Была у меня идея как-то уговорить ее на аборт, но тут же передумывал. А вот почему? Сам не знаю».

— Давайте, хлопцы, выпьем за нашу смену! — провозгласил далее тост Кузьма. — За наше будущее поколение, зачатое не по пьянке, а сознательно. Чтоб они рождались нормальными и крепкими! Не надо их зарождать под хмельком, чтобы впоследствии не мучиться всю оставшуюся жизнь с инвалидами. За наше будущее, нормальное поколение!

Все присутствующие при этом поддержали тост и, выпив, стали закусывать, перебрасываясь отдельными фразами.

— Что с тобой, Кузьма, происходит?

— То тебе надо было срочно жениться, женился, на ком захотел, и никто даже не заикнулся отговаривать. Теперь ты сомневаешься в нормальном рождении своего чада — твоего зачатия. Что-то я тебя не могу понять, — говорил охмелевший Григорий, кому-то подмигнув.

— Что никто из вас не отговорил меня жениться, это как раз зря! Если бы кто-то вошел в мое положение и помог бы мне увильнуть от этого безумного шага, то этого, может быть, и не произошло бы. И был бы я до сих пор холостяком. Это лучше, чем жить не с Надеждой и, вообще, без какой-либо надежды.

Я понятным языком для вас изъясняюсь или нет? Я зачал ребенка по пьянке. И теперь просто уверен, что, кто бы от меня ни родился, он будет не нормальным. Заставить сделать аборт

я не могу, будто не имею права. Просто язык у меня не поворачивается...

— Тир-р-ру, милые! — вдруг раздался голос за воротами. — Принимайте гостей и обещанный подарок!

Мария, услышав голос свояка Николая Кузнецова, с удивлением посмотрела на своего мужа:

— Что значит «обещанный подарок»? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Савелий, — не помню такого разговора. Все, поднявшись из-за стола, направились за ворота. Поздоровавшись, Николай Николаевич открыл дверцу ящика, в котором была еще и решетка.

Там находился пес — примерно полугодовалый, серая с темно-коричневыми пятнами немецкая овчарка.

Услышав чужие голоса, пес поднялся на передние лапы. Он готов был прыгнуть на незнакомцев, но решетка преградила ему путь. Однако зарычать ему никто не мог запретить. И он это сделал, да так, что Мария от неожиданности чуть было сознание не потеряла.

Марина, сестра Савелия, предусмотрительно обняла сноху так крепко, что упасть ей не пришлось.

Савелий, заметив испуг жены, кинулся на хромого Николая со своими кулачищами, но его сестра стала мужа своего так неумело ругать, что всем стало смешно, в том числе и Савелию.

— Ну что же ты до сих пор на рудниках так ругаться и ненаучилась? Что это за безобразие? — заливаясь смехом, спрашивал ее брат.

— Прости меня, пожалуйста, Маруся, — начал извиняться Николай Николаевич. — Я же не знал, что ты, что тебе... Ну, в общем, извини меня, оболтуса, за мою оплошность.

— Да ничего, ничего, — отвечала Мария.

— У вас уже давно нету пса, и я помню об этом. Вот я его вам и привез, — продолжал Николай Кузнецов. — Уверен, он охранять будет хорошо, если Дунька не отравит или моя теща этого не сделает...

* * *

...Савелий был очень доволен, что вес сына-первенца составлял больше четырех килограммов, как сообщили ему дома сестры.

Подбежав к роддому, он остановился, чтобы перевести дыхание.

Сердце его билось учащенно, но несмотря на это, ему хотелось скорее увидеть жену, а главное — сыночка. От этой радости он забыл, что вход в роддом закрыт для любого мужчины, будь ты хоть трижды родным отцом.

Однако ворвавшись в приемный покой, он встретился с акушеркой Александрой Сергеевной Лаг, бывшей практиканткой из райцентра, не так давно принявшей еще одни роды — от Матрены Федоровны Шпаченко, у которой тоже родился сыночек Максим.

— У Марии Федоровны роды прошли затруднительно, с незначительными разрывами, но благополучно, — сообщила всем акушерка.

Улыбка не исчезала с ее молоденького лица, она ожидала худшего исхода.

— Поздравляю вас, Савелий Филиппович, с сыном-богатырем! — сказала она. — Можете не переживать, они сейчас отдыхают. В это время следом забежали его братья Григорий и Кузьма:

— Ну, как тут дела с продолжением нашего рода? Наверное, сейчас отдыхают Шепитьки?

— Да, — отвечала акушерка. — Поздравляю и вас с племянником-богатырем! С таким весом рождаются не каждый день. А уж какой симпатяга, одно загляденье. Красненький. Губки и щечки во-о-о-о! А теперь идите домой, не шумите, отдыхают они.

— А ты молодец, словно заказ она исполнила. Сначала себе, значит, помощника, да? А потом ей дочь в помощь?

— Там видно будет, — ответил недовольный Савелий. — Даже не показали мне сыночка. Какое безобразие.

— Ничего. Вечером приходите и, возможно, увидите в окно, — ответила акушерка. — Извинившись перед ней, братья направились к выходу.

— Ну что ж, до вечера?

— До свидания, приходите вечером, увидите, — повторила она извиняющимся голосом.

Придя домой, Савелий с чувством гордости и счастья, ощущая себя отцом новорожденного сына, принялся благодарить всех присутствовавших.

— За что нас-то благодарить? Слава Богу, все хорошо обошлось. Все-таки интересно наблюдать за счастливым молодым отцом, поскольку счастливее, казалось, никого нет. Но без ворчливой, неугомонной старушечки — матери Польки, невозможно было обойтись. Она тут как тут:

— Вот сейчас бы простынки и подушечки нужны бы были, — ворчала она. — А их у нее нету. Как можно было без приданого выходить замуж? Что за время пришло? И что за народ там, в Зайцевом живет? Кто там прав, кто виноват — не понятно, зупэлнэ не розумем, и не могэ ф то увежыць. Я абсолютно не понимаю и не могу этому поверить, чтобы просто не отдали приданого, — сама себе твердила Полька. — Такого быть не должно!..

Стол накрыли прямо во дворе на свежем воздухе. Ароматный, вкусный, приятный запах стоял над столом, и всем захотелось выпить и закусить. Графин со спиртным стоял посреди стола, но Савелий, не обратив на него почему-то внимания, приготовился покушать борщ. Григорий тут же начал наполнять рюмочки, а Савелий, пододвинув к себе тарелку, взял в руку ложку.

— Какой пышный, удачный хлеб получился у молодой мамы, — нарежая булку, восхищалась Марина. — А у меня совсем не такой получается. Все вроде бы так же делала, — и все равно не такой хлеб, правда, Коля?

Тот кивнул головой в знак согласия.

— А вот у моей жены всегда все очень вкусно получается, — улыбаясь, хвалился Савелий. — Я очень доволен своей женой, уж чего-чего, а приготовить она умеет. Да и вообще, за что ни возьмется, она все умеет делать.

Григорий с Кузьмой, переглянувшись и подмигнув друг другу, решали главный вопрос: «Кто и когда наконец-то произнесет тост, чтобы «обмыть» новорожденного племянника».

— Все к сельсовету! Срочно к сельсовету! — раздался громкий возглас всадника Верича Степана. Сидевшие за столом гости всполошились:

— Что случилось? Кто там панику наводит?

— «Комса», тьфу т-т-ты, комсомолия наша, видно, всполошилась, — сказал Григорий. — Это Сергея Верича сынок. Поднявшись из-за стола, многие вышли на улицу.

— Даже пообедать не дает эта молодежь! — возмутился Григорий Филиппович. — Это что за безобразие? — А сам рюмку — хлобысь.

Савелий Филиппович выбежал всаднику навстречу и, схватив лошадь за уздечку, спросил:

— Ну, что случилось? Где-то пожар?

— Да нет, хуже! — отвечал всадник.

— Бандиты идут?..

— Нет, нет. Вчера ночью убили Ивана Козаченко, — сообщил он. — Активиста нашего, комсомольца.

— Да ну-у-у! — возмутился Савелий. — Ты откуда все это взял? Это правда?

— Да, нашли его сейчас в озимой пшенице, у дороги из хутора «Возрождение». Вот, была оставлена на его груди записка, — протягивая клочок бумаги, добавил комсомолец.

«Каждого постигнет наша рука возмездия. Гроза», — прочитал Савелий Филиппович. Он узнал почерк кулака семьи Богатырева, сосланной в Сибирь. Но банды оставались... везде продолжа ли мстить и вредить Советской власти..., т. к. «нарушались¹ принципы добровольности при вступлении в колхоз, а также обобществление даже мелкого рогатого скота и кур... Все забирали...»

Сообщили председателю сельсовета Митрофану Александровичу Ткаченко о гибели комсомольца-активиста.

Он тут же собрал активистов и комсомольскую молодежь, в число которых входили Андрей Алексеевич Ткаченко, Назарь Арсентьевич Вареня, Степан Сергеевич Веричь, Никита Пет-

¹ «Очерки истории села Клиновое и КСП им. Козаченко», г. Артемовск Донецкой облгосадминистрации, 1999 г.

рович Буденный, Василий Степанович Стовпник, Иван Александрович Ткаченко, Яков Семенович Безмен, Мария Харламовна Дьяченко, Е.А. Драная, П.П. Очкур, Е.В. Очкур, И.А. Рядченко...

Был привезен труп Ивана Козаченко.

— Выстрел в затылок, и еще следы вил на животе. Вот что оборвало жизнь молодого человека¹.

На площадь продолжали сходить все жители села — посмотреть и проводить в последний путь серьезного, задорного, молодого парубка-комсомольца, которому хотелось как можно быстрее завершить коллективизацию сельского хозяйства.

Вскоре привезли гроб и начали готовиться к похоронному обряду. Собрались также музыканты-любители с различными музыкальными инструментами и стали играть «Интернационал». Многие односельчане плакали по пути на кладбище со всевозможными приговорами.

Подъехала на кладбище «линейка». На ней сидел человек лет сорока в кожаной куртке, из-под которой виднелась солдатская гимнастерка с подворотничком. Обут он был в кирзовые сапоги, а на голове — кожаная фуражка с красной пятиконечной звездой. Крепкий на вид мужчина был среднего роста с пышными усами и кудрявой шевелюрой, выглядывавшей из-под фуражки.

— Опер-уполномоченный ЧК приехал, — послышался голос в толпе сельских жителей.

Председатель сельсовета вышел навстречу и, поздоровавшись, доложил о случившемся. Переговорив еще немного, тот снял головной убор, вытер пот со лба, подошел к покойнику.

— Прости нас, товарищ Козаченко, — сказал он. — Не смогли мы уберечь твою драгоценную молодость с неутомимой твоей энергией в борьбе с кулачеством и контрреволюцией. Их желание вернуть себе все, что отобрала у них советская власть, является утопией. Они наживали свое добро и богатство за счет

¹ «Очерки истории села Клиновое и КСП им. Козаченко». г. Артемовск Донецкой облгосадминистрации, 1999 г.

нас, бездомных и безземельных тружеников, работавших на них всю жизнь почти бесплатно, лишь за еду...

Еще гибнут наши лучшие сыновья и братья, дети молодой Советской республики, что борются за свободу от помещиков и капиталистов, от кровопивцев и банкиров, от негодьяев и анархистов, которые стреляют нам в спину и в затылок, из-за угла и с чердаков. Днем и ночью они нас преследуют и уничтожают. Они заинтересованы в том, чтобы мы вымирали от холода, от холеры и чумы, в шахтах и на заводах. Но советская власть не позволит этим недобитым гадам нас уничтожить. Клянемся у ног погибшего товарища Козаченко отомстить за нашего боевого товарища. Всех вас, молодых комсомольцев, кто желает вступить в ряды чрезвычайной комиссии по борьбе с такими убийцами, прошу подойти ко мне после похорон.

В тишине были слышны плач и разговоры односельчан:

— Какой хороший парень был, молодой, толковый и трудолюбивый.

— А какой симпатичный! — говорили незамужние девки. — Он уже собирался через неделю на Надежде, «рахівняковій» дочери жениться. А теперь она останется не вдовой и не замужней. И к тому же беременной осталась...

Приближался вечер. Вдруг до слуха сельчан донесся глухой топот копыт, стали слышны одиночные выстрелы. Всадники быстро приближались со стороны опушки леса к собравшимся у могилы людям.

Поднялась небольшая паника. Кто-то крикнул:

— Ховайтєсь, бабонькы, скорішє в ліс! В кустарныку ховайтєсь! Цє анцыхрыст наступає! Мабудь, якась щє банда тєпєр на нас ідє!

Оказалось, это чекисты, обезвредившие преступников, прятавшихся в небольшом домике на опушке леса. Люди увидели сидящих на бричке четверых выродков, один из которых был в форме белогвардейского офицера без погон и знаков различия. Он был откормленный, чистый, а остальные, его подчиненные, одеты во что попало, обросшие, худые, грязные.

Руки были сзади связаны веревками. Их взяли врасплох, без лишних жертв. Злыми глазами они смотрели на сельчан, как голодные волки на стадо баранов.

— Вот кто убил нашего Ваню Козаченко! — раздался мужской голос.

Кто-то швырнул подвернувшимся бульжником в сторону белогвардейского офицера. Тот еле успел отвести голову в сторону.

— Ах, как жаль, что промахнулся!

И в этот момент раздался выстрел.

— Самосуд допускать нельзя! — крикнул один из чекистов. — Их будет судить наш советский суд! — добавил оперуполномоченный.

— Они нас убивают, когда хотят и где хотят, а мы не имеем права? — возмутился тот же мужчина.

Мужики, сочно ругаясь, отошли от брочки, оплевывая каждого сидящего так, что те не успевали отворачиваться.

— Боже мой, какой тупой народ здесь собрался, — сетовал офицер. — Им помогаешь освободиться от Советов и от комсомольцев с большевиками, и они же готовы тебя разорвать.

— Разговорчики прекратить! А то сейчас же кляп тебе устрою! — грозно сказал один из чекистов.

Тот оглянулся, посмотрев на него волчьим взглядом, подумал: «Погоди, молокосос, и ты еще взвоешь по-волчьи! Придет время, не рад будешь своей победе над нами и той земле, которой тебя наделили Советы. Всех наших здесь не переловишь. Мы есть везде, и дети наши останутся».

Летели из уст людей проклятия в их адрес, а они сидели молча, опустив головы, иногда озираясь по сторонам.

— Дійсно, якісь дыкарі тут живуть, — прошептал один из них, явно из западной части Украины. — Голытьба та бездільныкі якісь...

Возможно, кто-нибудь из них каялся, а кто-то мечтал удрать, чтобы продолжать мстить Советам.

— Будьте вы трижды прокляты за нашего Ваню! — выкрикивали люди вслед удаляющимся на повозке недобитым бандитам-недоумкам, как они считали.

За все содеянное им никогда пощады не будет!

Когда повозка и всадники скрылись за поворотом, люди тут же умолкли. Родители и родные стали прощаться с покойным. Простился Назар Арсентьевич Вареня и секретарь комсомольской ячейки села Даниил Ферсонович Скляренко. Затем стали прощаться близкие товарищи и земляки.

Гроб накрыли крышкой и, заколовив гвоздями, опустили в могилу¹.

* * *

...Савелий Филиппович был счастлив, что у него есть теперь сынок. Правда, как и всех детей, посещали его всякие болезни. Врачей тогда было мало, и смертность превышала рождаемость в несколько раз. У Марии и Савелия сынок-первенец Петя тоже вдруг заболел. Периодически приезжал к ним Кузнецов из Горловки, наблюдал за ним и как мог подлечивал мальчика. Но однажды, в критический момент, он не смог приехать, и их сынок умер. Родители были в отчаянии:

«Может быть, надо было покрестить маленького в церкви?» — размышляла Мария, уединившись. Для нее смерть ребенка была огромнейшей, ни с чем не сравнимой утратой. Мария думала о том, что хоть и пришлось ей выйти замуж без любви, но познала нечто, до тех пор неизведанное — проявление ласки и доброты к ней со стороны мужа — Савелия, законной женой которого она была перед людьми и перед Богом. Он любил Марию, пожалуй, больше своей жизни. И она не могла не чувствовать это.

— Все слова предсказателя-деда сбываются, — размышлял Савелий. — И вот снова мы остались без детей. Когда теперь я смогу заделать этот пробел? Сколько еще пройдет времени, пока у нас появится новое дитя? Год или два?

Он решил сказать Кузьме о своем опасении, что ребенка ему теперь придется ждать долго. Но Кузьме все казалось простым.

— Да ты, братуха, не переживай так сильно. Будут еще у тебя дети! Ты только постарайся, как тогда, и Маруся принесет тебе из роддома сыночка или дочь. Ты еще сможешь не одного сделать! Какие ваши годы.

¹ Когда была завершена коллективизация в селе, вновь организованному коллективу было дано имя Ивана Козаченко. Это имя и сейчас живет на Донбассе, в этом же коллективном хозяйстве, в селе, где установлен бюст комсомольца.

— Да хватит тебе, салага, болтать. Сначала пускай твоя тебе родит, чтоб ты познал свою кровинушку сыночка, а потом и сам узнаешь что к чему. Жалко терять ребенка... или нет?

Курил Савелий поначалу очень часто, но не выливал зла за смерть сына на жену. Но потом стал себя успокаивать, с верой и надеждой говорил ей:

— Все равно еще мне родишь — не одного и даже не троих. У меня должно быть не менее пяти детей. Мне троих помощников-защитников, да и тебе тоже — двух дочерей...

Похоронили первенца на кладбище под лесом кленовым да дубовым рядом с могилой Ивана Козаченко, с соблюдением всех правил и обрядов.

Людей было немало, все понимали, что значит потерять долгожданного первенца. Ведь прошло четыре года после их свадьбы. Но жизнь продолжалась...

Без изменений наступал вечер, ужин, отдых и какой-то сон. Затем приближалось утро раннее, когда надо было подниматься и браться за работу по хозяйству. И если хозяйева не лодыри, если они хотят жить и кушать лучше, сытнее, чем вчера, то должны и трудиться сегодня лучше, чем вчера. Ведь если только спать или лежа только мечтать о чемто сокровенном, то ничего не получишь. А кто рано встает, тому Бог счастья дает.

Мария, сколько себя помнила, всегда поднималась раньше восхода солнца. Однако счастье, как казалось, обходило ее стороной. «Оно, счастье, с одними постоянно дружит, а других вознаграждает», — делала для себя вывод она.

Мария не видела и не ощущала личного счастья — обыкновенного женского, как у Уляши Верич со Степаном.

Единственное счастье было недавно, когда выходила и родила сыночка, но тот заболел тифом и оставил ее.

— Осталась я опять одна на всем белом свете, — уединившись, думала она со слезами.

— Но это же не так, — отвечал ей кто-то сверху. — У тебя же есть семья. Сходи в Храм Господний, помолись и попроси Господа Бога, и он обязательно тебе поможет.

— Я верю тебе, Господи, что ты есть, — отвечала она. — Но Храма твоего здесь нету. Разрушили его ироды, а в городской ехать все как-то времени нет.

— Надо выбрать время и побывать. Нельзя на праздники ни шить, ни стирать, а тем более землю беспокоить кормилицу. Послушай, дочь моя, и воздастся тебе Моя благодать. Только молиться не забывай, хотя бы дома, утром и вечером.

Что особенно удивительно в жизни получается, так это то, что если веришь, если вспоминаешь не только маму, но и Бога своего, тебе сразу воздается какая-то благодать и душевное блаженство...

Человек, не верующий в Бога-человека и с давних времен в триединого Бога, может не верить, что жили на земле нашей любые человеческие личности — гениальные в чем-то и даже обыкновенные смертные. Тогда от чего или из кого появились мы?

Хотя, впрочем, все мы здесь смертные от плоти своей, и только имя твое, и земное деяние твое на Земле нашей может остаться в сердцах людей и жить много, много лет, то есть «многие Лета»...

Глава восемнадцатая

Ох уж эта Полька!

Строительство дома мало-помалу приближалось к концу. Стены и потолок, перекрытие с чердаком уже были готовы. Устанавливались стропила для крыши, после чего нужно было заниматься кровлей. Черепица тоже была снята с амбара и перевезена, так что только делай все, как положено под черепицу, и накрывай ею весь дом от дождей и снегов.

Этой работой занимались поденщики. Кроме того, Савелий уже приколачивал дранку по стенам внутри дома для обмазки красной глиной, перемешанной с соломой для вязкости. Работал печник в доме, выкладывая фундамент под печку бутовым камнем на глине без соломы, а саму печку — из красного «минаевского» кирпича, также на глине.

Одним словом, работа шла хорошо. Мария Федотовна готовила обеды для работающих строителей, а ее муж иногда ей помогал, дабы как-то привлечь ее к себе, все же надеясь на бу-

душих детей. Супруги радовались, что строительство дома подходило к завершению, не думая о тех еще очень больших трудоемких работах, которые были впереди.

Свекровь Полька, а теперь еще и чудовище Дуняха постоянно с плохой завистью наблюдали за ходом строительства и благоустройства. Они часто подходили к рабочим, уговаривая тех бросить работу.

— Хозяева всэ рівно вам нэ заплатять! — утверждала Полька. — Бо у них нэмае грошей, хоча и обіцають.

Самый старший по возрасту строитель сначала очень удивлялся, узнав, что это мать хозяина. Но, получая ежедневно зарплату, а также прекрасную еду, он скоро перестал их слушать. А злодейки, поскольку никакая агитация и угрозы на мужиков не действовали, стали приносить и рассыпать по двору и усадьбе соль, что-то шепча, а затем обсыпать их маком.

И вот однажды вдруг возник скандал между мужиками, и они, бросив работу, ушли к другим хозяевам, а двое из них сильно запили. Савелий гонялся за Дуняхой с кнутом, а потом с дрыном, но так ни разу ее и не «пригрел». Как-то все мимо пролетал он, не зацепив ее.

А сколько свекровь Полька, она же мать Савелия, проклятый высказала с презрением, так этого не счесть, — и главное, за что такая честь? Ведь ни Мария, ни Савелий никому никогда не делали ничего плохого. Это бесспорно.

Мария была очень мирная, смиренная и даже, можно сказать, богобоязненная женщина. Она ни на кого никогда не повышала голос, а если Савелий — ее муж, сорвавшись, нагрубит ей вдруг, она тут же заливалась горькими слезами, убегая прочь. Никому она не жаловалась, не делилась своими обидами на свою судьбу, кроме Матрены Федоровны Шпаченко — соседке.

Савелий Филиппович все еще не хотел вступать в колхоз, дорожа своей независимостью. И все-таки, получив последнее предупреждение от активистов нового коллективного хозяйства, согласился вступить в колхоз под осень 1930 года после уборки урожая. Жалко было расставаться со своими домашними животными и частью родительской земли, что досталась ему от отца, — но что поделать?

— Никуда не денетесь, согласитесь! Если не хотите попасть в список неблагонадежных. Мы ведь изгоняем в Сибирь или ставим к стенке врагов народа, — говорили активисты всем, кто имел хоть какое-то свое хозяйство, землю и живность.

Возмущался не только Савелий Филиппович, а и другие¹.

— Я же никогда не вредил советской власти и работаю сам, на свою семью, никого не нанимаю, не эксплуатирую²...

Что же касается окончательной отделки дома, то этот процесс оказался еще более затяжным, по сравнению с возведением каркаса.

Оба его домашних «чудовища» (к которым теперь присоединилась Романовша) еще больше активизировались, ополчились против них. Можно себе представить, что это за нелюди. Пришлось Марии, которая, к радости мужа, ходила беременной, самой мазать весь дом глиной и внутри, и снаружи, как это было принято в восточной части Украины. Все родственники, сестры Савелия и свояченицы, оказалось, «очень чем-то заняты», а точнее сказать, были окончательно обленившимися городскими жителями, жили вдалеке, а Савелий вынужден был ходить на работу в колхоз, выработать свой минимум трудовых дней, иначе, по решению правления колхоза, налагался большой штраф.

Можно себе представить беременную женщину на такой трудоемкой работе, которую надо бы выполнять руками не одного десятка человек. А потом ведь еще необходимо повторить обмазку цветной, пепельной глиной.

— И все же эта работа была потихоньку сделана, благодаря Господу Богу нашему, который хранил Марию, давал ей силы и энергию, — рассказывала Матрена Федоровна, единственная помощница ее в этом трудном деле.

Быть таким человеконенавистником, какими были Польша и Дуняха, а также и Романовша, может не каждый человек, а только тот — неполноценный умом и рассудком, в которого вселился Дьявол и кто увлекается черной магией. Такой человек не заботится о своих детях и внуках, на которых обязательно об-

¹ Бабич Ю.Ф. и др. «Год за годом». 1999 г., г. Артемовск.

² Там же.

рушится бумерангом наказание Господне. Мы ведь часто говорим и от других слышим: «И за что мне такое наказание, Господи? Я же ничего такого плохого не делал». Хотя, быть может, мы и не замечаем за собой грехов, например делаем что-то в праздничные дни, ругаемся и думаем плохо о своем ближнем соседе.

«При жизни имеем — не ценим, а теряем — плачем» (примеч. авт.).

Всяким колдунам и анархистам, фашистам и садистам интересно наблюдать мучения человека, как он барахтается, преодолевая всеми ими врагами людскими создаваемые трудности, тяготы и лишения.

Для этих существ все чуждо, пока к ним самим не приблизится какая-то боль, беда или смерть, только тогда они раскаиваются, просят прощения у тех, кого они мучили, и только тогда подыхают, когда к ним притронется тот, кто хоть чуть-чуть простит их прошлые коварства.

Но тем не менее жизнь продолжается на нашей Земле, и слава Богу, хотя хотелось бы жить лучше — дружнее.

Мария Федотовна по-прежнему часто обнаруживала в своем дворе у входа куски сала приличного веса и вида то мяса, совершенно чистого. Лягушек дохлых по несколько штук в одном месте у входа. А главное, что домашние животные (поросята, телята, курицы) долго не жили. Если успевали хозяйева вовремя заметить, дорезали или брызгали святой водой из Храма Господнего, то этим и спасались.

Каждую весну устраивала ей Дуныха скандалы за межу — границу усадеб. И каждый раз вызывали они землемера, поскольку Савелий работал в колхозе, и этот человек (должностное лицо) разрешал их спор мирным путем, все заново перемеряв и воткнув колышки. Однако после ухода скандальная Дуныха возобновляла скандал.

— Ты улыбнулась ласково! — кричала она. — Вот он и решил все в твою пользу...

А разве до улыбок было Марии Федотовне с такой нервозностью? Ведь земля пахотная не может сама по себе прирастать или уменьшаться, усыхать. Это же бред собачий!

Было ясно, что это придурковатое существо проводило эксперимент на выживание Марии, пользуясь силой черной магии и молясь «Черному Быку», чему научилась у матери Гашки. Но все это даром не проходило.

У Евдокии родилась девочка по имени Мая, и она оказалась больной умом отроду (по пьянке была зачата, как и сетовал несчастный ее отец Кузьма). Не случайно, видно, влетела в дом шаровая молния, которая сделала свое дело. Мая оказалась неспособной учиться в школе, а когда выросла — негодной для семейной жизни.

Правда, трудолюбивая рабыня по велению Дуняхи-матери и под жестким ее контролем с ежеминутным криком исполняла любую работу не только на огороде, но и по дому.

Родившийся следом за Маей сынок, также от Кузьмы Филипповича, вдруг в детстве сильно чем-то заболел и умер из-за того, что мать не дала перелить ему свою кровь.

А жестокая мать сказала клиновскому фельдшеру:

— Та яка там у мэнэ кров? Сама он яка я хвора. Немае у мэнэ для нього крові, нэма — нэма...

И родилась у нее еще одна, дочь — Любаша, нормальная умом, рассудком и здоровьем, оказалась она похожей на своего отца Кузьму. Однако, как говорится, судьбой девочка была обижена по вине ее матери. Редко можно найти такую несчастную женщину, хотя конечно же, бывают и похлеще судьбы.

Выдали Любашу за очень хорошего парня, из порядочной семьи, по фамилии Макогон, отец его был бригадиром тракторной бригады в колхозе. Зять Петр работал шофером на самосвале на предприятии «Северо-Донецкий каналстрой» вместе с братом Григорием.

Новые автомобили появлялись на селе в любой день, и особенно под вечер — на правах будто собственных, и это нравилось Любочке, а особенно ее матери. Рассказы о шикарной их свадьбе, о шикарном их доме, построенном в артемовском «кацапстрое», и о двух их детях часто повторяли соседи. Но прошло время, и Петр встретил другую — ушел от Любаши. На всякий яд (колдовство) существует противоядие — «белая магия».

Их дочь, тоже Люба, очень долго не выходила замуж, имея отдельную квартиру на берегу Бахмутки, а сын Андрей, женившись и породив двух детей, разошелся. Он построил там же, в городе, двухэтажный особняк и успешно занимается фермерством, соорудив на родительской шепитькивской усадьбе курятники для бойлерных кур в селе Клиновое.

Этот сын пошел своей деловой хваткой в дедов, в том числе в Кузьму Филипповича по матери, но семейного счастья он лишился из-за бабы Дуни.

У Романовши, соседки и подружки Польки и Дуньки, мужа не было, и любой из четверых ее детей не мог похвастать своей

судьбой, очень жестоко обошедшейся с ними, а все потому, что их мать совершенно не обращала внимания на детей, делая людям только зло, проявляя необоснованную ненависть к живущим рядом людям.

Но вернемся снова в тридцатые годы.

— Ну, ты хоть один раз сказала Кузьме о выходках матери и его жены? — спрашивал Савелий.

— Может быть, они скоро сами образумятся, — отвечала Мария. — Зачем мне нужны их скандалы?

— Ну, тогда я сам устрою им веселую жизнь кнутом или дрынном. Мой брат ничего не сможет с ними сделать. Он своего ума в их мозги не вставит, и своей порядочности, и избивать свою жену не будет, потому что бесполезно, тем более, что скоро ему идти в Красную Армию служить, а там в училище, на красного командира учиться хочет¹.

Мария, несмотря на такое соседство, все же была довольна своим замужеством. Савелий никогда не поднимал на нее руки и не бил так часто, как другие. Сам сделал резные ставни на окна...

Рада она была, что соседкой ее оказалась Матрена Федоровна, внимательная и заботливая, будто не просто соседка и подруга, но даже ближе, чем сестра иной раз бывает. Дружили они очень крепко, семьями.

Ее дочь Таня очень любила соседей, и не проходило и дня, что бы не прибежала она к тете Марусе — проведать и в чем-то помочь ей. Вот и сейчас она примчалась, зная, что ее тетя Маруся скоро пойдет снова в родильный дом, и не могла дожидаться, когда у нее снова будет ребеночек, с которым она, Таня, станет гулять, будет купать его и укладывать спать с колыбельной песенкой.

В этот же день 1931 года она проводила тетю Марусю, и вскоре родился у нее сынок. Все обошлось благополучно.

«Теперь, — размышлял отец, — мы будем старательнее беречь своего сыночка, чтоб не заболел».

¹ Он магазин свой сдал в пользу государства, а сам «на бобах остался», как рассказывал автору дядя Григорий Филиппович Шепетько.

«Мне хотелось дочь — помощницу себе. Но что поделаешь, — думала, радуясь новорожденному сыну, Мария. — Главное, чтобы был он хорошим, внимательным человеком, чтобы потом слушался и учился хорошо»...

Когда подошло время, его понесли в Храм Господний, покрестили и дали ему имя Ванюшка. Рос и набирал он вес как положено. В девять месяцев, весной 1932 года, он пошел самостоятельно, а в полтора-два годика абсолютно всем интересовался, любил, как, наверное, все дети обо всем расспрашивать.

— А почему от солнышка жарко летом? А почему оно садится вон там за бугром, а не у нас? А почему баба Полька и Дунька похожи на Бабу Ягу? Одним словом, ни одного слова без «почему»...

Глава девятнадцатая

Человек в штатском...

Незадолго перед Октябрьской революцией вышла замуж в город Бахмут (ныне Артемовск) сестра Савелия Филипповича Меланья. Была она домохозяйкой, а жила с мастером сапожных дел Ковтуном Егором Парфеновичем в полном взаимопонимании, хотя была не очень-то чистоплотной.

В семье не без уroda, и о покойниках плохо не судят. Но тут-то ничего не поделаешь. Сам был свидетелем.

Бывало, идет она по комнате, и слышится следом: тра-та-та-та, кахы-кахы, кахы-кахы, кахы-кахы, кахы-кахы ...

А Егор, ее муж, сидит, шьет обувь и говорит, улыбаясь:

— От ек, клмн, где рот, а где жо... а делает-то, как будто не возможно различить одно от другого. Ты же сегодня еще не выходила на улицу? Так выйди и там выпусти своих голубей на волю, на свежий воздух...

Семья их состояла из пяти человек. Были у них сын Шурик и дочери Надежда и Мария. Жили они в собственном, построенном родителями Егора доме, но без них, по той простой причине, что те поначалу жили отдельно, а потом вообще эмигрировали в Германию.

Егор был специалист — от скуки на все руки. До сегодняшнего дня еще существует и действует кирпично-черепичный завод, владельцем которого был до 1917 года убежавший за границу господин Властелин Парфенович Минаев, один из ближайших родственников зятя Савелия — Егора Парфеновича Ковтуна. Корпуса цехов, печей обжига кирпича и черепицы теперь, конечно, усовершенствованы, но следы стен и арки минаевских времен оставлены. Ни трещин, ни осадок в фундаментах до сих пор не обнаружено.

Меланья, жена Егора Ковтуна, родила сына одновременно с Марией, как оказалось, и покрестив его в церкви, назвала его Васильком. Старшие, Надежда и Мария, нянчили его, игрались с ним, души в нем не чаяли.

Приходилось Егору изготавливать обувь также по спецзаказу Савелию и Марии, Наталье сестре своей жены и ее мужу Антону Бехтенко и другим родственникам. Не забывая свою тещу — бабу Польку, делал он сапоги хромовые скрипучие для Кузьмы и тапочки для Дуняхи и их детей, дабы на себя не накликал беды какой-то.

Ему было без разницы, кому делать обувь, лишь бы был материал, да деньги, для всех делал только по рыночной цене и не спешил, будь ты даже близким родственником.

Это некоторых обижало, но делать было нечего, так как «халтуры» он якобы не допускал, если не считать того, что из материалов заказчика он все равно выкраивал не только парусину, но и кожу для своих домочадцев, для себя и своей любовницы, о которой Меланья жаловалась невестке Марии, спрашивая совета у нее.

— Ну что мне делать с этой клятой потаскухой? До чего же наглая морда у нее, дак это ужас один, — утверждала Меланья. — Имеет ребенка, без мужа и без отчества, и всем говорит, что сын у нее от моего Егора. А однажды, — продолжала Меланья, — я не выдержала ее наглости и при встрече назвала ее проституткой против своей воли, но с той целью, чтоб она оскорбилась и отстала от моего.

— И что? Она обиделась на тебя? — спросила Мария.

— Да какой там! Нет, конечно! Она ответила мне: «Это ты проститутка! Я лишь один раз в месяц с ним бываю, а то и реже. Считаю это за огромное счастье, а ты, гадина, каждую ночь, и

вот уже с четвертым ходишь! А мне одного раза хватает на долго! Никакого неполноценного мне не надо! — кричала она. — Но если ты будешь донимать меня, то я отберу его у тебя — ты поняла? Вот еще один раз ты встретишься со мной вот так, и ты не дождешься своего Егора домой! Он нашего сыночка больше любит, чем вас всех, вместе взятых...»

Меланья умолкла ненадолго, но потом еще продолжала:

— Я убежала от нее без оглядки и больше не ищу с ней встречи.

Мария была ошеломлена рассказом своей кумы. Такого известия об измене кума, порядочного на первый взгляд семьянина, она никак не ожидала.

Она не признавала измены в любой форме.

— Ну а что говорит Егор об этом? Ты с ним на эту тему разговор заводила? — спросила удивленно Мария. — Парень этот уже большой? На кого похож?

— Был такой разговор, — отвечала Меланья. — Он не может отказаться или скрыть измену, потому что он «как две капли воды». Да, говорит, это мой сынок. Между твоими беременностями я к ней захаживал и согрешил однажды. И я, говорит, считаю своим долгом помогать и проведывать их, пока жив-здоров. «Так ведь у нас дети, — я ему. А он отвечает: — «Они и ты тоже, что, голодные сидите или разутые ходите? Я, говорит, не собираюсь вас бросать. Вы меня, очень крепко «захомутали». Вот так он мне ответил и тут же вышел из комнаты...

— Я ему, конечно, верю, — продолжала Меланья. — Но душа все же болит с тех пор, — а вдруг уйдет к той? Не хотелось бы терять отца наших детей. Да и годы наши теперь не те. Мы уже не молодые, а на детей нечего надеяться.

— Ну, а она хоть красивая на вид? — перебила Мария.

— О-о-ой! Да о чем ты спрашиваешь? Ни-и-и-и-како-окой красоты на лице нету! Вот тебе крест святой! Пускай я не красавица какая-нибудь, но она еще хуже меня, — чуть покраснев, рассказывала Меланья. — Задница у нее мужичья, курит, торгашка-кубышка! Нос «картошкой», губы «как трубы», глаза «как тормоза». Любит выпить вина и даже водку пьет, — как бы обрадовавшись вдруг своей неплохой памяти, говорила она. — Правда, грудь у нее, действительно, не срав-

нишь с моей. Егор мне сказал тогда: на одну ложусь головой, а второй сиськой укрываюсь и там наслаждаюсь их запахом. Представляешь, кума, что ему нравится? И какой там запах?!

— Но ты ведь тоже, по-моему, любишь выпить с Егором, — возразила Мария, потому что сама видела, как ее кума смаковала вино небольшими глотками с довольным выражением лица.

Было это четыре года назад, во время крестин. Сейчас же они уединились под предлогом помыть посуду да закуски еще приготовить в летней кухне, чтоб поговорить, обменяться своими женскими тайнами.

Савелий, Егор и Кузьма отдыхали по-своему во дворе, где был накрыт стол и еще много было выпивки и закуски. Гости соседи, а также родня порасходились по домам с песнями да частушками под баян, оставив их втроем: с сельской родней они не так часто встречались, как хотелось бы. И вот, приняв еще по рюмочке-другой, они все были навеселе, курили и рассказывали всякие истории, в том числе и анекдоты.

— Послушайте, ребята, — перебивая братьев, говорил хозяин Егор. — Сейчас я вам расскажу историю, которая произошла с моим кумом Сергеем Хрущевым, теперь уже покойным, кстати, помянем его душу грешную.

Налил всем, помянули.

— Так вот, — продолжал Егор. — Сергей застаёт свою жену в постели с любовником. Он вытаскивает из кобуры наган и целится в лоб соперника. Его жена заслоняет своим голым телом своего любовника и кричит: «Сергей, опомнись! Ты убьешь отца наших детей! Не делай этого, прошу тебя». От неожиданности Сергей оторопел, не зная, что предпринять, — продолжал Егор. — У него глаза округлились.

Кузьма, совсем охмелевший, а может, его отвлекали собственные мысли, решил уточнить:

— Наган? Из какой кобуры? И что? У нас нету ни-ничего та-такого — а где он взял наган?

— Дак ведь он был сам милиционером, — объяснил рассказчик. — Ходил с ним, с наганом, значит. Ну, а когда он услышал от жены, что их дети не от него, сам тут же это, как бы... застрелился, значит. До него вдруг дошло, что жена ему не верна все годы их совместной жизни, значит...

— Ну и ду-дурак, что себя по-порешил, а не их обоих, — отвечал Кузьма, приходя в себя. — А я вот знаю, и это точно, что ал-алкоголь, понимаешь ли, в малых дозах безвреден в любом кол-количестве! Да-давайте еще выпьем.

— А что? Еще хочется до-доба-авить? — спросил Егор.

— Ну-у ик, ну ко-конечно же, ик, что это за на-напасть, ик, что мы это, себе вреда не-не делаем, — с улыбкой копировал он кого-то, и можно было поверить, что он очень пьян.

— Кузьма! — прервал Савелий брата, абсолютно уверенный, что тот пьян. — Ты же совсем охмелел и не закусываешь. Этим самым себе вредишь постепенно, а не сразу. А нам еще ехать домой надо. Давай, закусывай хорошо.

— Бр-р-ратуха, не пе-пе-переживай за ик, за меня. Я сыт и совершенно трезвый. Сколько можно жевать? Хотите, я вам барыню заделаю в лучшем виде. Эх, жаль, что баян мы не за держали здесь. Наливай, Егор! Я хочу такой тост сказать, что за-заслушаетесь, а-а-апчхи. Pardon! Извините!

— Ну, хорошо, — ответил тот. — Кто хочет выпить, сам себе нальет. А у меня налито, и мы слушаем тебя.

Кузьма, поднявшись, наполнил граненые рюмки и, как бы совсем протрезвев, начал:

— Мне не довелось окончить кадетское училище Его Императорского Величества, не стал я офицером. И хорошо, что все документы были нами уничтожены.

Все фабрики и заводы теперь стали государственными, где руководят безграмотные большевики-рабочие, которые даже таблицы умножения не знают. Конечно, — продолжал он, — все стараются работать и учиться, а мы живем полной жизнью. Вот и пьем по чуть-чуть. Но с них толк будет, ребята! Попомните мое слово!

Среди рабочих есть такие умные да хитрые, что могут тебя запросто так обвести вокруг пальца, что даже не заметишь! — утверждал Кузьма. — Так давайте, ребята, выпьем за то, чтобы круглых болванов вообще не было среди нас. Пускай все учатся! Все мы теперь равные права имеем.

— Да брось ты про политику, Кузьма, надоело! — прервал брата Савелий. — Сейчас мы празднуем что-о-о? День рождения нашей сестры и племянницы! Вот и давайте за них выпьем, чтоб они были здоровы и счастливы! Кстати, а где это они все пропали?

Савелий, оглянувшись вокруг, хотел еще что-то сказать, но хозяин дома опередил:

— О каком счастье ты говоришь при Сталине, когда мы все дрожим день и ночь, чтоб не пришли за нами чекисты по любому доносу от кого угодно и не забрали бы. Когда-то наша семья действительно, была счастлива, и если бы не ...

— О чем вы тут спор завели? — перебила его подошедшая Меланья Филипповна...

За воротами у калитки остановился прохожий гражданин. Костюм был отутюжен, туфли «горели». Постояв, послушав немного и выбросив сигарету, задумался, а может, еще внимательнее прислушался.

— Да нет, нет. Мы не спорим, — отвечал с улыбкой Егор своей жене Меланье. — Мы просто ведем разговор о жизни нашей нынешней и о прошлой, для сравнения, значит.

— А вот о прошлой жизни разговор вести весьма и весьма опасно! — оборвал вошедший во двор человек в штатском. — Вас слышно далеко, и вы можете оказаться еще дальше, если будете продолжать так громко.

Все в недоумении переглянулись. Никто не приглашал этого человека, а он еще и советы осмелился давать. Значит, действительно, все слышал.

Кузьма подняв охмелевшую буйную голову и, всмотревшись в лицо незнакомца, вдруг вскочил с места и буквально выбежал из-за стола:

— Ба-а-а-тю-юшки-и мои! — воскликнул он. — Вы посмотрите-ка, кто к нам пожаловал в гости? Откуда? Почему один? Какими судьбами?

— Здравия желаю, — мужчина вдруг осекся, оглянулся вокруг.

— А я-то думал, что вы где-то далеко или высоко настолько, что не каждому грешному это дано. Знакомьтесь, это мой бывший...

— Стоп-стоп, — прервал Кузьму человек в штатском. — Ни каких рангов и званий! Я же сказал — это опасно. Везде есть чекисты и большевистские шпионы.

— А мне чего их бояться? Ведь я ничего такого...

— Тихо-тихо! Там разбираться не станут, а поставят к стенке, и все тут.

— Ну да ладно-ладно. Проходите к столу, гостем будете, — перебивая их, говорил хозяин, улыбаясь. — Тем более, что вы, оказывается, давно знакомы.

— Да-да, — поддержала Меланья. — Проходите к столу. — При этом она подумала: «Значит, он свой человек, хотя много старше нас». — Мне кажется, что я его где-то видела, — прошептала она мужу. Может быть, на фотографиях?

— Большое спасибо, гос... товарищи, — оглядываясь, отвечал он. — Здесь только свои родные? — спросил он хозяина. — Никого из посторонних?

— Нет, нет. Все разошлись. А мы вот допиваем, общаемся. Не так уж часто теперь мы встречаемся, как хотелось бы. Разрешите представить вам мою старшую сестру, виновницу этого торжества, Меланью Филипповну и ее мужа Егора Парфеновича, — показывая рукой, говорил Кузьма. — Моего старшего брата Савелия и его жену Марию Федотовну.

Человек в штатском, хотя видно было — по выправке не из гражданских лиц, быстро подошел к хозяйке и, поцеловав ручку, сказал:

— Очень рад с вами познакомиться, сударыня. Очень рад. Значит, вас можно поздравить с днем рождения? — улыбаясь, говорил он. — Поздравляю от всей души, сударыня.

Затем быстро подошел к Егору и Савелию, крепко пожав руки, и сказал:

— Очень приятно повидаться, хотя я многое о вас знаю по долгу службы и еще больше наслышан о вас...

Мужчины переглянулись в недоумении: откуда?..

И наконец, подойдя к Марии Федотовне и поцеловав ее руку, внимательно вглядываясь в лицо, сказал:

— Очень, очень приятно встретиться и еще раз познакомиться теперь и с вами, сударыня. Мы ведь знакомы с вами очень давно, не так ли? — пристально, в упор продолжая разглядывать Марию, допытывался человек в штатском, такой же стройный и подтянутый, как лет двадцать назад.

Женщине стало не по себе от его придиричливого внимания.

— Ну что вы? Зачем такие нежности? Присутствующие с любопытством смотрели на гостя, по возрасту он был старшего из них. «Кто же он сейчас? — размышляли они. — Наверно, птица очень высокого полета»...

Мария Федотовна, однако, вспомнила: будучи семи или восьмью летней девочкой, она была нянькой в богатой дворянской семье господина Минаева в городе Бахмуте. Тогда этот человек появился в красивой военной форме с крестами Георгия Победоносца на груди и с саблей. Он был тогда гораздо моложе, без седых волос на висках...

Она, Маша, слышала тогда, как этот человек спросил тогдашних ее хозяев, для него, может быть, родителей или родственников: «А почему эта девочка не в школе?»

Но вот какой ответ последовал, она не слыхала, потому что быстро ушла в детскую, где вдруг сильно заплакал хозяйский ребенок. Да-да! Это тот самый, вспомнила теперь женщина. Как быстро время пролетело...

— Маруся, кума, ну чего ты сидишь здесь одна? Чего задумалась? Пойдем в дом. Все давно вошли и тебя спрашивают. Особенно тот гость интересуется. Видно, что-то хотел спросить, а тебя нет.

— Да-да, конечно, пойдем, а то к вечеру что-то прохладно стало на улице. Ты иди к ним, а я сейчас зайду.

Сколько просидела одна, Мария и не заметила. Не обратила она внимания, когда хозяин дома громко сказал: «Милости просим всех в нашу горницу».

Нежелательно, решил тогда Егор, чтоб услышали посторонние уши, о чем говорят гости у него на празднике. Ему не стыдно было пригласить в дом человека в штатском, все стены были в коврах, хотя и не очень-то дорогих, но и не в нищенских. Детская комната была изолированная, посторонним войти туда было невозможно, так же как и в хозяйскую спальню.

В зале старинная красивая мебель, на полках книги, среди которых несколько томов Карла Маркса, Ленина и Сталина. Как объяснял иногда хозяин дома, ему особенно интересно читать толковые труды Маркса, его «Капитал».

— Пожалуйста, рассаживайтесь, господа! Будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях у обувных дел мастера, — с гордой улыбкой добавил хозяин.

Достав из шкафа хрустальные бокалы и стопки, он принялся разливать в них спиртное, а хозяйка суетилась с закусками.

— Ну что ж, господа! — заговорил с поднятым бокалом в руке «человек в штатском». — Поскольку вино уже налито, а у вас

тут дни рождения, разрешите мне поздравить прекрасных дам с этой замечательной датой и пожелать всего самого наилучшего в жизни!

— За именинников! — поддержали его мужчины.

Выпили и стали активно закусывать. Марии всегда нравилось наблюдать, как едят люди, но сама она ела мало, особенно сейчас — она опять была беременна.

Человека в штатском не узнал поначалу даже Егор Парфенович, который был ему родственником, старшим сыном господина Минаева. Виделся Егор с этим человеком лишь раз — в юные годы — на празднике в одном из имений на охоте под Святогорском.

«Очень хорошая тогда охота была, — вспоминал теперь Егор. — Были тогда балы и застолья, развлечения всякие. Верховые прогулки на лошадях были и охота на лося. Был он тогда очень бравым старшим офицером...»

Кузьма попал тогда, в кадетском корпусе, в небольшое число «любимчиков» человека в штатском перед началом революции. Выйдя в отставку из-за ранения кайзеровским солдатом, человек в штатском каким-то образом в 1918 году пролез в дипломатический корпус молодого Советского правительства, и время от времени ему приходилось менять лишь свою маску, выполняя задания Центральной Рады на Украине, рьяно защищавшей интересы помещиков и буржуазии, против мирной политики Советского правительства.

— Ну а что нам оставалось делать, если не вступать в этот ихний колхоз¹? — вскипел Савелий Филиппович. — Неоткуда никакой защиты и уверенности в завтрашнем дне! Даже намека не было ниоткуда, что сталинская власть ненадолго! Да вы и сами вон как дрожите перед каждым встречным или следом идущим, чтоб не заподозрили да не арестовали под старость лет у себя дома.

А вы в какой партии состоите, — допытывался далее Савелий Филиппович, — и кто ее интересно возглавляет?

— Это не важно! — парировал человек в штатском. — Есть еврейская коммунистическая партия в России. Есть меньше-

¹ Колхоз.

вики и эсеры, я офицер Его Императорского Величества в душе и с большевиками буду бороться до конца.

— Я, как член правительства при Троцком, знаю такие цифры, что вам и не снилось. Да! Они очень страшные. Есть данные, в период с 1919-го по 1930 год органами ВГК — ОГПУ было расстреляно около 2,5 млн так называемых большевиков, врагов народа, контрреволюционеров и саботажников. С 1930-го по 1940 год органами ОГПУ привлечено к уголовной ответственности и осуждено по ст. 38 УК РСФСР, 1 300 949 человек. Из общего числа осужденных и расстрелянных было 90 % еврейской национальности¹.

Человек в штатском называл эти цифры с какой-то внутренней радостью, явно имея душевное удовлетворение убрать из жизни явных, личных противников, помешавших прожить свою жизнь, совершив Октябрьскую революцию, а также ликвидировав, якобы, всю семью последнего Императора России Николая II. Но о том, что Романов — Николай II, сам оказался трусом или «Мякушкой», не мог додуматься. Также и о его брате Михаиле, выхавшем в Лондон..

— Скоро, Савелий Филиппович, вы убедитесь в том, что вы были не правы! Что зря поспешили. Пускай пройдет еще хоть даже пять лет, но крах Советам неизбежен, так же, как восход или закат солнца, — утверждал человек в штатском. — Запомните мои слова, ибо я точно знаю и ни-и-икто меня не сможет переубедить.

— Дурень думкою богатіе на кровати, а ты з рюмкой, брэшэш как шелудывый пес, — решил про себя Савелий.

Мужчины доказывали и убеждали друг друга не зная в чем, все были прилично «уставшие». Они вспоминали также прошлую жизнь для сравнения, но не ссорились, все же соблюдая какие-то нормы приличия и родства. А человек в штатском на спиртное сдерживал свой аппетит, стараясь доказать, что Адольф Гитлер уже пришел к власти в Германии. Он знал, что

¹ Карпов В. «Генералиссимус». Для подтверждения сказанному об еврейской партии ЕКП написал две книги Владимир Карпов. Кн. № 1. Г«Генералиссимус». М. : Вече, 2004. С. 346–349.

там фактически была большая безработица и голод и он «фюрер», ликвидировал всех коммунистов и евреев, установил фашистскую власть. Создав рабочие места в военной промышленности, он уже почти всей Европой овладел и на этом не остановится. Пытался человек в штатском уговорить своего лучшего курсанта к себе в помощники со всевозможными обещаниями. Но Кузьма Филиппович был своего склада ума и своим убеждениям он изменить не мог.

— Я люблю свой народ, — отвечал он в нервном напряжении. — И я не стану ему вредить! Тем более уничтожать в шахтах и где угодно! Люди наши не виноваты в том, что тоже хотят жить по-человечески. Не всем Богом дарован хороший ум и благородное образование. Но жить хорошо никому не запрещено, и к этому все стремятся, в соответствии своим возможностям и способностям...

Это лицо Кузьма видел на фотографии своей любимой Наденьки, назвавшей его однажды отцом, не жившим с ее маменькой «по неизвестной для нее причине». Однако Кузьме теперь стало жаль приятеля-наставника, что он так одинок и обозленный на всех. «Из ума, наверное, он выжил под старость лет», — решил он. Теперь тем более не хотелось признаться этому человеку, что он является уже давно дедушкой.

«Не видел, не узнал до сих пор, и пускай не узнает», — решил молча Кузьма, глядя ему прямо в глаза. Пускай катится отсюда колбасой или колесом.

«Человек в штатском», каковых было и есть немало (внуков и правнуков сегодня), очень немало сделали и делают сегодня вреда. Геноцид простому человеку так же, как было это в те тридцатые годы и последующие десятилетия двадцатого столетия, на что никто, никогда не обращал должного внимания. И в настоящее время — двадцать первого века смотрит власть предержавшая «сквозь пальцы». Недоумки всячески прижимают более талантливых или грамотнее себя людей, иногда даже физически их убирая со своего пути, преследуя лишь свою определенную (шкурную) цель, шагая по трупам.

Обогащаются всякие хапуги, только для своего брюха.

Глава двадцатая

Сорванец в летном шлеме

Судьба к Марии Федотовне была вполне благосклонна. Дни и месяцы летели очень быстро, и вот снова ей пришлось время рожать. Этот день, седьмое число, был дождливый и вообще какой-то неприятный. Северовосточный ветер портил всем настроение.

Урожай с приусадебных участков и огородов успели собрать до начала осенних дождей, и Мария Федотовна со спокойной душой отправилась в роддом, через дорогу, как раз вовремя, как выяснилось. Родилась на этот раз девочка долгожданная, о которой давно она мечтала, и теперь была особенно счастлива.

— Наконец-то будет теперь и у меня помощница, — любясь ею, думала двадцатичетырехлетняя мать, когда кормила, гуляла и укладывала спать с колыбельной песенкой свою кровинушку, свою надежную, как ей хотелось бы думать, помощницу.

Покрестив в церкви дочь и присвоив ей имя Таня, родители были довольны своей девочкой.

Набирала вес и росла девочка быстро, была подвижной, непоседливой, опережая своих ровесников. С самого детства она как-то отличалась своим развитием от других девчушек.

Подростая, общалась больше с мальчишками, поддерживая почему-то только с ними дружбу. Тане нравилось лазить по деревьям, старалась она забраться как можно выше, не уступала даже старшим ребятам. Даже Ванюшка не мог с нею соревноваться. Каждый раз карабкалась на соседнее дерево, напевая песенку про летчиков...

Конечно, бывало, падала, рвала платяшки или кофточки, но для нее все это были мелочи, которые она старалась скрыть от родителей. И вот однажды дядя Кузьма услышал от ее ровесников, что его племянницу кличут «летчицей».

— Надо племяннице шлем подарить, — решил он и через какое-то время правда сделал ей подарок. Уж где он его раскопал, неизвестно, но привез и преподнес шлем ей в день рождения.

— Чтоб голова была цела, — сказал он племяннице. Она конечно же очень обрадовалась этому подарку. А Мария Федо-

товна подумала: ну, теперь все деревья ее. И ниток надо побольше заготавливать, чтоб штопать все. Действительно, шлем воодушевил девочку на новые и новые подвиги, за которые иногда перепадало ей отцовским ремнем по мягкому месту. Иной раз и мать ставила в угол на колени, пока не попросит прощения, хотя очень редко можно было от нее дожидаться.

Ванюшка со своей сестренкой, конечно же, дружил, что было вполне естественно, так как воспитывали их родители, что должны они во всем помогать друг другу, хотя, не без того, и ссорились иногда. Но чтобы побить Таньку-«летчицу», это было бо-о-ольшой проблемой! Так бегать или убежать от кого-нибудь никто не мог.

Все дети в основном бегали летом босиком, за исключением маминых-папиных любимчиков или более зажиточных, но и тем не успевали покупать обувь — тапочки парусиновые. Отец, бывало, спрашивал шутя Марию — свою жену:

— И почему ты ее не мальчишкой родила?

На что их дочь, однажды случайно услышав это, ответила:

— Наверное, плохо старались. Я так слыхала от дядька...

— Ах ты, соплячка! Вот я тебе сейчас, — пригрозил отец.

А она как «захвостолупит» бежать — только пятки по заднице сверкают. Потом метров за пятнадцать — двадцать остановилась и, ухмыляясь, спросила:

— А что, папа, он был не прав?

— Ну, я тебе! — пригрозит он.

Она же, еще чуть дальше отбежав, опять:

— Ты хочешь сказать, что он был не прав?..

— Танька, — кричала мама Мария, — а ну, перестань сейчас же, бесстыжая! Вот придешь домой, я тебе покажу!

— А ничего ты мамочка не покажешь. Так все говорят...

Однажды летом пришла тетка Оксана, соседка к Марии с грудным ребенком. Вскоре он уснул, и она положила на кровать, прикрыв простынкой его ножки. Таня стояла рядом, внимательно наблюдала с удивленными глазенками.

«Почему это он сегодня не хочет со мной гулять как раньше», — подумала она. Тетка попросила приглядывать за сыном Таню, а сама пошла к ее маме Марии о чем-то поговорить. Девочка отвернув пеленку и простынку, увидела что-то «не вероятное», ахнула.

— Мама, мама! Глянь, у нас лежит ребенок хвостатый!

— Да что ты говоришь, Бог с тобой, — отвечали женщины. — Где хвост?.. Смеху было полон дом, а Таня обидевшись выбежала на улицу к подружкам... Слепив из глины «хвостатого», Таня положила папе в тарелку, а сама, растерявшись, не знала куда бежать от него.

Савелий поднялся из-за стола сердитый, сделал лишь шаг вперед, а она была уже под кроватью — в своем убежище. Она конечно, испугалась, тем более, что сзади стояла соседка тетка Оксана, кума Марии и ее муж и еще Матрена Федоровна, отрезавшие ей выход на улицу. Отец не стал вытаскивать дочь из-под кровати при людях...

В общем-то, они были очень дружны — отец и дочь, похожие друг на друга не только лицом, но и характером. И как бы ни старалась Мария Федотовна перевоспитать дочь, желая видеть ее паинькой, ничего не получалось.

Но, забегая на много лет вперед, надо отдать должное Татьяне, она никогда не пила и не курила. Некоторые ее подружки иногда «баловались винишком», а она всегда отказывалась наотрез. Всегда Таня оставалась сама собой, шаловливой плясуньей, веселой певуньей, находчивой девушкой. В любой ситуации, когда назревал скандал или так называемая «дуэль» между ребятами, не поделившими девчат, она всегда как-то всех мирила, отговаривала от драки.

Однако пока она была маленькой шалуньей и баловницей, ее мама, Мария Федотовна, очень переживала за каждую минуту ее жизни, чтоб шею себе не свернула, чтоб побыстрее повзрослела.

— И в кого она такая уродилась? Вроде бы таких и не было у нас в роду, — рассуждала Мария Федотовна...

Савелий Филиппович очень любил обоих детей. Всегда с ними играл, прощая все шалости дочери, а сынок был у них более серьезным. Но отцу двоих детей было мало. Хотелось еще сына и дочь. Только через три года после «летчицы» Мария Федотовна родила еще ребенка.

— И опять получилась дочь, — жаловался он Кузьме.

— Значит, плохо старался! — глядя на шалунью, вспомнил Кузьма рассказ брата. — И надо же такое придумать? Ха-ха-ха-ха... Как будто она понимает, что к чему.

Новорожденной девочке-куколке при крещении дали имя Александра.

Шура, по сравнению со старшей сестрой, росла более спокойной девочкой, уравновешенной. Никогда не болела и не простуживалась. Это родителей устраивало, они были довольны.

Как-то пришел к ним домой заведующий фермой и попросил Марию Федотовну принять свою группу коров или хотя бы чужую группу телят-молодняка.

Мария поначалу попыталась отказаться, но, услышав, как обращается замещавшая ее на время декретного отпуска доярка к ее коровам, согласилась выйти на работу. Оказалось, ее сменщица старалась фураж к себе домой отправить посредством сожителя-приймака, а на ее коров смотрела сквозь пальцы.

— Лишь бы домашние животные были сыты и давали молоко и сало, — рассуждала она со своим мужиком — «Зачухой»¹ Иваном Драным, сбежавшим от суда...

Председатель колхоза Назар Арсентьевич Вареня хотел ее под суд отдать, но пожалел детей и перевел в полеводческую бригаду.

Росли дети Марии и Савелия дома, пока в колхозе не организовали детский сад-ясли, в доме раскулаченного помещика Захара Даниловича Зинковского. Но как только стали туда водить и носить соседских детей, Ваня и Таня-«летчица», узнав, что там очень всем понравилось, им тоже туда захотелось. В садике было весело и шумно, не то что дома. Среди самодельных кукол, а так же деревянных автомобилей и лошадей, винтовок и шпаг запорожских казаков, они играли с большой охотой со всеми детьми, а также бегали в соседний сад или огород за урожаем. Ведь чужой всегда слаще и вкуснее своего, как казалось.

Через какое-то время Ваня и Таня стали забирать с собой Шуру, и Марии Федотовне стало легче по хозяйству управляться, за огородом своим следить — посадкой, прополкой и поливкой грядок, чем приходилось заниматься между трехразовой дойкой колхозных коров, конечно же вручную.

¹ «Зачуха» — заведующий чужим хозяйством.

С возрастом, Ваня, как самый старший сын в семье, помогал маме. Так как отец и мать работали в колхозе, они иногда брали навоз с фермы для удобрения собственной земли. Поэтому все росло на огороде очень хорошо, тем более что и с водой проблем не было — колодец был во дворе и питался отличными родниками.

— Главное, нужно своевременно прополоть, пропустить, полить растения вечерком, тогда урожай будет хорош. А если ничего этого не делать, то откуда все возьмется? — твердила детям мать.

Учеба в школе Ване давалась легко, так как еще лет с пяти-шести он умел читать, писать и считать, и директор Андрей Алексеевич Ткаченко, по прозвищу Узвар¹, ставил его в пример другим. Ваня, возгордившись, начал зазнаваться, не учить уроки, баловаться, вести себя вызывающе.

— Нельзя детей так расхваливать, — говорил самокритично с коллективом школы директор.

Родители тоже стали замечать изменения в учебе сына, а также в отношениях в семье и решили: «Кто-то на него очень дурно повлиял». Необходимо в присутствии Кузьмы, его любимого дяди, переговорить с ним и все выяснить.

Оказалось, как признался дяде мальчонка, не так давно зазвала его к себе домой бабушка Польшка. Он долго отказывался от угощения, но она была так настойчива и к тому же улыбалась по-особому ласково, что пришлось присесть за стол и съесть пару пирожков с картошкой, припивая каким-то странным компотом.

Ваня рассказал также, что его очень рвало в тот день, он даже потерял сознание в саду, а потом у него сильно кружилась голова.

Мария, выслушав сына, убедительно и твердо сказала: больше к ней ни шагу!..

Были у нее просвирки и кубики освященного хлеба из Храма Господня, хотя ей редко удавалось туда съездить из-за семейной занятости и постоянной, без выходных дней работы в колхозе. Мария Федотовна дала сыну просвирку, а Мат-

¹ Компот (укр.).

рена Федоровна принесла еще и освященной воды. Побрызгав на него, она дала мальчику попить. Прочитав молитву, мальчик тут же уснул. Проснувшись рано утром, он спросил:

— Мама, а почему бабушка Полька такая злая? Что я ей сделал? Почему она постоянно нас проклинает на улице и хохочет над нами так, как ржут кони норовистые?

Мария попыталась объяснить, что бабушка стала такой после смерти мужа, но мальчик возразил.

— Смерть дедушки Филиппа Власовича здесь ни при чем, — решил сам мальчишка после каких-то объяснений его мамы. — Зря ее все защищают. Мой двоюродный братик был покусан «псом поганим» только из-за нее, ненормальной...

По природе своей он был такой же, как дядя его Кузьма, способный и веселый. И никак не мог понять свою бабу-скандалистку, которая ежедневно к его мамке придиралась. Не один раз Ване хотелось защитить маму — забросать бабушку камнями или из рогатки поразить прямо в глаз, однако каждый раз у него получались промахи.

— Она, наверно, действительно колдунья, — размышлял он. — Вот в воробья попасть могу из рогатки, а в нее нет...

Приближался конец первой четверти и государственный праздник — двадцать третья годовщина Великого Октября. Ученикам раздавали табеля успеваемости.

Получил его и Ваня, ученик третьего класса. Родители, ознакомившись с табелем, остались довольны, но хвалить сильно не стали. Одет и обут ребенок был не хуже других, а из-за его успехов в школе всегда злились бабка Полька и ее сноха Дуняха. Они завидовали черной завистью. Их не устраивало, что их внук и племянник хорошо учится, дисциплинирован в школе, дома и на улице.

— Нэхай іщэ потешыцца Маруська своїм сыном! Всэ рiвно вона його потiряе, — шептались они.

Через неделю, когда закончились каникулы, Савелию Филипповичу понадобилось подрубить дровишек сухих для растопки печки. Мария была в доме, готовилась к приготовлению пищи, а он, нарубив во дворе дров для растопки, закурив папиросу, пошел за сарай. Возвратившись, он увидел приличного веса куски сала и мяса посреди двора совершенно чистые.

От неожиданности глаза у него округлились:

— Кто, когда и зачем подложил все это? Именно подложил аккуратно, за какую-то минуту-две, а не подбросил, иначе все это не было бы таким чистым. И что характерно: пес, кидавшийся на любого чужого человека, не подал никакого сигнала о приближении кого-либо из чужих.

«Надо сжечь немедленно в печке!» — решил он. Засунув дрова, бумагу, а сверху собранное во дворе «угощение», он поднес зажженную спичку. В топке вспыхнул огонь, будто все было облито бензином. Загудело в печке так, что волосы дыбом встали.

— Надо было на месте закопать, не дотрагиваясь руками, — сказала Матрена Федоровна, когда зашла попутно из магазина. — Здесь еще и соли много рассыпано. Не ходите здесь. По дождите. Я сейчас.

— Пускай на них все возвернется, чего они хотели, — сказала она чуть позже, обрызгав священной водой весь двор. — Надо бы батюшку привезти из города, чтоб он помолился, оградил вас от напастей...

— Была бы своя машина да деньги, а так кто сюда приедет... — ответила Мария Федотовна. — Бог им судья! «Бог видит, кто кого обидит, и воздаст по заслугам. Жаль, что в ответе будут их дети»...

Глава двадцать первая

Неожиданные гости на Троицу

Приближалась весна 1940 года.

Обильно выпавший снег быстро таял, превращаясь в большие и малые лужи, образуя ручейки и бурные ручьи. Нынешняя зима была морозная, но зато весна пришла ранняя. Раньше обычного прилетели скворцы из дальних краев в свои домики, которые смастерили пионеры и школьники с помощью старших. Сейчас уже давно почему-то этим мало кто занимается, быть может, даже вообще никто не мастерит и не устанавливает домики для птиц. А в те годы, всегда встреча-

ли прилет скворцов из теплых краев, готовились к этому событию регулярно, каждой весной праздновали птицы новоселье.

Их можно было видеть на крышах домов, на проводах и фруктовых деревьях, они насвистывали свои прекрасные серенады, а вскоре им стали подпевать соловушки, как бы соревнуясь друг с другом. Больше всего птиц было во фруктовых садах и в небольшом Клиновском лесу.

Нет никакой возможности описать переливы их мелодий. Как казалось всем слушателям Земли нашей, колена-куплеты ни единого разу не повторяются. Их можно слушать круглые сутки и наслаждаться, заодно запахами всяких цветов, которыми наградила нас природа.

Запаровала вся Донецкая земля, привлекая своих трудолюбивых землешцев-хозяев на благородный труд — сеять, сажать и заботиться о будущем урожае, который, несмотря ни на что, бывает непредсказуемым...

Матрена Федоровна, ее дочь Таня и Полина, Григория Филипповича жена, вдруг заметили, что Мария Федотовна ходит в положении, — как всегда в таких случаях, она особенно налегала на соленые огурцы.

Савелий Филиппович на этот раз знал, что где-то в июне — июле месяце будет пополнение в семье, наверняка, думал он, сыночек, как ему хотелось, как он «постарался».

«Наверняка через мою дочь — сорванца Танюшку еще продолжится наша фамилия, — как-то вдруг сорвалось у него с языка в беседе с братьями Кузьмой, Петром и Григорием. — Кто-то точно над ней постарается поработать, но, увы, не скоро. Возможно, я даже не дождусь от нее внука»...

— А что? — отвечал Савелий всем любопытным. — Я хочу иметь счастливую пятерочку, а не только себе замену. Места и хлеба всем хватит. Дети — наше будущее. Мы, — продолжал он, — не хуже всех живем, с любой стороны если взять. Поэтому хотим и стараемся жить лучше, чем вчера, чтоб ребятишек полон дом был...

Собрались все в праздничный воскресный день Троицы. В субботу перед этим, соблюдая традиции своих предков, устлали полы комнат чабрецом, мятой и прочей лесной и луговой травой, прикрепили к стенам комнат ветви лесных

деревьев — дуба, осины, тем самым украсив жилье и оживив в нем воздух, приготовились отмечать этот годовой праздник.

Снаружи дома, со двора, также обставили стены ветвями, что создавало праздничное настроение на несколько дней вперед. Правда, так делали не все жители, но таков был в те годы обычай на Донбассе. Сейчас, может быть, веток поменьше используют, но остальное все делается и соблюдается.

Семьи жили вполне благополучно, особенно если были трудолюбивы, работали, не жалея себя, в огородах и своих подсобных хозяйствах, содержа коров, свиней, курей, гусей и прочую живность. Урожай были тогда очень обильные, и крестьяне, даже отдав все — налоги тогда ведь и на каждую курицу-несушку ежемесячно или поквартально платили, — везли излишки на рынок продать, чтоб взамен что-то купить себе и детям своим.

— Вот так жили и наши семьи, не хуже других, и были довольны тем, что имели, — рассказывали позже Матрена Федоровна и Мария Федотовна, молодежи. — Конечно, тогда очень редко кто имел по несколько костюмов, пар обуви, платьев и шуб, но зато была дружба бескорыстная и взаимовыручка, — утверждали они. — И действия колдунов всяких как-то пресекали, наказывали. Люди ведь чем беднее живут, тем они дружнее между собой. И если руководитель предприятия, организации, колхоза или совхоза, а тем более государства нашего не «хапуга для своего брюха», а народ это сразу видит, такого человека почитали всегда, с этим не поспоришь.

Мария и Савелий переживали всегда за судьбы своих детей, чтобы чего-нибудь они не натворили и, не дай Бог, вдруг поссорившись, не подрались бы.

Они воспитывали их на своем примере, разъясняли, что в жизни хорошо, а что плохо, хотя и не смогли супруги получить образование, но жизнь их всему научила. Ссориться с кем-либо было очень опасно в то время, не только молодым, но и вполне взрослым. В газетах «Правда» и «Известия» часто появлялись статьи, прочитав которые, люди призадумывались: «А что ты лично сделал полезного для своего народа?»

Информация «О разоблачении чекистами врагов народа» вынуждала людей быть особенно осторожными в выражениях, во всех делах и поступках своих.

Как казалось большинству населения нашей страны, нужно было проявлять особую бдительность и обращать внимание на каждого человека, быть начеку в разговоре с соседом новым и с сотрудником на службе, на работе. Всем вроде бы хотелось разоблачить шпиона какого-нибудь, замаскировавшегося под дворника или работягу дворянина-эксплуататора, одним словом, подвиг совершить. Даже был такой лозунг: «В жизни всегда есть место подвигу». Так было.

Но жизнь не остановить, она шла своим чередом. И вот в семье Марии и Савелия отмечается большой праздник рождение сына.

— Как вы этого назвали? — допытывались гости.

— Толиком, — ответил хозяин. — Но попрошу не спешить. Сейчас Маруся покормит ребенка, и тогда сядем за стол на свежем воздухе, как положено, выпьем и закусим.

— Кум! Ну, а песни петь будем? — вдруг появились у порога калитки, перебивая разговоры братьев, соседи — Демид Афанасьевич Безмин и Павел Бойко.

— Ну конечно же споем, с этим нет проблем.

— Ой, скорее бы! — воскликнула подошедшая следом за Демидом его жена Оксана, большая любительница компаний. — То был голод, в тридцать третьем, то болезни всякие одолевали. Мы так давно не собирались вместе, как будто целая вечность прошла мимо нас, — пожаловалась она. Действительно, она перед этим сильно болела и сейчас еще не совсем была здорова. — А теперь вот только жить бы да жить, но что-то сны мне иногда очень плохие снятся. Как будто перед какой-то бедой неслыханной, небывалой бедой какой. Чует мое сердце, что что-то неладное должно с нами со всеми произойти, ни через месяц, так через год, не больше. Но она, беда, не обойдет нас стороной. Одним словом, и жить-то по-настоящему нам некогда.

— Да хватит тебе предсказывать! Лучше иди сюда да помоги мне стол накрыть. Потом сядем и будем вместе праздновать, вино-водку пить и закусывать чем Бог послал, — сказала вышедшая к гостям Мария Федотовна.

Тут же подошли еще две женщины — кума, Бойчиха Настасья, Павла Бойко жена и Матрена Федоровна, а ее дочь Таня уже убаюкивала новорожденного, прибежав гораздо раньше. Савелий послал Ванюшку за Степаном Ивановичем, хозяином мельницы, и дядькой Михеем.

— Пускай с женами придут, — сказал он. — Посидим трошки, отдохнем.

Пришел также Кузьма без жены, которую бесило все, что происходило на отделившейся усадьбе.

— А почему один? И без мамки? — спросил Григорий своего брата.

— Да не хотят они, — отвечал он.

— Ну и пускай сидят в своих четырех стенах! Не любят они праздники отмечать. Да и из нас никого не любят.

Все принесли с собой выпивку и закуску какую-то, но наблюдавшие из окна своего дома за появлением гостей, Полька и Евдокия рассуждали по-своему:

— А як жэ! Воны в достатках жывуть! Ось і ршылы всю вульцу угощать, кормыты та поіть, — ворчала Полька, оглядываясь на свою любимую невестушку Дуню.

— Трудно увэжиць, жэ,¹ они свое приносят всегда. Никогда не поверю... Не могэ ф то увезыць², — ворчала она, шагая из угла в угол.

— Мамо, ну чого цэ вы опять нэ по нашому балакаэтэ? Скількы разів, я просыла, надоіло вжэ, — прошипела Дунька.

— Не лезь не в свое дело! Пильнуй своего носа! Идзь до дьябла. Иди к черту. Спадай³! — завопила в ответ свекровь Полька, и, поднявшись, она снова зашагала по комнате взад-вперед.

Тут-то Дуняха, испугавшись не на шутку, заревела:

— Мамо, та чого цэ вы так разсэрдылысь на мэнэ. Я ж нычого на вас нэ кажу. А тількы кажу що воны там жырують, усых сусідів кормлють і поють, а самі з заплатками ходють...

¹ Трудно поверить, что (польск.).

² Не могу этому поверить (польск.).

³ Убирайся (польск.).

Из-за поворота на улицу от Ковалив повернула тачанка, запряженная тройкой выездных лошадей с колокольчиками. На ней сидели по-праздничному одетые молодые люди, развеселые, жизнерадостные. Они пели под гармошку песни, махали руками, как-будто вот-вот соскочат и бросятся в пляс. Ковали, Веричи, Варени, Шкандальни, соседи Савелия с Марией, повыходили за ворота еще раньше, когда услышали гармошку приближающихся к селу, — гостей посмотреть, да и себя показать.

Детишки побежали следом, но, оказалось, не далеко. Тачанка с экипажем и пассажирами вскоре остановилась возле Шепетькивской усадьбы, где гости с хозяином уже успели выпить и закусить, кто по рюмке, а кто-то и по две. Следом за этой веселой компанией, почти галопом неслись два всадника — военные, один, точно, командир, а второй — его ординарец.

Под ними были хорошие рысаки, а всадники смотрелись очень внушительно и солидно. Были они оба вооружены и одеты в соответствии со званиями.

Ребята также побежали следом за всадниками, любуясь лошадьми, сбруей, восхищаясь, как сидят на них военные — командир с шашкой на боку и с наганом, а красноармеец с винтовкой через плечо. Остановив лошадей у тачанки, которую тут же окружили гости Савелия, военные спешились.

— Здравия желаем! — сказали они.

Ординарец, взяв обеих лошадей за уздечки, стоял, добродушно улыбаясь. Солдату было неизвестно, к кому они так спешили.

Пользуясь случаем, ему хотелось бы познакомиться с молодой девушкой для общения. Но увы! В этой компании он увидел только семейных, гораздо старше его по возрасту людей. «Не повезло мне», — подумал он.

А офицер между тем узнал молодую, только что подъехавшую особу и тут же быстро подошел к ней и ее спутнику.

— Вы, наверное, Наталья Филипповна? — спросил военный.

— Да-а-а, — ответила она, с удивлением оглянувшись. — А что случилось? Я Наталья Филипповна Бехтенко. Боже ты мой! — тут же воскликнула она. — Ну, конечно же, я Наталья, дорогой наш дядюшка. Где же вы пропадали так долго? — спросила женщина.

— Неужели долго? А мне казалось, что я не так давно побывал у вас. Но оказывается, вы все успели вырасти и даже обзавестись семьями... Вон ты какая красавица стала! Просто не узнать, — весело говорил неожиданный гость. Обняв, он поцеловал ее трижды в щеки.

Затем поздоровался с ее спутником, мужем Антоном и рядом стоявшими мужчинами, обменявшись с ними крепкими рукопожатиями. Военный внимательно, с доброжелательной улыбкой разглядывал всех присутствующих, пытаясь быстрее опознать племянников. А те с любопытством разглядывали гостя и шептались между собой: эх, мол, какой хороший дядько.

— Кто ж це можа бути, такий представительный? Завжды я дужэ любыла военных офицерів, — повторила Настасья Бойчиха. — Звідкы¹ Павло взявся на мою голову?

— Да разве ты сама не видишь? — отвечала соседка. — Они же как две капли воды! Вспомни дедушку покойного Филиппа Власовича. Это же его копия.

Павел Бойко со злостью посмотрел на военного, а затем на его ординарца и подумал: «Так ось, хто такі оці воєнні! Замаскірувальсь? Нэ зря ж покійный сусід кудысь часто ездыв, і якось-то пророныв нэ однэ слово не по-нашенскі, — не по українскі, а біс його знае на яковском языці».

— Здравия всем желаю и с праздником всех вас! — с улыбкой повторил приветствие военный.

— Здравствуйте, здравствуйте! — отвечали ему родственники, не веря своим глазам, думая, что это сон. — Такого, мы щэ не бачілы.

Перед гостями Савелия стоял высокий, широкоплечий, крепкого телосложения, но не молодой, с проседью на висках, боевой офицер с петлицами командира пролетарской Красной Армии.

К сожалению, никто не обратил внимания, что именно было на петлицах военного гостя — какие знаки различия, «шпалы» или «треугольники».

¹ Откуда.

Савелий, явно не ожидавший такого визита, всмотревшись в лицо военного, воскликнул:

— Какими судьбами, дорогой дядюшка? С каких краев вы к нам пожаловали?

— Вот почти попутно, — отвечал он. — Мне просто повезло, удалось навестить вас.

Они крепко, по-мужски обнялись и поцеловались. На лицах засверкали счастливые улыбки. Затем подошли Ефим, Григорий и Кузьма. Они, обменявшись крепкими рукопожатиями, как-то застенчиво улыбались, о чем-то шептались. Интересно было познакомиться и соседям с военным человеком, неожиданно навестившим родню.

Осенью 1918 года Даниил Власович заезжал к старшему брату Филиппу на очень короткое время. Все тогда получилось так.

Были дома при родителях и еще не спали лишь двое детей, Наталья и Савелий, а младший Кузьма уже видел сны в дальней детской комнате.

На улице совсем стемнело. Филипп Власович с женой, поужинав, собирались ложиться спать, намаявшись за день. Где-то за селом послышались выстрелы и топот лошадей.

— Опять за кем-то погоня! А наших детей до сих пор нету дома, — заворчала мать Полька. — Где можно гулять допоздна? Хотя бы один раз наказал своим детям, мол, не гуляйте, не болтайте, где попало. Вон какое беспокойное опять время настало.

— Ничего не случится, не волнуйся, — успокоил жену Филипп Власович.

Шум быстро приближался к их дому. Филиппом Власовичем овладело чувство обеспокоенности — и не только из-за гуляющих где-то детей он вдруг заволновался.

Вдруг в окно тихо постучались. Хозяева замерли. Стук повторился чуть сильнее. В комнате было темно, а на улице светила яркая луна. Потом залаяли собаки, Филипп Власович riskнул отодвинуть занавеску, посмотреть, кто за окном. Выглянул и... ахнул.

— О Боже мой! Откуда...

Это был его младший брат, видимо, с товарищем. Не виделись они лет пятнадцать. Когда Филипп Власович в последний раз побывал в гостях у родителей в Шепетовке, не застал его.

Его юный брат по поручению отца уехал из имения. Сейчас племянник Савелий вспомнил неожиданную встречу с ночными гостями. Они с сестрой как раз вернулись домой и увидели, как родители сидят за столом с незнакомыми военными.

Родитель Филипп Власович тут же потребовал, чтобы дети немедленно шли в свои комнаты. Но молодых людей невозможно было уложить. Когда они познакомились с дядей, которого ранее никогда не видели, родители все же отослали их из комнаты.

У юных Шепитько было не мало родных братьев и сестер, моложе и гораздо старше их по возрасту, а дяди и тети жили где-то далеко. И все они были штатские, кроме этого ночного гостя.

А тогда, переодевшись, перекусив и заменив лошадей, гости ускакали. Тут же отец сказал очень серьезно: «Никому ни слова о них». Больше разговор об этом родственнике ни разу не возникал.

Теперь дети Савелия и Марии посматривали со стороны, как их родители встречают незнакомого человека. Ване очень хотелось сейчас прикоснуться хоть одним пальчиком к настоящему оружию. Ребятишки его возраста и постарше часто играли «в вояжки», размахивая деревянными винтовками и громко озвучивая выстрелы: «Трах, Васька, бах, Колька! Я вас ужэ побачив и поубывав». А здесь ведь настоящее оружие. Но как прикоснуться к нему, мальчишка не знал, потому стоял, с завистью разглядывая наган и шашку, и мечтал: «Когда я вырасту, тоже буду иметь оружие. Я тоже буду красным командиром».

— Вот мой самый старшенький, — представил сына Савелий Филиппович. — Ваня, сынок, подойди сюда, познакомься со своим дедушкой, — улыбаясь, говорил он.

— Мой дедушка Филя помер, — отвечал Ваня, топчась на месте в нерешительности. — Я же видел его фотографию. Он был очень хорошим дедушкой, — добавил он.

— А этот дядя — дедушке Филе брат родной, — пояснил отец. — А это значит, что он всем вам тоже доводится родным дедушкой. Подойди, сынок, не стесняйся.

— А почему вы ни разу не приезжали к нам? Вы, наверное, далеко от нас живете, да? — поинтересовался осмелевший мальчишка.

— Да, дорогой мой внучек, далековато. К сожалению, и сейчас буду гостить недолго. Меня ждут мои товарищи. А теперь давай знакомиться. Тебя, значит, Ванюшкой зовут?

— Да-а, — ответил мальчишка. — Вам же папа сказал.

— А меня — дедушка Даня. Я командир полка Красной Армии. Вот тебе мой подарок.

Гость полез в карман и, что-то оттуда достав, отдал мальчишке. А затем, оправдываясь, сказал:

— Я и не подумал, что у меня тут внуки есть. Да, честно говоря, и некогда мне было останавливаться у магазинов. Эти походы и боевые действия то в Прибалтике, то в западной части Украины меня измотали. И не только меня одного, — добавил он, снова вынимая руку из кармана. — Закуривайте, товарищи, кто курит, — раскрыв позолоченный портсигар с папиросами, сказал с улыбкой военный.

Мужчины с удовольствием взяли по папиросе, поблагодарив гостя. А Павло Бойко, когда прикурил от Савельевой спички, сильно закашлялся и тут же ее выбросил.

— Кум, ты ж нэ курыв ніколы! Тількы спортыв таку гарну попыросу. Сам нэ гам і другому нэ дам, якто кажуть.

— Так захотілося мэнi, шоп мужыком запахло від мэнэ. А то моя жінка кажэ, шо від мэнэ борщем нэсэ всэ врэмя. Ха-ха-ха-ха. А сама дажэ нэ знае, откуда мужськый запах повинэн ісходьць. Ха-ха-ха-ха-ха. Того міста вона ніколы нэ нюхае. І щэ кажэ, шо курять тількы больні! Ха-ха-ха-ха. А я, як вы всі бачітэ, щэ пока нэ больный, апетіт щэ есть, на всіх хватэ нэ тількы сылы, ну і здорovia тэж. Можэ хочэтэ поборотысь зі мною? — засмеялся он язвительно. — От вы всі для чого курытэ? — продолжал Бойко. — Щоп казатысь взрослымы, самостійнымы? А самі того нэ разуміетэ, шо самі собі горэ наживаетэ, болячок різних, та нэщячок.

Даниил Власович посмотрел на Павла с явным неодобрением. Постучав мундштуком папиросы о портсигар, он прикурил и дал огня другим.

— Если заботиться только о своем лично животе, а не о Родине своей и о своем народе, то грош вам цена в базарный день, — последовал ответ военного человека. — А вы хоть знаете, что в мире творится сегодня? Сколько погибло людей?

Тут же военный замолчал. Видно было, что этот человек действительно очень устал с дороги, неизвестно, сколько верст проскакавши верхом на лошади со своим ординарцем. Кроме Прибалтики и западной части Украины его полк участвовал также в финской компании...

— Не мало погибло там товарищей по оружию, — рассказывал он своим родственникам и соседям покойного брата. — Раненые южане молодые просто замерзли на поле боя. Тогда ведь были очень сильные морозы. Хотя мы и выиграли эту кампанию, но с огромными потерями. Дай Бог, чтоб этот горький опыт был учтен нашим высшим командованием и лично товарищем Сталиным. Тем более, — продолжал он, — что впереди нас ожидают большие испытания на прочность наших вооруженных сил...

Даниил Власович вдруг замолчал: «Возможно, зря я сказал об испытаниях и о Сталине. Что-то этот «обжора-кум» мне не нравится», — размышлял он, поглядывая на Павла Бойко. А тот сидел за чужим столом толстый, жирный и самодовольный, уплетая все, до чего мог дотянуться.

— Ох и проголодався я, як ніколи, — сказал он жене, уходя из гостей. — Пішли, Настю, до дому. Там борщ та сало щэ есть...

— Он способен на любое злодейство против всех, кто сегодня рядом с ним пьет и закусывает, — сказал Даниил Власович Савелию и Григорию. — Нету у него ни совести, ни чести! Это было, — четко определил он.

Даниил Власович знал, что говорил. Его пронзительный взгляд не раз приводил стоявших перед ним людей в трепет. Опыт этого кадрового офицера Красной Армии, служившего какое-то время в военной контрразведке, позволял ему безошибочно судить о человеке после общения с ним в течение нескольких минут. Забегая вперед, можно сказать, что его мнение о Павле Бойко полностью подтвердилось чуть позже, в самые трудные времена...

— Если бы я смог быть участником Декабрьского офицерского восстания против самодержца российского, то я бы с удовольствием встал бы в их ряды. Такого позорного поражения, возможно, и не произошло бы. Но увы, не суждено мне было стать декабристом, — рассуждал Даниил Власович, — слишком поздно я появился на свет. Но русская земля произвела на свет

умнейшего человека — Ленина. Он предложил другой путь борьбы.

Когда я был молод, уже многие предвидели крушение Российской империи. Но в 1905 году, — говорил он, — тоже была допущена грубейшая ошибка. Не нужно было спешить с восстанием. Надо было активнее проводить пропаганду и агитацию среди всех людей, особенно в рядах армии и флота российского. Тогда не было бы кровавого воскресенья и других страшных жертв нашего народа.

Когда случились Февральская, а затем и Октябрьская революции, потомственный дворянин Даниил Власович оказался одним из первых офицеров, кто принял всем сердцем сторону неимущих. Белая Армия, отступая, уходила за границу, чтобы накопить сил для разгрома молодого Советского государства. Рискуя расстаться с жизнью, Даниил Власович заявил в очень ответственный момент, когда они были вблизи границы:

— *Предавать свой народ я не стану! Здесь я родился, здесь моя родина. Я не пойду с вами за кордон, в неизвестность. Я остаюсь здесь, дома!*

— *Это предательство, господа! — выхватив револьвер из кобуры, закричал старший офицер. — Что же вы на него смотрите? Арестуйте его немедленно!*

Раздался выстрел, второй, третий. Рядом находившийся товарищ Даниила Власовича тут же пристрелил старшего офицера. Поднялась паника, началась перестрелка. Но вскоре все утихло. Вскочив на лошадей, оставшиеся в живых ускакали обратно, оставив убитых и раненых. Остался также тяжело раненный граф Шепетько.

Даниил Власович выжил чудом. Его выходила влюбленная в него женщина. Так он остался дома, в России. У него родились сын и дочь. Встав на ноги после тяжелых ранений, он вступил в ряды Красной Армии под фамилией Шепетько. Вскоре новые товарищи оценили его смекалку и находчивость, проявленные при боевых действиях с остатками белогвардейских бандформирований.

Так он дослужился до должности командира кавалерийского эскадрона с последующими повышениями после некоторых так называемых нынче сталинских чисток и репрессий. Фактически, это были не сталинские (зачем Бога гневить неправдой), это были репрессии, инициированные западными разведцентрами и направленные на то, чтобы все-таки сломить хребет Красной Армии,

уничтожить большевизм. Молодое Советское государство оставалось бельмом на глазу для капиталистов, не только выходцев из России, но также из Украины и других республик СССР.

В то время, на рубеже 40х годов, об этом никто не задумывался серьезно, так же как о характерных для, нашего дня полная приватизация и развал организаций, колхозов-миллионеров и совхозов, Советской Армии и Военно-Морского Флота, всего военно-промышленного комплекса. Никто не думает, что все отделившиеся от России республики, великого, могучего Советского Союза, взяты под прицел странами НАТО.

Люди читают всякие частные газеты-сплетницы, верят выдумкам, а также частным радиостанциям и частным прозападным каналам, которые клеветят на всех и вся, организовав несколько десятков партий и движений против народа-труженика, народа-созидателя, против всех нынешних и будущих поколений с целью овладения нашей территорией...

Раньше исполнителем воли этих спецслужб был Лаврентий Берия, он и решал, расстрелять или посадить человека в тюрьму на десять лет за десять колосков пшеницы, собранных в поле после уборки. А теперь, все это воспроизводится по заказу тех, в основном, у кого есть миллионы долларов и миллиарды рублей. Откуда в России миллиардеры?

И в большинстве случаев, заказчики остаются неуловимыми, потому что золото, деньги не Бог — но милуют тех, у кого они есть...

Даниил Власович оставался самим собой до конца. Он был очень человечным, честным и откровенным. И всякий раз, когда его комиссар предлагал ему вступить в ряды ВКПБ, всегда отвечал:

— Я еще пока не заслужил столь великой чести — быть в рядах большевиков. Я честно и добросовестно выполняю свой профессиональный воинский долг, и этим я горжусь.

— Но вы слышали, что говорит Политбюро ЦК ВКПБ и лично товарищ Сталин? «Кто не с нами, тот против нас...» — Я за свой народ! — отвечал он своему дотошному комиссару. — А это значит, что я в душе такой же большевик, но только без билета.

«Черные тучи» все сгущались над головой Даниила Власовича, но он никакого внимания на них не обращал. Он слишком часто откровенно высказывал свои мысли. Вот и теперь, будучи в гостях у племянников, пообщался не только с ними, а

и со всеми гостями — соседями и родственниками, не утаив своих личных убеждений о реальной возможности нападения на Советский Союз гитлеровских войск. Наутро в дом ворвались неизвестные люди и арестовали его.

«Удачный момент. Хорошо разработан и осуществлен. Никто его больше не увидит и не узнает о нем ничего». Вот таким образом или способом пришел черед и красного командира Даниила Власовича Шепитько стать жертвой якобы «сталинских» репрессий.

Ординарец был убит на месте ножом или штыком в спину на сеновале, где он ночевал, а затем тайком был похоронен в неизвестной могиле без креста и звезды...

*Ординарец-боец, ты нам тайну поведай:
Кто? За что тебя жизни лишил?
Ты в атаку ходил, ты вернулся с победой,
Все походы ты здесь завершил.
Ни дороги к тебе, ни тропинки,
Нет совсем ни звезды, ни креста,
Только ветер склоняет барвинки
Да слезой омывает роса.
А зимой плачут горе-синички
Над солдатом совсем молодым.
И печалится сердце старушки:
Стал бы дедом теперь его сын...*

Успел парень показать старшему сыну Савелия Филипповича, Ванюшке свое оружие и фотографию матери. Изрядно уставший солдат тут же крепко уснул, чем и смогли воспользоваться головорезы.

Возможно ли, что кто-то из близких соседей — гостей Савелия Филипповича и Марии Федотовны смог предать командира полка Красной Армии? За что? За его размышления о нападении Германии, возможном даже после заключения «Пакта о ненападении Германии на СССР на 10 лет»?

Его родственники строили всякие догадки, размышляли так и этак, высказывали предположение, кто мог предать Даниила Власовича один из гостей — земляк, кум Савелия, Павел Бойко. Однако не исключали возможности, что за военным следили и использовали возможность незаметно убрать талантливого военачальника, патриота Родины своей.

Во все времена, прошлого и позапрошлого столетия, главы Государства Российского старались сплотить народы всех на-

циональностей в одну единую семью, для защиты Отечества, в случае агрессии извне. Этого же принципа придерживались также первые руководители молодого Советского государства и лично И.В. Сталин, перед началом ВОВ¹.

И все же он сумел как можно на дольше оттянуть нападение гитлеровских войск на СССР путем заключения «Пакта о ненападении», переговоров, и это ему удавалось, благодаря его политической дальновидности и таланта. После захвата Гитлером Польши в 1939 г., еще два года наша страна могла укреплять экономику, вооружаться, была реальная возможность Англии для защиты своего государства и колоний, выступить против германского фашизма, открыв второй фронт. Но Гитлер это понял и перебросил свои войска на Западный фронт. Из Польши, против Франции и других стран Европы, чтобы убавлять бдительность Советского правительства и лично товарища И.В. Сталина², который почему-то верил в порядочность Гитлера, что он не пойдет против России и, боясь малейшей провокации на этот счет, не верил ни перебежчикам, ни разведчикам.

Глава двадцать вторая

Испытания на прочность

Приближалось время восхода солнца в июне 1941 года. Занималась заря.

Вокруг пели полевые птички, перекликались суслики. Вот солнце начало подниматься — огромное, красное, и птички еще дружнее запели свои серенады. Где-то далеко на западе земляматушка не меньше уже трех часов стонала, чего раньше никогда никто не замечал.

— Что там за звуки, даже сюда доносятся? — размышлял Савелий Филиппович, он провел эту ночь в степи на пастби-

¹ Карпов В. Генералиссимус. — М: Вече, 2004.

² Там же.

ще. — Почему стонет наша Земля? Не может быть, чтоб началась война, — сам себя успокаивал он. — Может быть, в карьерах камень взрывают для строительства?

Надев всем лошадям на передние ноги путы, он выпустил их на пастбище, напился молока домашнего с испеченным женой пышным хлебом.

Набив трубку табаком, собрался прикурить и вдруг увидел, что к нему галопом скачет всадник, машет отчаянно руками и кричит. Голоса не слышно, но было ясно, что спешит к нему человек неспроста, с каким-то, видно, срочным известием.

— Вот дурень, — подумал конюх, — загонит зажеребленную молодую кобылу. Что за безмозглый мужик? Он что, ошалел или пьяный вдрызг?

— Собирай лошадей и в село! — наконец-то услышал он. — Во-о-о-ойна-а! — кричал Дмитрий Дунаев, приближаясь. Повторил: — Во-о-о-ойна-а, слышишь, Савелий?! Срочно надо сниматься, иначе каюк нам всем!

Лошади всполошились, а Савелий на миг растерялся. Снова почувствовал стон земли, вспомнил слова дяди Даниила Влазовича и того «человека в штатском», хотя прошло с их встречи много времени.

— Неужели они были правы, что у Гитлера аппетит «волчий»? Что он не остановится на одной Европе?

— Тэпэр всэ рівно мы всі погыбнэмо! Всэ рівно всых конэй воны у нас отбэруть, а нас в росход...

— Перестань паниковать! Надо в военкомат бежать или за ружье браться, если не дадут нам винтовки! — отвечал возбужденный Савелий.

«Может быть, их где-то остановят?.. Наверное, есть еще у нас профессионалы...» — думал он.

Продолжала стонать земля, это вдали бомбили Киев. Савелий теперь понял, что не зря у него все время душа как-то ныла, уже не один месяц с тоской глядел он на детей. Он чувствовал, вероятно, что не успеет вдоволь пожить с ними, любуясь их красотой, здоровьем и молодым задором. И не дожидаться ему внуков, милых да счастливых.

Не успели они вдвоем поснимать путы с лошадей, как прискакали верхом председатель колхоза с представителем

из райцентра или области, уполномоченным советской властью.

— Савелий Филиппович, соберите срочно всех своих помощников и гоните табун на восток! Срочно гоните! — велел Назар Арсентьевич, председатель.

— Так ведь...

— Никаких возражений не должно быть! Это приказ, и причем сверху! Так что к обеду, или не далее как к вечеру, необходимо всем собраться — и в путь...

— А разве нас не призовут в Красную Армию, чтоб остановить немцев? Мы бы смогли с ними повоевать. Ведь мы еще молодые. Только сорок исполнилось, а другие еще моложе.

— Об этом никаких разговоров быть не может! Их остановят без вас! Это приказ, и его немедленно надо выполнять! Нельзя допустить, чтоб наши животные попали в руки этих ублюдков! — добавил уполномоченный с очень серьезным выражением на лице. — Иначе припишем саботаж и в расход пустим!..

Пригнав лошадей на колхозный двор к конюшне и загнав в изгородь — базок, старший конюх направился собирать помощников.

Вначале зашел к куму Петру Михайловичу, затем к Павлу Бойко, у которого уже сидел Дунаев, прибежавший, будто на праздник в гости.

— А-а-а-а, кум, заходи, заходи, гостем будешь, — с какой-то улыбкой говорил хозяин. — Проходи і прысаживайся до столу. Давай-ка, кум, выпьем за-а-а тэ, щоб выжить в этой страшной войне, хотя вона до нас іще нэ докотылась. Но дужэ скоро і быстро вони того...

Вдруг он запнулся и, подумав, продолжил с ехидной улыбкой:

— А откуда знав твій бывший дядько Данько, що, війна, будэ? Я по-о-о-мню, що він розказував нам год назад.

Казалось, он развеселился от одного воспоминания. Даже улыбка его стала шире.

— Дэ він тэпэр? Шо нэбудь ізвестно про нього? — попытался, гаденько улыбаясь, Павло Бойко.

— Почему бывшего? — возмутился Савелий. — Это что за выражение? Дядя был и остался дядей на всю жизнь, — возра-

зил он. — А знал он обо всем потому, что не последним человеком в Красной Армии, он имеет высшее военное образование и разбирается в политике. Вы же слышали, какая у него должность? Где он сейчас, я не знаю, а выпивать и праздновать нам некогда. Приказ об эвакуации ты слышал, и Дмитрий тоже. Это очень, очень серьезно, — добавил он.

Лицо Савелия сморщилось, а левая щека заметно задергалась, чего раньше они не замечали. Сейчас же улыбки вдруг исчезли с их лиц:

— Ты посмотри, какой патриот отыскался. Не ожидали мы такого. — Шепнул один другому...

— Это не выдумки! Это война настоящая, — продолжал убеждать Савелий Филиппович. — Вы ведь тоже чувствуете, как вздрагивает наша Земля?

...«Хм-м, почему нисколько не волнует начало огромной беды для всего нашего народа? — подумал он, закуривая. — Они что, не понимают, что значит война? Выходит, что они довольны? И готовы встретить с хлебом-солью кого угодно?»

Резко развернувшись к выходу, он добавил:

— Советую не дожидаться, пока за вами кто-то придет. Нужно срочно выполнять приказ! Иначе, не ровен час, схлопотать можно на всю катушку. Вы не видели вооруженных людей, шатающихся по селу? А я видел. Так что пошевеливайтесь! Прекращайте свое пьянство!

С этими словами Савелий вышел и направился домой. Сердце заняло как-то по-особому.

«Война не для всех становится огромной бедой. Для них она, видно, матерью родной», — сделал свой вывод Савелий.

Все хорошо знали и помнили родственника Павла Бойко, по прозвищу «попик», раскулаченного и сосланного в Сибирь.

«Переживем и мы там ваших коммунистов», — сказал он перед отправкой.

Павел, затаив злобу на большевиков, однако, не вредил явно Советской власти. Но, как многие замечали, относился к ней всегда с издевкой. Осмеять и унижить любого человека ему не составляло трудностей, за что его не любили и даже презирали земляки-Клиновщане. Однако он ни на кого не обращал внимания, продолжая жить по-своему.

«И вот теперь наступил час испытаний. Как он себя поведет, если мы окажемся в оккупации? — размышлял Савелий Филиппович. — Что-то мне он все меньше стал нравиться, особенно после визита к нам Даниила Власовича. Неужели лично он замешан в аресте дядюшки?»

— Что же с нами теперь будет, если немцы сюда придут? — слышал он разговоры встречаемых и стоявших небольшими группами.

— Та нічого нэ будэ, — отвечали собеседники. — Як пахалы зэмлю, так і будэм пахатъ. Тількы тэпэр нэ на сэбэ і Советську власть, а на ных, на німців значіть, еслі Красна Армія іх нэ остановэ, а потім пока нэ выгонэ із нашой землі...

Приближаясь к своему дому, Савелий Филиппович увидел сыновей — десятилетнего Ванюшку и годовалого, самого меньшенького Толю, только оправившегося после кори. Они беспечно гуляли у двора с другими мальчишками — старшими, развлекаясь «вояшкой».

— Пах, пах, Васька, пах, пах, Колька. Лягайтэ! Я вас усьх поубывав, — услышал Савелий. — Вперед в атаку!.. К горлу подкатил комок. Достав из кармана кисет с табаком и люльку, закурил...

Опять вспомнил дядюшку своего Даню и его ординарца. Когда они приезжали, дети тоже играли в «вояшку». Увидев настоящих военных и настоящее оружие, они после этого продолжили игру с большим азартом, разделившись на две группы — «белых и красных».

Как взрослые ни пытались их разогнать, чтоб не накликали на себя действительно настоящей войны, дети убежали подальше и там продолжали сражаться. Оружием у них служили вырезанные из дерева не только «винтовки», но и «сабли», и даже «наганы». И они «стреляли» до хрипоты в горле. Потом разносилось: «Ур-ра-а-а-а! Наша взяла!»

— Сынок, а где мама и девчата? — спросил Савелий Филиппович.

— Танька і Шурка, мабудь, дома, а мама на огороді, — ответил Ванюшка и тут же убежал к ребятам в «армию красных».

Подойдя к меньшенькому, отец, подняв его на руки, принялся играть с ним, будто не видел его целую вечность.

— Ванька, подывысь, шо твій батько робить з люлькою в зубах, — сказал Василий Безмин.

Окружив со всех сторон, они разглядывали дядю Савелия. С люлькой во рту он держал на руках сынишку, расстроенный тем, что началась война, а ему надо уходить в тыл с колхозными животными неизвестно куда. Ему не хотелось этого делать.

«Ладно бы в ряды Красной Армии для защиты семьи и Отечества нашего с винтовкой и с гранатой. А то ведь в тыл. Одним словом, в неизвестность, без адреса», — рассуждал он молча.

Мария Федотовна, увидев с огорода мужа с ребенком над головой, забеспокоилась:

«Закружится голова и упадет, ребенка упустит, — подумала она с испугом. — У него же желудок больной, приступы бывают». Бросив все свои дела, вытирая руки фартуком, она поспешила к детям и к мужу. Что-то она ему кричала, но под детский гвалт он ничего не слышал. Ему было не по себе. По его лицу струились слезы. Вручив сына жене, чтоб она успокоилась, он взял на руки четырехлетнюю Шуру и так же покружил ее со слезами на глазах. Затем снова и снова поднимал и прижимал к себе самого меньшего, Толю.

*До войны стал я пятым ребенком в семье.
Но наш папа был очень счастливым,
Не терпелось ему, чтоб росли мы быстрой
И дожидаться бы внуков красивых.*

*Помню, как он игрался со мной,
Поднимал над собой и смеялся,
И кружилась Земля далеко подо мной,
И все дети по кругу смеялись.*

*Смутно помню счастливые дни,
Потому что прервали фашисты,
Потому что они как шакалы ползли,
Чтобы все превратить в пепелище.*

*Помню руки отца. Помню мощь, красоту.
Как во сне, как в тумане ночном мне приснился...
Он живет молодым, он остался таким
В моей памяти детской поныне...*

Июль 1985 г. г. Сургут

...Савелий Филиппович кружил дочь-куколку, смеясь поднимая ее выше своей головы, а Толя в это время начинал плакать, хотел чтоб снова папа его еще и еще бы покружил высоко-высоко в небе, где птицы летают и поют свои песни.

Подъехали всадники, председатель колхоза с уполномоченным.

— Это еще что такое?! Саботаж?! Почему не готовитесь к эвакуации? Почему с детьми играетесь?!

— Да его под суд надо оформить! Под трибунал!

— Война, а он с детишками развлекается!

— Уж и попрощаться нельзя! Чтоб запомнили получше, — ответил Савелий Филиппович, опустив ребенка на землю.

— Сейчас же займитесь, что вам приказано! А то, не ровен час, и я ничем не смогу вам помочь! — сказал хозяин колхоза, поглядывая на уполномоченного.

Мария Федотовна, услышав страшное слово «война», с болью в душе глядя на своего мужа, подумала: «Что же будет с нами? Неужели к нам она докатится?»

— А почему именно его посылаете в эвакуацию? — спросила Мария Федотовна Митрофана Александровича — председателя сельсовета и уполномоченного.

— Таков приказ поступил сверху, — ответил незнакомый со злостью. — Его надо срочно выполнять...

Тут же рядом Мария увидела с ехидной улыбкой свекровь и свояченицу Дуньку.

— Вот и хорошо, — улыбаясь, шептались они между собой. — Останется Маруся одна без хозяина дома с чотырьмя детьмы, узнае «почем пуд лыха»... Тэперь посмотрым, як она одна будэ растыть четверых детей, двох пацанів и двох дівок.

Савелий Филиппович, взяв самого меньшего сына на руки, зашагал в дом. За ним поспешила вся семья, собирать в дорогу...

...Попрощавшись с родными, женами и детьми, группа из семи человек вскоре начала движение на Восток. Из двух колхозов, существовавших в то время в селе Клиновое, стадо коров, быков и лошадей собралось не маленькое.

Преодолев за несколько дней немалое расстояние, соединив своих животных со стадами других сел и хуторов, объединенная группа погонщиков двинулась далее вместе.

Уставшие люди устраивали привал, чтобы самим отдохнуть, а также напоить и подпасти животных, но только не надолго. Эхо бомбежек неустанно приближалось, как бы стараясь догнать их.

Среди сопровождающих были подозрительные личности, наверняка предатели, от которых люди старались как-то избавиться. Случалось, приходилось прибегать к крайним мерам. Нескольких человек удушили, утопили на водопое. «С одним из таких явных предателей или шпионов один на один расправился и кум Савелий Филиппович, удушив его своими ручищами, как какого-то щенка, хотя тот тоже был не из хлопчиков», — говорил позже землякам его кум Тихон Васильевич. Вот что рассказал вернувшийся домой погонщик.

...Произошло это ночью на привале. На заре я проснулся от толчка Савелия. Мы с ним всегда спали спина к спине. В эту ночь он долго не мог уснуть от болей в желудке, а я ничем не мог ему помочь. Потом я все же как-то уснул, и вдруг этот толчок.

Поднимаюсь, тут же я вижу своего кума. Он, согнувшись, отдалается от места нашей стоянки как бы крадучись. Я подумал, что он, наверное, нечаянно меня толкнул, а теперь пошел понадобностям в кусты, высматривая себе место.

Ан, — нет. Слышу треск в кустах и стоны не одного человека. Подскакиваю, пробираюсь через кусты на звук и шорох. Вижу, лежит верзила, мертвый уже, а кум сидит на нем сверху, вытирает свои руки травой, тяжело дышит и как-то корчится, видно, от боли в желудке.

— Ну, здоровый гад попался, еле управился, — сказал кум мне, вроде как с упреком, что не помог.

По рации, говорит, немцам что-то передавал подонок. Вон она — возле него. Посмотри, говорит, и разбей. Я, говорит, за ним давно следил одним глазом. В подозрении его держал, и вот результат. Мразь! И откуда это дерьмо всплыло, ума не приложу, где незаметно присоединилось? Ну, ладно.

— Тут же поднялись, как раз все проснулись, и мы двинулись дальше, — продолжал Тихон Васильевич. — Где-то через три-четыре часа слышим, кричит кто-то в рупор, не на нашем языке, на немецком:

— Ахтунг, ахтунг! Внимание — внимание! Стэпаны — Иваны! Просайтэ животных! Цюрюк нах хауз киндер, к своим детям и женам! Она ждѣет тебя. Есть среди вас и очень юные мальчишки. Мы вам подарим жизнь! Иначе корьева вас всех затопчит. Таем вам размышлять пол часа. Пожалейте себя. Возвращайтесь нах хауз — томой, значит.

И так они повторили три раза по-русски. Но лес шумел мирно, тихо, и мы пошли дальше, молчали.

Фашистская вражья сила приближалась все ближе и ближе. С обеих сторон все отчетливее доносился гул и лязг гусеничной техники, но мы двигались только вперед, некоторые животные, перепугавшись разбежались.

Тра-та-та-та-та, тр-р-р-р-р-р, тра-та-та-та. Разрывы бомб, снарядов, гранат были где-то совсем недалеко, впереди.

Горели дома, мосты, гибли наши люди...

Пролетела тройка самолетов низко над землей, мы разглядели черные кресты на их крыльях и на хвостах, но продолжали свое движение. Неподалеку самолеты развернулись и теперь летели очень низко над нашими головами.

Никто не знал, куда бежать, шарахались, то в одну сторону, то в другую. Поднялась паника. Немецкие летчики развлекались, а здесь, на земле, люди падали, и бедные животные их растапывали, кидаясь из стороны в сторону.

Кто-то стоял на месте с поднятыми вверх рукам, их постигала та же участь, что и лежащих, животных невозможно было успокоить. Стоял оглушительный шум, смешались рев самолетов, ржанье лошадей, мычанье покалеченных коров и быков. Слышались стоны и крики искалеченных людей и автоматные очереди. Людей в живых оставалось все меньше и меньше. Животные разбежались в разные стороны.

Савелию Филипповичу удалось как-то со своими людьми с открытого места перебраться под сень леса.

— Хэндэ хох!¹ — послышалось вдруг за спиной Савелия. В тот же момент началась перестрелка, но мы быстро упали, и нам удалось уползти в сторону.

— Это был немногочисленный немецкий десант, а наших людей и скот прикрывала небольшая группа красноармейцев.

¹ Руки вверх! (Нем.)

Они тут же все погибли, бедолаги, — рассказывал далее Тихон Васильевич, — силы были не равны, как по оружию, так и по количеству людей в форме.

Все это произошло в российских лесах, на российской земле, и, как нам показалось, очень быстро, в течение нескольких кошмарных минут.

Брели по лесу туда, где солнце садилось. Все чувствовали себя очень усталыми и виноватыми, переживали и за гибель людей, и за свой скот. Но мы ничем не могли им помочь. Животным не прикажешь вести себя спокойно, а для фашистов было развлечением.

Уморившись в дороге, мы решили сделать привал, отдохнуть маленько и посоветоваться, куда теперь путь держать...

Солнце опустилось низко над горизонтом, когда они расположились в кустарнике на опушке леса, неподалеку от какого-то селения.

Лес шумел мирно и совсем спокойно. Бомбежки, стрекот автоматных очередей прекратились. Наступила какая-то подозрительная тишина. Снова запели птицы, и ветерок донес откуда-то запах аппетитной еды. Пахло свежесваренной говядиной. На этот запах у Павла Бойко было особое чутье, особый нюх, из-за еды он был готов на все, так же, как и его двоюродный брат Дмитрий Дунаев.

— Ничего, переживем и мы эту страшную войну, а также большевиков, — сказал один из них другому. Голоса их были так похожи, что ничем не отличались друг от друга.

— Может быть, уже наш скот немецкие скоты режут и готовят себе жратву где-то рядом с нами, — ворчал Павел. — А мы здесь голодные, как волки, в лесу прячемся...

— Ну так сходи к ним да попроси у немцев еды, скажи им, мол, так и так. Мы гнали наш скот колхозный в тыл, а вы его жрете. Так поделитесь, мол, с нами, господа немцы, — предложил ему с насмешкой Савелий Филиппович. — Они накормят! Объешься их пулями досыта. Продырявят они тебя насквозь, и все тут!

— Да ведь их постреляли красноармейцы!

— Ну, а наших кто, по-твоему, пострелял?

— Ты же сам все видел, — отозвался Дунаев, озираясь по сторонам, будто поджидая непрошенных гостей — немцев.

Вдруг послышался шум моторов. Машины двигались в их сторону. Мужики зашевелились. Оглядевшись вокруг, Савелий понял, что они расположились поблизости от лесной гужевой дороги, ведущей, видимо, туда, откуда доносились запахи еды.

— Менять место поздно, — сказал он. — Ложитесь! Они пройдут и не заметят нас. Где-то рядом жили мирные люди, и там, видимо, постоянно готовилась еда.

Шум моторов превратился в лязг немецких «тигров». Впереди колонны ехали автоматчики на мотоциклах с колясками, а за ними следовали легковые автомобили с высшими офицерскими чинами, позади которых двигались грузовики с немецкими солдатами.

Они пели свои песни под губные гармошки, радуясь тому, что идут по России свободно, чуть ли не маршем, а позади у них оставалась оккупированная Украина, в том числе Донбасс. Савелия и Захария коробило их веселое настроение, и это было заметно по их лицам.

Что же касалось Павла Бойко и Дмитрия Дунаева, то на их физиономиях никаких тревог и забот не наблюдалось, и смотрели они на проходящую вражескую колонну совершенно равнодушно, будто это шли «освободители», которые спасут их от большевизма и комсомолии, уже погибающих за честь и свободу нашего народа.

— Вот доберемся домой живыми, а там посмотрим, кто кого переживет в этой долгожданной войне, — говорил шепотом Павел Бойко своему брату Дунаеву. — Я еще смогу себя показать и проявить, как положено, чтобы многим запомнились наши имена, хотя на соседей нет смысла рассчитывать.

— Патриоты чокнутые выискались. Разве можно с таким войском справиться нашим, с одной винтовкой, — перешептывались братья, не представляя себе, как и почему будет уничтожена фашистская чума XX века.

Глава двадцать третья

Возвращение

Уже несколько дней группа погонщиков колхозного скота, во главе с Савелием Филипповичем, блуждают по лесам России.

Вконец измучившиеся мужики не знали, что делать, куда идти, потому что везде немцы.

Пробирались они осторожно, в основном, чтобы не попасть им на глаза...

Савелий изнемогал от болей в желудке, но не отставал.

Лекарства, которые давала Мария, его жена, в дорогу, давно закончились, так же, как и продукты питания.

Проходя лесом, вблизи какого-то селения, остановились на опушке отдохнуть, развести хотя бы маленький костер да подсушить одежду после вчерашнего морозящего дождя.

Собрав сухих веток, а также подложив березовой бересты, подожгли, стали прислушиваться.

Лес шумел мирно, а со стороны селения доносились запахи домашней еды — свежего хлеба и пирожков. Аппетит еще больше разгорелся у мужиков.

— Ну-ка, Захарий, давай-ка, сходите в разведку, и может быть, достанете у кого-нибудь еды, если повезет, — сказал Савелий Филиппович. — А то ведь натошак если курить, не только желудок — весь организм мы угробим.

— Давайте посидим, чуть-чуть подсушим верхнюю одежду, а потом и пойдем все вместе, — предложил Тихон Васильевич.

Затоптав окончательно догоравший костерчик, мужики поднялись....

Совсем близко впереди, куда собирались они идти в разведку и за продуктами, услышали, взорвался снаряд из немецкого «тигра», людские голоса и плач детей.

Горели дома, лаяли собаки... Мужики насторожились, прилегли снова.

— Лежите тихо, — сказал Савелий Филиппович.

Быстро приближалась в их сторону механизированная колонна. Вот она уже совсем рядом-близко...

— Ну вот теперь и к нам приближается каюк, — заговорил Дмитрий Дунаев. Встав на колени он поднял руки вверх. Но

Савелий так огрел его по голове, что тот тут же упал, потеряв сознание.

— Ну что ты так жестоко? — спросил Бойко Павел.

— Я сказал не высовываться! Лежать спокойно, — ответил Савелий.

— На Курск гады ползут, а потом на Москву, — продолжил он.

— Эх, были бы гранаты, або автоматы, — прошептал Захарий.

— Ну ты действительно придурок! Да нас тут же они бы положили в один миг, как каких-то букашек, — ответил Тихон Васильевич. — Ты же сам видел, сколько их, а сколько нас! Всего-то пятеро нас осталось, а было семь человек. А про автоматы надо было тогда думать, когда отползали от трупов там, на поляне, — добавил он.

— А ты чога нэ подумав?

— А на кой хрен он мне нужен? Я же не...

— Ну-ка не ссорьтесь! — перебил кума Савелий.

— Прошли они мимо, нас не заметили, и слава Богу, пускай. Теперь нам надо решать, куда двигаться дальше. Искать партизан или пробираться как-то домой?

— Конечно, домой, — подхватил Павел Бойко. — Надо было нам с собой хотя бы коровенку какую прихватить. Доили бы иногда, да хоть молоком питались — продолжал он. — Я вон как ослаб, еле ноги волоку за вами без молока и домашней еды. А жінка мэнэ ждэ, выглядае, і сыночки тэж. А кого тут шука-ты? Разве шо тількы пулю в лоб. Партизан мы ніколы тут нэ знайдемо потому, шо мы здесь чужые, мымо проходящіе. І ніхто нам нэ повірэ. А можэ быть іх вообще еще нету. А з німцямы, еслі прыйдэтця встретітсья, то договорытсья можно будэ. Мы ж без оружія і ідэм домой. Вони нам повірять і отпустять на всі чотырі стороны, я уверен.

— Конечно, отпустят, — поддержал Дмитрий Дунаев. — Тем более, что есть среди нас обиженные советской властью. И вы все это прекрасно помните. Ты же не будешь этого отрицать? — спросил Дмитрий своего двоюродного брата Павла Бойко.

— Оті советы у мэнэ ось дэ, — ответил тот, жестом показав на свое горло. Савелий Филиппович не принимал участия в разговоре. Его охватило беспокойство за семью. Шагая следом, он думал:

«Как они там без меня? Не заболел ли дома кто-нибудь и не забрали ли немцы у них корову да свиноматку себе на обед? И как там моя женулька с детьми одна управляется?»...

Женившись в зрелом возрасте, он был очень доволен своей женой и преданно любил ее. И Мария, выйдя за него замуж без любви, по настоянию брата, однако старалась заботиться о нем. Сейчас он вспомнил начало их семейной жизни. Мария узнала от родных, что любит он вареники горячие с картошкой, с творогом либо с капустой или с фруктами, и что его мать Полька редко их готовила, а если это и случалось, то ему всегда доставалось очень мало, причем всегда они были остывшие.

Мария как-то налепила много вареников и сварила к ужину. Так решила ублажить главу семьи. Поставила на стол перед мужем целую миску только что кипевших в казанке вареников. Он, поперекидывая их во рту — горячие! — тут же, не пережевывая, проглатывал с очень довольным видом.

Мария, увидев это, стала говорить, что так, мол, нельзя мучное употреблять, надо давать им немножко остыть, а то желудок можно испортить.

— А я люблю только горячие, — отвечал Савелий.

Его жена стала их реже готовить, а он просил свое любимое блюдо. Но она была права: именно горячими варениками он испортил свой желудок. А она всегда беспокоилась о нем. Он даже заулыбался от приятных воспоминаний, но тут же им на смену пришли заботы о настоящем времени, их местонахождении...

Когда они проходили мимо одного из населенных пунктов Курской или Белгородской области, были задержаны местными полициями, среди которых оказался знакомый не только Савелия, но и других жителей села Клиновое.

Интеллигентный с виду человек, периодически приезжал в их село, один раз как оперуполномоченный ЧК или НКВД, а в последнее время якобы от обкома партии. Савелий Филиппович только имя его забыл. Составив какой-то список интересных ему семей, он больше не появлялся на глаза.

Теперь мужиков арестовали и отвели к начальству, среди которых и оказался тот человек. Местные полицаи распорядились посадить их в какую-то темницу до выяснения лично-

стей — документов у них при себе, естественно, никаких не было.

— Вызывали нас по-одному, а допрашивали сразу несколько человек, — рассказывал Тихон Васильевич. — Они старались как-то нас запугать, выясняя, кто мы такие есть, откуда и куда идем, а тот в штатском только прислушивался, листая какие-то бумаги.

Промурыжили нас с неделю, наверное, или больше, правда, без рукоприкладства. Потом уговаривать стали работать на них, на великую Германию, значит. Ни один из нас не соглашался на их уговоры. Только Павел Бойко потом нам признался, что написал или подписал у них какое-то обязательство, отпросившись на время домой, чтоб сообщить семье.

Не зря кум Савелий, ваш батько, его в подозрительных держал, и он действительно потом стал дома полищаем, немецким прихвостнем, гад ползучий, — со злостью добавил Тихон Васильевич. — Нас там обшарили в конце концов и отпустили. Но этот наш знакомый «уполномоченный» откуда-то узнал все, что рассказал всем перед смертью ваш дедушка Филипп Власович.

К чему он все эти разговоры вел? Все зажиточные люди давно живут где-то по заграницам. А дедушке вашему не было ни какого резона уезжать с такой семьей. Никогда он ничем не кичился, и был он таким же, как все. Правда, очень грамотным был и очень толковым советчиком и собеседником, как я помню.

Невозможно его было с кем-то сравнить. А вообще-то, он, Филипп Власович, кумом был моему отцу. Откуда он знал польский и другие, чужие языки? Когда они переехали в наше село, теперь оно и ваше, мой дед по отцу был еще не женатым. Отец мне много рассказывал про вашего прадеда Власе Власовиче, и мне всегда было интересно послушать. Да только после ранения в финскую кампанию в голову я теперь все забывать стал. Но еще хорошо помню очень шикарные свадьбы, хорошее приданое все пополучали ваши тети и дяди. Дедушки вашего, Филиппа Власовича дети. Его жена, ваша бабка Полька, тоже иногда кричала на детей по польски, хотя сама из Полтавы была. Я-то ничего не знаю об их происхождении, но Павел Бойко, облив дерьмом большевистскую власть за своих раску-

лаченных и сосланных куда-то родственников, набрехал и про потомков вашего батька. Был он отличный брехун, и в него пошел самый меньший его сын Виктор.

Все это незадолго до своей кончины рассказал родным Савелия Филипповича его кум Тихон Васильевич.

Еще многие другие рассказывали, и фронтовики, но изложить обо всем услышанном... очень сложно.

По рассказам очевидцев-фронтовиков, перед началом войны взамен винтовок старого образца должны были обеспечить войска новым оружием и новейшей техникой. Старого оружия оставалось совсем мало — одна винтовка приходилась на несколько красноармейцев, говорил дядя Григорий Филиппович и др. Война застала армию СССР почти с голыми руками. А новое вооружение, боеприпасы и обмундирование захватили на складах, расположенных при западных границах немцы.

Все это было предусмотрено врагами Советской власти и народа. И вот теперь, в 1941 году, при таком натиске немецких войск, командиры Красной Армии приказывали солдатам отступать, сдавать населенные пункты без боя, чтобы было как можно меньше потерь. Население упрекало солдат:

— Как же вам не совестно оставлять нас на произвол судьбы? Свою шкуру хотите спасти? — кричали некоторые...

— Бегите, бегите, как зайцы...

— Мы еще вернемся! — отвечали красноармейцы. — Мы освободим вас от немцев! Нам бы только автоматы да пулеметы с патронами...

В результате и через село Клиновое, что на Донбассе, прошли немецкие передовые части чуть ли не маршем, с веселой песней «Дойче золдатэн, унд дер офицер» — «Немецкие солдаты, а также офицеры».

Остановившись на каком-то время, согнали жителей на площадь и назначили старосту из обиженных большевиками. Немцы забирали из сараев свиней, кур, яйцо, мякно. Пожрав все это, отправились дальше, на восток.

Цель у них была одна: до Урала будет Германии земля, а восток весь Японии.

Молниеносно захватить европейскую часть СССР до начала русской зимы, казалось Гитлеру, вполне реальная задача для

его войск, ведь они имели превосходство в технике, а также в людских ресурсах — в восемь — десять раз.

Далеко не у всех наших сельских жителей, да и городских, были радиоприемники, и не все имели возможность получать центральные газеты «Правду» или «Известия», поэтому в конце тридцатых — начале сороковых мало кто своевременно узнал о начале великой трагедии, о начале войны, названной позже Великой Отечественной.

В очень многих селах тогда еще не было электричества, не говоря уж о радиофикации. Село Клиновое было электрифицировано только в начале пятидесятых годов, а близлежащие хутора Донбасса еще позже — только в шестидесятых.

И все-таки после выступления 3 июля 1941 года по всесоюзному радио председателя Государственного Комитета Обороны СССР товарища И.В. Сталина его слова: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» — стали известны всем жителям страны.

Обращение вождя придало огромную уверенность в том, что война закончится победой советского народа.

Группа по эвакуации скота, возглавляемая Савелием Филипповичем, конечно же не слышала по радио и не читала в газетах этих обращений Сталина — не было такой возможности. И вот, возвращаясь из окружения, приблизившись к родному селу Клиновое, мужики стали внимательно осматривать все улицы с высокой в то время, так называемой «Ёновой могилы¹». Так как село располагалось в низменности и сверху оно было как на ладони, хорошо просматривались все улицы. Не обнаружив следов немцев, они немного успокоились.

Обойдя село за околицей, еще внимательнее вглядываясь на улицы и их окрестности в той части, где стояли их родные дома, у оврага они сели перекурить и еще посоветоваться.

— О чем тут думать? — вскипел Савелий. — В селе тихо, спокойно, это же видно, но... Скоро солнце взойдет. Надо нам все же дожидаться, когда люди проснутся и мы их увидим, — продолжал он. — А вдруг там где-то немцы расквартированы по домам? Мы тут же попадемся в их лапы, как партизаны.

¹ Древнее название горной возвышенности за околицей села.

— Как нас там приняли, в России, и что тогда? Снова промужат нас так же, как те, с уговорами.

— Мы же на окраине все живем и идем без оружия, — отвечал Павел Бойко.

— Пройдем к домам незамеченными, — поддержал брата Дмитрий Дунаев.

— А если в твоём доме они ночуют?

— И то правильно говоришь, — согласился молчаливый Захарий. — Лучше посыдымо до сходу сонця і всэ тоді побачімо. Нэ треба нам спешыты до дому, бо можэмо напоротысь.

— Ну-у-у, вы як хочітэ, — говорил Павел Бойко. — Ну я більше слухать нікого нэ буду. З любым чоловіком можно договорытысь, даже с німцем. Мы пішлы...

— Да-да, — поддержал брата Дмитрий. — Мы пішлы домой, нам нечего боятыся. Мы у себэ дома. Можэ, воны пройшлы стороной сэло.

— Да-а-а-а, намаялысь мы за оцэ время, хватэ.

— Тэпэр мы дома. И если убьют німці, так хочь сімья похороныть по-человеческі. Будэ знаты, дэ я лэжу, — твердо сказал и Тихон Васильевич.

— А ты, як болів — маявся зі своїм желудком, уже забув? — спрашивал Дмитрий Дунаев, поглядывая то на Савелия Филипповича, то на своего брата. — Сейчас боль отступылась, і ты не торопышысь домой? И вообще, мы вот з Павлом удывляемось, чога вам-то боятыся, господин граф? — с ехидной улыбкой сказал он. — Мы-то слыхалы краем уха, хто вы такой фактіческі і почему нас отпустылы ті поліцаі та німці. Даже еды дали на дорогу і руку нам всым пожымалы.

— Да перестаньте вы чушь молоть! — сердито отвечал Савелий Филиппович. — Я такой же граф, как и вы. Колхозный конюх, хоть и старший. А то, что нас отпустили, так это благодаря тому бывшему нашему уполномоченному, в рот ему дышло! Значит, разобрались, что мы для них никакой опасности не представляем. А надо ли было нас так долго держать, так это зависело только от него, — продолжал Савелий Филиппович нервно. — Знал бы я до войны, что встречу его в этой форме, еще тогда бы с ним поговорил по-мужски, как положено.

— Что ты так рассердился на него, Савелий Филиппович? Він жэ чістокровный німець, як мы всі понялы, і іменно бла-

годаря йому, і вам тоже, конечно, нас отпустилы. Ну та ладно, остальсь живі, вернулись домой, значіт, еще довго вмісті проживемо, — сказал Павел Бойко, уходя домой.

— Он гляньтэ, ужэ наші жінкы до тэбэ побіглы, Савелій Філіппович. Мабудь хочуть узнаты, чі нэ вэрнувся хто-нэбудь до дому.

Женщины, действительно, каждый день или через день бегали друг к дружке узнать новость о пропавших мужьях. Ведь никто до сих пор не разлучался на столь долгое время, тем более в военное.

— Знать бы наперед, чем кончится вся эта беда со скотом в том тылу, где его, этого тыла, и не оказалось, тогда и не начинали бы это движение на восток, — размышлял Савелий Филиппович по пути домой. — Но скажи об этом, и тогда бы точно нашелся какой-то праведник, расстрелял бы на месте за саботаж в военное время. Для этого ума много не надо. А животных надо было поближе к железнодорожной магистрали переправить. К узловой станции, что неподалеку, тогда, может, и спасли бы. Хотя с самолетов немцам все было видно прекрасно, да и шпионы, наверное, регулярно передавали все сведения о передвижении людей.

Да-а-а, намаялись за это время, зато живы остались. Конечно, очень жаль тех двоих, Ивана Скляренко да Степана Козаченко, что там, в дозоре, остались. Были бы рядом друг с другом, управились бы с ними сами. А тот их по одному уложил. Мы хоть успели их похоронить по-человечески, и то ладно. А наши красноармейцы? Они так и остались лежать среди скота. Все молодые были. Очень жалко парней. Им бы жить да жить. Ребятишек растить.

Приближаясь к дому, Савелий Филиппович, увидев своих детишек на улице, обрадовался, что все живы-здоровы, а в сарае замычала их коровенка с телянком.

«Вот теперь я спокоен, — подумал он. — Значит, немцев нету». Но как позже оказалось, его семье повезло. На этой улице лишь у немногих забрали курей и телят немцы, обойдя стороной почему-то их дом.

— Ура! — закричали дети, увидев своего папу, хотя он и вернулся с обросшей бородой и такой грязный, каким они его никогда не видели.

Они бросились обнимать и целовать отца, а он, наклонившись, хотел взять на руки самого маленького Толю. В

этот момент Таня, схватив его фуражку, побежала по улице.

— Ура-а, наш папка вернулся к нам! — радостно кричала она.

Мария Федотовна сидела с женщинами в бричке. Они собирались на работу, Таня, подбежав ближе, еще громче закричала:

— Мамо, мамо, наш папа вэрнувся і другі дядькы!

— Ну и слава Богу, — очень обрадовавшись, ответила Мария. — Наконец-то дождались...

Лицо ее засияло счастливой улыбкой. Она соскочила с подводы на ходу, чуть не попав ногой под колесо. Спohватившись, хотела было отпроситься у бригадирши Ульяны Григорьевны, но та опередила, с улыбкой сказав:

— Иди, иди, Маруся, домой. Встречай своего муженька. Мы управимся...

— Ты шо щэ выдумала? — со злостью спросила Дуньха, ехавшая тут же вместе со всеми на поле. — Пора бы ума набратысь і нэ балуватысь. Який ще бытько? Він ніколы не вернэться до вас.

Таня вынула из-за спины спрятанную отцовскую фуражку и закричала еще громче:

— Ось дывысь, тетко Дунько. Оцэ папкына фуражка! Всі бачітэ чі ні? Вэрнувся, наш папка! Уже дома! Ужэ і староста до нього помчався з поліцаем та з німцэм. Зустріла я всых...

Бывшему председателю колхоза, Назару Арсентьевичу, который, когда пришли немцы, «пожелал» быть старостой, тут же доложили о возвращении эвакуационной группы, и он поспешил к старшему, Савелию Филипповичу, чтобы все узнать.

— Ну, здравствуй, Савелий Филиппович, — улыбаясь, сказал он, войдя в дом с комендантом и полицаем-переводчиком. — Теперь я в должности старосты села и попрошу доложить все подробности отсутствия вашей группы и почему вернулись вы домой не все и без стада?

Переводчик тут же переводил все коменданту, а тот только кивал головой с довольной улыбкой. Выслушав все подробности движения и окружения немецкими десантниками группы Савелия как старшего, староста сказал:

— Спасибо вам всем, что вы с честью выполнили свой долг в пользу великой Германии!

Полицай переводил каждое его слово немцу, улыбаясь Савелию Филипповичу.

— Я был уверен, — продолжал староста, — что вы далеко все равно не успеете угнать скот, что вас догонят. Ну а то, что вас где-то там задержали наши люди, что долго добирались домой, мучились, не доедая и не досыпая, наш фюрер не забудет. Сейчас вы отдыхайте, набирайтесь сил, восстанавливайте свое здоровье с месячишко-другой, а я за это время подумаю, куда вас можно будет определить.

С этими словами непрощенные гости развернулись и направились к выходу, вежливо попрощавшись.

— Если что, заходите в любое время к нам, — протягивая руку, пригласил Назар Арсентьевич.

— У меня и рука болит, а не только желудок, — отвернувшись, сказал Савелий Филиппович. — Вы же здесь с шиком, а мы забыли, что такое мыло, — со злостью добавил он, в упор посмотрев односельчанину в глаза.

— Ну ладно, заходите в любое время ко мне, разберемся, — повторил тот, как будто не замечая неприязни хозяина дома.

— Ничего, — подумали Савелий и Тихон, — проживем увидим, кого кого быстрее вспомнит и кого раньше накажет Советская власть...

Женщины по пути на поле узнали о возвращении мужчин.

— Наконец-то, — сказала Евдокия Склярениха. — Хоть мои дети не будут сиротами без отца родного. Хорошо, что все добрались благополучно домой, вместе, — радовалась она, еще не зная о том, что ее муж не вернулся и она никогда не увидит его.

Но Дуняха горевала о своем.

— Опять будэ гонятысь за мною з батогом чі з дрыном! А дэж мій Кузьмынчїк? Дэ ж наш зацітнычок? Та колы ж він звернеться до своїх дітэй! Та лучшэ бы Савка там зостався, а мій бы вэрнувся.

Женщины стали ругать Дуняху, что, мол, еще рано голосить, что война еще не окончена и, возможно, сегодня или завтра снова заступят немцы. Однако это чудовище не унималось:

— Другі приходять, а мойого нэма, дэжэ пісьма не доходять. Та дэж ты пропав, мій соколык ясный. Сыночка похороньла вжэ, тай Маїчка ні кудышня. И у мэнэ нікудышні руки та ногы,

та й голова болыть. И завтра я мабудь нэ выйду на роботу, бо мабудь захвораю.

Кузьму Филипповича призвали в Красную Армию еще осенью 1938 года. К началу войны, закончив курсы красных командиров, он командовал одним из подразделений кавалерийского полка, а когда начались боевые действия против СССР, Кузьма Филиппович вообще перестал писать письма. Он не хотел сообщать жене о себе не только потому, что, повзрослев и возмужав, понял причину женитьбы. У него для этого было несколько причин. Это было связано со всей его семейной жизнью. Он вспоминал, как убеждал жену сделать аборт, а не рожать ненормального ребенка, зачатого по пьянке после свадьбы. Она тогда возражала: «Нычого, вырастымо дытынку, яку Бог пошлэ. Зато я буду знать, шо ты від мэнэ нікуды нэ дінэшыя». Не соображая больше нічего, тверділо убогое существо...

Не мог он простить жене и смерти этого сына, который скончался потому, что мать пожалела своей крови, не согласившись на переливание. Следующая дочь родилась в 38-м году, будто бы нормальная, хотя он и в этом не был уверен, так как это было как раз перед призывом его в армию.

Все это вспоминал Кузьма, но не знал о других черных деяниях против беззащитного человека, которые, как ни крути, возвращались бумерангом в его семью, к его же детям!

И этот закон природы и жизни человеческой существовал всегда, существует сейчас, и всегда будет он действовать до конца! Это знать надо всем, жить мирно, помогая друг другу советом и добрыми пожеланиями. Именно к такому заключению пришел автор, и рекомендует всем задуматься об этом.

Побывав дома проездом осенью 1940 года после финской кампании и присоединения Прибалтийских республик к Советскому Союзу, младший офицер Красной Армии Кузьма Филиппович вновь вернулся на службу, его часть дислоцировалась на территории Западной Украины, там он и был ранен. После госпиталя вернулся в свою часть, а вскоре началась Великая Отечественная война.

Ему так же пришлось исполнять приказ об отступлении, оставляя оборонительные рубежи и населенные пункты без боя. Затем он принимая участие в освобождении Донбасса в составе Первого Украинского фронта под командованием члена Ставки Верховного Главнокомандования, заместителя наркома обороны маршала Советского Союза Семена Константиновича Ти-

мошенко. Кузьме Филипповичу Шепитько посчастливилось получить лично из его рук орден Славы.

Впоследствии, в боях возле Сталино и Горловки, он снова был ранен и отправлен в тыл в госпиталь.

Семья и земляки увидели Кузьму Филипповича лишь в 1943 году, когда он, проездом на фронт, побывал в Клиновом. Земляки увидели его стройного, подтянутого — старшего офицера с орденами и несколькими медалями. Майор Шепитько встретился с Савелием, а затем с Григорием, начальником тыла одного из полков фронта.

Родные братья были очень рады и счастливы встрече, тем более что наступило победоносное время, когда Донбасс был уже полностью освобожден от немецко-фашистских войск. Как счастливы они были, что успели поговорить, и расстались, надеясь на будущую встречу, по окончании войны.

Провожая его, шестилетняя дочь Кузьмы Филипповича Любочка, вероятно, чувствовала, что больше никогда не встретится со своим отцом. Она очень плакала:

— Папочка, нэ покійдай нас, нэ уезжай ...

— Коля ж ты повэрнэшся до своїх дітэй? — голосила Дуняха, как за покойником.

— Война еще не окончена, — отвечал Кузьма Филиппович, поставив дочь на землю. — А ты меня домой не жди. Я к тебе не вернусь, — продолжал он. — Ты будешь получать неплохое пособие на детей, и если кто-то тебе подвернется, то бери его, как меня когда-то взяла. У тебя опыт имеется, от твоей матери перешел. Но запомни, такой брак, как у нас был, никогда никому не приносил семейного счастья.

Отвернувшись, несколько секунд промолчав, он продолжил:

— А ты надеешься, что твоя жизнь станет лучше прежней, если будешь и далее вредить моей родне, Савелию и его семье? Счастья тебе не будет никогда, и от детей тоже. Тебя будут презирать всю жизнь не только их дети, но и дети соседей. О тебе всем на свете сообщат, какая ты.

— Ну що ты выдумуеш? — вопила Дуняха. — Я ж ім помогаю едой. То сала, то мяса підбросю у двір їхній, а вони брзгують і спляють.

— А скандалы зачем с мамкой устраиваете? Тебе что, мало своей земли? Каждой весной ты скандалишь за межу. Орете, проклинаете родных людей, за что?

Одним словом, старался Кузьма Филиппович убедить жену и мать, что так жить дальше нельзя, что надо жить дружно, помогать друг другу с чистой душой, но эти чудовища-садистки стояли на своем:

— А ты чого його захыщаеш з Маруською? И дэ він тільки знайшов ее без прыданого? Жэньввся бы полюдскі як всі, то і жыв бы як люды.

— Да вам-то какое дело, на ком он женился? Главное, вы не мешайте им жить, не ссорьтесь и не проклинайте! — убеждал Кузьма Филиппович. — Все окошится на вас! Все вернется бу-мерангом. Они очень любят друг друга! И пускай живут, как им хочется.

— Балакай по-руському, хто вэрнэцца? Шчо ты сказав? — допытывалась Дуняха.

— Какая там любовь к нищенке? — вдруг закричала их мать Полька, переступая с ноги на ногу, озираясь по сторонам. — Все равно им не жить вместе. Пускай убирается отсюда...

Можно было подумать, что старуха ищет дрын, чтоб огреть сына за непослушание.

Да-а, была наша бабка Полька диктатором всегда, но каждый из нас имел свою голову на плечах, свои мозги. Потому она и бесилась, что мы делали все каждый по-своему. Не дай Бог, чтоб кто-то из потомков ее натуру унаследовал. Чтобы кто-то сделался столь же недружелюбным к окружающим.

Но, рассказывая об этом, автор забежал вперед.

У братьев оставалось лишь несколько минут для общения, Кузьма уже отправлялся в свою часть. И старшие его братья не знали своей судьбы. В то время всех, кто был в оккупации у немцев — больной ли, здоровый парень, либо в возрасте мужчина, — всех забирали и сразу на фронт. Таков был приказ Главнокомандующего. Назначат время сбора также и Савелию Филипповичу, призовут и его в том числе. Но пока об этом не знал никто из его семьи.

Глава двадцать четвертая

Встреча с семьей

Итак, эвакугруппа Савелия Филипповича вернулась из окружения. Добравшись с горем пополам, пешим ходом домой, без колхозного скота, потеряв двоих своих земляков-колхозников в российских лесах, там похоронив их поспешно, они никак не ожидали получить такой «сюрприз» от председателя.

— Ось дывіться, — кричала Таня, ведя мать к дому. — Оцэ папина кэпка. А він дома, лежыць, мабудь. У нього желудок дужэ болыць, вэсь він блідный, з бородою, дужэ грязный. Ходімо, мамо, до дому. Папу трэба ставыты на ногы.

Мария, обрадованная возвращением мужа, забеспокоилась.

«Все-таки он отец моих детей, и больше трех месяцев было неизвестно, где он с этой эвакуацией, с больным желудком, — размышляла Мария Федотовна. — За детьми нашими очень, видно, соскучился. Да и меня, наверное, еще любит, не забыл, и слава Богу»...

Девочка бежала рядом с мамой Марией, что-то болтала, но мать ее не слушала, озабоченная здоровьем мужа...

Савелий Филиппович всегда с вниманием относился к маленьким детям, и даже когда подрастали, их шалости не раздражали его. Он всегда гордился продолжением своего рода и радовался, наблюдая, как растут его дети. И не только любил их, но и очень уважал. Будучи женатым, он всегда агитировал молодых, вступающих в брак, чтоб рожали как можно больше детей и воспитывали бы их сами. «Вот как мы с Марией любим друг друга, — говорил он, — такая семья должна быть и у вас, с полным взаимопониманием. Это же какое огромное счастье иметь своих ребятишек, таких же симпатичных, как твоя жена любимая, таких же трудолюбивых и умных, какими были твои дедушки и бабушки. Такими же, как мы есть, и даже лучше нас. Дети — это наша смена! Продолжение нашей жизни», — всегда утверждал он.

Марии Федотовне много раз приходилось участвовать в беседах на эту тему, и ей очень нравились его рассуждения. И еще

ей вспоминалось, как он реагировал на разговоры о перемене места жительства, или другой какой-либо измене, к примеру жене или Родине. Вспоминая каких-либо эмигрантов, уехавших за границу до или после революции (возможно, из числа даже своих близких родственников), он всегда говорил о них с неодобрением.

— Они предали своих земляков — свой народ. Предатели везде остаются только предателями! Это самая подлая, самая опасная часть нашего народа, — утверждал Савелий Филиппович.

С каким же возмущением он узнал о пособничестве немцам со стороны его ближайших соседей и односельчан. Вернувшись, Дмитрий Дунаев и Павел Бойко тут же стали полициями, немецкими прихвостнями, подобные им были и в соседних селах. Савелий решил с ними разделаться при первом же случае: «Только трусы могут стать предателями...»

Свободно оккупировав всю Западную Европу, Белоруссию, Украину, прибалтийские республики, немецко-фашистские стервятники превратили помещения школ, клубов, театров, контор в госпитали и публичные солдатские и офицерские дома.

Жителей села Клиновое постигла та же участь, что и других людей, попавших в оккупацию. Всю взрослую молодежь села собрали для отправки в Германию. Жителям, согнанным на площадь, сообщили:

— Ахтунг, ахтунг!¹ Этот молодые человекеки поедит жит, унд агбайтен — ра-або-отат в Германия! Они будыт жыт в цивилизованном общество! Они будыт свободными человеками на Западе от комсомольца, от большевика и их хозяина! «За не послушание — расстрел на месте!»

Молоденькие девчонки начали звать родителей, матери и бабушки плакать навзрыд, а некоторые кричали:

— Куда ж вы их, ироды, увозите? Они же совсем дети! Не смейте этого делать!

Раздался выстрел из пистолета, и тут же очередь из автоматов. Все умолкли. Стало совсем тихо, и только слышались детские и женские всхлипывания.

¹ Внимание, внимание! (Нем.)

— За непослушание — расстрел на месте, — повторил немец. — Этот русский свинья, — продолжал комендант, тыча дулом автомата в сторону Павла Бойко, — хотел испортить товар-девушка, который по праву принадлежат нам, дойчланд немцам. Он будыт оччень гут, корошо наказан за это.

Каждый будет расстрелян на месте за любое непослушание, за любой вред Великой Германия! А те, кто будет с нами сотру-удничат, полючат вьсе, что надо человеку для Германия. Корова будыт дана ему, свинья, конь настоящий. Все будыт корошо-о-о, гут. Кто сюда, записывайся в полицию фюрера.

В числе согнанной на площадь молодежи была и Таня, дочь Матрены Федоровны. Она была очень симпатичной, честной и трудолюбивой девушкой, верной и надежной помощницей не только маме своей, но и Марии Федотовне. Когда не было дома Савелия Филипповича, угнавшего колхозный скот на восток. Таня часто оставалась ночевать у соседей. Когда немцы заняли село, она выходила из дома, только надев на себя рваную одежду и обмазавшись не только сажей, но и грязью, чтоб чужаки шарахались от нее, как от больной. Среди всех согнанных на площадь были и такие девки, которые успели «попробовать» немецких унтеров или офицеров. Эти были отдельно — для солдат фюрера...

Передохнув и отожравшись на наших харчах, одни немцы уходили, а через какое-то время заступали другие и тоже забирала у жителей все, что визжало, мычало или бляло, плохо от них спрятанное. Если захрюкает где-то в погребке или в завалившемся сарае поросенок, запоет петух, они тут же резали его и заставляли унести на кухню.

После оглашения приказов и предупреждений коменданта, за что каждый человек может быть расстрелян на месте, молодежь была погружена на немецкие крытые грузовики и увезена под их песню «Дойче золдатэн унд дэр офицер».

Прощаться не было никакой возможности. Колонна тронулась из села. Впереди ехали автоматчики на мотоциклах с колясками, а на легковых автомобилях — сопровождающие офицеры. В каждом кузове сзади сидело по несколько автоматчиков.

Дорога, по которой повезли молодежь, проходила мимо небольшого Клиновского леса. Только машины поравнялись с ним, как вдруг из засады застрочили автоматные очереди и раздались одиночные винтовочные выстрелы.

Колонна остановилась, молодежь засуетилась, обрадовавшись, что их хотят освободить. Но перестрелка длилась всего несколько минут. Отбить у немцев молодежь было невозможно. Отчаявшиеся ребята, не пожелавшие ехать в Германию, заранее предупрежденные о такой напасти, вооружились и небольшой группой партизан-комсомольцев хотели спасти товарищей, но тут же погибли, а колонна отправилась дальше к станции Роты Донецкой железной дороги (в то время Сталинской).

Рассказывали, что кто-то еще пытался бежать, но безуспешно. По пути следования эшелона в Германию в вагоны подсаживали еще и еще молодых людей.

Дышать было все тяжелее, товарные вагоны были переполнены, а на улице стояла очень сильная жара.

Многие девушки не переставали плакать, однако одна из них радовалась:

— Чего ты, Катюша, плачешь? — спрашивала она. — Ты хоть свет увидишь, куда тебя везут бесплатно. Я вот там собираюсь выйти замуж, а если понравится, останусь жить с мужем. А что? — продолжала она. — Они очень культурные, аккуратные, пунктуальные люди. Правда, среди них есть сопливые и «пирдуны» за столом, но ничего, им можно...

Основная масса девушек, или большинство из них, ее не слушали, придумывая каждая для себя какое-нибудь уродство. Одна горб себе подделывала, притулив и привязав к себе все, что попадалось под руку, другая синяки и шрамы на лице чем-то рисовала. Третья примеряла себе палочку под колено и, при вязав ее к ноге, тренировалась, изображая хромую калеку, надеясь, что на нее не бросятся «немецкие псы», отправят домой.

И вот первая остановка на немецкой земле. Слышится «джеркотанье» на немецком языке солдат и офицеров. Открывают вагон и приказывают его освободить.

— Выходите шнэль! Быстро! Ком, ком, фройлен!

Девчата плакали, боясь шаг вперед сделать.

Тут к вагону подошла женщина в немецкой военной форме. Молодая, да такая красивая блондинка, как нарисованная, и закричала на чистейшем русском языке:

— Ну-у-у, и чего вы нюни распустили? Вагон скоро уплывет от ваших слез. Вас не для солдат фюрера сюда привезли, а работать. Трудиться будете у барона фонбауэра, ясно, Катюши да Танюши? — кричала она, как распорядитель их судеб. — Ну-ка, быстро освободили вагон! Ну, строиться!

— Откуда она так хорошо знает по-русски? Да, может быть, она эмигрантка какая-нибудь, — шептались молодые люди.

— Быстро-быстро! Шнэль, шнэль! — перейдя на немецкий, закричала она, помахивая плеткой.

Все стали выходить и строиться в указанном месте. Рядом с эшелонем на соседнем пути, как потом рассказывали, остановился еще один поезд. Этот был загружен людьми только на половину. Вторая, большая часть — домашними животными.

Рев скота, женский плач, ржанье лошадей и мычанье животных, оставленных без воды, перемешивались с лаем немецких овчарок, готовых в любой момент броситься и разорвать любого человека в клочья. Все это еще больше напугало девчонок, согнанных и вывезенных с Украины. Неподалеку от них стояли немцы — гражданские и военные — с костылями и зонтиками, с клюшками, с ними были дети-подростки. Все чисто одетые, веселые, жизнерадостные. Они выбирали из вновь прибывших подходящих работников, указывая на них и совещаясь между собой.

— Наверное, над нами смеются паразиты проклятые, — подумала вслух Таня, посмотрев на самодовольных, в основном, рыжих «хозяев». — Чтоб вас разорвало! Вон какие все чистенькие, — со злостью добавила она.

Началась рассортировка дармовой рабочей силы. Тех, кто успел подделать себе горб на спину, отвели в сторону, громко потешаясь над ними, отделили и тех, кто нарисовал себе шрамы или измазался в грязи.

Хозяевам фонбауэрам — помещикам, была предоставлена возможность отобрать людей на свое усмотрение. Точно так же отбирали себе коров, лошадей, свиней.

Каждую девушку внимательно осматривали медики в белых халатах, заглядывая везде, где надо и не надо бы, на их взгляд.

Если зубы и все остальное было чистое, говорили: «Гут фройлен, ком», а на некоторых: «Фу-у-у, шайзен, цюрюк, найн, русский свинья».

Так же внимательно отбирали парней, чтоб чистыми были, физически сильными и внешне приятными. Отобрав нужное количество рабочей силы, немецкие хозяева загоняли людей на свои телеги и везли к себе, в свои хозяйства.

— Вы тільки подывіться дівчата, які у них гарні дома? — восхищались девчата с Украины. — Что им не хватало в этой жизни, не ясно. В таких домах жить, в благоустроенных поселениях, и из них всех мужчин собрать и послать на захват новых территорий может только псих ненормальный...

Немец, сидевший рядом и поначалу делавший вид, что не понимает их языка, посмотрел на Таню так, будто их разговор касался родственников и его лично.

Однако достойно промолчал, закурил сигарету. И вдруг, всем на удивление, заговорил на чистейшем русском языке, обращаясь именно к ней:

— Фройлен Таня, в отличие от вашего вождя Сталина, наш фюрер Гитлер считает, что только мы, немцы арийской расы, достойны жить так, как никто другой! Именно мы должны поднять всю цивилизацию на самый высокий уровень! Именно наша служба, мой отдел, сделал все возможное, чтобы все это осуществилось. И будет продолжаться до конца, ибо теперь ваш Сталин еще долго будет в шоковом состоянии, осознав все те ошибки, уничтожая своих ученых, инженеров и конструкторов, а также обозлив против себя большевиков и всех дворян России, сослав их на каторгу, а некоторым пустив пулю в лоб. Я жил у вас несколько десятилетий и знаю вас и все республики как своих пять пальцев. Знаю всех ваших руководителей, очень похожих на вас всех. Уверен, вы будете хорошими нашими работниками, и не более того. Вы только для того рождены, чтоб соотевноваться и работать, «укальвать», как говорится. Мой фюрер намерен очень быстро захватить Москву, еще до начала русской зимы.

С этими словами экипаж остановился, немец сошел и направился во фруктовый сад. Больше девушки его не видели.

Все это рассказала вернувшаяся из Германии после войны домой Таня — Татьяна Кузьминична Шпаченко. Она после Германии вышла замуж и стала Абрамовой. Есть три сына: Юрий Петрович, Сергей Петрович и Владимир Петрович¹.

Глава двадцать пятая

Встреча со старостой села

Мария Федотовна оберегала свой дом, семью и свое хозяйство от немцев, как могла.

— Успевай только прятать понадежнее от них, иначе все потеряешь, — рассказывала она после войны, — и будет твоя семья голодать.

Савелий Филиппович, возвратившись из окружения больным, долго еще болел. Язву, которая основательно изматывала его, лечить было нечем. Лекарств не было никаких, да и фельдшеры все были мобилизованы на фронт, а которых не успели призвать по тем или иным причинам, ушли в партизанские отряды. Подразделения немецких войск почти ежедневно менялись, и это несколько облегчало местным жителям жизнь, если не мешали староста да полицаи.

А были среди них всякие — и неплохие, незлые люди, и настоящие выродки, о чем нельзя было даже подумать до войны. Один из предателей еще остававшихся в селе, полицай Дмитрий Дунаев, однажды уже докладывал старосте о трудностях с расквартированием немцев.

— Как заявила Мария Шепитчиха, Савелия Филипповича жена, у них поселился тиф. Надо сжечь этот дом вместе с хозяйкой и детьми! — заявил он твердым, решительным голосом,

¹ Юрий живет в Мурманске, Сергей в Москве, Владимир в Ростове-на-Дону.

хотя знал, что это ложь. — А что? Немцы не люди, что ли? Мы их так долго дожидались, освободителей своих, а она переночевать им даже не дает по-человечески.

— Ладно! Я сам разберусь, что с ними делать, — ответил староста Назар Арсентьевич. — Иди...

На рассвете, переночевав, немецкая моторизованная часть оставила село и уехала дальше на восток...

Старосте рано утром доложили, что скоро возможно прибытие в их район карательного отряда немцев — из-за того, что пытались партизаны освободить молодежь от Германии. Об этом сразу же стало известно всем жителям села и ближних хуторов.

Староста поспешил все же в первую очередь побывать в доме Савелия с Марией и предупредить их об опасности.

— Ну что мне с вами делать? — спрашивал он. — Сколько вам всем ни говори, что не надо так рисковать, так необдуманно, как вы. Надо переждать эту проклятую войну. Все наладится само собой, — продолжал он. — Ведь мы же бессильны с такой немецкой армадой управиться. Да и нет же. Тогда хотели молодежь освободить, которую в Германию повезли, значит. Хотя вас это не касается, но я всем говорил: «Не спешите! Все погибнете тут же, на месте». И вообще, думать надо всем, всем, а не только мне...

Мария выставила на стол самогон в графине, а также сало, яйца, лук и прочую закуску. Назар Арсентьевич, налив полный граненый стакан соседской самогонки, с жадностью выпил и, закусывая, продолжал:

— Сколько жертв мы понесли? Сколько ни в чем не повинных людей после этого пострадало, вы хоть знаете? Нет! Нихрена вы не знаете и знать не желаете! — продолжал он. — Один я знаю. Всю родню этих ребяташек, так называемых партизан, у леса погибших, перевешали полицаи в соседних селах и хуторах, не дожидаясь карателей-немцев.

Удивительно, как эти выродки из зондеркоманды не зацепили наше село. Трупов здесь бы они наделали и пожарищ, — продолжал он с сожалением в голосе, что согласился стать старостой, давно поняв, что не все ему доверяют.

— А теперь вы. Что же вы вытворяете? — обращаясь к Марии Федотовне, спросил он. — «У нас тиф, у нас тиф». Это

же ужасный риск! Они же могли запросто поджечь ваш дом вместе с вами! Никто бы вас не стал спасать, и сгорели бы вы все заживо. Тиф, считают они, надо огнем выжигать, иначе всем будет здесь «капут». А какой у вас фактически тиф, позвольте вас спросить? Да никакого нет и никогда не было! Вы оберегали Татьяну, Матрены Федоровны дочь, да мужа и детей. Это правильно, но запомните — очень опасно говорить о тифе. Ни вы Таню не сберегли, ни те, кто пытался девочек освободить.

Наливая по третьему разу водки, без стеснения, как будто у себя дома, хотя уже был прилично пьян, он продолжал:

— Да ты, Савелий Филиппович, совершенно здоров. Ты, дорогой мой, здоровее меня, ик... ик... — оказывается. Выпили одинаково, а ты как огурчик. Так почему же ты не пошел в нашу полицию служить, так же, как Бойко «попик», Грихович и Дунаев? По-о-оче-ему-у, я тебя спрашиваю! — допытывался староста, стукнув по столу своим небольшим кулачком.

Савелий сидел, стиснув зубы. Глаза его горели ненавистью. Ему очень хотелось бы дать «гостю» по башке, чтоб не повышал голос, но сдерживал себя, потому что был предупрежден: «не трогать старосту, он свой»...

Все предупреждения Савелий слышал лично, и для него это не стало такой уж новостью, что-то подобное он и подозревал. Но за чем этот «недоносок» голос повышает, думал он. Был членом партии, председателем колхоза, а теперь, став старостой, слишком много себе позволяет. Не выйдет! — решил он. И неизвестно, как посмотрят на него Советы, когда выгонят отсюда этих выродков фашистов. Он знал, что взять Москву и Сталинград они не смогут никогда, хотя Наполеоном Москва была взята легко, без единого выстрела. Но там сейчас Сталин, который этого не допустит, никогда. За сто тридцать с лишним лет, жизнь и люди изменились.

Владея с юности немецким языком, он слышал разговоры оккупантов и знал все их поражения и неудачи на фронтах, которые его очень устраивали, и он делился с теми, кому доверял...

Назар Арсентьевич, в свою очередь заметив, что скулы собеседника играют, а глаза загорелись яркой ненавистью по отно-

шению к нему, старосте, решил не будить зверя. «Он ведь одолеть меня сможет запросто, как букашку, несмотря на болезнь, и детишек своих, которые рядом находятся.

«Как мне быть? — размышлял он. — Если верзилу-шпиона удавил, и меня сможет запросто. В этом Дунаев был прав. Конфликт мне абсолютно не нужен, он мне ни к чему. Он, Савелий, все время сомневается во мне, не верит, что я свой и оставлен здесь по решению партии большевиков»...

— Папа, а папа, — обратился вдруг к своему отцу старший сынок Ванюшка, внимательно наблюдавший за ними обоими. — У тебя, наверное, опять желудок заболел. Температура, видно, сильно поднялась, — заметив сжатые кулаки и играющие скулы отца, забеспокоился он. — Лицо вон какое красное стало, — сказал, подойдя вплотную к Савелию Филипповичу и прикоснувшись своей ладошкой к его лбу, поглядывая искоса на незваного гостя. Дядька Назаря дети называли немецким прихвостнем...

— Да-да, папа, тебе надо бы полежать и мамкиной заваренной травки выпить. Тогда легче тебе станет.

Тут же подбежали от мамки все остальные дети. Они стали обнимать его и целовать.

— Папа, давай ляжем на кровать, я тебе твою сказку расскажу, — лепетал четырехлетний Толик. — Я ее уже очень хорошо запомнил.

Савелий Филиппович тут же заулыбался и, расслабившись, сказал старосте:

— Ладно. Поговорили мы с вами хорошо, и хватит. Будущее покажет, кто был прав, вы со своими прислужниками или те, кто погиб за тех, кого увезли в германское рабство вместе с Танюшкой. Думаю, — продолжал Савелий Филиппович, — что в первую очередь не поздоровится изменникам своего народа, своей Родины...

Резко поднявшись из-за стола, Назар, теперь уж совсем не добродушно, сказал:

— Если бы я был таким же, как Дунаев или тот же «попик», то вас давно бы не было в живых, «за тиф», во-первых. А тебя бы еще тогда, перед эвакуацией животных, «за саботаж», что не спешил отправляться, а игрался с детишками.

А во-вторых, ты прав, будущее покажет, хотя уже и так ясно, что немецкому фашизму капут, как и многим миллионам ни в чем не повинных людей, из-за двух каких-то тупиц. И дай Бог, — продолжал он, — чтобы мы, а потом наши дети снова могли пахать свою землю, сеять и убирать хлеб, выращивать и воспитывать своих детей и внуков, — продолжал отрезвевший Назар Арсентьевич очень серьезно. — Работать и жить лучше нас, вот что главное...

Савелий Филиппович сейчас понял, что староста после третьего граненого стакана водки вдруг стал совершенно трезвым. «Но почему? — подумал он. — Нервное напряжение или таблетки?..»

«Ой, да все равно нас не поймут и не поверят нам, когда освободят от немцев, — решил про себя Савелий. — Но что они смогут с нами сделать, если совесть чиста так же, как и руки не обгарены людской кровью, как у полицаев? Если я не предавал свой народ и не был прислужником».

— Да-давай, Филиппович, выпьем за то, — наполняя снова стаканы доверху, предложил бывший председатель, а теперь староста, — чтобы нас когда-то вспомнили наши дети и внуки. Нэ забудьтэ помянуты не злым тихым словом, как сказал когда-то наш Тарас Григорьевич Шевченко в своем «Заповіті» — «Завещании». Как он писал? «Як умру, то поховайтэ мэнэ на могыли сэрэд стэпу шырокого на Вкраїні мылій. Щоб ланы шырокополі и Дніпро і кручі було выдно, було чуты як рэвэ рэвучій».

А кстати, твоему свояку Степану Шевченко в Зайцево он, может быть, какой-то пра-пра-прадедушка?

— Этого я не знаю, а тост хороший «за наших детей и внуков». Но пить я с вами не буду.

— Так ему нельзя водку пить, — как бы выручая мужа, на ходу, с другой стороны комнаты, говорила Мария Федотовна. — Он ведь болеет, и вы это хорошо должны знать. Итак, после той эвакуации вашей, отойти не может. Весь измученный вернулся. И до сих пор не может поправиться.

Мария Федотовна, как и многие жители села, сейчас усомнились в добропорядочности бывшего председателя колхоза.

Никто не мог тогда предположить, что он себя выдвинет старостой села, как пострадавший от большевиков во время Ок-

тябрьской революции. И действительно, Назар Арсентьевич был из очень богатой семьи, эмигрировавшей за границу в начале коллективизации. Но об этом было известно очень узкому кругу членов колхоза. «Кроме меня, — сказал он, — никто не сможет уберечь людей от непродуманной, бессмысленной гибели в этой войне. Будь что будет, но все равно потом кто-то вспомнит...»

— Ты же вообще сляжешь, если сейчас будешь пить и нервничать, не только от желудка, но и от печени с почками, — сказала мужу Мария, поглядывая на старосту. — Да и пора уже всем спать ложится. Я детей еле уложила. И нам пора подошла.

Развернувшись, Мария Федотовна вышла к детям в спальню, чтоб их там успокоить.

— Да-да, конечно. Наверное, пора и честь знать, — оправдываясь, отвечал на ее упрек староста.

Выпив все же содержимое стакана, он крикнул и, вздохнув, полез в свой карман. Достав пачку немецких сигарет, он взял в зубы одну и пошел к выходу, даже не угостив Савелия, зная, что тот наотрез откажется.

— Пожалуйста, — снова заговорил староста, — не думайте, что я самый последний в этой жизни. Таких, как я, не мало. Но помните, — продолжал он, — что я ваш друг и никому, слышите вы меня, никому я ничего плохого не сделал. Я очень старался хоть как-то защитить всех вас. Но меня никто, слышите вы меня, никто не понимает и не верит мне. Никто не знает, почему именно я стал старостой, а не кто-то из истинных предателей своего народа — Дунаев, Грихович или Бойко.

Назаря Арсентьевича развезло от выпитого, и он готов был рассказать все Савелию Филипповичу, реабилитировать себя, потому что всегда замечал недобрые взгляды этого симпатичного ему человека. Он знал твердо, что Савелий терпеть не мог всякую измену, а двойственная служба нашим и вашим старосты его просто бесила.

— Я уйду отсюда немного раньше, чем нас освободят от немцев, — продолжал Назарь Арсентьевич. — Тебя я тоже могу взять с собой, если хочешь. Тогда ты останешься живым и вернешься к своей семье после войны, после окончательной победы над ними.

— Нет, я с вами не пойду. Я уже находился, хватит! — Савелию было очень обидно, что вместо армии его послали чуть ли не силой в тыл со скотом. — Мне незачем бежать с вами, куда глаза глядят. У меня совесть чиста перед Родиной, перед земляками своими и перед своей семьей, — твердо сказал Савелий Филиппович, выпроваживая старосту из дома.

Разве был он виноват в том, что его, как резервиста, не призвали в армию в сорок лет, пускай даже с больным желудком. Именно из-за эвакуации колхозных животных, что он делал по приказу уполномоченного, ему не пришлось встать в строй защитников Отечества, своих родных и близких.

Савелий не присутствовал на тех немецких сборах на площади в первые дни оккупации, когда назначало немецкое командование своего ставленника — старосту. Не мог он знать, что самовыдвижение было разработано партией большевиков, со ставкой именно на то, что Назарь — выходец из богатой семьи, да еще перед началом войны исключен из рядов партии (как потом говорили, фиктивно).

После неудачной попытки покушения на полицая Павла Бойко Савелий Филиппович решил: нельзя подвергать своих земляков опасности. «Полицай тогда совсем озверели, — вспоминал он. — Немецкому командованию и коменданту села очень тогда понравилась их жестокость к своим землякам».

И все же жизнь продолжалась для мирных жителей. Советские войска уничтожали фашистов все активнее. Немцам очень не хотелось оставлять захваченные города и села, захваченные с такой легкостью, и потому, уходя, они стали все сжигать на своем пути и взрывать. В октябре сорок третьего года Донбасс был полностью освобожден от немецкой чумы. Освободили и село Клиновое.

Одной лишь строкой показать его освобождение вроде бы неучтиво, но для всех была и есть еще Советская История СССР и хроникально-документальные фильмы. Кто, по той или иной причине, были не призваны в ряды Красной Армии перед войной и, попав под оккупацию, жили дома, теперь всех подряд — больных и здоровых, молодых и пожилых до пятидесятилетнего возраста, в том числе повзрослевших подростков-«добровольцев», обязательно призывали:

«Всем взрослым жителям на площадь! Всем, всем быстро на площадь! — кричал молодой парень, мчась по улице на гнедом коне. — Это распоряжение наших военных...»

— Опять что-то случилось, — сказала Мария Федотовна мужу, накрывая стол к ужину. — Когда немцы заступили сюда, почти без сопротивления наших войск, собирали всех нас днем перед обедом. А теперь наши к вечеру, когда солнце на закате, надумали... Видно, подмога понадобилась, неужели теперь всех подряд заберут, — размышляла она, поглядывая на мужа. Что-то голова начала побаливать и рука, только сейчас заметила она. «Уже сколько лет прошло, а память осталась от моего брата. Где он теперь, жив ли здоров?» — все же переживала и думала о нем Мария.

Несмотря на жестокое сватовство и выдачу ее силой замуж за Савелия, Мария с жалостью относилась к старшему брату Павлу Федотовичу, мысленно обвинив во всем случившемся свою сноху Марфу. Однако не держала она зла или ненависть на них, приучив и своих четверых детей называть брата своего дядей Павлушей, а сноху тетей Марфушей.

— Теперь не страшно, — отвечал Савелий Филиппович, заметив болезненный вид и плохое настроение жены, предчувствуя скорую разлуку с любимой...

— Ты пойдешь со мной, Маруся? — спросил он, собираясь. — Что-то ты неважно выглядишь. Приболела, наверное?

— Конечно, пойду, — ответила жена. — Это все пройдет. Вернемся, потом поужинаем и детей покормим... Наверно, нас ненадолго собирают на ночь глядя.

— Нас освободили, это самое главное, — отвечал Савелий. — Вот только жаль, полицаев мы упустили, не доглядели мы с кумом Петром Михайловичем и Тихоном Васильевичем. Нашли гады момент, ускользнули. Но они свое получают, если уже не получили по заслугам, — приближаясь к назначенному нашим военными месту сбора, рассуждал он.

— Всему взрослому населению быстро на площадь! — разносились команды по улицам села.

С востока надвигались черные дождевые тучи. За горизонтом «Ёновой могилы» сверкала молния, издалека доносились громовые раскаты, а на западе слышались взрывы бомб и снарядов.

Еще стонала земля от боли и горя человеческого. Солнце готово было спрятаться за горизонт. Вдруг, подул сильный ураганный ветер, и быстро, страшные тучи заволокли небо. Тут же начался дождь с крупным градом, с грозой и молнией, и люди быстро побежали в находившийся рядом клуб, чудом уцелевший при отступлении немцев. — О Боже мой!

— Та що ж цэ за наказаніе Господне? — раздавались бабьи голоса. — Як із відра льє. Тоді така ж погода нагрянула, колы німці вступылы в сэло. А тэпэр свої. И тэж, он що творыцца; — продолжали они под крышей, как-то отряхиваясь.

— Что-то не к хорошему всех нас собирают в это время под вечер, не напраздник. Хотя не так давно нас освободили от этих антихристов. Но война проклятущая, она-то продолжается. Солнце уже, мабуть, сіло на отдых, управлятысь дома пора, бо кіросіна нэма, прыйдэтыся, впотемках, — слышались перешептывания женщин.

— Тэпэр, колы всі люды зійдутся сюды із-за такого дождя?.. Ось Дунаевых, Грыховычів та «попівських» родычів нэма. Павла Бойко, що в поліції служыв гад проклятый.

— Так воны ж, мабуть, вмісті з нымы..

— Та ні, — отвечали другие. — Ихні хозяева не взяли іх з собою. Тількы гарно прыпугнули з автоматів, положиылы на землю, ну жывымы оставылы, а самі драпанулы, гады...

Глава двадцать шестая

Мобилизация

— Всем взрослым парням и мужчинам немедленно зарегистрироваться у представителя военного командования и нашего передвижного военкомата! — раздалась команда младшего лейтенанта НКВД. — Молодежи подходит к этому столу, а взрослым — вон к тому, что у березки. Давай шевелись, — после немцев прикинулись больными? Не пройдет, я вам покажу кузькину мать на передовой, когда пойдете на этих немцев в штыковую. Попомните мои слова!

— Ба-а-а, так цэ ж наш Лева Зильберман! — чуть ли не закричала Мария Романовша. — Він ще з моею дочкою щось крутив, а потом в сороковому, мабуть, році вэсною кудысь збіг. Ну дэржысь, гад паршывый. Участковый, паразіт нэ-частный.

— Фамилия! Имя! Отчество! Год рождения! — спрашивали сердитые военные, иногда обращая особое внимание на юного или бородатого мужика болезненного вида, казавшегося совсем пожилым.

— Зачем бороду отпустил? Чтоб стариком казаться?

— Нечем бриться, да и незачем, — отвечали некоторые.

— Почему отсиживались дома?

— А куда нам было идти, если кругом немцы и полицаи?

Допросы снимали с пренебрежением или даже презрением ко всем, кто оставался под оккупацией. Часто, не выслушав доводов или объяснений, в том числе и рассказа Савелия Филипповича об эвакуации, тот же «желторотый» младший лейтенант Лева Зильберман кричал:

— Вы все у меня заплаете под пулями противника!.. Вы здесь дружили с ними, а мы за вас там кровь свою проливали.

— Это кто же проливал? — хотелось громко спросить Савелию и другим мужикам, знавшим этот тип евреев, которые, узнав, что Гитлер их всех поголовно убивает, своевременно сбежали в глубокий тыл России, поближе к Уральским горам.

Там, закончив училище НКВД, после поражения немецко-фашистских войск под Сталинградом и Москвой, стал заниматься пополнением красноармейских частей, сопровождая солдат в штрафные батальоны.

Части НКВД стояли в качестве заградительных отрядов на случай отступления тех, кто струсил или испугался кромешного ада. Эти Зильбельманы и Петерманы расстреливали штрафбатовцев в спину, не указывая в похоронках, где это произошло и как.

Бывало, штрафники совершали подвиги, которые заслуживали звания и наград, но их не награждали, лишь только потому, что они были в штрафном батальоне. Во взводах и ротах их называли «шурочками», потому, что были там и зэки, осужден-

ные ранее по всяким статьям УК. Но об этом никто не знал, ибо правда не всегда доходит до простого народа.

— Вы все зачислены в отдельный пехотный батальон и будете кровью смывать свою вину, что попали под оккупацию немцев! — с язвительной улыбкой громогласно сообщил «освободитель» Лев Зильберман. — Я вас научу, как Родину любить!

Седовласый майор, с палочкой, сердито посмотрел на младшего офицера и, слегка оттолкнув в сторону, сказал, глядя на молодых:

— У всех зарегистрированных нынче призывников есть возможность искупить нашу общую вину, что вы попали под оккупацию немецко-фашистских выродков по разным причинам. Не моя в том вина и не ваша, что армия оставила вас под оккупацией. Так получилось, и некого в этом винить. Кто-то уже погиб, кто-то ответил за все, что произошло. Немецкие войска упорно сопротивляются, используют любую возможность удержать захваченную территорию. При отступлении они взрывают мосты, минируют поля и заводы. Но мы намерены уничтожать их даже в их собственном фашистском логове! Многое было в вашей жизни тяжелого, но именно вам назначено судьбой освободить всю Европу от этой коричневой чумы! Именно нашим солдатам и офицерам, в том числе и вам, предстоит восстанавливать советское народное хозяйство после нашей великой победы!

А сейчас все возвращайтесь по домам, побудьте эту ночь с детьми и родными. Все вы должны подготовиться к отправке. Собрать вещи, помыться, побриться и к восьми ноль-ноль явиться с вещами сюда! Никаких задержек не должно быть! И пойдем мы на Краматорский пункт формирования батальонов! Это приказ Верховного Главнокомандования. Р-р-разойдись! — скомандовал он, доставая портсигар.

Все стали расходиться, переговариваясь между собой.

— Оцэй командір более-менее человечный, грамотный, толковый. Нэ то що той «жовторотый» лэйтенант, — говорил Демид Афанасьевич Безмин односельчанам Савелию Филипповичу, Петру Михайловичу и Тихону Васильевичу.

— Як будьто тільки мы одні вынуваті, що попали під окупацію німців! — прикуривая, возмущался он, остановившись. — Він, мабуть, просто придурок чекнутый.

— Да-а-а-а, — ответил Савелий Филиппович. — Получается именно так у молодого выскочки.

— Хто спортив воздух? Нэвістка. Та дэж вона? Та в полі волів пасэ! Відтіль вітэр нэсэ.

— Что здесь может быть не понятно? — продолжал Савелий. — Разве может признать свою вину тот молокосос лейтенант, сбежавший со страха в глубокий тыл? Конечно, нет...

Сильный ветер с градом прекратился еще тогда, когда все люди находились в помещении клуба, регистрировались, слушали военных. Возвращаться домой по грязи было очень тяжело. Было сыро и темно, хоть глаза выколи. Рядом и чуть сзади шли их жены, высказывая свое мнение о случившемся.

— Это что же такое получается, а? Где же правда? Сами нас оставили, отступили, чтоб себе жизнь сохранить. Пришли, освободили нас от поганых немцев, теперь во всем нас обвиняют.

А теперь этот пацан, наш «участковый», что сбежал подалее от нас, о чем он кричал? — возмущалась Мария Федотовна.

— Сам-то, мабудь, пороху нэ нюхав, а вжэ лопоче откормлена еврейска морда... Будьто дэсь воював «кацап» несчастный, — говорила Евдокия.

— Та якый там із нього кацап? — возмутилась Ульяна Григорьевна Веричь, жена секретаря сельсовета. — Цэ сама настояща жыдовска рожа! Він же настоящий еврейский сынок сэмыи Зильбермана Левы Соломоновича, выехавшего отсюда весной сорокового года куда-то в Россию, колы узналы воны от когось, що Гитлер захватыв всю Европу, і евреев всіх зныщуе беспощадно.

— А ты зачем підходів к этому вояке сопльвому? — спрашивала своего сына впереди идущая соседка Горянши.

— Я тэж піду убывать фашыстскіх гадів. Трэба помочь нашім, та й таткові свойому. Всі вмісті підэмо.

Именно из таких ребят, 1928 года рождения, которым еще не исполнилось даже шестнадцати лет, но имевших подходящий рост и телосложение, набирали армию. Таких молодых добровольцев среди односельчан оказалось пять.

В то время люди из сельской местности никаких паспортов не имели, да и свидетельства о рождении не каждый носил при

себе. Поэтому, приписав себе по несколько месяцев и прибавив года вперед, ребята стремились попасть на фронт. Мальчишкам верили на слово и забирали защищать Родину, как передовую молодежь из числа комсомольцев и бывших пионеров. Очень многие из них не вернулись после войны домой: кто погиб на фронтах, кто-то, женившись на медсестричках или девушках из местного населения, изменил место жительства, так как не хотел возвращаться...

«Трагическими стали для Отчизны, в том числе и жителей Клиновского сельсовета, годы оккупации. За 22 месяца (ноябрь 1941 г. — декабрь 1943 г.) от рук немцев погибло 68 жителей села, дети, женщины, старики.

223 человека ушли на фронт, 169 из них погибли, умерли от ран, пропали без вести»¹.

В своих очерках «Год за годом» авторы очень мало раскрыли настоящие имена жителей — защитников своего Отечества, а также кого и за что расстреляли немецкие фашисты.

Осталось неизвестным имя Савелия Филипповича Шепитько, поддерживающего связь с партизанами, переводящего сведения и обеспечивающего их продуктами питания во время оккупации немцами²...

Дети встретили родителей настороженно, без улыбок и шуток, словно знали, что их ждет неприятность. Заметив слезы на глазах матери, они вошли в хату тоже расстроенные. Первым подбежал к маме самый меньший Толя, которому прошедшим летом исполнилось четыре годика. Мария Федотовна нежно погладила его по головке и тут же расплакалась. Присела на скамеечку, стоявшую неподалеку у входа возле печки, вдыхая и обнимая мальчонку. Отец, тоже с влажными глазами, взяв сына на руки, стал целовать со словами:

— Вот кто будет отстраивать наше хозяйство, а не те, кто со мной завтра уйдут из дому.

— Папа, а ты надовго уйдешь из дому? — спросил мальчишка.

— Нет, — отвечал Савелий Филиппович. — Я не надолго уйду. Как только уничтожим фашистов рыжих, сопливых, так сразу

¹ «Год за годом» Ю.Ф. Бабич и др. Имею этот документ...

² Из рассказов свидетелей.

же вернусь домой к вам. Ваня вырастет, уйдет из дома и Таня, только ты один останешься у матери. Береги ее, сынок. Помогай... маме...

Подбежали к маме старшая Шура и еще Таня, тоже заплакали, глядя на нее. Они подумали, что папа еще на улице, а может, во дворе у входа в дом, обидел чем-то маму, как бывало иногда раньше. Сейчас, не слушая его разговора с самым меньшим их братиком Толиком, они плакали навзрыд.

Девчонки не поверили Ване, пришедшему домой в расстроенных чувствах, что их папу утром забирают на фронт.

— Неужели и больных всех подберут? — размышлял Ваня. — Где же правда? Ведь у папы больной желудок. Как же он будет воевать там?

Он бегал в клуб следом за взрослыми и все слышал. Возненавидел мальчишка того вояку-жиденьша, кричавшего на мужиков и на его папу.

— «Будете под пулями плясать. Я научу вас, как Родину любить», — передразнил он. — Я б його на куски раздрав. А вот тот дядя военный чим-то похож на дедушку Даню був, очень умно говорил нашим хлопцям-призывникам, но постарше меня. И почему я не раньше родился? Я бы с ним, с этим «воякой» поговорил бы по-мужски, и сейчас пошел бы вместе со всеми и с папой. Его бы в госпиталь отправил, упробил бы начальство, а сам его подменил бы...

Сейчас тринадцатилетний Ваня сидел за столом с очень серьезным и даже сердитым лицом, но со слезами на глазах.

— Пойду-ка я схожу в коровник, в последний раз положу корове да поилом напою, — вытирая влажные глаза, сказал Савелий Филиппович.

— Ты почему говоришь «в последний раз»? Разве так можно? — Мария Федотовна горестно поглядела на него, вытирая слезы.

— Я же не на свадьбу уйду утром...

— Папа, папа, я все это уже сделал, — говорил Ваня. — Вот только подоить не успел.

— Ничего, сынок. Я сейчас сама подою. Потом повечереяемо и ляжем спать. Вам уже пора.

— А куда папка утром пидэ? — стала допытываться Таня.

— А тех догонять и убывать, хто в Германию Таню Матрены Федоровны увез, — ответил Ваня. — Кто мне дулю скрутил и тыкнув вместо шоколадки под нос. Потом Толи нашему скрутив зовсим нэдавню. И як він ударыв за это німця рыжого, своей ногой по его раненой, а він хотів нас всех росстрелять з автомата. Наверно, помнішь? Хорошо, шо мама була дома и нас успела сховать.

Через некоторое время в комнату, управившись по хозяйству, вошли родители.

— Ну-ка, мойте руки и за стол. Будем вечерять, и спать вам пора.

— Так я його бачила ось тут, не далеко от нашей хаты убитым, а молока я нэ хочу, — напомнила Таня брату. — Их тоди всех убила бомба из нашего самолета. А мы в саду булы з мамою, за грушами, в вышневых кустах ховались...

Дело было так.

Была глубокая осень 1943 года, начало ноября месяца. Не мецко-фашистские войска, отступая под натиском советских вооруженных сил, партизанских отрядов и народа, изливая ненависть, злость за поражение в этой войне на беззащитных стариков и детей, сжигали дома, взрывали мосты, фабрики и заводы, расстреливали всех, кто попадался на глаза.

Дети и Мария Федотовна были у себя дома. Группа солдат с унтерофицером, отступая, ворвалась в дом и потребовала у хозяйки продукты: сало, яйко, мякю, хлеба.

«Не дай еды, добра от этих выродков не жди», — подумала она. Что было в доме, выложила на стол, а сама вместе с детьми притаилась в уголке кухни.

Выпивая свой шнапс, они ели все подряд, как голодные шакалы. Накладывали на нарезанные куски свежего хлеба слой масла раза в два-три толще хлеба, после, съев это все, часто бегали под сарай, а некоторые под кусты.

— Мамо, я тоже кушать хочу, — шептали дети на ухо Марии Федотовны. — И я хочу, и я, и я тоже ...

— Потерпите, — отвечала мать. — Вот уйдут они, тогда покушаем. — Она не подозревала, что среди немцев есть переводчик.

— Мама, подывысь, як той німэць жрэ шоколад з маслом і эалені соплі чуть не в рот падають, — сказала Таня.

— А-а-а киндер хъечет? Подойди, — показывая шоколадку, позвал Толю к себе знающий русский язык сопливый обжора.

Ребенок стоял в нерешительности, смотрел на него с недоверием.

— Подойди, мальчик, не бойся. Дядя Фриц тебе даст гостинец, — отозвался их переводчик, немец Пэтэр, живший некоторое время в России и хорошо знавший русский язык.

Унтер держал шоколадку двумя пальцами, шморыгая носом, улыбаясь, показывая огромные «конские» зубы. Остальные немцы что-то джеркотали по-своему, а переводчик повторил свое приглашение несколько раз, потом поднялся из-за стола и, подойдя к нему, сказал:

— Эй, русский schwein kind¹, подойди поближе. Давай, иди к дяде. Подойди поближе, не бойся. И ты получишь гостинец от дяди Фрица.

Но мальчика смущали под его носом зеленые, противные, до самых его губ сопли и зеленые недружелюбные глаза. Немец ехидно улыбался, оглядываясь на друзей, которые продолжали что-то говорить по-своему, показывая пальцем на ребенка.

Переводчик, схватив мальчика за шею, с силой толкнул его к унтеру. Тот, кувыркнув шоколадку в свой подол, скрутил фигу и протянул ее мальчишке прямо к носу, чуть ли не дотронувшись до него. Раздался злорадный смех немцев, и только один из них не смеялся, видимо, презирал своих за издевательство и насмешки над ребенком.

Лицо мальчишки стало огненно-красным, сжались кулачки. В этот миг карапуз пнул по раненой ноге обидчика, повернулся и побежал к матери.

— Шоп ты сйогодні сдох, — крикнул он, оборачиваясь к немцу.

Мария Федотовна, до смерти испугавшись, вытолкнула детей за дверь и закрыла ее за собой. В комнате поднялся страшный гвалт, неразбериха. Раздались выстрелы.

¹ Свинья, ребенок (нем.).

— Быстрее бегите отсюда, уходите в сад, — закричал выбежавший следом пленный солдат и сам куда-то убежал, оглядываясь по сторонам.

Семья побежала в кустарник, скрываясь в вишневых кустах. Тут же высоко в небе пролетели наши истребители, прикрывавшие тяжело нагруженных пикировщиков.

Немцы, выскочившие из домов, начали стрелять из автоматов по нашим самолетам. Один из бомбовозов немного отклонился в сторону и сбросил на село несколько бомб. Неподдалеку от спрятавшихся в кустах детей и матери раздался первый оглушительный взрыв. Мария Федотовна перекрестилась. Неподдалеку от ограды раздавался тихий стон умирающего немца. Таня, выскочившая из укрытия первой, увидела, как рядом с домом, на улице, ближе к сельскому магазину, остались лежать трупы немцев. Они валялись где попало, но среди них девочка увидела и того рыжего сопливого унтерофицера, на рот которого уже уселась зеленая муха.

— Получил он свое по заслугам. И все те, кто смеялся над братиком, — сказала Таня. — Нашел с кем воевать, с пацаненком, которому пошел пятый годик от роду совсем недавно.

...Бессонная ночь наконец прошла. Желудок не давал покоя отцу. Он ворочался с боку на бок, стонал и мучился. Мама поила его травами, он что-то шептал ей на ухо, а спозаранок она заварила на дорогу разные настои для желудка.

*Звезда растаяла ночная,
Под утро в небе растворяясь,
— Благослови меня, родная, —
Шептал он тихо, не стыдясь.
Ладонью губы прикрывая,
Смахнув слезу, поцеловал...
— Ах, не грусти, моя родная,
С больным желудком я устал.
Мы там на фронте разберемся:
Кто был не прав и где был я...
Коль суждено, то мы вернемся,
А если нет... ты жди меня.*

Трудно судить, кто в ту ночь спал крепким сном, а кто страдал бессонницей. Все осознавали, куда идут их отцы и братья. К семи часам утра люди стояли на улице. Село гудело. Оно, встревоженное, как пчелиный улей, готовилось провожать сво-

их мужчин на фронт. Были видны слезы на глазах у провожающих, слышен подбадривающий смех уходящих на фронт молодых парней.

— Ну, конечно, сначала переоденут, молодых обучат стрелять по цели, а потом, наверно, отправят на фронт, — обнимая крепко жену, Савелий Филиппович успокаивал ее как мог.

— «Ты — единственная и неповторимая моя жена и мать. Береги наших детей так, как делала это всегда. Не держи на меня зла или обиду какую, если я тебя когда-то чем-то обидел».

Дети Савелия и Марии, остановившись у забора, смотрели на прощание родителей. Не выдержав тягостной минуты, первым бросился на руки к отцу самый меньший сынок. Никогда он этого не забудет, и никогда больше в жизни его, не повторится, как тогда папа поднял его на руки, вскинул на вытянутых руках высоко-высоко в небо, где птицы летали...

Конечно, трудно поверить, что в таком возрасте ребенок мог столь отчетливо запомнить мгновения прощания, и тем не менее это так.

*...И кружилась земля далеко подо мной,
И все дети по кругу смеялись...*

Раздалась команда строится в колонну по четыре, и все поспешили ее выполнить, в том числе и Савелий Филиппович. Дети маленькие плакали, стараясь не отпустить от себя своих отцов и братьев. Однако приказ есть приказ, и военные быстро построили новобранцев в колонну и повели на запад. Подбирая шаг, мужчины разных возрастов старались не оборачиваться, ибо знали, что за ними спешат дети, жены и старики.

Провожающие долго шли следом за отдаляющейся колонной вытирая слезы... Вместе со всеми шагал и Савелий Филиппович, изредка оглядываясь и махая рукой остающимся, а главное, своей семье.

Остановившись на бугорке, матери и жены с детьми на руках, старики с палочками и на костылях смотрели им вслед до тех пор, пока не заболели глаза от слез и напряжения. Они вглядывались в горизонт, которые заволакивали черные дождевые тучи с далекой пока молнией.

— Какая страшная туча и гром там, впереди них, — говорили некоторые провожающие. — Папка попадэ під дождь! Промокнэ весь і заболіе ще бiльше, — дергая Марию за рукав и юбку, говорили громко Таня и другие дети.

— Давай його догонимо и вэрнэмо домой, пока дождь його не намочів, слышышь, мама? Давай догоним папу нашего. Папа, вернысь до нас! — кричала она. — Зараз дождь тэбэ намоче. Папа, промокнешь, вэрны-ы-ысь...

Вскоре над селом поднялся очень сильный, штормовой ветер. Он гнал грозовые тучи, раскидывая ветки деревьев. Замычали коровы, заблели овцы, спрятались в конурах собаки. Дети стали зябнуть и, испугавшись молнии, прогремевшей рядом, заплакали, прижимаясь к своим родным и близким. Сверкнула еще раз очень яркая молния, загромыхала гроза, закрыв черными облаками все небо округи.

— Ты подывысь, Маруся, якый сйогодня страшный дэнь, — сказала, закрываясь платком, женщина, такая же солдатка, проводившая своих родных из хутора в общей колонне. — Всем стало страшно и больно, что хотя нас и освободили, но война-то еще не окончена. Она проклятушая еще продолжается, и Бог его знает — останется ли кто-нибудь из ушедших в живых? Сможем ли мы еще раз свидеться на этой земле? Как ты считаешь, Маруся?..

— И за шо нам такая кара Господняя? — запричитала навзрыд бабка Горянша, проводив своего Ивана на фронт. — Як жэ я буду жыть без нього на той горі, на выгоні¹...

Дождь их быстро догнал, поливая потоками воды. Но женщинам было не до этого, они думали об ушедших и о тяжелом будущем, — надо было как-то выживать, растить детей.

Вдруг рядом что-то так сильно громыхнуло, что всех людей в момент оглушило. Оказалось, это молния ударила в дерево, под которое спряталась одна из молодых вдовушек, совсем недавно получившая похоронку и только что проводившая на фронт брата Василия.

¹ Место, где до войны пастух собирал рогатый скот и гнал на пастбище.

Ее убило наповал. Даже верхушка оставшегося дерева загорелась, а упавшая часть, на их глазах, прикрыла своими листьями молодую. Женщина обуглилась, за короткое время почернела до неузнаваемости. Все были поражены случившимся. Кто-то накинул ей на лицо платок, подхватили дряблкое тело и понесли домой. Проливной дождь продолжался. Часто сверкала молния, гремели раскаты грома то далеко, то совсем близко, и казалось, что всему этому конца никогда не будет. Женщины, не переставая, крестились, молились Богу... Громко плакали дети. Снова молния шархнула над селом, да с такой силой, что все с испуга присели на месте. До первого дома, Драного Кирилла, оставалось еще с полкилометра или чуть больше, как вдруг бабка Горянша закричала:

— Люды добрі! Наша хата горить на горі! Поможіть, людоцьки добрі! — заголосила она. — Там же нікого дома немає і ніхто нэ бачэ цього горюшка! — Побежала, споткнулась, упала и снова...

Несмотря на проливной дождь, пожар внутри рубленого дома разгорался с невероятной быстротой — в то время все крыши были покрыты соломой вперемешку с камышом.

Люди поспешили туда, но было поздно. Спасти ничего не удалось. А место было известное: до войны пастух Иван Горяныч здесь собирал стадо, здесь же построил дом, тут же и жил. А теперь, в тот же день, когда его забрали в действующую армию, от одной молнии семья осталась без жилья.

Освобожденный от немцев колхоз вскоре решил помочь этой семье, где кроме матери было четыре сына. На одной из улиц пустовал чей-то заброшенный, чуть-чуть пострадавший ранее от пожара дом. Он был без окон и без дверей, зато имелись стены и крыша. Собравшиеся возле погорельцев старики решили помочь семье и сделать все это своими руками. У кого-то были оконные рамы в запасе, у кого-то сохранились двери. Через неделю семья Горянки уже жила в центре села, в прекрасном отремонтированном доме — дворце, если сравнить его с тем, что сгорел на горе.

Одной из женщин, проводившей на фронт сына, через два дня пришла в голову мысль пойти по следу колонны, найти на привале своих мужей и сынов, накормить их. Она настойчиво

убеждала соседок, что всех мужчин уже обмундировали, а если это так, то надо забрать их одежду домой, чтоб дети донашивали, чаще вспоминая отцов. А если кто-то там простыл или заболел, то увезти домой, подлечить, а там видно будет. Она уверяла всех, что в городе Краматорске их сначала чему-то обучат, а потом лишь увезут на фронт.

— Мы еще успеем повидаться, — твердила она, уверяя всех в своей правоте. — Они еще учатся маршировать и стрелять. Не может такого быть, чтобы мы их не застали.

Согласившихся с ее доводами собралось всего пять человек. Мария Федотовна оказалась шестой.

Преодолев пешком свыше двадцати километров по бездорожью, женщины нашли тот стадион, где всем выдали солдатскую форму с обмотками вместо гражданской одежды. Узнав, что мужей их уже отправили дальше, женщины пришли в отчаяние. Они винили себя в том, что поверили Зинке Пакудивской.

— Так их еще вчера переодели и отправили эшеленом, — сказали очевидцы женщины.

— Увезли их прямо на Западный фронт. На передовую линию, значит, как штрафников, — перебивая всех, уточнил солдат без ноги, на костылях. — Их пули всему обучат по обстановке. А я вот, как видите, уже отвоевался под Сталинградом. А кого же вы ищете? — поинтересовался далее фронтовик. — Хоть по приметам каким-то расскажите. Их-то здесь было ой как много! Да все они были разных возрастов, как говорится, стар и млад.

Мария Федотовна стала рассказывать о своем: какого роста был ее муж Савелий, какого возраста, в чем одет был и откуда. Женщины слушали, потом отвечали:

— Не припомню я такого. Я не видела, не ходила к ним.

— Я нэ бачила такого... Их было тут дужэ богато...

А одна молодуха, видно, тряпошница, вышла вперед и сказала, сощурив глазки, как у «крысы болотной»:

— Нічого вам тут шукаты! А тэ, що оставылы мэні ваші хлопці, я вам нічогошенькы не віддам і даже копатысь в цих вэцах нэ дозволю. Що з возу упало, то давно, тут жэ пропало...

Развернувшись, молодуха решила было уйти, но клиновчанки стали просить, чтобы им разрешили хотя бы посмотреть на вещи. Безжалостная молодуха стояла на своем:

— Нет, нет і щэ раз нет! Я нэ дозволю копатысь в вэщах чужых, що уже з возу упало, то тутечкы і пропало, — повторила она.

«Крыса болотная» открыла калитку в своих добротных воротах и скрылась во дворе со словами:

— Колы будэтэ продовжуваты крычаты та трэбуваты, то я спущу на вас свого пса. А він дужэ быстро файно, хорошо з вамы разбереться, нэ то що ваша руська дворняшка якась. Краще відійдіть подалі...

Во дворе действительно громко лаял пес. Ему вторил уже немаленький щенок. Они царапали калитку, и казалось, если вдруг перепрыгнуть сюда, то запросто смогут всех поразрывать в клочья. Такого пса в селе никто из жителей не держал, видели их только в руках немецко-фашистских захватчиков, когда те совершали разминки или вели занятия по поиску военно-пленных и партизан.

— Она одна такая хапуга — только для своего брюха старается, со своим псом немецким, — говорили женщины, отходя подалее от дома.

— Подавься ты, тряпошныца, чужым добром! — слышались голоса в адрес той «крысы». — Пропады ты пропадом!

— Солнце опустилось очень низко, возвращаться уже поздно. Вот-вот оно спрячется, и ночью станет прохладнее, хотя еще тепло на улице, — рассуждали местные прохожие люди.

— Но этим солдаткам пришлым не до красоты природы. Им бы просто где-то переночевать, — шептались бабы. — Да было бы где у меня, я бы пригласила их к себе в дом.

— Погода как по заказу, — подала голос Мария Федотовна. — Придется нам, девки, здесь заночевать, на поляне возле стадиона. Здесь, наверное, и наши хлопцы отдыхали до отправления. Вот они свои следы-то и оставили.

Действительно, следы были разные. Обойдя всю поляну, женщины ничего хорошего «своего» не обнаружили. Кое-где были оставлены разные вещи, к примеру еще подходящий ботинок, сапог или рубашка какая-то. Но многое уже было прибрано жителями города, чтобы вынести это на «барахолку». Там, на толкучке, эту старую одежду продадут или обменяют, тут все продается или меняется. Безногий «сталинградец», сидя на пеньке, наблюдал со стороны и прислушивался к разговору

сельчан. И вот когда все собрались в одно место, подошел к ним, заговорил:

— Мне мои родные рассказывали, что у этой крысы болотной, как вы справедливо заметили, муж был начальником немецкой полиции. Теперь вместе с немцами, наверно, сбежал гад. Я этого продажного человека очень хорошо знал, мы учились вместе в школе. Ничего, он свое получит по заслугам! Все равно найдем его подлую рожу, как бы ни прятался и ни маскировался после войны. Мы там кровь свою проливали, жизнью своей рисковали, а эти ублюдки, всякие крысы болотные, что хотели здесь, то и творили, радуясь фашистским гадам из Германии, за то, что они им дали такую волю. Не-е-ет! Все это им так не пройдет.

Мария заметила, что молодой безногий человек был еще изрядно контужен под Сталинградом. Женщины, слушая фронтовика, понимали его настроение, у некоторых подкатывал комок в горле, а кто-то вытирал слезы.

— Попалась же у нас на пути такая падаль-крыса, потерявшая давно совесть. А нам-то, как бы пригодилась эта одежда и обувь, ее можно было бы донашивать дома или на работе!

— Ну что ж, уважаемые женщины, всякое бывает, успокойтесь, — сказал фронтовик. — Пойдемте ко мне ночевать. У меня места на всех хватит. Негоже ночевать на улице, хотя сейчас еще и тепло. А поутру, когда захотите, тогда и пойдете домой.

Женщины заулыбались. Они не ожидали от молодого парня подобного гостеприимства. В доме за чаем, они еще долго беседовали между собой, слушая рассказы хозяина о боях под Сталинградом.

Однако, усталость одолела. К полуночи все улеглись спать, кто на кровати и топчане, а кто на полу деревянном, что-то подостлав под бок. Рано на заре женщины стали собираться. Хозяин дома, проснувшийся немного раньше, вскинул огонь в печке, приготовив кипяток с сухарями, позвал всех к столу.

— Да что вы еще придумали? У нас есть свои харчі. Мы же все с собой брали, чтоб своїх хлопцев покормить. И к тому же так рано мы дома не кушаем, пока не управимся по хозяйству, — смутилась одна из молодых.

— А где ваша хозяйка? — поинтересовалась Зинка Пакуда.

— Она как увидела меня без ноги, так сразу и ушла, — отвечал молодой фронтовик. — Но я не переживаю и ни о чем не жалею. Все правильно решила она. Зачем ей нужен калека, безногий инвалид? Ни потанцевать со мной, ни побегать в жмурки. Ведь жена совсем еще молодая, а я безногий теперь, да еще и постарше ее на целых десять лет. К тому же она наверняка останется бездетной — запоздалый аборт у одной бабки делала. Меня забрали на фронт, а она поспешила на аборт. В общем, она сама порешила свою судьбу еще до моего госпиталя под Сталинградом.

«Что же это за вертихвостка попалась такому симпатичному и, как видно, хозяйственному парню? Смотри-ка, у него все аккуратно и чисто в доме. Как будто здесь женские руки все успевают делать. А ведь у него на левой руке нет ни единого пальца», — рассуждали про себя женщины.

— А та крыса подлая, — разговорился снова «сталинградец», — ежедневно стоит на барахолке, продает вещи чужие, которые достались «на халяву». Она, подлая спекулянтка, думает разбогатеть за счет ограбленных, за счет таких, как вы да я? Надо ее наказать, она получит сполна! Я уже давно спланировал, как это осуществить. Не гонись за многим на земле! Только тогда ты будешь счастлив и все тебя будут уважать, — сказал в заключение инвалид.

Женщины, пожелав ему счастья и удачи во всем, ушли, сердечно поблагодарив его за гостеприимство и сочувствие.

Возвращались они домой не в лучшем настроении, растянувшись цепочкой вдоль дороги. Мария думала о своем: как там дети одни ночь провели и целых два дня, не голодны ли?

Это война, тут ничего не поделаешь. Что-либо изменить невозможно, хотя душевным волнениям еще долгие годы никаких преград не будет. Постонут бабы ночью в подушку, да утром выйдут на работу, чтобы хоть как-то прокормить семью. Перед войной многих мужчин не призвали в армию из-за различных болезней, чтобы не возиться с ними по госпиталям, посчитали, что Родина обойдется без них. А сейчас-то зачем всех подряд подобрали без разбору — больной ты по-прежнему или еще сильнее прежнего, стал ли ты совер-

шеннолетним и как, чем жил под оккупацией, на что рассчитывал? Вероятнее всего, этими же «доверенными» лицами — Зильберманами-евреями да всякими хапугами для своего брюха, которые доставали себе бронь шахтеров или железнодорожников, чтобы уклониться от призыва в армию, спасали себя от фронта.

Но жизнь продолжалась несмотря на трудности лихолетья. В глубоком тылу на Донбассе трудолюбивый народ сразу же начал возрождать и отстраивать разрушенное немцами хозяйство.

Многое в селе было сожжено: амбулатория, клуб, контора колхоза, где сидел староста, успевший исчезнуть заранее, и несколько жилых домов. Все это надо было отстраивать заново.

Во время оккупации дети не учились, нужно было восстановить школу. Стали возвращаться домой фронтовики, по одному, да и то очень редко, по случаю какого-то ранения, после госпиталя. Взялись за работу старики, старухи и подростки.

Работали дружно, так как были уверены, что немцам возврата не будет, а жить и работать надо, и главное — на себя. Активность людей была очень высока. Звенком, связывающим людей в дружный коллектив, стали беда и голод. Не хватало леса, а нужны были окна, двери, полы, крыша над головой.

Мария Федотовна только после Великой Отечественной войны, после победы над немцами и японской мелюзгой, через два года, 1 ноября 1947-го получила извещение-похоронку: «Ваш муж Шепитько Савелий Филиппович, 1900 года рождения, в феврале 1944 года пропал без вести» — и далее нет ни пояснений, ни объяснений, где пропал, почему, при каких обстоятельствах. Одним словом, бездушный бланк, заполненный бездушным человеком, за подписью с печатью военкома Артемовска, подполковника Иосифа Тимофеевича Жеваго.

Вся семья помнит, сколько было слез и горя у нас. Я никогда не забуду, как обрадовалась Дуняха, когда узнала о нашем горе. До сих пор вижу ее улыбающуюся, самую презренную из всех, какие мне довелось в жизни своей видеть.

Отец

*Неизвестно, где твоя могила,
Где сложил ты голову, отец,
Где поник ты, потеряв все силы,
Где как дождь хлестал тебя свинец.
Ты у нас ведь без вести пропавший...
Где, в каком краю тебя искать?
Сколько дней, ночей уже не спавши,
Ждут домой твоя семья и мать...
Отзовись, подай далекий голос!
Детям пару слов своим скажи.
Может быть, лежишь, как в поле колос,
Но мы ждем и верим, что ты жив!*

Глава двадцать седьмая

Любовь и слезы. Визит солдата

У обочины верстовой дороги, на перекрестке, солдат-фронтвик Филипп Закревский поджидал попутный транспорт, что бы доехать до хутора Возрождение, а если получится, то заехать по пути в село Клиновое.

Проехала мимо него автополупторка в сторону города, а на встречу на подводе, запряженной парой немецких тягеловозов, возвращался из города домой сравнительно молодой боец, ранее комиссованный... Андрей Макогон, бывший коммерсант НЭПа, позже ставший известным, как бригадир передовой тракторной бригады колхоза имени Ивана Козаченко...

На голове у него была фуражка НКВД. Одет был в гимнастерку без погон, на груди у него медаль «За отвагу».

Извозчик, увидев инвалида на колодежном протезе, без руки, с небольшим солдатским рюкзаком за плечом, сам остановился без просьбы, спросил:

— Куда путь держите, наш доблестный защитник от фашизма?

— Мне на хутор Возрождение надо бы добраться. Там моя семья. Родители там живут. А в Клиновом, — продолжал инвалид, — обещал я проведать после войны моего товарища... Савелия Шепитько. Если нам по пути, подвези-

те хотя бы до того села. Век не забуду. А там я уж как-нибудь доберусь...

— О чем речь? — обрадованно воскликнул Андрей Макогон. — Не имею права вам отказать! С удовольствием вас доставлю куда скажете! Вы это заслужили. К тому же нам действительно фактически по пути...

Андрей Макогон с удовольствием помог инвалиду взобраться на подводу, где было много сухого сена вперемешку с зеленой травой для лошадей. Облегченно вздохнул, подумал с улыбкой: «Хоть не один буду ехать больше часа. Все веселее будет. Будет с кем поговорить. Да и очень жаль земляка...»

«Наконец-то я теперь скоро буду дома, — подумал солдат. — Как там моя молодая жена и дети? Живы? Здоровы ли? Ни одного письма не получал в госпитале. Своего товарища потерял из-за своего ранения. Интересно, жив ли он? И как сложилась его дальнейшая судьба, как мы с ним расстались, после моего ранения на передовой линии фронта в штрафном батальоне?..»

Солдат, не старше сорока лет, с удовольствием лежал на спине на подводе, всматриваясь в различные изображения на небе из белых облаков. А запах сухого полевого сена и остатков зеленой травы, не съеденной лошадьми на базаре в городе, настроивали его на всякие размышления.

«Как хорошо все же, что жив остался. И слава Богу, что не успела гангрена далее — выше колена меня одолеть. И руки пришлось лишиться до локтя. Да-а-а. Как все-таки жаль осознавать, что я инвалид. Накопил я болезней целый букет. Желудком мучился, когда служил в Красной Армии, был комиссован. Не призвали на войну в 41-м, зато после освобождения забрали без разбору и сразу на передовую отправили... Вот и пришлось полежать после ранения... с конца 44-го более двух лет с этим букетом всяких болезней... Но позавчера, — вспоминал солдат, лежа в подводе, — хирург пообещал при выписке, мол, еще долго жить будешь. Заверил, что окончательно от всех болезней меня якобы излечил, а главное, от гангрены. Но если кровь сочиться начнет, болеть станет так, что невоготу будет, то сразу же к нам немедленно явиться надлежит. Гангрена — это коварная штука, убеждал главврач военнополевого госпиталя в

г. Сталино. А вообще, сказал он, каждый год на комиссию надо будет приезжать...

Он сказал, конечно, правильно, что надо будет обращаться к нему в случай чего, — размышлял солдат. — Но неужели меня нелегкая понесет опять за сто верст? И так за два дня я так намаялся, добираясь домой, что никаких сил больше у меня нет. Теперь ежегодно на комиссию? Что за чушь собачья? И слава Богу, что через час-два я буду дома...»

Добираясь домой из последнего госпиталя областного центра Донбасса Сталино, через Ясиноватую, Горловку, Никитовку на попутном — где на гужевом транспорте, где на теплушке, и только несколько километров от Сталино до Горловки подвез водитель грузовика.

Солдат видел разрушенные жилые дома, фабрики и заводы. От увиденной разрухи у него до боли сердце сжималось:

«До чего же проклятые фашисты довели нашу страну? Сколько людей погибло на фронтах и в тылах наших войск и сколько еще, не дай Бог, на оставшихся, случайно заминированных объектах и полях погибнет детей, подростков, стариков-землепашцев...»

Усталый, окончательно обессилевший солдат, намаявшись в дороге, с размышлениями и надеждой, прилег в подводе, задремал.

Мельком во сне довольно часто в госпиталях он как бы «видел» перед собой боевого товарища Савелия, к которому ехал в полном здравии, с медалями на груди:

«Ну когда же ты побываешь у меня в гостях? — будто спрашивал он. — Ты же Филипп обещал, если со мной что-то случится, все рассказать моим сыновьям, жене моей Маше и дочерям, где мы в последний день виделись и как пришлось нам воевать на чужбине в 1944 году. Ладно бы на своей земле Советской... Как в атаки ходили, и через минные поля приходилось нам проходить без минеров... Сколько наших погело...»

Где-то недалеко, с лесополосы доносились мелодии соловья, напоминая молодые годы солдату и любимую девушку Верочку Веричь, ставшую его женой. Как за пять лет до начала Великой Отечественной войны успела она родить двух сынов и дочь Наденьку.

«Есть теперь у меня Вера и Надежда. И надо бы еще Любочку. Обязательно, чтобы был полный комплект — Вера, Надежда и Любовь. Без этого никак нельзя, — уговаривал он свою жену и убеждал других. — Это наша смена, наша замена, наше будущее, — утверждал главный, в прошлом до войны, колхозный бухгалтер. Хотел он это осуществить, да проклятые Гитлер с Мусалини помешали, намереваясь овладеть всем миром...»

— Ох, уж эти фашистские трутни! — прервал передрем с размышлениями солдату Андрей Макогон.

Ну такие эти кони ленивые и неповоротливые, прямо сил на них никаких нет. Наверное, потому, что не понимают они по-нашему — по-человечески, — продолжал извозчик.

Вот бы нам развести такую тягловую породу. Они достойны были бы тем, что пахали бы поля и огороды за милую душу. Возили бы тяжелые грузы, пока колхозы и совхозы не встанут на ноги после этой проклятущей войны. Но развести вряд ли получится, потому что они уже очень старые.

Стегнешь кнутом, они десять шагов пройдут чуть быстрее и тут же идут как быки наши колхозные. Отправили в эвакуацию в тыл всех животных, коров и лошадей перед началом оккупации осенью 1941 года, — жаловался Андрей Макогон. — Думается мне, глупый поступок совершили наши руководители...

Там, где-то уже в России, попали в окружение немцев. Между прочим, слышал я совсем недавно, что именно Савелия с мужиками послали гнать скот в тыл... А эти кони брошенными оказались. Забраковали, видать, немцы, а может быть, и не успевали их отправить, так как за свою шкуру тряслись из-за быстрого наступления наших войск. Тяжеловозы подковы свои германские потеряли. Постесывали себе копыта, сильно хромать стали. А на кой хрен им такие? Один кузнец их лечил и подковывал.

А теперь, говорят, и он сильно заболел.

Коней этих мы в нашем Клиновском лесу обнаружили, когда за дровами-сухостоями ходили. Топить-то печку нечем было. Шарахались они от нас, еле поймали. Их хозяева не в такой одежде были и не так с ними разговаривали. По-своему, по-немецки обращались, и они их понимали. Слышите вы меня, дядя Филипп, о чем я говорю? — тарыхтел Андрей Макогон.

— Что-то вы молчите? Вас ничего не беспокоит? О чем вы размышляете? — навязчиво допытывался он.

— Да-да, слышу, — отвечал солдат Закревский. — У меня со слухом в порядке. А думаю я вот о чем. Пришлось и мне быть под оккупацией у немцев не по своей воле...

Видел я этих коней и как немцы удирали в 1943 году. Расстреливали всех подряд, кто попадался им на глаза.

Люди прятались на чердаках и в погребах, как и я тоже, что бы выжить, как-то дождаться своих. Вот и дождались. После освобождения наши сразу призвали всех подряд. Больных, необученных юношей — и на передовую послали с заградительными с тылу отрядами НКВД. И только тот, наверное, выжил, кто в рубашке родился, вроде меня, — продолжал Филипп-инвалид, поднявшись в повозке чтоб закурить. — И еще те, наверное, кто был, возможно, заговоренным...

Скрути мне, пожалуйста, сигарету или «козью ножку», — попросил он. — А то я еще как-то сам не научился это делать. Андрей Макогон остановил лошадей, развернулся к фронтовику-инвалиду.

— А где же вас все-таки так сильно шарахнуло, что не только ногу потеряли, но и руки лишились? — спросил Андрей. — Вас, наверное, никто не смог заговорить от ранений? И все же хорошо, хоть не правую, — продолжал неугомонный Макогон, не дожидаясь ответа. — Правда, мой старший брат левой был до войны. А теперь, когда с фронта вернулся без руки, научился все делать правой, за милую душу, как говорится.

Жизнь заставила. Правда, жена от него ушла, с бывшим полицаем сбежала или из «зондер-команды», с каким-то предателем. Одним словом, шлюхой она оказалась, несусветной немецкой потаскухой. Но мой братуха молодец. Никогда не унывал до сегодняшнего дня. К тому же, они детей не успели на Белый Свет пустить. Возможно, она была не способна, после якобы простудного заболевания...

Найду, говорит, еще девушку или вдовушку. Есть, говорит, женщины понятливые. А «пороху» в моих «пороховницах» еще хватит.

Наши вдовы говорят, тяжело одной жить без мужичка, пускай даже будет калекой. Но чтобы хотя бы дышал под ухо и

мужской запах стоял бы в доме, — повторил явно чужие бабьи рассуждения Андрей Макогон с улыбкой на устах.

— А у вас, есть жена? — не унимался он. — У меня есть дочь Мария, два сына Григорий и Петро. А вы, наверное, не здешний, что молчите, ни о чем не спрашиваете, никем не интересуетесь?

Солдат сидел, размышлял о своем, курил.

«Ну и тарыхтун же этот Андрей, как он себя назвал при знакомстве. Не может или не хочет сам думать молча. Ну и язык...

Неужели и меня ждет та же участь, как его брата? — запал в голову инвалида рассказ Макогона о своем брате и жене.

Моя ведь Веруня тоже намного меня моложе. Но у нас есть дети, и родители все рядом с нами. Семьи порядочные. А мать моя — это такой человек, готова помочь любому словом и делом».

Я вспоминаю, как отзывался мой товарищ Савелий о своей матери и снохе: «Лучше не иметь таких... Скандалила со всеми, не только с домашними, но и с соседями. Нелюдимая была. Вечно было не угодить ей ни в чем. Они ежедневно вмешивались, скандалили и колдовали. Она не любила мою жену Машу, — а внуков за что она не любила? Не ясно».

Почему она так поступала с семьей своего родного сына, не ясно. Просто такой злой, человеконенавистной была. Может быть, не дай Бог, она и сейчас жива, как и ее любимая сноха Дуняха, родного брата Кузьмы жена, — размышлял Закревский. — Да-а, такие люди — «уроды» — бывает, долго живут. А хорошие, более порядочные, из-за них умирают да без вести пропадают»...

— А вот и кузнец всем известный отдыхает! — останавливая лошадей, с улыбкой воскликнул Макогон. — Здравствуйте, Евдоким Иванович! Как поживаете, как ваше здоровье?

— Здорово, коль не шутишь, — отвечал он, сидя на лавочке. — А живем как? Да просто доживаем свой век, отпущенный судьбой или Богом. Вот только бы здоровье свое вернуть. Ан нет, не получается.

Тут же сильно закашлявшись, сплюнув розовую слюну, тяжело дыша, все же продолжал:

— Ты на тех едешь, которых я обувал? Я узнал. Теперь не хромают эти фрицы? — спросил кузнец с гордостью. — Нам бы таких, такую породу завести.

Глаза его будто загорелись, а на устах появилась улыбка.

— Нет, не хромают они с тех пор. Дело мастера боится, — отвечал Андрей. — Я на своих лошадях до войны даже в соревнованиях участвовал, на кубанских скачках, — продолжал он. — А этих разве заставишь бежать? Да ни в жизнь! Помню нашу кавалерию. Вон какие подвиги совершали наши хлопцы во время войны! А сосед ваш, Степан Веричь? Дак это же легенда, да и только! А вы в молодости? Наверное...

— Ну хватит тебе лепетать почем зря, — рассердился кузнец. — «Знай край да не падай». Лучше скажи мне: кого это ты к нам привез? У меня совсем зрение село под старость. Очень плохо стал я видеть. Людей не узнаю на таком расстоянии. Только по голосу определяю, свой человек или какой-то прохожий мимо.

Кузнец снова сильно закашлялся, упомянув «твою дивизию...». Затем, сплюнув и запив водой, стоявшей рядом в литровой стеклянной банке, еще спросил:

— Из наших односельчан везешь, Андрей, или из хуторских защитников? Я же вижу, что кто-то там у тебя в повозке сидит, в военной форме вроде бы. Лежал, а теперь поднялся. Больной, что ли?

Солдат-инвалид, услышав знакомый с детства голос, действительно с трудом поднялся посмотреть на него, себя показать да собравшихся жителей села увидеть. Поздоровавшись, спросил:

— Есть ли среди вас кто-нибудь из семьи Савелия Шепитько? — спросил он с улыбкой, обведя взглядом. — Мне к нему надо попасть, проведать, как обещал на фронте. Еще до своего ранения в 1944 году.

— Да нету! Нет никого здесь из его семьи, — отвечал за всех кузнец, не дожидаясь ответа от собравшихся прохожих и соседей. — Зачем они тебе? Ты сначала со мной поздоровайся, как положено брату. Ты же Филипп из «Возрождения», да? Или ты уже забыл своих родственников?

Солдат с какой-то тревогой стал всматриваться в лицо больного, на вид совершенно незнакомого человека.

— А семья Савелия тут рядом живет. Еще успеете к ним попасть, поговорить с Марией Федотовной. Она одна живет с детьми. Савелий еще не вернулся. Ждут они его. Бог даст, может быть, и вернется. Их дети недоедают. Впроголодь они живут.

Трудно ей очень. А сейчас она еще на работе, на ферме. Каждый день, говорят, она детей на работу с собой забирает. Видать, приучает своих девок доярничать и пасти коров, коль учиться не захотели в своей школе...

У палисадника, сидя на скамейке, рассказывал убежденный сединой с маленькой бородкой, в шапке-ушанке, телогрейке стеганке и в кирзовых, изрядно изношенных ботинках с галифе и в обмотках, бледный, словно первый снег на Донбассе, изветный на всю сельскохозяйственную округу кузнец Евдоким Иванович, с большими затруднениями из-за кашля, старался все изложить.

Его худощавое лицо с впалыми щеками и грустными глазами с желтизной, ничего хорошего не могло предсказать об его здоровье.

«Боже мой, — подумал солдат-инвалид. — Какой ужас! На верное, желтуха у него или... еще того хуже...»

Но тут же у него (Филиппа) вдруг вспыхнула радостная улыбка встречи. Он все-таки узнал в прошлом бравого, очень сильного своего двоюродного брата Евдокима, фактически моложе его на три с лишним года.

Не часто виделась с большим семейством кузнеца и Вера — Филиппа жена, когда вышла замуж его отца сестра, теперь покойная Марфа Ивановна.

Была покойница, учителем русского языка и литературы. А когда вступили в хутор Возрождение белые в 20-м году, обрадовавшиеся кулаки и их прихвостни доложили, что учит она всех в интересах Советской власти.

— Лодырей-голодранцев нельзя обучать грамоте! Они должны только пахать на всех нас, — объявили они на площади перед казнью при всех жителях хутора. — И так будет с каждой большевичкой, кто будет обучать детей большевиков и комсомольцев!..

...Евдоким Иванович потихоньку, с трудом поднявшись с лавочки, направился чуть ближе подойти к подводе. Тяжело дыша, неловко качнувшись как-то, все же сказал:

— Теперь оказывается, как мне сказали, я туберкулезом болею, а не только желтухой. Да и сердце что-то шалит.

Он тут же сильно закашлялся, прикрывая рот своей какой-то тряпочкой. Наконец спросил озабоченно:

— А где же тебя так угораздило? Как же ты, братуха, будешь жить без руки и без ноги?

— Ничего, Евдоким, — отвечал брат. — Я же, как-никак, бухгалтером был в колхозе до войны. Дело свое знаю.

Лишь бы здоровье сохранить да семью свою не потерять, поскольку инвалидом остался. Но порох в моих пороховницах еще есть, и я еще смогу быть полезным не только своей семье... А скажи ты мне, брат, не слыхал ли ты, как там наши на хуторе проживают? Как там моя жена и дети?

— Да куда там мне уж ими интересоваться? Если бы я туберкулезом не болел, можно бы было съездить к ним, попроведовать. А так сам понимаешь, — с грустью в голосе сказал Евдоким. — Да и куда делась твоя семья? Наверняка тебя ждут... А болезнь у меня очень серьезная. Все люди от меня шарахаются, избегают. Боятся заразиться. Поговорить даже не с кем, — с грустью в заключение сказал кузнец.

— Да вы бросьте, дядя Евдоким, — сказал Андрей Макогон, как бы присоединяясь к разговору. — Вы долго поживете! И не одну лошадь еще подкуете. Кроме вас, никто другой так не сумеет подковы делать и обувать, как говорится, лошадей.

А мне ехать пора. Дядя Филипп, вы поедете со мной? Или у вас еще дела есть? А то я бы вас подвез до самого крылечка.

Ну дак подвези его до хаты Савелия Шепитько. Да только самого-то хозяина им, наверное, не дождаться, потому как от туда очень мало кто возвращается... Мы с тобой, брат, повидались, слава Богу, да и ладно. Прости меня, если я тебя не так встретил, как полагается, — сказал кузнец Евдоким Иванович, отвернувшись.

Видно было, как глаза его наполнялись слезами, и он потихоньку зашагал до своей хаты, вытирая их и шатаясь.

— Прости и ты меня, брат, если что, — ответил Филипп. — Но нельзя нам терять «надежду» и плыть по течению жизни. Мы еще поскрипим назло врагам! Мы еще повоюем со своими болезнями.

— Только не мне воевать, — отвечал кузнец брату. — Осталось-то мне жить «с гулькиным носом», не больше. А ты поезжай к Савелию. Исполни свой долг, если обещал ему... Привет передавай своим родным и близким... Не забывай...

Подъехав к дому товарища, солдат попросил Андрея постучать в окно. Тот, быстро спрыгнув с подводы, постучал раз, второй, тихо.

— Значит, никого нету дома, — решил Закревский. — Еще подождем — или ты действительно спешишь?

— Да можно подождать, только недолго. Работы дома очень много, — отвечал парень. — Я обещал пораньше вернуться домой, дак вот вас встретил на своем пути, и еще согласен подождать. Подожду, сколько надо будет. Я вас не оставлю.

— Ну, спасибо тебе, добрый человек. Я в долгу не останусь. На добро я привык отвечать добрыми делами и поступками, хотя и инвалидом остался. Вот только бы водички попить холодненькой, да и фрицев напоить не мешало. А тем временем кто-то подойдет. В любом случае дожидаться надо бы. А то если уехать, то неизвестно, когда еще подвернется случай здесь побывать с моим-то здоровьем.

— А вы хто такі будэтэ? Чого тут стоітэ, кого дожыдаець? — вдруг, откуда ни возьмись, спросила женщина, одетая во все черное. Это была Мария Романовша, как ее называли, «Черная Магия». Всегда с какой-то недружелюбной улыбкой, на всех злая...

— Вы із цэй хаты ныкого нэ дождэтэсь, — сказала она. — Самый старший Иван в городі босякуе мабудь, чі в рэмэсляному учіться. А мэньші, мабудь, дэсь гуляють, чі з матерью на фэрмі молоко пьют, бо самі даже козы нэ дэржуть. Так що нэ ждіть, помы я добра, гуляйтэ звідсы, шоб я вас не бачіла...

— Откуда такая гроза взялась среди белого дня и без туч? — вспыхнул Андрей Макогон. — Ты, бэндэрьска морда. Сейчас я тебе покажу и козы, и босяков, — кричал он, подбежав к подводе.

Схватив кнут, он хотел кинуться, чтоб перегреть ее как следует, потому что наслышан был и не впервой встретились. Но развернувшись, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

— Где же это черное чудовище? — изумленно спросил Андрей.

— Так ось більшэ ты мэнэ і нэ побачіш, ха-ха-ха-ха... — услышал парень с кустарника вишень или из яра. — А вы нікого нэ діждэтэсь...

— Згинтэ звідсы!¹... — Стало совсем тихо ...

— Не обращай внимания на эту погань, — сказал солдат, по-прежнему сидя на подводе. — Это всем известная в округе Колдунья. Она действительно давно переехала сюда из бэндэрщины. Ее хотели там сжечь в ее хате, да только она успела оттуда выбежать и исчезнуть. Разве ты не слышал? Хотя ты тогда еще пацаном был, когда они переехали. А ее дочь Тонька рассказала об этом моей маме...

Из-за поворота на эту улицу, где возле хаты Савелия и Марии стояла подвода с солдатом и Андреем Макогон, шли домой с обеденной дойки колхозных коров, доярки.

Молодые женщины, в возрасте от 30 лет, спешили домой.

— Ты посмотри-ка, Оксана, не у вашего ли дома стоит подвода? Солдат в ней сидит, а рядом Демид Афанасьевич и еще какой-то парень рядом стоит, — заинтересовалась Уляша Григорьевна Веричь.

— Да нет, — отвечала соседка. — А мой, действительно с ним рядом стоит. Но мне кажется, возле Марии Федотовны двора они стоят, разговаривают. А она задержалась, как на грех, на ферме. Новорожденного теленка приняла. Теперь кормит его и своих помощников детей. Пока завфермой Федор Иванович болеет, можно самим там покушать и деток покормить молочком.

Вот он-то вернулся домой после похоронки. Может быть, и Мариин муж вернется... А что, всякое бывало. Возвращались же даже со Звездой Героя Советского Союза после похоронки, и в разных чинах... А кум моего мужа, Савелий Филиппович, без вести пропал в 1944 году. Может быть, в плен попал без сознания. А может быть, куда шпионить к немцам его послали. А «Извещение» прислали, чтоб не ждали его домой после Победы, — продолжала Уляша Григорьевна Веричь.

Мой Степочка учился с ним и рассказывал, что Савелию легко давался немецкий язык. А его отец, как вы помните, многими языками владел, учил своих детей. Вот и подумайте, где он мог оказаться с 1943 года, после нашего освобождения. Забрали-то и его на войну, вместе со всеми нашими, совсем моло-

¹ Убирайтесь отсюда, исчезните (укр.).

дых и больных. Там в Краматорске сформировали штрафные роты и батальоны, как мне мой брат Володя рассказывал. Отправили всех их без задержки с заградительными отрядами НКВД, кого сразу на фронт, а кого, может быть, по спецзаданию в тыл к немцам в разведку...

— ...А твой Кузьма Филиппович никогда не вернется к тебе. Запомни, — продолжала Уляша Веричь, обращаясь к Дуняхе. — Мужик насытился... грязью твоей и все понял, почему и как ты смогла его «захомутать». С помощью твоей матери ты вышла за него замуж, и он тебе об этом сказал, чтоб ты его не ждала после войны... И зря тебе наше государство платит пенсию на детей, чтоб ты ими подавилась...

— Ну цэ вжэ нэ твое діло! — отвечала Дуняха. — Ты тэж нэ діждэся свойого Степочку, нэ надійся, — закричала она, убегающая домой, где постоянно стояла такая вонь, что задохнуться можно было даже во дворе...

Глава двадцать восьмая

Встреча с семьей товарища

Через огороды напрямик по тропинке спешила со своими детьми домой Мария Федотовна.

Она шла с обеденной дойки колхозных коров, была довольна тем, что «первочка»-корова с ее группы благополучно стелилась и ее дети-помощники сыты, поели с лепешками молока (молозыво). Еще и поллитровку удалось прихватить...

Не часто удается покормить детей на работе. Еще в прошлом году можно было взять домой молока, даже трехлитровый бидончик в счет заработанных трудовней, а сейчас, при такой засухе, ох как трудно жить, размышляла мать, идя домой. Чем я завтра буду кормить семью? Хорошо, хоть самый старший сынок Ваня учится в городе Артемовске на кузнеца... Там его кормят, одевают и обувают бесплатно. Государство наше трудовые резервы себе готовит. А то чем бы я четверых ангелочков прокормила и одела? И батько их на войне «без вести пропал», оказывается, еще в позапрошлом 44-м году. Патронажную помощь

хоть слава Богу обещали оказывать с января 1948 года... Правда, мизерную — но что тут поделаешь? На то их воля, руководства нашего. Объяснили: потому маленькая вам помощь будет назначена, что «под оккупацией ваши мужики были, а не на фронте».

А кто его послал с колхозными животными в тыл? Не самовольно же они пошли. Начальство из города или из области, с председателем колхоза заставили гнать... Там они в окружение попали к немцам. Еле в живых остались. И вернулся муж мой чуть живой домой. Да-а, часто болел он в последние годы. Какие были приступы, надо было только видеть. Очень желудком мучился... А как только освободили нас и весь Донбасс от немцев, так сразу всех, без разбору, призвали и на фронт отправили.

...Еще издалека Мария Федотовна увидела около их двора, возле хаты, какую-то подводку, запряженную немецкими тяжеловозами. Сердце ее тревожно забилося.

Рядом собрались женщины, вдовы, а с ними какой-то солдат разговаривает. О чем они там говорят?— забеспокоилась она.

Димид Афанасьевич Безмин — сосед, увидев остановившуюся подводку у двора Савелия, заинтересовался, подошел, поздоровался. Солдат, не задумываясь, ответил и тут же предложил ему закурить, вынув из кармана кисет с табаком.

— А то никто из них не курит, и наверное никто не сможет мне скрутить «козью ножку», — сказал он.

— Вы посмотрите, кума, у нашего соседа Димида кисет, — слышался насмешливый, осторожный женский шепот-пересуд.

Не спеша приближаясь, доярки продолжали свое.

— Так это же проезжему солдату захотелось закурить. Он дал свой кисет и попросил скрутить ему самокрутку, — уверяла Матрена Федоровна. — Очень часто я была свидетелем перед войной. Приходил Димид до Савелия вроде бы просто поговорить от скуки. А сам накурится чужого табака и уходит домой, а свой табак всегда будто дома забывал, каждый раз.

Вот и сейчас, увидите, кума, солдату даст прикурить от его же спички, а потом себе самокрутку метровую сварганит. Будто услуга за услугу. Постоянно все свое экономит и курит чужой табак. Вроде он вкуснее.

У Марии Федотовны от волнения учащенно забилося сердце, когда разглядела человека в солдатской одежде.

— Кто это может подыхать к нам? — вслух поинтересова лась она. — В солдатской одежде, в пилотке. Может быть, с нашего колодца кто-то хочет воды напиться. Непонятно, почему все руками нам машут? А ну-ка, дети, сбегайте спросите — что там случилось? А я следом сейчас приду.

Дочь Таня старшая и Шура средняя, тоже с удивлением посмотрели на подводу возле их хаты. А семилетний, самый меньший, Толя обрадованно закричал:

— Это наш папка вернулся! Ура-а-а-а! На-аша по-обе-еда! Па-апка-а-а-а! — кричал он, не обращая ни на кого внимания. Он рванул вперед бежать, но тут же споткнулся и упал, поднялся и побежал продолжал радоваться возвращению любимого отца. — Ура-а-а! На-аша-а победа! — кричал он. — Я знал, что папка вернется...

Таня, обогнав меньшего брата, подбежала к мужчинам, резко остановилась, промолвила:

— Нет, Толя, это не наш папка. Этот дядя папкин товарищ.

Девочка тут же вспомнила проводы отца в непогоду, глубокой осенью 1943 года. Проливной дождь с грозой и молнией. Гибель под деревом молодой женщины. Пожар хаты «Горянки».

На миг растерявшийся мальчишка подбежал к солдату, стоявшего у подводы с дядей Димидом.

Заметив деревянную колодажку-протез вместо ноги и что он даже без левой руки, хотел было подцепиться за шею, обнять, но вместо этого заплакал:

— А где же мой папа? Почему вы не привезли нашего папу? Его, наверное, тоже тяжело ранили фашисты?

Раненые фронтовики растерялись, не знали, что ответить, чем успокоить ребенка.

Солдат Филипп Закревский, увидев маленького, истощенного сына своего товарища, корил себя за то, что сам не знал, где потерял его отца, хотя был не виноват в этом...

Мария Федотовна чувствовала душой и сердцем, что еще дождется обязательно дополнительного сообщения об ее муже- отце, что он жив. Она все еще ждала и верила в чудо...

И действительно, когда подбежала следом за детьми, увидела своими глазами знакомое лицо, теперь уже инвалида войны. Она вспомнила этого человека. Был он рядом с ее мужем в колонне 1943 года... после освобождения Донбасса... в тот страшный, непогожий день, когда их забирали на фронт...

— Здравствуйте, — сказала Мария Федотовна. — Я помню вас. С моим мужем, в колонне вы уходили... А где же он? Вы что, расстались?

Обратив внимание на деревянную колодыжку вместо ноги и без руки, Мария, обнимая своих детей, заплакала, при этом подумала: «Хотя бы таким их отец вернулся...»

Но уже прошло два года, как кончилась война, — промелькнула мысль у Марии Федотовны. Ни одного письма не было и никакого известия из военкомата... Что с ним — неизвестно...

Вспомнила она беседу в городе, с одним мужчиной в солдатской форме, совсем молодым:

— Если вашего мужа в сорок третьем призвали, только после освобождения, — говорил молодой фронтовик, — был бы жив, он бы вернулся к вам.

Во время этой войны столько нашего брата погибло и пропало без вести, дак это ужас один.

Мне не пришлось ходить в атаку потому, что поздно родился и призвали в самом конце войны. Но очень много мне рассказывали о тех, кто дома был при немцах, а потом забрали, как вашего мужа.

В плену возможно, если не все, то большинство из них окажутся в списках «без вести пропавших».

Самый меньший сын был при своей маме рядом, прислушивался к их разговору...

По возвращении домой из Артемовского базара, Мария Федотовна была очень долго под впечатлением состоявшейся беседы с солдатом.

Ей было очень тяжело одной растить, одевать и обувать четверых детей без отца.

Государство, еще пока помощь (пенсию) обещает, а колхоз требует от каждого вырабатывать свой минимум трудодней каждый месяц. В прошлом, сорок шестом году был плохой урожай, потому что не было дождей, а сейчас и вовсе, похоже, бу-

дет засуха, – промелькнула мысль у Марии Федотовны. Вон, как смалит.

А налоги плати, – где хочешь, бери, но сдай, иначе знай, пой-дешь этапом туда, где Макар телят не пас...

Сколько было пролито слез в то время, когда получили какой-то треугольник, однако самый меньший Толя тогда не плакал. Он стоял рядом с мамой, сидящей на скамеечке, вытирая ей слезы, успокаивал:

– Мама, не плачь! Такого не может быть, чтоб наш папа без вести пропал! Он скоро вернется к нам обязательно, вот увидишь. Метрики его же дома? Забыл он, да? – допытывался сынок. – Где-то папка в больнице, лежит. Его там вылечат, и он тоже приедет, как дядько Димид, с клюшкой...

Теперь, более повзрослев, наслушавшись еще от чужих дядей, вернувшихся с фронта инвалидов, он стал понимать, что на войне всякое бывало. Не только прямое попадание бомбы или снаряда, на группу людей, приходилось и минные поля, проходить без миноискателей. В результате, так же оставались они без вести пропавшими...

Слышал он о госпиталях и концлагерях военнопленных, впитывая в себя каждое слово рассказчиков без одной или без обеих ног или рук, на базаре города, просящих монету или кусочек хлеба, поскольку пенсия была мизерной...

Некоторые пели очень жалобные песни под гармошку, вокруг которой собирались вдовы и полусиротевшие под-ростки...

Может быть, батька положили в госпиталь не только с желудком, а и с каким-нибудь ранением, надеялась на возвращение к своим детям и Мария Федотовна.

Поднимали их в атаки, чтоб они «смыли своей кровью» кем-то определенную им вину, без вины виноватым потому, что волею судьбы оказались под оккупацией у немцев, как и этот инвалид из соседнего хутора, – ровесник Савелия.

– Простите меня, – чуть успокоившись, сказала Мария, вытирая слезы. – Как вас зовут?

– Филипп Закревский, – ответил солдат-инвалид.

– Пойдемте, Филипп, не знаю вашего отчества, в хату к нам. Вы же проголодались? Угощать особо нечем, сами знаете, как трудно сейчас живется. Но что-нибудь найдем, хотя бы чаю...

Пойдемте потихоньку, прошу вас. Расскажите мне и детям об отце, — добавила она.

— А наш папка тоже, наверное, еще в больнице лежит? — не унимался Толя на ходу в хату вместе, держась за руку дяди инвалида. — Вам, наверное, очень больно было, когда вас ранило? Да?

С такой жалостью он спрашивал, будто сам эту боль ощущал.

— Нам, на передовой, нечего было терять, кроме своей жизни, защищая вас, мои дорогие, — присев тут же с трудом на табуретку в хате, начал свой рассказ солдат.

«Лучше бы я там остался», — тут же подумал он, глядя на детей товарища и собравшихся соседских подростков.

— Если от немецкой пули случайно было уцелеешь, то от своих заградотрядовцев НКВД можно было свободно получить смертельный подарок в спину...

...Любопытные соседи, следом вошедшие в дом, стали прислушиваться и шептаться между собой... Разве так можно? Дак эти же отряды были не наши, наверное...

Прибежали с работы послушать повзрослевшие подростки: Толик Веричь, Алексей Скрипниченко (по прозвищу улицы «Шкандальный»), Петро Варенья, Ульяна Степана Ивановича дочь мельника владельца собственной фуражной мельницы, Антон — сын Горянки и Максим — сын Кузьмы Шпаченко и Матрены Федоровны, и многие другие. Собрались — полная хата...

Еще на улице, среди всех присутствующих, солдат сразу определил очень похожую на своего товарища дочь Таню.

Шура была лицом похожа на Марию Федотовну, а Толя на обоих родителей....

Все, что рассказал Савелий о жене и детях своих, было им сказано с такой любовью и теплотой души, что невозможно было забыть даже после тяжелого ранения, тем более проехать мимо и не проведать. Это было бы не честно.

Он продолжил свой рассказ о некоторых моментах боевых действий уже за границей Советского Союза.

— Савелий и я договорились встретиться после войны у него или у меня дома на хуторе Возрождение. Да вот только нас подняли в атаку, и вскоре меня ранило под подступом к незнакомым селениям, где-то уже за нашей границей. А где точно, не знаю...

Это было глубокой осенью 44-го. Савелий, ваш папка, увидел, что я упал и потерял сознание, — продолжал солдат-инвалид...

Мария Федотовна слушала, собрав всю себя в крепкий кулак, вытирая слезы, шептала своим детям, успокаивая их:

— Наш папа еще жив. Он скоро приедет к нам...

— Конечно, не теряйте надежды, — продолжал солдат. — Еще помню хорошо, что у него постоянно были приступы боли в желудке. Когда приступ начинался, он корчился от боли. Жалко было на него смотреть. Бледный становился, словно снег. Но в этот день, видимо, болезнь отступила, приступов не было. Здесь нас подняли в атаку... Он был очень отчаянным, особенно когда ходили в рукопашную схватку с фашистами. Это надо было только видеть... Да-а, силой и ловкостью его Бог не обидел. Подобного ему я не встречал. Это был действительно богатырь... Такие редко встречаются. Старшой наш болел душой за каждого, кому было плохо, и его ребята тоже уважали и делились с ним, у кого что наболело на душе. Он любил шутить, а шутки на фронте — это большое дело.

Солдат вдруг замолчал, снова закурил приготовленную Демидом Афанасьевичем самокрутку, задумался, затянулся и, выпустив дым через нос, тут же продолжал:

— Когда меня ранило, Савелий с товарищем в воронку меня успели опустить от шальных пуль и снарядов. Там он снял с себя нательную рубашку, разорвал ее и перевязал. Все-таки я много потерял крови, терял сознание. Савелий с этим товарищем не бросал меня. Они положили меня на плащпалатку и ползком тащили меня, пока не встретили санструктора. В то время уже были расформированы заградотряды НКВД по приказу товарища Сталина.

Когда они меня тащили, Савелия тоже зацепило плечо, но не сильно, как сказал потом подоспевший санструктор и сделал нам перевязку. Его кость пуля не зацепила.

Как была фамилия второго товарища, я, к сожалению, не помню. Знаю точно, что он был из Донбасса.

Помню, как, наклонясь, ваш папка стал прощаться со мной, когда положили меня на носилки: «Мы им, гадам, еще покажем кузькину мать, — сказал он. — Помни наш уговор, не забывай о нашей встрече после войны...»

Я думал, что ваш папка уж давно дома, — все же продолжал он. — И я не могу сказать тебе, Толя, где сегодня твой папка. Но могу всех заверить: если он еще жив, то обязательно вернется к вам... Ты жди его, сынок...

С этими словами он с трудом поднялся с табуретки, сделанной до войны руками товарища.

— Пожалуй, нам ехать пора, — добавил он, глядя на хозяйку. — Там, наверное, Андрей нервничает. У него дома много работы, как он сказал. Да и я свою семью хочу видеть...

Мария Федотовна и ее трое детей смотрели на гостя таким взглядом, хотели, чтоб он еще что-нибудь рассказал об их отце. Но в это время приехал из ремесленного училища города Артемовска старший сын Савелия и Марии Ваня. Шестнадцатилетний подросток выглядел старше своих лет.

Около дома он увидел подводу, быстро вбежал в хату, где было очень много народа, подумал: «Не случилось ли что-нибудь?» Но тут же увидел солдата-инвалида.

Народ расступился, Ваня подошел, поздоровался и взволновано спросил:

— Дядя, вы случайно не от папы?

Солдат пристально посмотрел на подростка, как бы сравнивая его со своим товарищем:

— Хорошая смена растет, тоже богатырь... Что же сделала эта проклятая война с детьми? Сколько встречал ободранных и голодных сирот везде... А этот в форме ремесленника...

— Да, сынок, я с ним воевал, все рассказал твоей маме, и нашим соседям. Они тебе все расскажут... А мне пожалуй, ехать пора, — добавил он, глядя на хозяйку. — Там тяжеловозы, и их хозяин Макогон-извозчик нервничает. У него дома много работы... А я и так вас всех задержал и ничем вас не обрадовал. Может быть что-то забывать стал? Так вы извините меня...

— Не может быть, чтобы этот дядя смог что-то забыть про папу, — размышлял по-своему самый меньший, Толя.

— Вы, дядя Филипп, посидите еще у нас, — бросился на шею солдата Толя. — Еще что-нибудь вспомните про папу. Вы же долго с ним воевали? Пожалуйста, расскажите нам еще... — добавил так же Ваня, с умоляющим взглядом.

— Да разве все моменты упомнишь, на фронте, на поле боя, — отвечал солдат-инвалид. — Но вы должны гордиться своим от-

цом-богатырем. И никому не верьте, что его нету. Он жив, будет жить вечно, в моем сердце и в ваших сердцах. У всех, оставшихся в живых, во имя которых многие из нас сложили головы за честь и свободу от фашистской чумы, против порабощения нашего народа. А ты, Толя, хорошо помнишь папу, не забыл? — с улыбкой спросил солдат.

Толе стало обидно слышать такие слова.

— Нет, дядя. Я его хорошо помню и жду каждый день домой.

Он посмотрел на дядю-солдата, как смотрят быстро повзрослевшие дети, повидавшие голод и холод, нищету и безотцовщину. Ему очень не хватало крепкой отцовской руки, мужского характера в воспитании самого себя.

— Скоро, в этом году, мои ровесники пойдут в первый класс, — рассуждал мальчишка. — Я все время жду своего папу, чтоб он привез мне одежду и букварь. Чтобы он меня проводил в школу, которую отстроили для нас дяди и тети. Я уже научился читать по слогам и считать. Знаю стихи, которые учили вслух мои сестры Танька и Шурка.

— Ну хватит тебе хвастаться перед дядей, — сердито сказала Таня. — Мне сказано, что тебя скоро положат в больницу. Ты посмотри, какой ты опухший стал, совсем слабый.

— Человек с десятков таких слабых в селе наберется, пожалуй, — добавил из толпы присутствующих, женский голос.

— К Марии Федотовне уже приезжали из райцентра. Представители какие-то предложили многодетной матери отдать половину детей в детский дом на государственное обеспечение, как из репатриированной семьи. На что Мария Федотовна очень резко сказала свое НЕТ! Они очень долго уговаривали, многодетную мать все же согласиться с решением, но ответ был однозначный и решительный.

— Мои дети должны жить при мне, — отвечала мать. — Мы с голоду не помрем. Я лучше сама буду голодная, а их накормлю. Мои дети будут жить только при мне, — твердо сказала Мария Федотовна.

«Да-а-а, тяжело будет одной, без отца, растить четверых детей», — подумал солдат, подходя к подводе.

— Не надо терять надежды на лучшее будущее, — однако сказал он. — Ждите своего отца, а жизнь постепенно нала-

дится. Мне ехать пора домой. Там ждет дома моя семья. Правда, не знаю: как меня встретит жена? Ведь моя, тоже намного меня моложе. А теперь я еще и калекой вернулся... Но если в чем надо будет помочь, обращайтесь. Чем смогу, тем помогу, — на прощанье сказал Филипп Закревский, усаживаясь на место.

Телега медленно отъезжала от дома Марии Федотовны, как бы увозя последнюю надежду на встречу с Савелием.

Мария с полными слез глазами кое-как вышла за калитку дома проводить однополчанина своего мужа...

Ее дети еще долго бежали за телегой, в знак благодарности дяденьке, что он сражался на войне с их отцом, привез хоть мизерную весточку о нем. А ослабевший Толя не мог бежать следом за дядей, только махал ручонкой вслед и вытирал слезы. Его маленькое сердечко подсказывало ему, что он никогда не увидит своего папу, хотя все же надеялся на его возвращение.

Ему приходилось слышать от взрослых и пацанов, что даже после «похоронки» бывали случаи, возвращались обгорелые слепые танкисты и летчики, артиллеристы и кавалеристы, пехотинцы без рук или без ног, изуродованные до неузнаваемости солдаты.

Но увы... Об их отце пришло «извещение» только 1 ноября 1947 года. Кому объявить «благодарность, за такое отношение» к семьям сотней тысяч, подобных Марии Федотовне, не получающих ниоткуда никакой помощи? За черствость души военному Артемовского района подполковнику Иосифу Тимофеевичу Жеваго, или его подчиненным?..

Благодаря Андрею Алексеевичу Ткаченко — секретарю парторганизации КПСС, и другим в селе Клиновое, стали обращать внимание после войны на многодетные семьи, сирот и полусирот.

Именно он подсказал, в том числе Марии Федотовне, обратиться в рай-, или, если нужно, в облвоенкомат, с вопросом о муже-отце, и только после их обращения по инстанции прислали всем «извещения».

* * *

Вскоре в фельдшерское отделение Клиновской амбулатории положили и Толю.

Однако было достоверно известно многим сельчанам, как только семилетний ребенок окреп и встал с кровати, после обеда, не все съев что подавали на стол, подумал:

– Здесь столько много еды всякой, а дома мама и сестры голодные. Как бы хотя бы немного из всего этого, отнести домой моей маме.

Выловив из супа все ниточки мяса в свою руку, а в другую сахарный песок, который давали к чаю, он потихоньку вышел из-за стола и пошел во двор. На улице стояла очень сильная жара. Почти такая же была погода прошлым летом, но сейчас, гораздо сильнее смалило солнце, все живое выгорало, желтело на корню.

Присев под деревом на лавочку, тут же вытер лоб от пота, осмотревшись, чтоб никто не увидел из больничного обслуживающего персонала, потихоньку пошел во фруктовый сад, якобы, а оттуда побежал между огородами и вербами домой.

Бежал он озираясь по сторонам и оглядываясь, чтобы никто не догнал и не отнял у него ту еду, которую он сам недоел, нес домой маме.

Мария Федотовна, увидев сына еще на огороде, через который он шел, обходя те кусты еще не иссохшие, она ахнула, испугавшись за него:

«Что случилось? – подумала мать. – Кто-то обидел?..»

– Вот дурачок! Зачем он оттуда сбежал? – Высказались старшие сестры, но с интересом ждали, что же он скажет в оправдание. Но Толя подойдя, протянул два сжатых кулачка маме. А когда их разжал, то все увидели содержимое в них. Одна сестра с усмешкой высказалась:

– Тоже мне жалобщик!

А мама поняла, что ребенок сам не съел, принес хоть маленькую долю того, что находилось в этих кулачках.

Это была забота о своей любимой маме, и она залилась слезами, что-то приговаривая, гладила его по головке...

В дальнейшем, сестры смеялись над ним, а Толя в недоумении смотрел и думал: «Вот дурочки, кто о маме позаботится, как не я? Я же один мужик среди вас. И все на мне...»

Этот случай все вспоминали потом долгие годы... А Толя старался выполнять все мужские работы, с дровами, углем, не считывая на чью-то помощь, все более взрослел с каждым днем...

Глава двадцать девятая

Безотцовщина

Мне, как и многим мальчишкам и девчонкам моего поколения, очень не хватало крепкой отцовской руки, поддержки становления личности...

Нет сомнения в том, что это мог почувствовать каждый, кто потерял отца в детские, юные годы или даже в настоящее время — в начале двадцать первого столетия.

«Локальные войны» перешли из прошлого в настоящий век. Добавились терроризм и проституция, вульгаризм и наркомания, которые смело шагают по нашей стране, поддерживаемые всякими иудами извне. И вряд ли кто из Государственной Думы и Правительства России, сможет это изменить, — внести поправку запрета в закон вульгарного поведения людей в общественных местах, где отсутствует благородство поведения и кем-то разрешены эковские песни по радио «Шансон», «Автордио» и на других радио- и телеканалах, ибо идеологическое воспитание в России отсутствует, и это кем-то оплачивается, одобряется...

Как стало известно лишь в семидесятые годы прошлого столетия, во времена «застоя» и широкого развития «закрепления культа личности» последователями «Председателями и «Генсеками ЦК», все же стало известно о том, что... Великая Отечественная война унесла из жизни свыше 27 млн. человек (по неточным статистическим данным). Однако наша семья, как и возможно, очень многие, долго еще не знала, представления не имела, где же наш отец, почему нет даже письма?.. «Как в воду канул»... Но как оказалось, из «Известия», которое получили только в феврале 1947 г., он пово-

евал всего лишь с полгода, так как указано: «в феврале 1944 г. без вести пропал»...

Осень 1943 года — проводы на фронт всех, без исключения, запомнил...

Весна 1945–46го — праздники День Победы над фашистской Германией...

Помню начало возвращения инвалидов-фронтовиков к семьям. Кто на костылях без ноги, кто-то без левой или правой руки, а Демид Афанасьевич Безмин вернулся домой с клюкшкой, был ранен в ногу, видно легко, т. к. иногда видели его без нее (жил он по соседству, напротив)...

Многих своих, еще долго дожидались отцов и братьев...

Хорошо помню возвращение домой из Германии (по отцу брата младшего, — дядю Григория Филипповича), пока еще здесь проживавшим со своей семьей на одной с нами усадьбе, его родителей. Привез он очень много всяких отрезков материи, одежды для своей семьи — дочерям и жене Полине, сыну Виктору что-то. Особенно запомнилось мне — много еды (консервов, круп разных и сладостей), поскольку мы по соседству, почти постоянно все оставались полуголодными без отца (четверо малолеток), на шее нашей одной мамы — Марии Федотовны, ниоткуда не получавшей никакой помощи до января месяца 1948 года.

И кому за это «объявить «благодарность» за черствость души», не знаю...

Удивляюсь до сих пор, почему даже родной дядя Гриша не угостил нас со своей женой — своих племянников, узнав, что Савелий еще не пришел и ни одного письма от него никому не было...

— Ты что, сдурел, — услышал я голос тети Полины, играя в их доме с Виктором в углу комнаты. Далее я стал прислушиваться.

— Или ты соскучился, хочешь повидаться с Марией, и что-то ей подарить? Да им ни к чему германская материя! Там ужасная нищета и голод! У тебя же своя семья есть, свои дети, и я при тебе, мой дорогой муженек...

Я, услышав последние слова, вскочил и громко сказал:

— А нам от вас ничего и не надо! Нам папа больше привезет... Его вылечат в госпитале, и он обязательно вернется...

Дуняха с бабой Полькой заулыбались, а я тут же убежал домой, с обидой и со слезами на глазах...

В это время сестры где-то гуляли или, может быть, на ферме маме помогали управляться с новорожденными телятами, а Ваня, четырнадцати лет, с утра пошел с товарищами в город Артемовск узнать, можно ли поступить учиться в ремесленное училище и что для этого потребуется...

Хорошо помню, я дома один плакал до тех пор, пока не вернулся домой сначала Ваня – уже к вечеру, а за ним следом Таня и Шура с мамой.

Выплакавшись без них на кровати, я будто задремал. А в это время, как мне потом пришлось услышать обсуждение встречи моих сестер, брата и мамы с дядей Гришей, окончательно проснувшись, я снова заплакал от обиды, что он вернулся, а наш папа все еще, наверное, лежит в госпитале или в плену...

Моим кумиром в жизни была моя мать Мария Федотовна, судьба которой теперь известна широкому кругу читателей.

Думаю, нет смысла еще разьяснять, почему именно так, а не иначе названа моя книга и почему мы так трудно жизнь прожили.

Не сомневаюсь и даже уверен, что у каждого действующего лица моей книги своеобразная, трудная судьба, достойно осветить ее – это и есть наиболее сложная задача, с которой я, надеюсь, справился. Как мне удалось эту тему раскрыть, хорошо или нет, судить будет читатель. Я написал так, как смог.

А если кто-то сможет лучше написать о своем роде, — о героях своих, то и ему «зеленая улица». Раскрывайте свои таланты, пишите... Главное сейчас — иметь деньги, спонсоров...

Отдельным современным молодым людям гораздо забавнее почитать выдумки о пришельцах, детективы, фантастику и боевики зарубежных писателей, прежде чем поинтересоваться, а кто же были твои предки, как они жили, чем занимались...

Главное, иметь свою определенную, заветную цель в своей жизни и к ней стремиться неустанно! Это обязательное жизненно важное условие! И только его надо придерживаться!

В своей книге я не стремился кого-то очернить не заслуженно, а кого-то вознести до небес. Это не в моих правилах. Я хотел раскрыть злободневную тему повседневного поведения людей, с которыми жил бок о бок в прошлом столетии, общался, чему-то учился, с некоторых брал пример, и о тех, кого терпеть

не мог, но терпел, в силу необходимости, чтобы крепче, быстрее встать на ноги, чтоб как-то выжить.

Учеба в школе мне давалась гораздо легче, сравнительно с моими соучениками, хотя я особых стараний не прикладывал. Именно поэтому классный руководитель 3–4-го классов, Надежда Николаевна Власова и сам директор школы села Клиновое, Андрей Алексеевич Ткаченко, предрекали мне большое будущее, для них казавшееся вполне реально выполнимым, при следующих, по их мнению, условиях:

— Мария Федотовна, — говорили они на классных школьных родительских собраниях, на которые редко когда мама ходила, из-за занятости на двух-трех постоянных работах в колхозе.

— Если ваш сын Толя отнесется более серьезно к своим урокам — домашним заданиям, то он сможет стать большим человеком. Вы и мы, — утверждали они, — будем им гордиться. Ведь он способный, в чем-то даже талантливый, и эти таланты ему необходимо развивать, то есть учиться, учиться, учиться. Мы сейчас замечаем, — продолжали утверждать учителя, — что у него отличная память. Он способен учиться гораздо лучше других... Но он почему-то не старается.

Я помню Евграфа Филипповича, — говорил при мне, моей маме, Андрей Алексеевич. — Он был всегда в отличниках. А Кузьма Филиппович или его брат старший Григорий? Разве с них нельзя брать достойный пример? А их брат Петр?.. Да мало ли достойных?..

Но я на все смотрел своими глазами, и рассуждал по-своему:

— Если все станут учеными, банкирами да продавцами, инженерами да профессорами, кто же станет выращивать хлеб на наших полях, отстраивать разрушенные дома и заводы? Кто будет стоять у станка, плавить сталь? Кто будет добывать уголь и соль в шахтах?..

Кроме этого, я терпеть не мог подхалимов и подлабузников из малосемейных, не имеющих своего твердого «я», живущих с отцами, лучше нас, с мужиками-приймаками, лучше чем полусиротевшие, без отца сироты в многодетных семьях...

Будучи октябренком, пионером, а затем комсомольцем, слушая свою мать и родственников по линии отца, дядю Григория

Филипповича и его сестер, я все больше убеждался в том, что дворяне достойные уважения люди, с которых просто необходимо нам брать пример — с деда Филиппа Власовича и прадеда, его отца Власа Власовича.

В школе мы слышали о семье Ульяновых (о В.И. Ленине) — вожде мирового пролетариата из дворянского «Древа родового», и все это для меня было просто захватывающе. И вот однажды во мне зародилась такая (нехорошая) мысль: «Я должен стать похожим на них». А для того, чтобы это осуществить, надо было действительно учиться, учиться, учиться как завещали великие мира сего. И я решил обязательно достичь уровня поступления в Харьковский вуз...

К числу «великих» я не мог причислить моего дядю Гришу, по изложенной выше причине, я жил, как подсказывало мне мое сердце, никого ни в чем не обвиняя...

Близкие родственники с обеих сторон наших родителей, никакой помощи не могли нам оказать, в силу различных семейных причин, еще и потому, что жили в разных городах и селах нашей страны.

«Безотцовщина» в семье нашей стала проявляться сразу же после войны и сопровождала нас все чаще в 40—50х годах, до самопроизвольного взросления каждого из нас.

Старший брат Ваня, по окончании Великой Отечественной войны, во время которой не было возможности учиться из-за оккупации села и всей Украины немцами, стал переростком, не стал учиться в школе с малышами. А сестрам, Тане и Шуре, проучившимися в третьих-четвертых классах, с горем пополам износившим одежду и обувь без обновки (по случаю тогда временной болезни мамы), стало стыдно ходить в школу в чем попало, в том числе взяв пример со старшего брата. Мама же никак с ними не могла совладать...

Учебники и тетради были большим дефицитом в то время, а одеть и обусть троих школьников к 1 сентября, для одной колхозницы, без их отца, было почти невозможно, после разрушительной войны, в ожидании с надеждой на его возвращение.

Какие бы усилия ни прилагались Марией Федотовной, чтоб дети учились, это была бесполезная трата времени и нервов...

Бесконтрольность порождала расхлябанность, и дети, как известно, особенно если все еще не вернулся их отец — хозяин —

Клиновская неполная средняя школа № 47. 5-й класс. Третий ряд, слева крайний А. Шепитько. 1953 г.

глава семьи, свою мать не слушались. Недопонимание важности всех стараний родителей, чтоб учились, оказывается, обращивалось иногда в упреки слабого ее характера. Конечно же, это недопонимание от возраста:

«Кто не был молод — тот не был глуп...» — касается не всех подряд. Хорошо помню, как мама, придя с работы очень уставшей, после утренней или обеденной дойки колхозных коров вручную — 12–15 голов, шла на огород (летом) что-то делать, и я при ней — тоже старался чем-то помочь... Прополоть или полить вечером грядки.

Иногда ходили мы на ферму к маме. Девчата учились коров доить, (затем, научившись, помогали), а я их, коров, подкармливал так, чтобы другие доярки не видели, — носил свеклу или сено, зеленую массу или силос, солому. Подчищал их стойла у яслей.

Приходилось пасти коров и телят, помогая, а иногда подменяя Марию Федотовну, чтобы она хоть немного отдохнула. Но не тут-то было. Мама обещания не исполняла.

Ей надо было не только побелить печку на кухне, но также что-то заштопать и постирать, прополоть картошку или куку-

рузу, нарвать редиски, луку помыть и повязать в пучки, подготовить к завтрашнему утру, с восходом солнца быть на базаре в городе Артемовске, в Дебальцево или в Горловке...

До Артемовского базара 12 км, мы никогда не стояли в ожидании какого-нибудь транспорта (так как можно было до обеда простоять не дожидаясь), шли пешком через «Осычки» по большаку...

Поливал ли дождь вдруг в пути, сыпал ли снег на наши головы, была ли грязь после дождя, а зимой бы на саночках везти, которых и в помине у нас не было, все таскали на плечах, шли в любую погоду, чтобы что-то продать и купить там, как-то выжить. И все же успешно я окончил Клиновую неполно среднюю школу № 47 в 1955 году, комсомольцем. Почитывал «Правду», «Комсомолку», так как выписывать их было обязанностью всех... Таков был порядок...

Во время летних каникул (между пятым, шестым и седьмым классами) я активно подрабатывал в колхозе за трудодни (по приглашению бригадира полеводческой бригады) – помочь

Семья Марии Федотовны, слева направо: сын Иван, в верхнем ряду дочери Таня, Шура, посередине автор. 1951 г.

себе, своей матери, чтоб одеться и обуться как следует. Не хуже тех жить материально, которые жили с мужиками, хвастаясь перед вдовами: вот, мол, мой-то вернулся к нам, а где же твой?.. Такие слова я слышал, но только не в наш адрес...

После шестого класса приходилось мне работать не только грузчиком на бортовом автомобиле ЗиС5, во время уборочной, но так же зимой быть фуражиром в воскресные дни — подменным... Также силос подвозил коровам на ферму на телеге, запряженной парой рабочих быков, которых лишь иногда подменяли парой гнедых лошадей.

На силосе, конечно, престижная была зарплата, с одной стороны, но с другой — одежда на тебе так пропитывалась запахом, что за версту было слышно, кто ты и чем занимался даже неделю назад. Тем более, что со сменной одеждой у меня было не так гладко, как хотелось бы...

Мешки с фуражом — комбикормом или зерновыми отходами, в которые входили рожь-ячмень, вперемешку с пшеницей и кукурузой, весом по 70 до 90 кг и более, в пору таскать бы и выгружать вполне взрослым мужикам, приходилось нам — подросткам, потому, что не хватало взрослого населения — погибших, без вести пропавших или не вернувшихся домой с войны по различным причинам...

Из-за тяжелого труда у моих товарищей, да и у меня лично, вылазила паховая грыжа, а также приключались пропадные язвы желудка, так как будучи голодными, щелкали семечки, чтоб не хотелось есть... А сейчас жуют всякие жвачки, не задуываясь о своем здоровье...

Писали нам на работе — грузчикам, развозчикам силоса — по два — два с половиной трудовня в день, аванс выдавали ежемесячно деньгами, по десять — пятнадцать копеек на трудовень к примеру, а в конце года, за трудовень, платили пшеницей, семечками подсолнечника, кукурузой и прочей продукцией выращенного урожая.

Колхозникам, работающим на постоянных работах, дояркам, свинаркам, комбайнерам, шоферам и трактористам причиталось получать по несколько тонн зерновых с хорошего урожая и до тысячи советских рублей в конце года — после отчетно выборного собрания за год. А нам же, временным пацанам, такой зарплаты не «светило» и не было возможности что-то сэкономить.

Григорий Филиппович Шетко — дядя автора

Хотелось радио, велосипед купить, но было почти невозможно по той простой причине, что были более важные, домашние проблемы — угля к зиме заготовить, да и дровишек...

Привозили их из Горловки за 50 км, Никитовки или шахты 4/5 имени Румянцева. А так же с Луганской области антрацит и такие же крепёжные выбракованные сосновые стойки из штрековых выработок угля...

И вот, пока перепилишь ножовкой все эти чурки-полена, — метровой длины, по размеру колосников в печке, в шахтной пыли, сам делаешься таким, будто оттуда, из шахты сменился...

Цены были такие за уголь, а тем более за дрова, что, сколько заработал за сезон уборки урожая в колхозе, столько и отдашь, дабы быть в тепле зимой. И я старался изо всех сил, не рассчитывая на чью-то помощь, да и не на кого было нашей семье рассчитывать. Родственников мужиков в семье у нас не было.

Дядя Гриша в 1946 году выехал жить в Белоруссию, в город Орша, а дядя Кузьма не вернулся домой по известной причине...

Каждый жил «для сэбе» как мог. У каждого была своя судьба и семья. Огорода было у нас 0,60 га, из них 0,40 га было пахотной, где все садили и убирали урожай, чтоб выжить... «Излишки» продавали, так как надо было налоги заплатить за каждый куст фруктового дерева, за каждую курицу-несушку (если она даже вдруг «пропала») и так далее.

Облигации Государственного займа, обязательно бери столько, какую сумму заработал, из них начислял «финансист» какие-то проценты.

Подписка на газету «Известия», а лучше «Правда», хочешь не хочешь, узнаешь, кто твой друг, а также о «врагах нашего народа»...

До самой смерти И.В. Сталина производились в любое время суток аресты в городах и селах, — на кого зло держали, запросто

Братья А. Шепитько. Вверху, слева на право: Виктор Григорьевич Шепитько, Юрий Федорович Иванов. Село Клиновое. 1954 г.

«донос», и «твоя песенка будет спета». Это был тот же анархизм, под руководством Л. Берия.

Выколачивали «признание в шпионаже», ставили к стенке или отправляли в ГУЛАГи на долгие годы. Другими словами — это был геноцид, уничтожение и унижение нашего народа, благодаря, в том числе, иудовскому влиянию извне: «Силой не взяли, возьмем изнутри...», — как сказал в 1946 году директор ЦРУ США Ален Даллес. И вот СССР уже нет — «распался»...

Их цель достигнута очень успешно...

*Я не помню счастливого дня,
Чтобы был я одетым и сытым,
Смутно помню я также отца,
Потому что убит он фашистом.
Я не помню нормального дня,
Когда с фронта вернулся защитник,
Чтобы был невредим до последнего дня,
Чтобы все возвратились мужчины.
Помню горькие слезы вдов и детей
В сорок пятом-шестом над могилой.
С черной лентой склонялись знамена весной,
В День Победы, над братской могилой.*

*Помню четко морозные дни,
Помню голод — было нечего кушать.
И лежали все мы, дожидаясь весны,
А весной лебеду, крапиву стали кушать...*

Нет никакого сравнения в жизни моего поколения и нынешнего. Если мы тогда, в юные, молодые годы, думали только о том, как выжить, что сделать, чтоб хорошо одеться, обуться и хлеба вдоволь поесть, то сегодняшняя молодежь беззаботно увлекается курением, анаши — травкой да наркоманией (конечно, далеко не все такие), что не думают о завтрашнем дне. Но есть даже девушки — идут по улице или проспекту, в одной руке раскрытое пиво держут, временами глотая на ходу, а в другой — сигарету... или мат... Не знают, кто такой был В.И. Ленин, кто победил в Великой Отечественной войне, заслужив вечную славу за избавление всей земли от фашизма...- Вопрос — кого же ты родишь? Неужели подобие себя? Не исключено — урода или просто инвалида детства, и в детский дом, переполненный разной степени больными, типа болезнь Дауна и проч.

«В здоровом теле здоровый плод должен быть обязательно!» А если курят и пьют родители, то кто же должен позабо-

Товарищи-однокашники на колхозном дворе. Слева сверху крайний А. Шепитько. Сутоня Василий, Скляр Иван, Драный Владимир, Таратура Виктор и Бойко Виктор

титься о здоровом поколении — о новорожденном сыне или о дочери?

Не хотелось бы мне повторять куплеты призыва молодым, но:
*«Отдавай всю нежность чувств своих ребенку
На доброту душевную к младенцу не скупись...»*

И вы потом убедитесь в правоте прекрасных строк.
Все зависит от нас самих, а не только от государства нашего...

Советы молодым:

*Если хочешь быть счастливым,
Делай людям лишь добро.
Хочешь стать ты благородным —
Занимайся ремеслом.*

* * *

*Если кто тебя обидел,
Не забудь сказать ему:
«Эй ты, мерзкий, бестолковый,
Ты не нужен никому...»*

* * *

*Вдруг подруга изменила,
Не печалься, не робей,
Оглянись, увидишь друга,
Познакомься, но не пей.*

Глава тридцатая

Жертвы войны

Еще не стерлось из памяти детство наше, когда безногие или безрукие фронтовики сидели, пели на базаре под гармошку, а перед ними фуражка на земле с монетами, с бумажными советскими рублями и трояками.

Разрушенные, сожженные дома, кругом грязь и нищета. А если вслушаться в те песни, комок в горле образуется или слеза прошибет обязательно... Я это видел и прочувствовал...

Вокруг инвалидов войны очень много, в том числе карманников-«щипачей», «полчаса постой — карман пустой», если были хоть какие-то копейки на хлеб или мороженое...

Возможно, что-то, не точно дословно, я запомнил, как тогда они пели. Обо всем этом я слышал от фронтовиков в сороковых. И вот теперь, что-то вспомнив или же сам сочинив, дополнил, предлагаю следующие куплеты.

Калека

*Это было военной весной
В 43-м, но будто вчера
Босиком мы бежали с тобою,
Мы ловили, седлали коня.
Тот наш конь был изранен тоскою
По хозяину — пал он в бою.
Эскадрон весь помчался в погоню,
Но Кондрат оставался в бору.
Он метался, надеясь, что встанет, —
Был хозяин совсем молодой,
Но свинцовая пуля летает,
Никого не жалеет порой.
Где-то рядом взрывались снаряды,
Содрогалась, стонала Земля,
Все горело, не зная преграды.
Вдруг все стихло, вздохнула Земля.
Кто погиб — хоронили на месте,
Кто был ранен, спасала санчасть.
Об успехах писали «Известия»,
Левитан на весь мир сообщал...
Офицер рассылал похоронки,
Меж боями писал он с тоской,
Что погиб чей-то сын за Свободу...
Не вернется уж больше домой.
Где погиб он... и где похоронен,
А быть может, без вести пропал...
Что случилось тогда, между прочим
Не расскажешь в трех строчках сейчас.
Офицер был красив, очень молод,
Есть жена, где-то там есть семья,
Где-то, может, вас мучает голод.
Написать бы, узнать про тебя...*

Как проверить любовь и разлуку,
Растет дочка — родное лицо.
Взял перо между боем и мукой
И решил написать письмецо.
Здравствуй, милая... Я уж калека:
Нету ног и нет левой руки.
Они верно и честно служили
Для защиты тебя и семьи.
Я ведь знаю, что ты молодая,
Как там дочка, знать хочет отец.
Если скажешь, приеду, родная,
Будем жить и любить наш венец.
Пройдут годы, дождемся мы внуков,
Будем страстно их тоже любить.
Не познаешь ты больше разлуки.
Будем жить — еще сможешь родить.
Вот мелькают поля, леса, горы,
Поезд словно на крыльях летит.
В том вагоне с надеждой и горем
Письмецо к той любимой летит.
Вот письмо то жена получает,
Прочитала, прошибла слеза,
Но садится она, отвечает,
Что домой возвращаться нельзя.
«Мне исполнилось 33 года,
В силах петь и могу танцевать.
А приедешь ко мне ты — калека!
Только будешь на койке лежать...»
А внизу на письме каракульки
— Этот почерк совсем уж не тот,
Это почерк его же дочурки,
И домой она папу зовет:
«Милый папа, не слушай ты маму,
Приезжай поскорее домой,
Нашей встрече я буду так рада,
Буду знать, что мой папа живой.
Летом буду возить на тележке,
И цветочки я буду вам рвать,
В жаркий день я под тенью аллеи
Буду песенки вам напевать.
Я ведь взрослая, все понимаю,
Все невзгоды смогу одолеть,
Я закончу учебу, я знаю,
Что никто вас не сможет согреть!

*Приезжайте, родной мой папуля!
Приезжай поскорее домой.
Этой встрече я буду так рада,
Буду знать, что мой папа живой...»*

*Вот мелькают поля, лесагоры,
Поезд словно на крыльях летит.
В том вагоне и счастье и горе —
Офицер наш знакомый сидит.
Вот наш поезд к вокзалу подходит,
На перроне чужая толпа.
И никто его там не встречает,
Кроме дочки желанной — родня...*

— Милый папа, но что это с Вами?

Ноги целы и руки свои...

*— Здравствуй, дочка моя ты родная,
Едем дальше с чужой стороны.*

*Мы уедем с тобой, дорогая,
Далеко, и мы там заживем...
Ордена, словно солнце, сияют,
И улыбка, как прежде, при нем.*

*Вот мелькают поля, леса-горы,
Поезд словно на крыльях летит.
В том вагоне и счастье и горе:
Офицер наш с дочуркой сидит.
Я уверен, подружка найдется,
Убежден, что создастся семья.
А та кукла потом оглянется:
«Непонятно, зачем я жила?..»*

Изменяла я мужу бессчетно...

Самогонку пила и коньяк,

Отдавалась я всем как угодно,

Значит, я прожила все не так...

*Это ландыши все виноваты,
Это ландыши, целый букет
— Хорошо погулять нам на воле
На рассвете семнадцати лет.*

Будь прекрасной, любовь и разлука!

Благосклонной будь всяка беда!

Если любишь — не будет разлуки,

Если нет — неизбежна она.

22 октября 1989 г. г. Донецк

В те далекие «близкие» для меня годы своего нелегкого детства, когда я ждал своего отца из концлагеря, но лучше из госпи-

Перед окончанием ГПШ-49 в городе Артемовске А. Шепитько. 1956 год.

тая, так как считал его все равно живым, что когда-то все равно к нам вернется, мне как-то по-особому запомнился весь смысл песни, с которой и вы знакомы теперь, уважаемый читатель.

Будучи уже старше своего родителя (по дате возрождения этих куплетов «Калека»), я не случайно свой роман назвал «Любовь и слезы», и это понятно, из рассказа о героях книги.

Вся моя жизнь в прошлом, как и очень многих моих ровесников и сегодняшних сирот, потерявших своих отцов или братьев в современных горячих точках «локальных войн», также с нетерпением ждут своих кормильцев, защитников-интернационалистов, отдавших свои жизни в командировках в Чечне или пропавших без вести.

Они надеялись вернуться живыми, и чтобы потом — после возвращения приобрести квартиру для своей семьи, так как не каждая вновь образовавшаяся молодая семья, имеет ее, а государство до сих пор не достаточно обращает внимания на профессионалов-военных — защитников нашего Отечества.

Разве можно на чужой крови и бедах (в Чечне, например) обогатиться? Сколько цинковых гробов получили мы оттуда и из других горячих точек бывшего Советского Союза? Все это всегда, во все времена жизни на земле, было и будет наказанием с небес! За все содеянные, не благоразумные деяния при жизни, все возвращается бумерангом! И плох тот человек, который ради денег, минутного удовлетворения своих личных прихотей — брюха своего, совершает преступления, впоследствии, приходится страдать или ответ держать нашим детям и внукам...

Я поместил в книгу стихи, написанные от пяти до сорока лет назад, то есть в разное время и в разном возрасте своем, и вот теперь они пригодились для вас, дорогой читатель.

Строки эти приходят однажды, неожиданно, вдруг. Только всегда надо иметь при себе лист бумаги и авторучку...

Ни в одном почти романе мне не приходилось видеть или читать сопровождение прозы стихами. Но я решил написать о своем роде именно так, как сумел. И прошу не судить меня строго, так как мое первое «детище», книга «Любовь и слезы», как мне кажется, останется служить читателю с благородными намерениями.

Именно на это я рассчитываю, для этого пишу молодым...

— А теперь еще раз вернемся в те далекие-близкие — начало пятидесятих годов, времена двадцатого столетия.

— Мой самый старший брат Ваня поступил учиться в ремесленное училище в городе Артемовске, на кузнеца, с перспективой возвращения в свой колхоз имени И. Козаченко, домой...

Приезжал он или приходил, бывало, пешком за 12 километров не часто, как хотелось бы. Но однажды вдруг приехал с Максимом Шпаченко и Кузьмой «своевременно».

А дело было в том, что у меня совсем износилась белая рубашка, на которую я надевал в школу красный галстук Ленин-

ской пионерской организации в Клиновой школе № 47. Я сам ее штопал, дабы облегчить участь моей мамы. Когда они вошли в хату и увидели, чем я занимаюсь, засмеялись. Их-то государство одевало по полной форме «ремесленного училища», форма — нательное белое белье, ботинки, фуражка РУ, ремень с металлической бляхой ТР (трудовые резервы), одним словом, можно было позавидовать.

Кузьма и Ваня определили, что их нательные рубашки решат мои проблемы, сняли с себя, оставили и ушли гулять в клуб (на танцы) или в кино...

Я, конечно, обрадовался их участию, но когда появился в школе в одной из них, и сверху красный галстук, умные ребята промолчали, а сынки пап... осмеяли меня, пока я одному из них не выбил зуб. Тут же смех прекратился...

За это я получил в дневнике двойку по поведению в школе, но когда узнал физрук Иван Иванович... и директор школы Андрей Алексеевич, всегда удовлетворенно мне улыбались при встрече на улице, и даже в коридоре или в классе. Хотя, конечно, вполне возможно, из-за нательной рубашки...

Некоторые дружки-двоечники грозились меня встретить на мосту, но так никто мне и не встретился ни разу.

Это были «трепачи», мягко говоря. Задираться к другим я никогда не любил, но «сдачу давал» сразу же, без задержки.

По окончании седьмого, выпускного класса избрали комсоргом и пионервожатым, но ничего этого мне не пришлось исполнять по понятным причинам...

...За Ваней ушла учиться сестра Таня в ФЗО на штукатурно-маляра. По окончании так же отрабатывала, как все, по распределению на Курдюмовском кирпичном заводе, который вводился в то время в эксплуатацию.

С «летчеством» здесь ей пришлось распрощаться — с детством, а равно и с юностью. Но плясуньей, певуньей и заводилой она оставалась еще долгие годы, «перебирая себе женихов» пока не «приобрела» себе сыночка Володю вне брака...

Устраивались большие скандалы на почве ревности соперницы — жены его отца «Лындька», но все это кануло в небытие, потому что за все грехи пришло время расплачиваться, не оставив после себя наследников на законном основании... Ше-

питько Володя и его мать «ушли в мир иной, в четвертое измерение», уже в начале этого столетия...

Но меня, в юности моей, мучила одна из самых главных проблем, после нашего освобождения от немецко-фашистских захватчиков — отстраивать разрушенные, сожженные дома и школы в селе Клиновое, фабрики и заводы, жилые дома в городах Артемовске и Горловке, куда приходилось ходить 12 километров пешком с мамой на базар, продавать редиску, лук, ягоды, абрикосы, сливы и другие продукты питания, либо сено, выращенное на родительской усадьбе, чтобы как-то прожить, что-то купить — одежду, сменную обувь, сахар и соль...

Позволить себе в колхозе работать и жить до конца дней своих, означало оставаться быть «неучем» — для подвозки силоса и соломы, таскать мешки с комбикормами, работать грузчиком или ездить на волах и кричать: «цоп-цабэ-э-э, но-о-о по-о-ошлии друзья мои», вместо того, чтобы чему-то научиться и жить более-менее как-то лучше, чем прежде.

И вот, по окончании уборочной кампании, после седьмого класса (выпускного), а восьмого и так далее не намечалось в ближайшие годы в селе, мы, комсомольцы из школы, решили, во что бы то ни стало, поступить учиться в городе Артемовске, чтобы восстановить разрушенное войной хозяйство и, конечно же, начать новую жизнь в городе, лишь приезжать на выходные к родителям, в чем-то физически помочь, да и деньжат, подарки привозить всем оставшимся дома, в селе.

Мечты и планы конечно же были очень хорошие, но я знал и товарищей своих убеждал, что нам обязательно надо поступать учиться по строительной специальности — в «трудовые резервы» нашей страны... «так же, как наши старшие братья»...

Там хорошо одевают и кормят, учат как положено, различными специальностям, бесплатно. А за фактически выполненный объем работы на производственной практике, даже деньги платят. «Все же для родителей будет помощь», — старался я убедить своих товарищей-однокашников Клиновчан.

Но чтобы поступить, необходимо было иметь документы:

- 1) справку с места жительства;
- 2) свидетельство об окончании учебного заведения;

3) характеристику из школы;

4) медсправку, фотографии из ателье и т. д.

А ведь тогда, в конце сороковых – начале пятидесятых годов было решение партии КПСС и Правительства СССР: если ты родился в селе, то теперь оттуда ни шагу.

«Нельзя нам терять сельскохозяйственные кадры, родившихся и пустивших свои «глубокие» корни в селах и хуторах, в колхозах и совхозах нашей страны», — утверждали также все председатели сельсоветов, колхозов и совхозов на Донбассе, отправив детей в города якобы на учебу, «временно», жалея их. Так что подходить к председателю, например, Клинового сельсовета в том числе, чтоб отпустил в город, было бесполезно, казалось бы...

Но нам, наверное, все же как-то повезло: председатель сельсовета очень долго нас «мурыжил». Не хотелось ему выдавать нам «справки с места жительства», «хоть тресни», чтобы мы, «под предлогом поступать учиться», как ему казалось, уезжали в города, тем более трудолюбивая молодежь, каких не сыскать, а сами бы фактически ушли бы на производстве работать.

Упрашивали мы Митрофана Александровича Ткаченко, наверное, с неделю, каждый день просиживая по очереди в приемной и во дворе Клинового сельсовета, по целому дню, с единственной своей просьбой — получить «справки»... Прошу заметить, нам было всего по 15 лет.

И, вдруг, приезжает в наше село, именно в сельский совет, какой-то очень представительный уполномоченный.

Увидев нас, молодых ребят, подошел, поздоровавшись, представился лишь по имени-отчеству — Петр Филипповичем.

Мы также назвали каждый свою фамилию и имя.

Посмотрев на меня почему-то очень внимательно, выслушав и направившись в здание сельсовета, пообещал помочь нам решить проблемы со «справками с места жительства». «Только для учебы», — сказал он. Мы, обрадовавшись, стали прислушиваться:

— Какое вы имеете право держать при себе «пристегнутыми» этих молодых ребят, которые хотят учиться? — услышали мы повышенный тон уполномоченного, кто через окно, а кто под дверь кабинета председателя сельсовета, М.А. Ткаченко.

— Алэж... — Так гэж рiшення нашой партii та Уряду з Кыева прыйшло, — отвечал «Мытрофанчiк», как мы его тогда прозвали. — Трэба нам утрымаць¹ цых молодых хлопцiв, щоб вони в колгоспi працувалы², бо людэй дуже мало в сэлi залышылось. Вci хочуть учiтись в горадi, а самi потiм на заводы...

— Вы не имеете права удерживать молодежь в своем селе, — услышали мы. — Не исключено, что они чему-то научатся в городе и сами возвратятся домой, к родителям. Вот тогда и будете привлекать их к общественно-полезному труду, к своему сельскому хозяйству. А сейчас им надо учиться! Хотя какую-нибудь профессию приобрести. А решение партии и правительства Украины не верно... Мы еще поговорим в Сталинском обкоме партии...

Услышав все это, мы обрадовавшись, оттуда убежали. На второй и третий день мы все получили по «справке с места жительства» и разъехались, кто учиться, а кто работать на производстве, назло Митрофанчику, в различные разрушенные войной города области.

Но некоторые, действительно, не смогли прижиться в городе, работать на заводе в три смены, а также учиться.

Не смогли по различным причинам, которые не заслуживают внимания читателей.

Мы же, Павел Безмин, Петр Деревянко, я, братья Скляр Виктор и Иван, поступили учиться в горнопромышленную школу (ГПШ49). Я на каменщика-печника с Павлом, а Петр захотел стать плотником-опалубщиком с Иваном Горянкиным. Такие специалисты везде нужны, не только в городах, но и в селах и хуторах — решили все ребята.

Братья Скляр, не доучившись месяц до окончания и сдачи на разряд, бросили учебу, вернулись домой в село. Впоследствии они стали механизаторами широкого профиля, благодаря заботам их отцов... Стали передовиками производства в колхозе...

¹ Удержать (укр.).

² Работали (укр.).

Мы на практике, работали на Стекольном заводе и «Победа труда» по восстановлению разрушенного производства — печей, печей и заводов, и нам действительно выдавали какие-то копейки, удерживая за питание и обмундирование...

Очень тяжело пришлось там «вкальывать». Все вручную... Никаких кранов и погрузчиков, никаких растворомешалок.

Через десять месяцев мы сдали экзамены на разряд. Распределили нас, выпускников, по разным городам Донбасса, в строительные организации, в основном по Артемовскому району. Все мы за время учебы сдружились, и нам трудно было расставаться друг с другом. Но пришлось попрощаться и разъехаться по распределению министерства трудовых резервов.

Не в каждой строительной организации эффективно использовали трудовые резервы, то есть нас, как молодых специалистов-каменщиков.

Вместо того, чтобы хотя бы бригадира нам назначить опытного, из своих «резервов труда», организовывали отдельные

Группа №2 Артемовской горно-промышленной школы №49 «ГПШ-49» «каменщики-печники». Анатолий Шепитько — в верхнем ряду слева крайний. В центре — мастер Анатолий Пантелеевич. Ткаченко «Джага»... Выпуск (июль) 1956 г., город Артемовск Донецкой области

«независимые» комсомольско-молодежные бригады, без опыта закрывать наряды для зарплаты, тем самым «старикам» приписывали по нашим выполненным объемам кирпичной кладки или строительства фундамента из бутового камня и щебня.

Не выдержав, как нам казалось, многоразового обмана по зарплате, мы побросали «Артемшахтострой» и разъехались по домам.

В каждом селе и в поселке работы было дополна не только по своей, вновь приобретенной профессии, но так же и по сельскохозяйственной.

Из городов приезжали каменщики — «асы», заключали договора с председателями колхоза или совхоза, составляли какие-то сомнительные «сметы» и «калькуляции» по строящемуся объекту, но строили все, что требовалось «хозяину колхоза», а мы, молодежь, работали в том же хозяйстве на разных работах. И что характерно, как рассказывал обо всем подробно один из подсобников для «асов-шабашников», который учился со мной в группе Анатолия Пантелеевича Ткаченко, по прозвищу «Джага», эти документы (сметы и калькуляции) составляли не профессионалы-сметчики строители, а утверждали сами лично председатели колхоза, с образованием зоотехника или агронома, вместе со своими заместителями ветеринарами.

— Из этого следует вывод, что наш «босс» с ними делится, — говорил он уверенно, — так как строительство оплачивалось не за трудодни, как вам здесь платят урожаем, а за живые советские рубли — за полученную ссуду в счет будущего урожая... Был случай в России, в Белгородской области, в колхозе развалился коровник, потому что цемент «сэкономили», — продав, совершили уголовное преступление. Хорошо, что хоть не мы этот коровник построили, а нашего «главного» дружок, который сейчас в розыске, — в заключение, поделился со мной наш товарищ по ГПШ49 по имени Грецкий Анатолий, из городских учащихся...

Лет через двадцать с лишним, наверное, я случайно встретился в Артемовском троллейбусе с этим «Греком».

Разговор был очень коротким, однако он успел сообщить мне о том, что ему пришлось «сделать одну ходку»... но там... все же

А. Шепитько и Цедило Анатолий во время учебы в ГПШ-49, г. Артемовск (встреча после разлуки выходных-праздников, ноябрь 1955 г.)

успел получить диплом «техника-строителя ПГС» (промышленно-гражданского строительства СССР). О том, как сложилась его дальнейшая судьба, я не знаю...

Во время учебы и отработки за учебу в городе Артемовске я познакомился со своими братьями Ивановыми — Юрием, Володей, Геннадием и Григорием, а также с маминной двоюродной сестрой тетей Галей и ее мужем дядей Федей, поистине краснодеревщиком и любых хозяйственных дел мастером. Это были их отец и мать.

Юрий был среди своих братьев самый старший, учился в техникуме. Мне тоже советовал туда же поступить учиться, стать железнодорожником. Однако мне уже тогда понравилась моя нелегкая профессия строителя, о чем я имел возможность им доказать практическими делами, сложив на улице в их дворе печку для приготовления пищи...

В этот же день подъехал к ним в гости еще один парень и, как оказалось, тоже мой троюродный брат, по его отцу, который доводился двоюродным братом моей мамы Марии Федотовны.

Колено Валентин Сергеевич, тогда после техникума учился в институте на последнем курсе, а его отец, — мой дядя Сережа, как оказалось, тоже без вести пропал во время Великой Отечественной войны. Его жена, тетя Нина и сам Валентин Сергеевич также не верили в то, что он мог погибнуть, — ждали еще очень долго, но, увы, так и не дождались.

Я со всеми братьями очень подружился, так, же как и с их родителями, оказывая друг другу какие-то услуги и взаимопомощь.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, работая в колхозе, в том числе на разных, выше описанных работах, пришла повестка из Артемовского райвоенкомата, об явке на призывной пункт с вещами и продуктами питания на три дня.

Но мы знали, что призывали, служить в армию в возрасте от девятнадцати лет, а зачем сейчас, мы не знали. Однако потом выяснилось — для предподготовки и сдачи «Норм на значок ГТО» (Готов к труду и обороне СССР), а также медицинского

Приходилось возить силос и фураж, работать на всяких работах в колхозе, хотя уже была специальность — каменщик-печник. Село Клиновое. 1957—1958 гг.

освидетельствования годности к призыву. Кто бы был чем-то болен, подлечить в санаториях, или послать учиться в автошколе. Такое практиковалось по решению Советского правительства.

После сдачи норм БГТО нас всех рассортировали. Тех, кто учился и уже что-то закончил, получив специальность, в одну команду, а иных в другую, в третью и так далее.

Мы, мальчишки, теперь уже постриженные, как будущие призывники, горделиво ходили по селу без фуражек. Очень были довольны: скорее бы исполнилось девятнадцать лет, чтобы уйти-выехать из села, а после службы продолжить учиться...

Дядя Сережа Колено оставил после себя достойного уважения сына Валентина Сергеевича, ставшего впоследствии ведущим специалистом в институте ВНИИСоЛЬ.

Не так давно, в 2006 году, я побывал со своей женой на моей родине, в селе Клиновое, и в городе Артемовске, побывали в селе Зайцево и так далее, к сожалению, в силу необходимости...

Валентин Сергеевич жив-здоров, отметил семидесятидвухлетие со дня рождения, а так же серебряную свадьбу со своей женой... Проведали племянника, семью Лысенко Анатолия Ивановича, побывали на кладбище в селе Зайцево и Клиновое...

Со стороны Ивановых тетя Галя (двоюродная сестра мамы) оставила после себя четверых сыновей: геолога — Владимира и железнодорожников — строителей новой жизни... Теперь в «незалежной» Украине.

Все они теперь на пенсии, но некоторые еще работают, потому, что есть у них дети и внуки...

...Но когда я увидел в армии ракеты межконтинентального радиуса действия, у меня волос встал дыбом, и в то же время мы почувствовали гордость за свою страну, что у нас есть такое оружие... Мы были спокойны и уверены, что теперь нас никто не одолеет и не оккупирует, как прежде было во время Великой Отечественной войны...

... До сих пор помню, кто оказывал нам помощь в проводах в ряды Советской Армии, в устройстве вечера и как эти гуляния проходили у нас в селе Клиновое осенью в 1959 году.

Колхоз, согласно повестке, в течение суток выдал всем все заработанное, деньги, хлеб и прочее, а мне не составило большого труда подготовить заранее водки и закуски в достаточном количестве. Тетя Нина Колено работала на Артемовском ликеро-водочном заводе, выписала, и я оплатил за спирт и водку, а Ивановым не составляло также труда помочь с мясными продуктами, живя поблизости от Артемовского мясокомбината... Там работали родственники, которые также смогли нам помочь...

...Макогон Андрей Петрович — внук Кузьмы Филипповича Шепитько теперь является хозяином всей усадьбы своего прадеда Филиппа Власовича Шепитько, о котором шла речь во второй главе и далее в последующих. Расширяя усадьбу по соседству, строит новые корпуса для размножения — увеличения поголовья курей, а также, возможно, свиней и прочей домашней живности...

Мне не суждено было построить себе новый дом на родительской усадьбе своих предков, во время развала СССР.. Однако я бесконечно рад, что это удастся моему двоюродному племяннику, в том числе из рода и моих родственников, дяди Шепитько Кузьмы Филипповича, а не только бывшего (покойного) бригадира тракторной бригады колхоза имени И. Козаченко Макогона Андрея, о котором шла речь в предыдущих главах моей книги «Любовь и слезы».

Не пришлось нам с женой побывать в городе Горловке у двоюродной сестры Любовь Николаевны и у Владимира Николаевича Кузнецова, по линии отца, тети Марины — сестры отца моего. Однако я надеюсь на нашу встречу в ближайшее время, узнаю, как они живут и, возможно, опишу в следующей книге, так же о Наде Кузнецовой, которая живет сейчас в Сургуте. У нее есть сын Толя Титенков и дочь в Новосибирске...

А сейчас предлагаю еще несколько (белых) стихов. О том, какими они когда-то получились, судить вам, уважаемый читатель, но каждая строка была пропущена через мое сердце.

Глава тридцать первая

Для современника...

Послесловие

*Я не знаю отца... Винавата война.
Будь он проклят, фашист ненавистный.
Но сейчас почему много детских домов?
Мы не можем растить хладнокровных,
Бессердечных детей — тех отцов, матерей,
Что бессовестно их оставляют.
Повлюбляясь — плюют на своих же детей,
Беззаботно везде покидают.
Не болят их сердца. Не болит их душа,
Их не мучает совесть ночами.
Как живет их сынок? Не болеет ли дочь?
Может, кто-то обидел случайно?
Может, просто чем надо бы сыну помочь?
Может, что посоветовать надо?
А быть может, пройтись погулять у двора
Или просто обрадовать надо:
Вот, мол, папа живой и вот мама со мной,
Они любят меня, не забыли.
Я их тоже люблю. Но никак не пойму —
Почему они так несчастливы?..
Эпилог:
Он не верил родным, ни советам чужим
Не спеши, мол, жениться иль замуж...
Не курил бы табак и не кололся бы так,
Тогда в старости был бы счастливым.*

Только сейчас, в нынешнем своем возрасте, когда мне исполнилось далеко за шестьдесят, вспоминая все изложенное в моей книге, я сделал самопроизвольный вывод для читателей о себе и о своей не удачно сложившейся судьбе, очень похожей с моими предками и родителями своими...

Рекомендую обратить внимание и сделать свой вывод.

«Не гнать сильно быстро лошадей в ЗАГС», не спешить быстро жениться иль замуж, не разобравшись, — с кем хочешь связать свою судьбу на всю жизнь? Нужна проверка и убежден-

ность в своем выборе, супружеской, дальнейшей счастливой спокойной жизни!

Мой дед, Филипп Власович Шепитько, хотя очень грамотным, покладистым был, из дворянского-графского «Древа родового», однако позволил себе поспешно жениться не разобравшись, в результате приобрел «змею подколодную», стерву нелюдимую, стремящуюся всю жизнь к легкой наживе, для себя и тех, кто ей ближе по характеру и родству, у кого больше желчи...

В результате ей не только мое презрение. Но главное, из-за нее пришлось страдать и мучаться всем ее родным детям, внукам и даже правнукам...

Мой отец, Савелий Филиппович Шепитько, женился поспешно, без взаимной любви со стороны моей мамы Марии Федотовны Кириченко, при помощи и активного физического воздействия на свою малолетнюю сестру, ставшей волей или неволей моей-нашей мамой-родительницей, вырастившей нас, четверых детей, без отца, пропавшего на фронте в 1944 году, о чем мы получили Извещение лишь в 1947 году, для возбуждения ходатайства о начислении пенсии для детей... (прилагаю на усмотрение издательства ксерокопию). И лишь с 1948 года мы стали получать какие-то копейки, только на троих, согласно бессердечной бумаге, с подписью и печатью СССР, которую видите по тексту этой книги «Любовь и слезы».

... Возможно, из-за таких судеб наших предков, у нас у всех также не удачно сложилась жизнь. Я женился в свои 26 лет, потому что мой друг это сделал вперед меня. Зовут его Петренко Андрей Иванович. Он, как и я впоследствии, разошелся, прижив, как и я, дочь. Андрей окончил техникум после развода с женой, а я институт с огромными помехами из-за жены — матери моей дочери Ирины... (теперь есть внук...)

По окончании МИСИ (Макеевского инженерностроительного института) поработал монтажником жилых домов в городе Донецке, а потом, с дипломом инженера, мастером (рабочим была зарплата за 200 рублей), а став ИТР — оклад 155 советских рублей — мне не понравилось, и я уехал в город Нижневартовск, не дождавшись вызова в заграничье...

Здесь в марте 1980 года устроился в стройорганизацию п/о «Нижневартовскжилстрой», которой теперь давно уже нет,

мастером, тот же оклад 155 рублей, но плюс северный коэффициент 70%. Меня это более-менее устраивало, хотя приходилось работать за троих ИТР (не было ни прораба, ни начальника участка)... «Склад УРСа «Продтоваров» 1980 г.»...

Я написал об этом своей семье, мол, приходится работать по двадцать часов в сутки... Получаю ответ: «Высылай побольше денег, если работаешь за троих...»

Я написал объяснение, указав оклады по ИТР, но увы...

Матери моей дочери было очень трудно понять сложившуюся ситуацию. Ей были известны только обязанности рабочей в детском садике. А мне пришлось, по решению парторганизации КПСС, горкомов и прочих, работать на должности ИТР, строго на определенных штатными расписаниями окладах, плюс коэффициент. О премиях (за сдачу объектов по соцсоревнованиям), никаких разговоров тогда не было в нашем объединении. А если кто-то получал, то это была только администрация, организация (конторы).

— Вон посмотрите туда, на наш знаменитый «Самотлор». Какое прекрасное зарево стоит над ним от факелов попутного газа! — говорили некоторые высокоизбранные и утвержденные еще высшим руководством КПСС. — Сколько ценностей в нем и в болотах покоится, за время добычи и освоения этих нефтяных просторов. Но все это потом окупится сторицей...

— Но почему же потом? Из-за «всяких» руководителей или закоренелой бюрократии?..

Здесь наблюдался... полный «беспредел»...

* * *

*Мне хотелось воспеть
Нижевартовск родной,
Красоту нефтеносных просторов.
Я бы также не прочь
И всем прочим помочь,
Но в Сибири дел еще много.
Надо нефть нам искать
И ее же качать —
Укреплять экономику нашу.
Ведь не зря же сказал
Ломоносов тогда*

*О природе России... о нашей.
Обустройство подбаз,
Обустройство дорог,
Экономику даст государству
Миллионы рублей.
Пусть немного друзей
Все же вспомнят о нас хоть однажды!*

2 ноября 1984 г.

И вдруг М.С.Г. и ЦК КПСС объявляет «Перестройку», — что это такое?

* * *

*Люблю тебя, мой Нижневартовск.
Приехал я лишь десять лет спустя,
Когда закончил вуз строительный, и смело
Я прилетел в Сибирь, оставшись навсегда.
Здесь не было дорог, домов достойных.
Болота, комары и гнус одолевал.
В ботинках не пройдешь. Болотники одев,
Мы топали вперед, на «новый пьедестал»¹.
Забота о других на подвиг вдохновляла:
Построить здесь дома, как на Большой земле.
Времянки мы снесли, народу посъезжалось...
Им надо дать жилье, не хуже, чем в Москве...
Мы штурмом брали все — и нефть, и газ Сибири,
Мы строили дороги к буровым,
Лежневки и бетон тонули... отсыпали...
И нефть пошла по трубам «нулевым».
И вдруг раздался топт: «За перестройку!»
Рабочий наш народ не мог все различить...
Вывод:
Недаром в ЦРУ стремились «на помойку»
Отправить СССР и всех нас «расчлнить»...
Теперь все ясно всем, кто делал «перестройку»,
Зачем и для чего явился «Бурелом»,
Стремился он всю жизнь... всем дать толку.
Не зря же Вашингтон поддерживал кругом.
Для них свершилось все, к чему они стремились:
Распался СССР. Ураааа там все кричат...*

¹ На новый свой объект.

*Республики страны отдельно «согласились».
Жить без Москвы... а там все лишь рычат.
«Нам надо доконать народ страны «свободы»,
Лазейку вновь найти, какой была в Чечне,
Свои войска ввести в «республики свободы»
И получить все то, что в недрах... в их стране.
У них ведь фондов нет, все золото России
Находится у нас, смогли мы убедить...
Террором всех мочить, оставить пол-России,
И только лишь тогда мы сможем победить.
Но все же удалось урвать здесь миллионы,
Евреям молодым... Борису всех держать
Без света, без тепла, все прочие погоны...
Хозяин я один, пускай там как хотят...*

Будучи коммунистом-«трудоголиком», написав вышеизложенные стихи, а также, оценив всю обстановку в нашей стране после распада СССР, я еще долго оставался в рядах КПСС, восстановленным после исключения дважды, с заменой на строгию взыскания...

За сорок три года пребывания в партии много раз был партгрупоргом и секретарем парторганизации в Донецке, Кинешме и Сургуте, на крупных предприятиях на общественных началах...

Пришлось быть секретарем небольшой парторганизации также в городе Нижневартовске, «постоянным дежурным» в горкоме КПРФ. И вот однажды, оценив окончательно всю сложившуюся ситуацию, я вышел из рядов КПРФ без всякого сожаления.

Однако остаюсь очень довольным тем, что вступаю в ряды КПРФ в основном молодежь. Им предстоит строить свое будущее, каким-то способом отбирать у олигархов все то, что они сумели «захватить-прихватизировать», даже нефть и газ — достояние всего нашего народа для детей наших, внуков и правнуков!!!

* * *

*Шесть десятков пролетело
С Дня Победы — мировой...
Горбачев и Ельцин смело
Предал партию-народ.
Почему так получилось?
Почему мы все молчим?*

*Нами правят толстосумы,
Ну а мы еще все стим.
Просьтайтеь, люд России,
Жизнь одна нам лишь дана.
Если хочешь стать счастливым,
Поснимай их с алтаря.
Надо жизнь прожить достойно,
Нам пора бы всем понять:
Все равны мы, нет раздолья
Олигархам... их унять,
Возродить пора колхозы,
Все заводы, фабрики,
Нефть и газ наш — детям нашим,
Непреренно правнускам.
Это дар лишь для народа,
Для тебя — для каждого.
Не бойсь того урода
— Дерьмократа жадного.
Свои брюха насытили
Аферисты разные,
За бугор все утащили,
Стали все заразные.
Придет время, их достанут,
Суд над ними совершат.
Лишь тогда всем легче станет,
Когда власть употребят.*

27 декабря 2004 г., г. Нижневартовск

За Чу Ха

*Жил на свете мальчуган,
Неплохой снаружи —
Не уродлив, не нахал,
Но всем на свете нужен.
Доверялся всем друзьям,
Кому что хотелось;
«Ради них я жизнь отдам,
Какая осталась».
Вырос мальчик без отца,
Учиться старался.
В том селе, где вырос он,
Счастья не досталось.
Должный срок он отслужил,
Дембельнулся в город,*

*Там учился, там он жил,
Там он вуз окончил.
Пунктуальность он любил,
Был на тех похожим,
Кто коммуны породил,
Кто не долго прожил¹.
Были все удивлены
Благородству парня.
Но не все были равны
Даже в той лекарне.
Проработав тридцать лет,
Себя не жалея,
Написал он сей куплет,
Крыши не имея.
Так работал он всю жизнь,
Все старался людям,
Мне сказал он: «Не тужи.
Пусть нас Бог рассудит...»*

15 марта 1994 г.

Когда узнал значение этого слова (сокращенного из трех составляющих слов), родились эти стихи, дабы никто больше не «превратился» в «ЗаЧуХу»... И еще, когда я услышал от одной женщины, совершенно не знакомой, что она «слепила», воспитала своего ребенка так, как хотела, потому что его отец сильно запил из-за какой-то безысходности в жизни, и этот ребенок, будучи уже семейным, приносил подарки только ей, матери, я подумал тогда: «Какая же ты жестокая и бессердечная! Отвернуть своего ребенка от родного отца, это настолько низко и подло, из-за чего потом будут твои же внуки страдать и на тебе же потом все эти грехи окажутся, при старости, от безысходности...

Будут скандалы и недовольства тобой же, из-за того, что все равно кому-то покажется – мало ему бабушка припасла в наследство, а тому больше или дороже. Одним словом, тысячу раз сделай человеку что-то хорошее, а один раз не сделаешь, все

¹ Были покушения всевозможные и репрессии, из-за которых не мало пострадало нашего народа в прошлом столетии. Сейчас, к сожалению, развивается терроризм, фашизм, наркомания, проституция и национализм. «Опомнись, люд благословенный, давай дружнее станем жить...»

хорошее тут же забудется и ты навсегда останешься плохим человеком...»

Следующий случай. Я очень полюбил одну девочку еще в молодости. Но когда понял, что она не любит своего родителя из-за того, что не живет с ее матерью, не разобравшись в причине развода, и что всячески вредит ему, что не хочет снова сойтись, я был всем этим поражен по-настоящему.

Убедившись в том, что они обе, с матерью, обращаются к бабке-колдунье, чтоб крепче и еще крепче ему насолить в жизни, у меня окончательно к ней все остыло, несмотря ни на какие чувства...

Когда рассказал, про отношения с девушкой, (про ее семейные дела и отношение к своему отцу), моя сестра Шура осведомленно ответила мне:

– Это работа ее матери. Только она (мать) во всем виновата. Между вами никогда не будет согласия и взаимного уважения...

Много воды утекло с тех пор.

Та девочка вышла замуж. У них родился сынок, но вопрос – счастливы ли они? Наверное да! По-своему...

Не один раз высылал денег «взаймы», поскольку обещали отдать долги чуть позже, но ни копейки не вернули...

Ладно бы только мне, а то и даже моей сестре Шуре – ни копейки, несмотря на то, что она на пенсии, и из-за прописанных на три месяца ее семьи нас лишили субсидии за квартплату. Опять же, были обвинения в наш адрес, что в тысячу первый раз не помогли, не оплатили им «на халяву»...

Их сынок характером пошел в родителей своих, «гонористых»...

Но мне хотелось бы, чтобы он занялся «самовоспитанием»! Только тогда он поймет и оценит все старания пенсионеров, когда сам станет отцом, дедом, когда жизнь поймет, когда она его прокрутит в своих жерновах. И все-таки я счастлив тем, что «Древо родовое» по линии Шепитько и Кириченко живет и крепчает. По достоинству деда – Сергея Бородина и Алексея Тимошенка, прапрадеда Маршала СССР.. Не остаться бы в жизни каким-то «недоучем»... – Бесцельно жизнь прожить...

Я не могу радоваться тому, что досталось мне в наследство, в материальном плане, но я буду еще больше рад и счастлив, если все мои читатели будут довольны прочитанным, и тем более, если что-то подчерпнут полезного для себя. Ведь наша

жизнь, настолько коротка и непредсказуема, что необходимо обдумывать себе — каждому, каждый шаг, имея определенную цель... — обязательно быть самокритичным...

Своим, пускай даже не точно определенным (сроком), возрастом жизни, необходимо дорожить и ценить свою жизнь по достоинству своему... — брать пример с достойных, а не с «хапуги... только для своего брюха»...

* * *

*Тучи белые собрались
Далеко у горизонта,
Все скворцы повозвращались,
Знать, весну нам ждать недолго.
Верю в счастье, верю в радость,
Также в добрые причалы.
Знаю я, что жизнь и сладость
Без конца и без печали.
Зацветут сады весной,
Соловьи к нам прилетят,
Розы алые, пионы
Ароматом нас манят.
Я люблю села природу,
Летом вольно отдыхать,
Фрукты, овощи с охоты,
Сколько хочешь, можно брать.
Есть в селе ставок, рыбалка,
Свежий воздух, есть лесок.
Мы поедем с тобой, Милка,
Отдыхать и пить там сок.
Сок березы, сок фруктовый,
Майский мед и есть баштан¹.
Все полезно, мед лечебный...
Нам нельзя без них никак.
Я возьму тебя за плечи,
Нежно, ласково прижму,
Ты мне ласковые речи
Шептать будешь: «Я люблю...»
Мы продолжим целоваться,
Страстно будем мы любить
И друг другом любоваться
Всю оставшуюся жизнь.*

¹ Поле, где выращивали в колхозе дыни, арбузы.

*Песни птиц весной прекрасны,
Как прекрасна сама жизнь.
Если можешь — люби страстно!
Есть сомненья — разберись...*

Март 1989 г.,

Село Клиновое Артемовского района
Донецкой области

Баллада для современника

*Разгромить мы фашистов смогли,
Но бельмом оставались в глазу.
«Развалить СССР изнутри», —
Аллен Даллес решил в ЦРУ...
 «Перспективный» с низов Горбачев
 Перестройку как будто вменил...
 ...Ну, а Ельцин, как будто ни в чем
 Не виновен, — хвалу «заслужил».*

*Коммунистов унизив вконец,
Хотя выросли в этой семье...
С Горбачевым сорвали венец
При поддержке и славе извне...
 «Новых русских» Борис «возрастил».
 Беспредельно любил выпивать.
 «Березовских» к себе «подпустил»...
 Все в России решил продавать...*

*«Выкупайте, друзья, на местах
Все квартиры, колхозов поля...
Нефтепромыслов, газ и угля
Хватит всем, лишь запомни меня.
 Выкупай самолет, вертолет,
 Продавай все, что надо, «друзьям»,
 Можешь танки, любой наш завод...
 Слитки золота — внукам отдай¹.*

*Он преемника всем объявил,
Насытившись, в отставку ушел.
Предварительно все получил.
Безопасность семье предпочел...
 Этот, став президентом страны,
 Исполнять обещанья решил:*

¹ Наверняка его дочь Татьяна и ее дети числятся в списках миллиардеров, как и М.С. Горбачев с его «фондом»...

«Кто купил за бесценок завод...»
...Олигархов он тем поощрил.
Молодежь лишь за деньги учить,
За зачет, курсовой заплати.
Можешь даже диплом ты купить.
Денег нет? — Автомат получи...
 Всем зарплату контрактникам дал,
 Посылая на бойню в Чечню.
 Только бей «полевых» наповал,
 Здесь в России «в сортирах мочи»...
И ребята все едут туда
Заработать на крови чужой.
Сколько цинковых, прочих гробов
Получила Россия с тоской.
 Сколько будем терять мы ребят?
 Сколько лет будет длиться война?
 Мы ведь можем страну потерять,
 Генофонд сокращает она...
Проститутки не станут рожать.
Наркомания бродит в стране.
Бандитизм, терроризм и разврат
Поощряют иуды извне...
 Продать нефть на Сибирской земле,
 Англичанам, канадцам — пакет.
 Весь «контроль у хозяев извне»...
 Получился «прекрасный букет»...
Знать, беспечные в Думе сидят,
Сочиняют закон для себя.
— Лишь бы нам здесь жилось хорошо... —
Про себя депутаты твердят.
 В нищете продолжаем мы жить,
 Улыбаемся, терпим сквозняк,
 Разучились мы тем дорожить,
 Чем Корчагин и чем Железняк...
Есть толковые в нашей стране!
Нет надежды на помощь извне!
В богатейшей стране мы живем!
Только думай, планируй вперед!
 Сколько хлеба давала страна?
 Сколько пашни заросшей теперь?
 Продолжает гулять «Сатана»
 По «республикам СССР».
Впредь расчетными стать нам пора!
Поснимать всех ХАПУГ с АЛТАРЯ!

Посадить их на тот же доход,
На котором живет наш народ!
Лишь тогда эти «брюха» поймут,
Когда станут голодными чуть...
А сейчас лишь министры живут,
Олигархи на всех нас плюют...
Сыт голодных никак не поймет.
Почему наш страдает народ?
Есть ли прирост сынов-дочерей?
Как повысить число матерей?
Цены детской одежды растут!
Что для взрослых... на них все плюют...
Беззащитными стали мы тут.
Не финтись! — вам за все воздадут!
Вот такая система сейчас:
Получают все только аванс,
Обещаньями кормят людей...
«Обанкротился» наш иудей.
Миллиарды скопил наконец,
На Канарах купил он дворец,
Поделился, с кем надо, в Москве,
Держит всех он теперь в кулаке.
— Помолчи! — он теперь говорит. —
Коль не хочешь сообщником стать,
Есть на всех компромат, он твердит,
Будешь долго в тюрьме ты читать.
Но, возможно, не сможешь понять,
Не успеешь ты все дочитать —
Девять граммов помогут убрать,
Без следа всех смогу закопать...
Видно, Сталин жалел наш народ,
Не успел Он врагов всех убрать.
Подкопался один тут урод,
И культ личность Ему приписал...
Не учел всех уроков Хрущев,
Подхалимов к себе подпустил.
Ну, а те одобряли кругом.
Пять «Героев» себе нацепил...
Если б Ленина Ельцин сменил,
Что случилось бы с нашей страной?
Только Ленин людьми дорожил,
Все его вспоминают с тоской.
Позже Сталин народу служил...
Никаких он дворцов не имел,

*Жил по Ленину, лишь дорожил
Земляками... Но цены снижал.
После той проклятущей войны
Экономику стал возрождать,
Все заводы, колхозы страны
Коммунисты сумели поднять!
Все республики принял с сохой,
Своей волей фашизм победил...
Укрепил наш Союз трудовой,
А теперь ты хоть волком завой...*

Май 2005 г.,
г. Нижневартовск

На мой взгляд, «Баллада для современника» в некоторой степени также отражает название моей книги «Любовь и слезы».

Развал «Великого могучего Советского государства», в числе всей экономики раздробленных «независимых государств», является доказательством всего того, что является «Любовью» к своему Отечеству и «слезами» того же обделенного человека всякими благами, которые существовали при Советской власти, хотя и были тогда свои плюсы и минусы...

Если даже повторю что-то вышеизложенное, все же хочется верить, что моя книга «Любовь и слезы» будет долго служить читателям положительными эмоциями о прочитанном...

Станет путеводной звездой каждому о своем «Древе родом». И если кто из читателей учтет или «возьмет на вооружение» какие-нибудь, даже свои личные промахи или ошибки в быстротекущей жизни своей, то буду считать, что труд над моим романом будет оценен по достоинству.

Желаю всем счастья, здоровья!
Автор

ОТ АВТОРА

Выражаю глубокую благодарность за материальную помощь и поддержку моего творчества спонсорам:

1. Самым близким для меня людям в городе Нижневартовске — Косинцевым — Нине Архиповне и Станиславу Владимировичу.

2. Директору МУ ПАТП2 Владимиру Яковлевичу Кляпову.

3. Председателю первичной проф.организации НГДУ «Башсибнефть» Анатолию Васильевичу Чеплыгину.

4. Председателю правления ЗАОНГАБ «Ермак» Людмиле Григорьевне Семеновой.

5. Генеральному директору ОАО «Нижневартовскавиа» Владимиру Григорьевичу Пысенку.

6. Генеральному директору ООО «Речной порт Нижневартовска» Олегу Васильевичу Нестеренко.

7. Генеральному директору ООО «Палена» Магомеду Хасановичу Хабибову и его дочери секретарю Мариане.

8. Директору ООО «Инсайдер» Мансуру Валерьяновичу Кадирову.

9. Директору ФОАО «Ханты-Мансийский банк» Татьяне Николаевне Садовой.

Благодарность без границ... за моральную поддержку:

1. Александру Павловичу Курантову, — заслуженному учителю РФ, полковнику Советских Вооруженных Сил — участнику ВОВ, профессору.

2. Генеральному директору ЗАО «Гостиничный комплекс» Александру Берковичу Хусид.

3. Валерию Леонидовичу Михайловскому — члену бюро Союза российских писателей, вынудившего однажды разозлиться на себя и продолжать работу над своей рукописью.

4. Маргарите Кузьминичне Анисимковой — почетному гражданину города Нижневартовска, члену Союза Российских писателей Югры, матери-наставнице писателей и поэтов города Нижневартовска.

5. Валерию Николаевичу Пластинину — поэту «Содружества писателей», «Нижневартовска» и «Замысла».

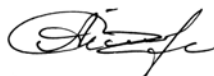
6. Александру Васильевичу Смирнову и его семье.

7. Марату Мансуровичу Фаткулину, Ивану Лукичу Шевченко, Ю.В. Кондратюку — литератору из города Кинешма Ивановской области, Анатолию Степановичу Веричу и его семье из села Клиновое, Марии Дмитриевне Сидоренко и ее семье, также из села

Клиновое, Руденко Ирине Николаевне, головы Клиновского с/совета, Амирсеиту Бекмурзаевичу Даутбекову — учителю-прозаику, почетному работнику Министерства образования РФ, члену Союза писателей России, из г. Нижневартовска.

Благодаря эрудиции профессионалов писателей и поэтов, по крупицам их замечаний, мудрым советам и делам каждого, патриотической преданности своей Родине и доброжелательному отношению к автору лично, с добрыми пожеланиями, родилась эта книга.

Автор А.С. Шепитько

4.08.2007 г.
г. Нижневартовск

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКРЫВАЯ ДВЕРЬ В ПРОШЛОЕ	3
ОБ АВТОРЕ И ЕГО КНИГЕ	7
Глава первая. Характерное «Legacy»	12
Глава вторая. Поспешное решение	19
Глава третья. Случайное знакомство	24
Глава четвертая. Знакомство с наследием	33
Глава пятая. Кто все же «охмурил» графа?	43
Глава шестая. Последнее признание	51
Глава седьмая. Кто она, Мария?	61
Глава восьмая. Два сапога пара... ..	73
Глава девятая. Поиск очаровательной... ..	81
Глава десятая. Жестокое сватовство	97
Глава одиннадцатая. Свадьба и слезы	113
Глава двенадцатая. Нервы на пределе	116
Глава тринадцатая. Возвращение	123
Глава четырнадцатая. Раздел усадьбы... ..	129
Глава пятнадцатая. Дуняхино замужество	135
Глава шестнадцатая. Женитьба младшего	144
Глава семнадцатая. Первое несчастье	149
Глава восемнадцатая. Ох уж эта Полька!	161
Глава девятнадцатая. Человек в штатском... ..	167
Глава двадцатая. Сорванец в летном шлеме	178
Глава двадцать первая. Неожиданные гости на Троицу	184
Глава двадцать вторая. Испытания на прочность	198

Глава двадцать третья. Возвращение	209
Глава двадцать четвертая. Встреча с семьей	222
Глава двадцать пятая. Встреча со старостой села	228
Глава двадцать шестая. Мобилизация	236
Глава двадцать седьмая. Любовь и слезы. Визит солдата	253
Глава двадцать восьмая. Встреча с семьей товарища	264
Глава двадцать девятая. Безотцовщина	275
Глава тридцатая. Жертвы войны	286
Глава тридцать первая. Для современника...	
Послесловие	302
ОТ АВТОРА	315

Ш 48 **Шепитько А. С.**

Любовь и слезы: художественно-драматический роман. — Екатеринбург: Сред-Урал. кн. изд-во, 2007. — 320 с.

ISBN 5-7529-0804-3

Роман «Любовь и слезы» рассказывает о жизни предков автора в 20—40-е гг. XX века.

ББК 84Р7

Анатолий Савельевич Шепитько

Художественно-драматический роман

ЛЮБОВЬ И СЛЕЗЫ

Книга издается в редакции автора

Оформление А.Ф. Агзамов

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 06534,
выдана 16.01.2002 г.

Подписано в печать 02.10.2007 г. Формат 84x108 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgС

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 14,5.

Тираж 1 000 экз. Зак.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»,
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24